

Петр Барановский

«...Нельзя не вспомнить с благодарностью имя выдающегося отечественного реставратора Петра Дмитриевича Барановского...»

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II

г. Ярославль.
Впервые применил массовую консервацию пострадавших от обстрела и пожаров уникальных памятников архитектуры и фресковой живописи

1918

с. Болдино.
Впервые применил укрепление кирпичной кладки стен железобетонными связями вместо деревянных

1922

г. Москва.
Впервые поднял вопрос о широких государственных мероприятиях по спасению памятников деревянного зодчества.
Первым начал осуществлять организацию музея под открытым небом памятников деревянного зодчества в Коломенском.
Там же организовал сбор и хранение архитектурно-художественных элементов уничтожавшихся памятников архитектуры

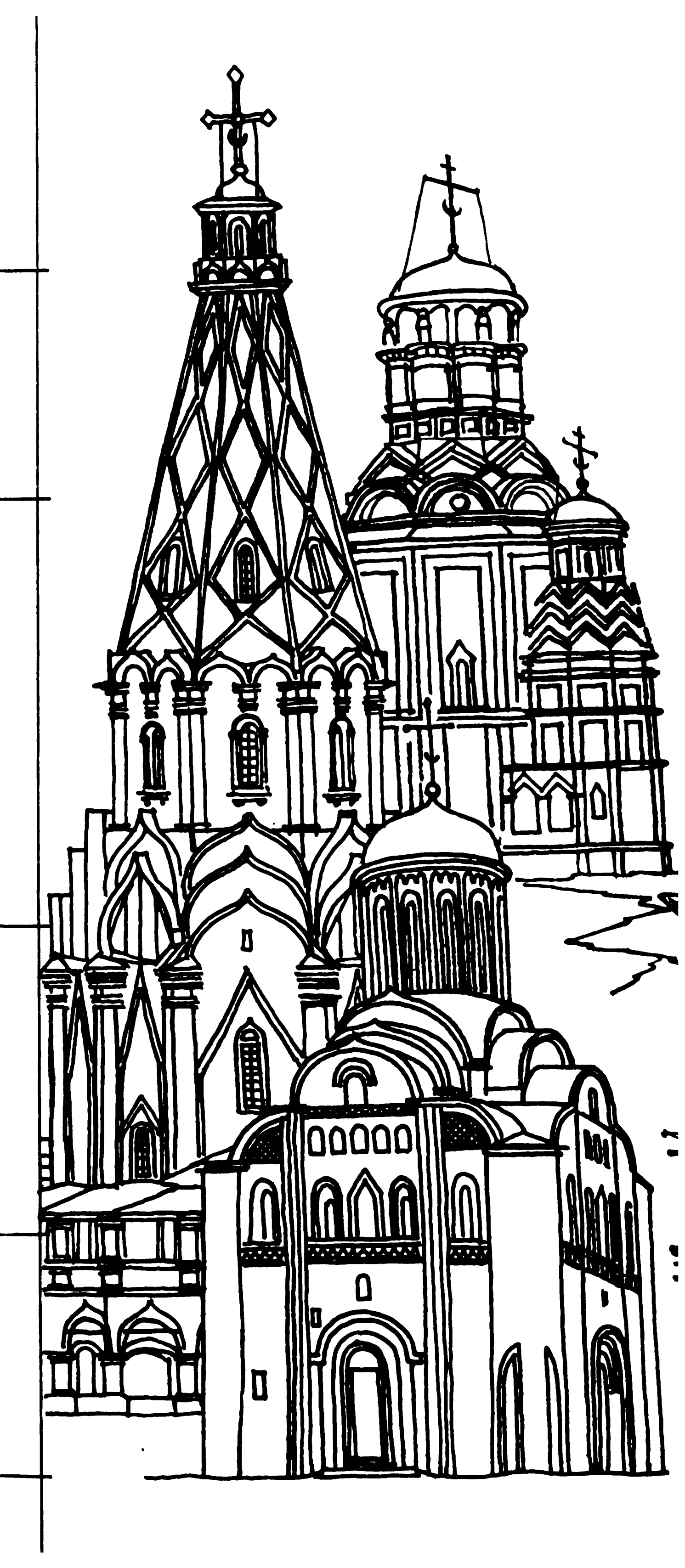
1922-
-1933

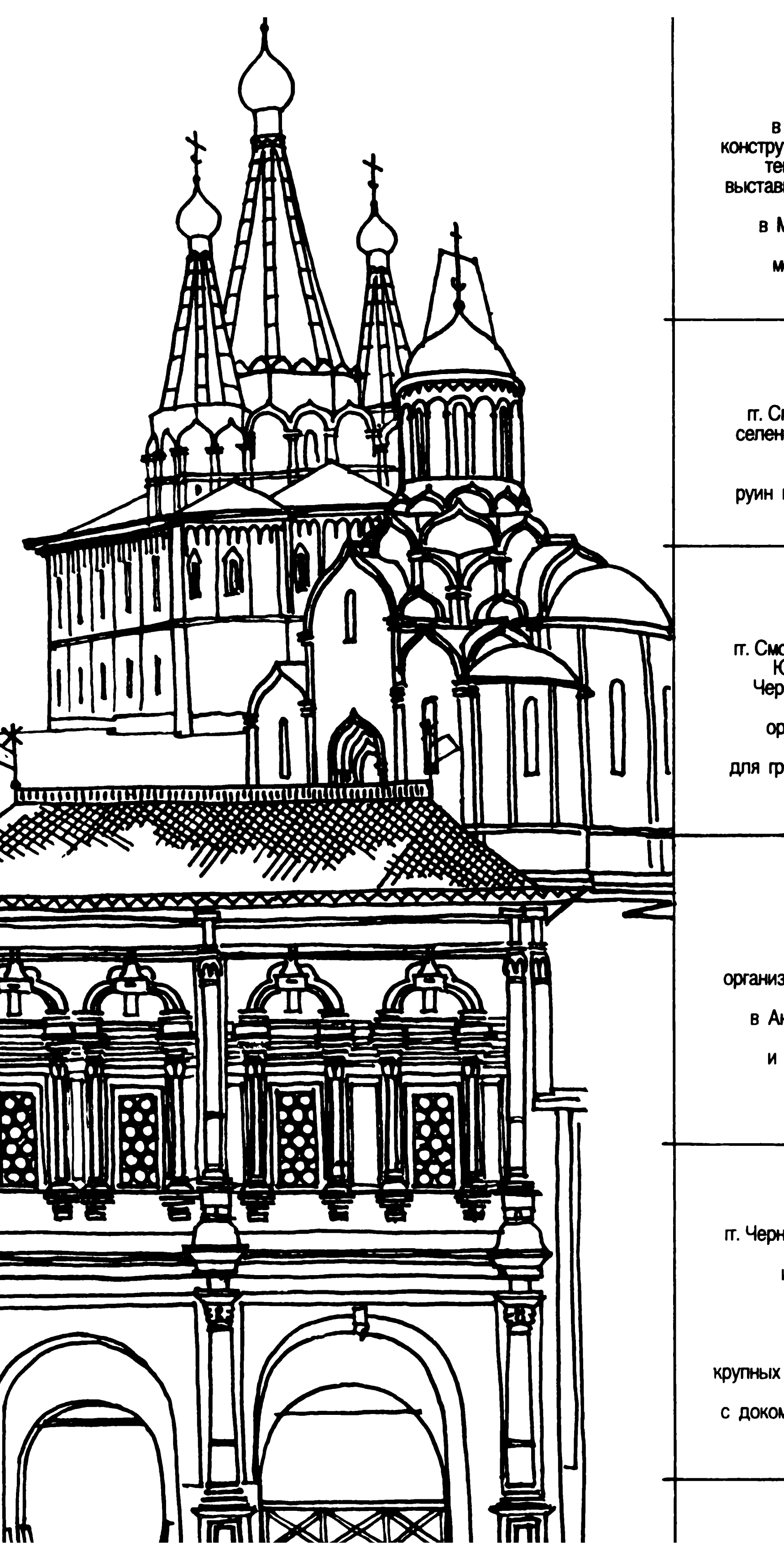
с. Болдино, г. Москва.
Первым открыл новый метод документального восстановления утраченных элементов декора на памятниках архитектуры путем наращивания сохранившихся в толще стен хвостовых частей кирпича

1923-
-1926

г. Москва.
Первым применил метод фрагментарной реставрации памятников архитектуры с целью наглядного показа ценности здания

1925-
-1928

с. Коломенское.
Первым организовал
в период доминирования
конструктивизма в архитектуре
тематическую постоянную
выставку "Техника и искусство
строительного дела
в Московском государстве"
с целью пропаганды
методов древних зодчих

1931

гг. Смоленск, Киев, Чернигов,
селение Лекит (Азербайджан).
Первым предложил
методы по консервации
руин памятников архитектуры.

1943-1947

гг. Смоленск, Псков, Новгород,
Юрьев-Польский, Вязьма,
Чернигов, Керчь, Феодосия.
Первым предложил
организацию комплексных
охранных зон
для групп памятников истории
и культуры

1945-1948

г. Москва.
Первым предложил
и обосновал проект
организации музея-заповедника
Андрея Рублева
в Андрониковом монастыре.
Провел исследования
и определил дату смерти
Андрея Рублева
и место его погребения

1947

гг. Чернигов, Псков, с. Болдино.
Первым предложил
и применил на практике
способ восстановления
взорванных памятников
методом сборки
из сохранившихся
крупных подлинных фрагментов
кирпичной кладки
с докомпоновкой недостающих
частей

1944-1956, 1962

Петр Барановский

В сборник включены
высказывания,
очерки,
статьи:

АЛЕКСИЯ II, Патриарха
Московского и Всея Руси

О. П. БАРАНОВСКОЙ

И. А. БЕЛОКОНЯ

Ю. А. БЫЧКОВА

Н. Д. ГЛУЩЕНКО

И. Э. ГРАБАРЯ

Г. И. ГУНЬКИНА

В. А. ДЕСЯТНИКОВА

С. Е. ДМИТРИЕВА

О. И. ЖУРИНА

М. Н. ИЛЬИНОЙ

И. И. КАЗАКЕВИЧ

А. А. КАРНАБЕДА

И. В. ПЕТРЯНОВА

А. М. ПОНОМАРЕВА

И. Б. ПУРИШЕВА

И. К. РУСАКОМСКОГО

И. В. РЫЛЬСКОГО

А. С. ТРОФИМОВА

В. И. ФЕДОРОВА

Е. П. ЩУКИНОЙ

Художник
Л. П. ХАХАНОВА

ПЕТР БАРАНОВСКИЙ

ТРУДЫ,

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Составители:

Ю. А. БЫЧКОВ
О. П. БАРАНОВСКАЯ
В. А. ДЕСЯТНИКОВ
А. М. ПОНОМАРЕВ

Фонд
П. Д. Барановского

Управление капитального ремонта и строительства Департамента инженерного обеспечения Правительства г. Москвы

Издательство
« Отчий дом »

Москва
1996

П $\frac{0403000000-010}{24P(03)-95}$

ISBN 5-7676-0010-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Значение подвижнической деятельности Петра Дмитриевича Барановского (1892—1984) в должной мере еще только-только начинает осознаваться широкими кругами общественности, и важно легендарность представлений о нем подкрепить твердыми, достоверными знаниями.

Сборник, который предваряют эти строки, — первая попытка собрать воедино научно-творческое наследие выдающегося архитектора-реставратора и запечатлеть в свидетельствах людей, близко знавших Барановского, образ страстного поборника национальной культуры.

Статьи, доклады, методические разработки, планы обширных исследований, документы, выявленные в архивах, книгохранилищах и подготовленные к печати, представляют из себя огромной ценности достояние, поскольку публикуемые труды П.Д.Барановского — это первооснова, научный базис успешной реставрации. Выработанные Барановским принципы и методики воссоздания утраченных архитектурных памятников или их ценнейших элементов были до недавнего времени, по существу, лишены авторства. Думается, выход в свет сборника покончит с этой несправедливостью раз и навсегда.

Мемориальная доска на возвращенном из небытия Казанском соборе напоминает миллионам людей — Петру Дмитриевичу Барановскому, сделавшему обмерные чертежи древнего сооружения, мы обязаны чудом воскрешения из мертвых этой национальной святыни.

Сборник проливает свет и на другие многочисленные деяния Петра Дмитриевича, которые, полагаем, помогут достоверному воссозданию утраченного национального достояния.

Петр Дмитриевич Барановский

дателем комиссии и научным руководителем мастерской. Тогда было осуществлено несколько моих проектов реставрации в Ярославле, Угличе и Ростове и проведены большие охранительные мероприятия по всем памятникам архитектуры Ярославля.

В те же годы я был привлечен к педагогической деятельности в вузах. По окончании с золотой медалью Московского археологического института и защите диссертации, я был оставлен при кафедре истории русской архитектуры и с 1919 по 1922 г. читал эту дисциплину, состоя профессором Ярославского отделения. С 1922 г. был привлечен профессором В.А.Городцовым для чтения археологической топографии и обмера памятников в Московский университет, но читал там только один год, оставив после этого педагогическую деятельность из-за настоятельной необходимости в охране памятников, выдвигавшейся перестройкой жизни. Открывшиеся широкие возможности в деле реставрации памятников заставили отдать все силы на служение этому делу, и потому не хватало времени даже думать о чем-либо ином. С 1923 года я оставил по личному желанию свои педагогические занятия в вузах.

В те же годы (с 1919 г.) я был назначен старшим научным сотрудником Академии истории материальной культуры и проводил там научно-теоретическую работу в Московской секции.

В 1922 г. мною был поставлен в Наркомпросе вопрос о необходимости создать музей русской архитектуры: я предложил программу организации его в подмосковной усадьбе «Коломенское». К этому особенно побуждало тяжелое положение памятников деревянного зодчества на Севере и необходимость сохранить хотя бы лучшие произведения путем перевозки, поставив их в музейные условия хранения. Эта идея была поддержана Наркомпросом, мне была поручена организация музея в Коломенском, и с тех пор до 1933 г., состоя директором, я отдавал большую часть своих сил на создание этого музея. В течение одиннадцати лет Коломенское было организовано как музей, освобождено от трех использовавших его чужих организаций, и десять его памятников подверглись глубокому научному исследованию и реставрации. В результате этих реставрационных работ некоторые из памятников, совсем обезличенные и утратившие интерес, получили подлинный древний вид и значение для истории архитектуры.

За те же годы в Коломенском было собрано мною со всех концов России большое количество экспонатов по русской архитектуре (деревянному плотничному делу, резьбе деревянной и каменной, металлу и живописи в архитектуре и пр.). Открыта экспозиция в десяти залах, организована выставка «Техника и искусство строительного дела в Московском государстве».

В хранилищах музея сосредоточено большое количество фрагментов и остатков московских архитектурных памятников, разбиравшихся при реконструкции. При наличии ничтожного штата и средств все же были привезены с Беломорского побережья две крепостные деревянные башни и еще четыре крупных произведения деревянной архитектуры из других мест и

частью установлены в парке как начало будущего нашего Скансена* — музея русской деревянной архитектуры на открытом воздухе.

Параллельно с этой деятельностью в музее «Коломенское» я вел как научно-исследовательскую, так и реставрационную работу по другим архитектурным памятникам России, состоя по совместительству старшим научным сотрудником-архитектором Центральных государственных реставрационных мастерских Наркомпроса. Эта работа протекала в широком масштабе, так как не только научный интерес, но потребности новой, бурно развившейся послереволюционной жизни, а также отсутствие специалистов в этой области диктовали необходимость браться за многие дела в разных концах страны и проводить их ускоренными темпами.

За эти 15 лет работы было проведено в целях научного исследования и охраны памятников до десяти крупных научных экспедиций, в которых я участвовал или в качестве члена экспедиций, руководимых И.Э.Грабарем, или же в качестве руководителя. Эти экспедиции, преимущественно по памятникам русского деревянного зодчества (реки Северная Двина, Пинега, Онега, Белое море, Онежское озеро и др. места), дали ценный научный материал, оставшийся, к сожалению, не обработанным окончательно в связи с ликвидацией Центральных реставрационных мастерских НКП. Те же самые задачи охраны и реставрации памятников решались на еженедельных заседаниях ученого совета ЦРМ. Постоянно мне приходилось принимать участие в фиксации памятников, разбиравшихся в городах по реконструкции, и, наконец, в бесчисленных выездах по срочным заданиям охраны памятников. Эти экспедиции и поездки, — в которых пришлось исколесить из конца в конец всю нашу страну от Соловецких островов до Закавказья, проплыть на лодке северные реки, объездить верхом и обойти пешком многие места, осмотреть и изучить зачастую неизвестные памятники, — с одной стороны, удовлетворили прирожденную страсть путешественника видеть новое, с другой стороны, сильно расширили кругозор, насытили конкретным познанием памятников и еще больше укрепили стремление их сохранить.

За эти же 15 лет, кроме указанных реставрационных работ в Коломенском и в Ярославле, был проведен еще ряд специальных исследований и реставраций выдающихся памятников русского зодчества, из коих (не перечисляя всех, приводимых в прилагаемом перечне проектов реставрации) наиболее важными как по значению самих памятников, так и по научным результатам проведенных работ можно считать реставрацию Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (XIII в.), Петропавловского храма в Смоленске (XII в.), памятников Болдинского монастыря (XVI в.), памятников Александровской слободы (XVIв.), Казанского собора на Красной площади в Москве (XVII в.) и дворцов князя Голицына и боярина Троекурова в Охотном ряду в Москве.

В результате теоретической и практической работы над архитектурными памятниками мною впервые установлен и практически проведен на ряде примеров новый научный метод точной документальной реставрации утра-

* Скансен — музей под открытым небом в Швеции.

ченных частей форм и деталей памятников путем дополнения сохранившихся остатков срубленного кирпича до стандартного его размера, свойственного памятнику. Это достижение можно считать особенно важным вкладом в науку реставрации, так как до того времени реставрация утраченных частей производилась только по аналогии или в стиле эпохи.

Научная и организационная работа этих лет не могла протекать в спокойной обстановке, так как в ходе развивавшегося бурными темпами нового строительства и задач реконструкции городов часто возникали споры и конфликты, касающиеся охраны памятников. Зачастую сами работы по реставрации выдвигались в качестве доказательства ценности памятника, искаженного перестройками и достройками. Поэтому не только в научных исканиях, но и в острых конфликтах и в борьбе за жизнь памятников, в стремлении доказать их ценность и нужность прошли эти 15 лет напряженного труда.

Моя научная и организационная деятельность по исследованию, охране и реставрации памятников и по созданию первого музея русской архитектуры была оценена руководством, участниками и свидетелями работы. За эти годы я состоял действительным членом Государственного Исторического музея, членом Государственного ученого совета Наркомпроса,и в 1933 г., в год 15-летнего юбилея советской науки реставрации памятников, ученым советом Центральных государственных реставрационных мастерских было постановлено ходатайствовать через Наркомпрос о присуждении мне, как старейшему в этой области сотруднику НКП и за научные достижения, звания заслуженного деятеля науки.

Но это постановление не имело реальных последствий по той причине, что вскоре произошло событие в моей жизни, изменившее весь ее характер и направление работ. Осенью 1933 г., когда я собирал в Коломенском деревянную крепостную башню, привезенную с Белого моря, извлекал и перевозил части архитектурной обработки с разбиравшейся тогда в Москве церкви Николы Большой Крест на Ильинке, я (4 октября) был арестован и затем решением Коллегии ОГПУ от 2.04. 1934 г. репрессирован по ст. 58 п.10,11.

Вскоре по прибытии в Сибирские лагеря в г.Мариинск я был назначен помощником начальника стройчасти. Там мною, помимо других работ, было спроектировано здание сельскохозяйственного музея. После этого я был назначен начальником строительства электростанции, имел награждения и весной 1936 г. был досрочно освобожден. Не могу эти почти три лагерных года считать целиком выброшенными из сложившегося ранее профиля научных интересов и работ: по мере полученной для этого возможности я за это время подвел итоги некоторым из поисков и научно-теоретических работ прошлого и, кроме того, лично выполнил две архитектурные модели из дерева для реставрации памятников в натуре.

Возвратившись полностью к работам в области истории архитектуры, я на первых порах поступил в музей г. Александрова, где продолжил свои прежние исследования памятников Александровской слободы. Некоторое время спустя я продолжил свои работы и в Коломенском, в качестве консультанта.

В конце 1937 г. меня пригласили для научного руководства и организации реставрационных работ в музей Троице-Сергиевой лавры в г. Загорске, и там мною были проведены научные исследования, составлены некоторые проекты реставрации и развернуты те реставрационные работы, которые ведутся преемственно по намеченным путям моими продолжателями до сего времени.

Вскоре после этого я получил приглашение от азербайджанского Центрального управления охраны памятников принять на себя научное руководство реставрацией Нухинского дворца, а также научно-исследовательской и реставрационной работой по другим памятникам Азербайджана, которые были намечены в связи с празднованием 800-летнего юбилея Низами Гянджеви. Приняв это предложение, я включился в сравнительно новую для себя большую работу по исследованию Кавказа. Успешно проведенные работы по реставрации наиболее ответственных и сложных разрушающихся частей Нухинского дворца, а также ряд консультационных работ по другим памятникам послужили началом моих научно-исследовательских работ по выяснению наиболее древнего, совсем неизвестного периода архитектуры Восточного Кавказа, и вскоре поиски в этом направлении увенчались большим успехом. В трехлетних поездках были обследованы горы и ущелья восточной части Большого хребта, Кахский, Закатальский и другие районы, Великие стены Дагестанская и Закатальская, обнаружен ряд остатков разрушенных памятников, по которым, иногда только после раскопок, можно было установить их характер, ранний архитектурный тип и соответствующую датировку. Но особенно ценной находкой было открытие (с последующими раскопками двух археологических кампаний) совсем неизвестного до тех пор оригинального круглого храма VI—VII вв. в селении Лекит, представляющего вариант или прообраз знаменитого разрушенного армянского храма Звартноц. Эти находки и исследования дадут отныне возможность ввести в научный обиход мировой истории архитектуры эпохи раннего Средневековья неведомую до сих пор архитектурную культуру Кавказской Албании.

Кавказские работы 1938—1941 гг. чередовались с работами в Москве, где я был приглашен в члены совета отдела государственной охраны памятников при Управлении по делам искусств при СНК РСФСР, а также продолжал консультационную работу в музее «Коломенское» и реставрацию архитектурных памятников. В то же время по приглашению Академии архитектуры я принимал некоторое участие в ее попытках продолжить прервавшиеся работы по формированию музея русской деревянной архитектуры в Коломенском (к сожалению, как попытки Академии, так и последующие попытки Комитета по делам архитектуры в этом направлении до сих пор не увенчались успехом, и дело остается с 1933 г. в течение тринадцати лет не продолженным, а музей не развивается).

В 1940 г. в докладной записке президенту Академии архитектуры я поставил вопрос о необходимости создания в Академии органа, который занимался бы научными вопросами, касающимися исследования, охраны и

реставрации памятников и воспитания специалистов в этом деле, так как со времени ликвидации в 1933 г. Центральных государственных реставрационных мастерских такого органа совсем не существовало. Эта идея, принятая президиумом Академии, осуществилась в виде создания при президиуме комиссии с указанными задачами и со штатом сотрудников под председательством академика И.В.Рыльского, и в этой комиссии я работал консультантом в течение двух лет.

В начальный период войны с фашистской Германией, когда руководство работой комиссии вследствие отъезда ее председателя фактически лежало на мне, я поставил перед президиумом Академии вопрос о перестройке работы комиссии на задачи специальной охраны памятников и использования их под убежища и хранилища ценностей; в результате решения президиума комиссией в течение лета и осени, в контакте со штабом МПВО, в указанном направлении была проведена большая работа. Осень 1941 г. была частью посвящена окончанию неотложных противоаварийных работ по спасению уникального памятника Дмитровского собора во Владимире, а часть зимы — задачам сохранения, подготовки и эвакуации музейных ценностей Ивановской области по поручению Наркомпроса. В связи с эвакуацией из Москвы Академии архитектуры, я должен был оставить работу в ней и работал сперва инспектором по охране памятников Ивановской области, а затем с 1942 года получил предложение поступить на должность старшего инспектора по охране памятников Комитета по делам искусств при СНК СССР.

Одновременно с этим, будучи привлечен как эксперт Чрезвычайной государственной комиссии по учету ущерба, нанесенного фашистами, я произвел по заданиям двух указанных учреждений, выезжая на места в составе ЧГК, обследование древнерусских разрушенных городов Смоленска, Витебска, Полоцка, Киева и Чернигова.

За этот период моей деятельности с 1941 г. я получил правительственные награды: по постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 5/XI 1945 г. медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и от 21/V 1946 г. медаль «За оборону Москвы».

С 1 февраля 1944 г. в связи с организацией Комитета по делам архитектуры при СНК СССР я был приглашен на должность начальника отдела реставрации главного управления охраны памятников, в которой состою до настоящего времени. Естественно, что характер моей деятельности последних лет с 1941 г. не оставлял достаточно времени и не был благоприятен для обработки прежних научных материалов и научно-теоретической творческой работы, но все же она полностью не прерывается. В само дело заведования отделом реставрации я стараюсь посильно ввести элемент научной специфики и раскрыть его особенности для более молодых кадров, вступивших на путь охраны памятников, но еще не имеющих опыта. Затем с 1945 г. я был приглашен по согласованию с Комитетом архитектуры в Институт истории искусств Академии наук СССР старшим научным сотрудником, каковым состою и до сего времени.

Из творческих работ последних лет заслуживают быть отмеченными работы по исследованию, сохранению и реставрации Пятницкого собора в

Чернигове (XII в.), произведенные осенью 1944—1945 годов от главного управления охраны памятников и давшие новые, весьма важные данные для истории русского искусства (статья об этом памятнике печатается в сборнике Академии наук «Фашистские разрушения»)*, и экспедиция в Закавказье, проведенная под моим руководством от Академии наук в минувшем 1946 г.

Подводя итоги накопленному мною научному материалу с 1911 года, приходится охарактеризовать его следующей краткою сводкой:

1. Проекты реставрации архитектурных памятников, являющиеся синтезом научно-исследовательской работы и выражающиеся (в законченном виде или в материалах), согласно прилагаемому списку, в количестве 60 проектов, по которым производились реставрационные работы, и 35 проектов, по которым таковые не производились; итого 95 объектов.

2. Материалы по 17 экспедициям по СССР.

3. Материалы по планировке и охране памятников древних городов (8 объектов).

4. Обмеры и исследования различных памятников — до 30 объектов.

5. Материалы по музейному строительству и охране памятников.

6. Материалы по различным темам и научным теоретическим проблемам в области истории архитектуры — около 60 названий.

Указанные материалы и исследования, имеющие зачастую исключительное значение для истории русского искусства и являющиеся зачастую уникальными (вследствие отсутствия уже самих подлинных памятников), не получили большею частью должной окончательной разработки и полностью не опубликованы в печати. Является необходимым, заканчивая это описание своего творческого научного пути за 35 лет, сказать несколько слов в свое оправдание или объяснение естественного вопроса (возникающего особенно у людей, не подходивших близко к задачам охраны и реставрации), почему же хотя бы часть этих работ не опубликована в печати?

Ответ на этот вопрос прост. Непрерывно возникавшие драматические ситуации, не терпевшие отлагательства и не допускавшие промедления, настойчиво толкали вперед и не позволяли задерживаться на уже пройденном. За организационно-реставрационными делами стояла судьба и жизнь или смерть подлинных памятников.

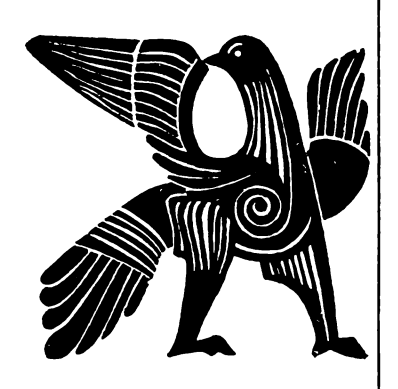
Отсюда вытекают, между прочим, и те последствия в личной жизни и научном положении: отсутствие у меня до сих пор ученого звания или степени. В предшествующие годы это не считалось особенно нужным или обязательным для научного работника нашего профиля и специальности, а заботы о живых памятниках не давали возможности подумать о выдвижении себя в этом направлении, в результате было утрачено лично для меня даже то, чем я был отмечен еще в самые молодые годы моей педагогической и прочей работы.

Благоприятной обстановки, при которой спокойно, плодотворно и полноценно в научном отношении можно было бы проводить работу по обра-

* Имеется в виду издание «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками». М., АН СССР, 1948 г.

ботке исследовательских материалов, не складывается и в настоящее время, естественные же упреки за отсутствие публикаций продолжаются, да и сам я сознаю крайнюю необходимость этого. Решительным поворотом в этом направлении было бы решение оставить дело охраны и реставрации и заняться углубленной обработкой материалов. Но по-прежнему еще не укрепленный в достаточной мере фронт охраны и реставрации существующих памятников не позволяет отойти от забот о них.

15/I 1947 г. П.Барановский

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ОБЗОРЫ, СТАТЬИ

О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ ПОГРЕБЕНИЯ АНДРЕЯ РУБЛЕВА

ДОКЛАД П.Д.БАРАНОВСКОГО НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ СЕКТОРА АРХИТЕКТУРЫ И СЕКТОРА ЖИВОПИСИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИСКУССТВ АН СССР, 11 ФЕВРАЛЯ 1947 ГОДА

Сегодня мы впервые отмечаем годовщину — 517 лет со дня смерти Андрея Рублева. Эта дата до сих пор не была документирована и выявилась в окончательном виде благодаря моим научно-исследовательским поискам, которые служат темой настоящего доклада.

Значение этой находки неоспоримо, учитывая то исключительное место, которое занимает Андрей Рублев в истории русского искусства, — художник, получивший самое высокое признание современников и близких поколений как «иконописец преизрядный, превосходный художник, всех превосходящий в великой мудрости», признанный, в связи с тем временем, святым, художник, которому предписывал подражать церковный Собор 1551 г.[1*] творчество которого справедливо превознесено над прочими и заслужило самые изысканные, полные восторга и преклонения эпитеты от ученых и художников нашего времени.

Всеми признанное значение творчества Андрея Рублева, являющегося одним из высочайших достижений мирового искусства, делает его имя славой нашей родины, которое мы можем с гордостью поставить в ряд с величайшими гениями человечества.

В нашу задачу не входит оценка творчества Андрея Рублева, что делали, делают и будут делать специалисты в области изучения древнерусской живописи, среди которых важнейшее место принадлежит И.Э.Грабарю[2], превратившему легенду о Рублеве в действительность. Задача сегодняшнего дня — рассказать о находках в биографии Андрея Рублева и раскрыть в общих чертах, что представлял собой и представляет ныне Андроников монастырь как архитектурный памятник и место деятельности и погребения Андрея Рублева. Как следствие и вывод этой стороны доклада является мысль и предложения о спасении от разрушения Андроникова монастыря, древнейшего памятника города Москвы.

---

* Комментарии к данной публикации сделаны, кроме отмеченных особо, П.Д.Барановским, относятся только к разделам I—IV, см.с. 26.

I

Прежде чем перейти к конкретным детализированным частям сообщения, приходится хотя бы весьма бегло остановиться на основных моментах истории Андроникова монастыря.

Андроников монастырь был первым среди монастырей-колоний, основанных под руководством преподобного Сергия Радонежского[3]. Жития и сказания относят это ко времени около 1360 г., когда митрополит Алексий[4], возвращаясь из Царьграда, спасся во время бури на Черном море и дал обет построить монастырь в честь вывезенного им образа Спаса[5]. Упросив Сергия дать ему своего ученика Андроника[6], он основал монастырь на северо-восточной окраине города при впадении ручья Золотой Рожок в реку Яузу, откуда тогда шли основные пути во Владимиро-Суздальскую Русь, Золотую Орду и Царьград. Можно без чувства особенного скептицизма принять название местности, где основан монастырь, и название самого ручья Золотой Рожок за желание духовенства, прибывшего из Царьграда, как-то привязать топонимику местности к образу Царьграда с его гаванью Золотой Рог. Это могло быть естественным возрождением традиций подобных наименований в древнерусских городах XI—XII вв. и было совершенно естественно в эпоху уже нарождавшейся идеи: Москва — третий Рим. Наконец, это было первое пристанище в Москве после долгого трудного путешествия из Константинополя с его Золотым Рогом.

Андроников монастырь был одним из трех древнейших в Москве (после Спаса-на-Бору в Кремле и Богоявленского в Китай-городе)[7]. В 1380 г. Дмитрий Донской, возвращаясь с Куликова поля, был торжественно встречен в монастыре духовенством и властями города[8]. В соборе монастыря была отслужена литургия[9].

Вторая половина XIV и первая половина XV веков были весьма беспокойными годами татарских разорений, напряженных отношений с Литвой, внутренних междоусобиц, страшных знамений, отмечаемых летописями, голода и великого мора. Но вместе с тем это были годы культурного подъема Руси, путешествия русских людей в Иерусалим и Царьград (Зосима, 1419—1422), прибытия на Русь целой группы колонистов, славян и греков, и среди них Пахомия Логофета[10]. Это было время создания «Задонщины»[11] и канун зарождения сношений не только с Царьградом, но и с Римом. Назревали дни путешествий Исидора на Флорентийский Собор 1438 — 1439 гг.[12] и хождения Афанасия Никитина за три моря (1466—1472), а также торгового человека Василия в Иерусалим (1465—1466). В это время великий князь Василий Дмитриевич породнился с византийским императором, выдав в 1414 г. свою дочь за царевича Ивана Мануиловича[13].

Можно с определенностью утверждать, что время митрополита Фотия[14] (1408—1431) было самым цветущим для Андроникова монастыря. К этому времени относится и деятельность Андрея Рублева как в Андрониковом монастыре, так и в других местах.

Струя константинопольских и югославянских влияний не могла не быть живительной как в архитектуре, так и в живописи. Яркие черты этого просматриваются с полной очевидностью, но требуется еще серьезная научная работа для уточнения, что, между прочим, является одной из главных и основных задач Института истории искусств на ближайшие годы.

Памятником этой эпохи в монастыре остался собор, построенный в первой четверти XV в. Следующий этап развития русской истории и искусства оставил нам монастырскую трапезную палату, построенную в 1504—1506 гг. Это весьма ценный памятник. В XVII в. сооружаются настоятельские палаты, крепостные стены и башни, так называемая Лопухинская, или Архангельская, церковь с усыпальницей, построенная царицей Евдокией, женой Петра I[15].

XVIII век повредил и испортил многие из архитектурных памятников, в конце его была, между тем, построена величественная колокольня.

За XVIII—XIX вв. монастырское кладбище получило ряд надгробных памятников высокой художественной ценности и произведений больших мастеров. К нашему времени, ко времени революции, памятники дошли в состоянии, сильно измененном и с большими утратами. В 1922 г. монастырь был ликвидирован. Он не попал в число музеев, организованных Наркомпросом[16]. Невежественность в вопросах истории, архитектуры и в вопросах планировки способствовала решению о снятии памятника с охраны для целей современной застройки; была проведена красная линия регулирования прямо по архитектурным памятникам монастыря. Такого рода действия показывают бесцеремонность властей — резали эти памятники прямо по живому. В результате были снесены колокольня Казакова, часть крепостных стен, башня, надвратная церковь и все памятники кладбища.

Тяжелое положение сохранившихся памятников Андроникова монастыря за последние годы, особенно трапезной палаты, заставили меня в очередной раз заняться вопросами, связанными с их историей и архитектурой, вопросами, которые, начиная с 1922 г., эпизодически поднимались в связи с покушениями на целостность памятников. Эта работа послужила поводом для подбора научных материалов, привела к соответствующим находкам и настоящему сообщению.

II

Я хочу вам доложить, что было известно нам из письменных источников о работах Андрея Рублева в Андрониковом монастыре и о дате его смерти, для того чтобы последующее было совершенно ясно.

Епифанию Премудрому[17], замечательному литературному таланту, по-видимому, принадлежит известие об основании Андроникова монастыря. Но, по выводам В.О.Ключевского[18], не ему, а Пахомию Логофету принадлежит рассказ о возведении и украшении каменной церкви монастыря Андреем Рублевым, а также известие о смерти великого художника.

Пахомий Логофет — серб, приехавший на Русь не раньше 1425 г., приобретший здесь громкое имя и бывший едва ли не самым плодовитым писате-

лем Древней Руси, — поселился около 1440 г. в Троице-Сергиевском монастыре и пребывал там, по-видимому, до конца жизни, одновременно путешествуя, странствуя по разным местам русским, по крайней мере, до 1474 г., а может быть, и позже, — точных сведений нет. Сведения о том, что Рублев умер вскоре после окончания строительства Троицкого собора, незадолго до кончины Никона[19], умершего в 1428 г. «над гробом Сергия», приводимые В.О.Ключевским, приходится, исходя из анализа всех прочих источников, отвергнуть как недостоверные[20].

«Софийский временник»[21] называет роспись Троицкого собора «конечным» делом Андрея и Даниила[22] и говорит, что вскоре они оба скончались, но не говорит где.

Иосиф Волоколамский[23] говорит, что «с блаженным Андроником его ученики Савва[24], Александр[25] и чудные, знаменитые живописцы Даниил и ученик его Андрей».

Макарьевская редакция «Жития Сергия» внесла в 1558 г. (по Ключевскому) поправки к рассказу Пахомия, говоря, что последней работой их было расписывание не Троицкого собора в Лавре, а Спасского в Андроникове[26].

Как видим, ни один из современных или близких ко времени Рублева источников не дает точной даты, а также, будучи сопоставлены, они возбуждают некоторые вопросы, неясные, сбивчивые предположения.

Рукописи XVII—XVIII в в. о российских святых дают наконец более точную дату смерти обоих: 1429 или 1430 г. Ряд ученых XIX в., начиная с Калайдовича, принимали различные даты: между 1427 и 1430 г.[27].

Естественно, что и И.Э.Грабарь в своих работах о Рублеве вследствие крайней сбивчивости имевшихся данных предпочел очень бережное отношение к этому вопросу, указав в «Истории русского искусства»[28] — около 1430 г., очень близко подойдя к дате, а в «Вопросах реставрации» — между 1427 и 1430 г. Эта последняя приблизительная дата и была до сего времени единственной и неоспоримой.

В 1939 г. среди прочих значительных материалов, которые получила М.Ю.Барановская[29] от профессора-архивиста Н.П.Чулкова[30], работая вместе с ним над «Московским некрополем», была надпись с надгробия Андрея Рублева. По комментариям, которые имелись при этой надписи, можно было с совершенной определенностью судить, что она была сделана знаменитым нашим ученым XVIII в. Гергардом Миллером[31]. От него же надпись поступила к Н.И.Новикову[32] и затем какими-то путями попала к Чулкову. Сопровождающая надпись справка имела следующий текст: «В 1781—1782 гг. перед вторым изданием «Древней российской Вивлиофики» 1783—1789 гг. Н.И.Новиков задумал ко всем материалам, имеющимся в его портфеле, прибавить и описание надгробных надписей по Москве, считая необходимым сохранить для будущих поколений всю важность вспомогательного историографического материала, запечатленного могильною эпиграфикой. К нему от историка Миллера, скончавшегося в Москве в 1783 г., поступили материалы, собранные им, среди которых было

описание надгробной доски над местом погребения Рублева в соборе Андроникова монастыря, на соборе (доска была на внешней стороне собора).

Доска была белого камня с врезанными внутрь буквами, длиною 10 вершков[33], шириною — 8 вершков (доска разрушающаяся).

Многие буквы утратились: «Лета 6938 ... чен ... ка Игнат... Богоносца ... с суббот ... нощи ... нь ... Андрей ... писаша иконы свят ... м ... прозв ... Рублев ... схиме ... зело украшен ... бытия в сем ...».

Занимаясь списыванием надгробных надписей по Москве (для «Вивлиофики»), профессор Московского университета Ф.Г.Политковский[34] уже в 1785—1786 гг. не нашел на соборе в Спасо-Андрониковом монастыре доски с надписью о погребении Андрея Рублева, которая уже во время, когда ее нашел Г.-Ф.Миллер, была разрушающейся.

С находкой фрагментов текста памятной доски Андрея Рублева встал ряд загадок и вопросов, на которые сразу, без соответствующей работы, ответить было нельзя. Для специалиста эти фрагменты представили совершенно понятный интерес. Война помешала заняться этим вопросом, затем уже потребность решить его возникла в связи с необходимостью подкрепления позиций Андроникова монастыря в смысле его сохранения.

Предстояло: 1) реконструировать текст; 2) установить в соответствии с реконструкцией текста дату; 3) выяснить местонахождение и возможность разыскания подлинника.

Начну с первого — реконструкции текста. Сначала была сделана попытка дать ему связное смысловое значение, основанное, во-первых, на общих исторических традициях, во-вторых, на индивидуальных особенностях данной надписи.

Усилия по реконструкции надписи дали такой текст:

«**Лѣта 6938** *(1430) генваря в 29 день на память / преподобнаго отца нашего му***чен***и***ка Игнат***ия* / **Богоносца** *перенесения мощей* **с суббот***ы на воскресенье в ... / часу* **нощи** *преставися инок Спасо Андро***нь***ева монастыря* **Андрей** / *преизрядно* **писаша иконы свят***ых присноп***ам***ятный / муж* **прозв***анный* **Рублев** *скончался в* **схиме** / *добродетелми* **зѣло украшен** *его* **бытия в сем** мирѣ /... *лет и погребен бысть на сем м***ѣ***сте*».

Понятно, что основанной только на логике, аналогиях, интуиции реставрации было недостаточно для того, чтобы убедиться в правильности решения. Было ли соответствие во всех предыдущих случаях у Миллера, Новикова, Чулкова и Барановской? Написано ли так, что каждый фрагмент слова и пропуска отвечал своему месту в подлиннике, то есть было ли это сделано так, что каждая точка соответствовала отсутствующей букве?

Я ориентировался на оптимальный вариант: все четыре переписчика сохранили по крайней мере строки подлинника, и воспроизведенный текст может быть укомпонован в пределах доски.

Первоначально, ориентируясь на шрифт, я пытался расставить текст в пределах доски, но не учитывал графики ни своего времени, ни XV, ни XVI, ни даже XVII века. Это была так называемая наметка мест букв.

Вышеупомянутый текст восполняет пробелы. Не исключена возмож-

ность, что надпись могла оканчиваться: «...в сем мире столько лет». Встречаются различные варианты: она могла быть, но могла и отсутствовать. В данном случае я не ставил своей задачей приблизиться к палеографическим начертаниям того или иного времени. Важно было для возможности реконструкции текста разместиться в пределах отрывков слов и пропусков. Ручаться за полную неоспоримость этой попытки во всех деталях нельзя, но важно то, что эта попытка реконструкции текста дала ключ к разгадке следующего, наиболее важного вопроса, то есть определения даты.

III

Первая запись, снятая с остатка плиты Г.-Ф.Миллером, не сохранилась. Первая копия с нее, снятая Чулковым, также не сохранилась, вторая копия, снятая Барановской, в архиве Чулкова имеет следующие особенности:

1. Сохранился год 6938, но это не дает точной даты, так как может быть и 1429, и 1430 г. Для того. чтобы определить год, надо знать месяц.

2. Сохранилось указание праздника того дня. Есть все основания, чтобы совершенно точно это утверждать: «на память мученика Игнатия Богоносца».[35]

3. Сохранилось указание дня недели: «с субботы». Легко восполнить отсутствие — на воскресенье, тем более, что далее это уточняется словами «в нощи».

4. Не сохранилось месяца, числа и часа.

Отсутствующие даты приходится определять, разыскав такие месяц и число в 6938 г., которые бы совпадали с днем празднования Игнатия Богоносца и с субботой.

Праздник Игнатия Богоносца празднуется Православной Церковью два раза в год — 20 декабря и 29 января, причем в последнем случае празднуется перенесение его мощей. Поэтому совпадение праздника Игнатия Богоносца с субботой надо искать для двух случаев. Первый вариант. Попробуем произвести определение даты для 20 декабря. Руководствуясь общим положением для перевода сентябрьского года на январский, необходимо для декабря, для последней четверти года, вычесть из даты с сотворения мира 5509, и таким образом: 6938—5509 = 1429 г. Руководствуясь хронологическими таблицами[36], найдем, что праздник Игнатия Богоносца 20 декабря 1429 г. приходится на понедельник. В этом случае получается несовпадение с датой записи, говорящей о субботе в ночь на воскресенье, поэтому определение на 20 декабря должно быть отвергнуто.

Второй вариант: определение даты на 29 января. Руководствуясь тем же общим положением для перевода сентябрьского года на январский, необходимо для событий, падающих на январь месяц, вычесть из года от сотворения мира 5508, и, таким образом, дата года определяется так: 6938—5508 = 1430.

Руководствуясь теми же хронологическими таблицами, найдем, что праздник перенесения мощей Игнатия Богоносца приходится на 29 января

1430 г., на воскресенье. Получается также и в данном случае несоответствие дня недели с обозначенным на камне (получается воскресенье, а не суббота). Это может, на первый взгляд, внести сомнение и в эту дату. Но для данного случая решение вопроса надо искать в другом направлении. И оно находится в рассмотрении литургического порядка, то есть учения о богослужении Православной Церкви.

В древности начало суток считали с вечера и разделяли их на трехчасия. С 6 часов вечера наступала ночь, разделявшаяся на 4 части, с 6 часов утра наступал день, разделявшийся на 4 части. Сутки со времени первого христианства было установлено начинать с общественного молитвослова. В соответствии с восьмичастием суток образовались 8 церковных служб, а всякий праздник Православной Церкви начинался с 6 вечера. Таким образом, и праздник перенесения мощей Игнатия Богоносца, помеченный воскресеньем предыдущего дня, приходился на субботу. Тогда получается полное совпадение всех искомых дат.

Определение часа смерти, утраченного в надписи, восстановить невозможно, кроме указания на ночные часы, то есть с 6 часов вечера до 6 часов утра. Так сколько лет было житие Андрея Рублева? Не исключена надежда на то, что в будущем исследовании кто-то найдет это. Изыскания более зорких людей, чем люди XVIII в., могут найти и эти даты.

В результате проведенных изысканий можно смело утверждать, что Андрей Рублев скончался в 1430 г. 29 января старого стиля в ночь с субботы на воскресенье в день перенесения мощей мученика Игнатия Богоносца. Переведя старый стиль на новый, мы будем иметь 11 февраля.

Теперь предложу вам еще несколько мыслей. Вид памятной надписи или памятной летописи-подлинника нам не известен, но мы имеем все основания предполагать, каким он примерно мог быть. Не высказываю сейчас мнения о времени установки этой каменной летописи, то есть была ли она сделана сейчас же после смерти Андрея Рублева или поставлена в ближайшие годы, во времена Пахомия Логофета, в период Макарьевского собора[37] или даже в более позднее время.

Может быть, специалисты в вопросах истории и в вопросах, связанных с данными особенностями, могут по характеру слов, выражений это установить, но сейчас, я думаю, на этом не следует задерживаться.

Сейчас небезынтересно бросить взгляд на подобные надписи и их художественный характер. Я хочу просто показать несколько образцов такого рода надписей, которые были и даже сейчас сохранились в ряде памятников. Мы имеем надписи, очень интересные, в соборе Новодевичьего монастыря, имеются надписи в Симоновом монастыре, были надписи более ранние — 1549 г. в <...>[38] монастыре; есть строительная надпись из Пскова о построении церкви, затем имеются погребальные надписи, уже более поздние, Спасского монастыря — 1631 г. Эти надписи имеют совершенно другой характер — более выпуклые буквы, тогда как более ранние имеют буквы, врезанные в плиты, — и это обстоятельство довольно интересно для данно-

го случая, так как Г.-Ф.Миллер свидетельствует о том, что надписи были врезаны в плиту. Это характеризует нам древность надписи.

Большой интерес представляют те пять надписей, которые чудом сохранились на соборе Андроникова монастыря, потому что они были вложены в паперть самого собора, а не сохранились на кладбище. Это памятник деятелям времени Ивана III — его дипломату Загряжскому Дмитрию Давыдовичу и дипломату Ивана Грозного — сыну вышеупомянутого — Загряжскому Федору Дмитриевичу. Первый был погребен в 1518 г., второй — в 1561 г.

Эти надписи, мне кажется, должны довольно близко подходить к тому, что мы должны ожидать от надписи, которая могла быть на могиле Андрея Рублева. В качестве предположения можно отметить, что над могилой Андрея Рублева, кроме такой настенной надписи, должна была быть еще надгробная плита.

IV

Следующий вопрос — предположения о месте погребения Андрея Рублева у собора Андроникова монастыря. До находки надписи с плиты, сделанной Г.-Ф.Миллером и, к сожалению, не вошедшей в научный обиход, всякие предположения о месте могилы были бы в какой-то мере гадательны. В 1842 г. Иванчин-Писарев[39] говорил: «Я долго искал двух знаменитых гробов Андрея и Даниила, славных иконописцев, но все мои старания были тщетны». Далее он говорит, что в «Истории Российской иерархии»[40] их называют священниками, поэтому их могилы должны были находиться около соборного храма. Сейчас этот вопрос упрощается тем, что в комментариях, сделанных, видимо, самим Миллером, сказано, что плита была сильно повреждена, так как находилась на внешней стороне собора, на какой-то из внешних стен, где вероятнее всего можно предположить нахождение погребения Андрея Рублева. Основываясь на исторических традициях прошлого, с большой долей вероятности можно предположить это место вблизи гроба Андроника. Ряд многочисленных примеров (начиная с Никона, погребенного у гроба Саввы) убеждает в том, что Андрей и Даниил погребены у гроба учителя. Есть достоверные указания на погребение Саввы (ученика Андроника) у гроба своего учителя. Это было до построения каменного собора. При построении собора могилы вошли внутрь здания, и известно, что они находятся в арке на северной стороне[41].

Андрей и Даниил умерли после построения собора, и тела их, как учеников Андроника и Саввы, должны быть положены рядом с ними, но уже вне собора. Таким образом, создается почти уверенность в том, что Андрей Рублев погребен у северо-западного угла собора.

Указанное соображение получает значительное подкрепление еще с другой стороны — из рассмотрения истории строительства самого собора. До 1781 или 1790 г. собор имел паперть (неизвестно, когда пристроенную) только с западной и южной сторон. Северная стена была свободна от построек.

Возможно, это являлось результатом уважительного отношения к похороненным здесь почтенным лицам, хотя надписи утратились, так что Миллер едва мог разобрать их остатки. К сожалению, это уважительное отношение длилось недолго — пока в монастыре не появился настоятель Сильвестр Старогородский[42], деятельно проведший «устроение и украшение» монастыря. Установление даты постройки северного придела допускает возможность, с другой стороны, найти объяснение тому обстоятельству, которое отмечается в комментариях Чулкова о том, что в 1786 г. надписи в монастыре уже не было.

Сопоставим даты. Новиков мог получить от Миллера текст надписи между 1779 и 1783 г., то есть во время переезда Новикова в Москву. В 1781 г. в монастыре начались работы по переустройству и перестройке северной паперти. Поэтому, когда Политковский списывал надписи в Андрониковом монастыре, он ее не нашел, так как, по нашему предположению, она была перед этим застроена северной папертью. Даты эти совпадают и, с другой стороны, указывают на самое вероятное местонахождение надписи.

К счастью, под северной папертью не сделан подвал, в отличие от папертей западной и южной, под которыми ныне устроена отопительная система. Это позволяет надеяться, что при будущих поисках на месте мои предположения подтвердятся и надпись может быть найдена именно на северной стороне собора, там, где находилась когда-то рака Андроника и Саввы.

Предположение относительно места захоронения Андрея Рублева соответствует нахождению братского кладбища к северо-западу от собора, как показано на плане начала XIX в., что может быть подтверждено соответствующей исторической традицией — переносить братское кладбище не было никакого «резона». Оно могло простираться до самого собора.

Интерес к разысканию подлинной надписи неоспорим, тем более что можно надеяться на возможность прочтения утраченного и особенно указания на возраст, в котором умер Рублев. Но даже исключая возможность обнаружить подлинную надпись на стене собора, уже сейчас, в свете найденной записи и комментариев четырех крупных и добросовестных ученых — Миллера, Новикова, Чулкова, Политковского, мы можем совершенно утвердительно говорить, что собор Андроникова монастыря является не только архитектурным памятником, но и одновременно и мемориальным памятником Андрею Рублеву.

Таким образом, вместо легенды о времени и месте погребения Андрея Рублева мы сегодня обладаем неопровержимым фактом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Собор 1551 г. — Стоглавый собор. На нем была принята программа церковных реформ, проведена унификация церковных обрядов, регламентация внутрицерковной жизни, установление жестких канонов.
2. Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — академик, художник, историк искусств, с 1918 по 1930 — директор Центральных государственных реставрационных мастерских; с 1944 — директор Института истории искусств АН СССР.
3. Преподобный Сергий Радонежский (1314—1392) — русский святой, основатель и игумен Троицкого монастыря (Троице-Сергиева лавра). Имел много учеников. Почитался как святой еще при жизни. Митрополит Алексий готовил его в свои преемники, но Сергий от высокого сана отказался. (*Прим. сост.*)
4. Митрополит Алексий, святитель Московский (ок. 1293—1378), родом из московских бояр. С 1352 г. — епископ Владимирский, в 1354—1378 гг. митрополит Киевский и всея Руси с кафедрой во Владимире на Клязьме и местопребыванием в Москве. По церковным делам дважды ездил в Константинополь. Основатель Спасо-Андроникова монастыря. Общецерковное почитание установлено в 1448 г. (*Прим. сост.*)
5. Имеется в виду возвращение митр. Алексия из первой поездки в Константинополь в 1356 г. Целью поездки было поставление Алексия епископа Владимирского в митрополита Киевского и всея Руси. Застигнутый бурей на обратном пути, дал обет построить монастырь в честь святого или праздника того дня, в который благополучно пристанет к берегу. Это произошло 6 августа, в праздник Спаса Нерукотворного, в честь которого и построен Спасо-Андроников монастырь. (*Прим. сост.*)
6. Андроник — ученик Сергия Радонежского, первый игумен Спасо-Андроникова монастыря. Практически ему принадлежит «устроение» обители. На выделенные митрополитом Алексием средства построил первый храм. Митрополит Алексий освятил храм и передал икону Спаса, привезенную из Константинополя. Умер не позднее 1404 г.
7. Спас-на-Бору в Кремле — мужской монастырь. Основан великим князем Иваном Даниловичем Калитой в 1330 г. Богоявленский мужской монастырь в Китай-городе основан князем Даниилом Александровичем.
8. «После битвы великий князь велел тела нарочитых людей везти в Москву в колодах. Число убитых князей и бояр, посадников и простолюдин простирается до 543. Думаем, что их похоронили в московских монастырях». (Иванчин-Писарев. «Спасо-Андроников монастырь». М., 1842, с.62).
9. В Спасо-Андрониковом монастыре была братская могила участников Куликовской битвы.
10. Пахомий Логофет (? — не ранее 1484) — писатель средневековой Руси; родом из Сербии, монах одного из Афонских монастырей, приехал на Русь до 1438 г. В 1440—1450 гг. жил в Троице-Сергиевом монастыре, где работал над своей редакцией «Жития» Сергия Радонежского. (*Прим. сост.*)
11. «Задонщина» — поэтическое произведение древнерусской литературы, посвященное Куликовской битве. Создана в 1380—1381 гг. Автором считается Софоний Рязанец.
12. Флорентийский (правильно: Ферраро-Флорентийский) собор (1438—1439 гг.) — вселенский собор из представителей греческой и латинской церквей, созванный по инициативе Византийского императора Иоанна VI Палеолога и папы Римского Евгения IV, имевший основной своей задачей соединение восточной и западной церквей и подчинение греко-восточной церкви папе Римскому. Такой ценой Византий-

ский император пытался получить помощь от западных государей в борьбе против грозящего Византии турецкого завоевания. Был составлен акт (уния) о соединении церквей, в котором изложено латинское учение о Св Духе и главенстве папы.

Исидор, моск. митрополит с 1433 г., ездил на собор, первый подписал унию. Но ни русское духовенство, ни народ не приняли унию. По возвращении Исидор был объявлен еретиком и бежал в Рим. Умер в 1463 г. (*Прим. сост.*)

13. Этот брак льстил московскому князю, а для теряющей свое могущество Византии сулил материальную поддержку. В жены старшему сыну и наследнику императора Мануила царевичу Ивану была отдана дочь московского великого князя Анна. Брак был недолгим — Анна через три года «была похищена моровым поветрием».
14. Фотий (? —1431), митрополит Киевский и всей Руси — преемник Киприана. Родился на Пелопонессе. С 1408 г. — митрополит Московский и всея Руси, был прислан из Византии. В духовном завещании Фотий расценивает свое время как время «непрерывных слез, скорбей и рыданий» (татарские набеги: 1408 г. — царевич Едигей, 1411 г. — царевич Талыч; 20-е годы XV столетия — неоднократные эпидемии и голод). Похоронен Фотий в московском Успенском соборе.
15. Спасский собор — 1420—1427 гг. Перестроен в XIX в. (работы велись при участии архитектора К.А.Тона). Архангельская церковь — 1694—1739 гг.
16. В Спасском соборе до 1950 г. располагался архив Главного управления военных трибуналов Вооруженных Сил СССР. Остальные здания монастыря использовались как жилой фонд — в них проживали рабочие завода «Серп и молот». Также на территории монастыря находились сараи и гаражи Главнефтегазстроя и Осоавиахима. С 1960 г. все здания и сооружения монастыря находятся в ведении Музея имени Андрея Рублева.
17. Епифаний Премудрый (?—1420) — ученик Сергия Радонежского, иеромонах Троицкого монастыря. Ему принадлежит «Житие Сергия Радонежского», написанное по личным воспоминаниям и свидетельствам других старцев. В списках «Житие» сохранилось лишь в переработке Пахомия Логофета. (*Прим. сост.*)
18. Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — известный историк, профессор Московского университета, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук, академик истории и древностей российских, почетный академик по разряду изящной словесности. Здесь имеется в виду его диссертация «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1872).
19. Преподобный Никон (?—1428) — ученик Сергия Радонежского. После смерти Сергия был игуменом Троицкой обители. После нашествия Едигея на Москву (1408) и разрушения монастыря вновь отстроил его на прежнем месте.
20. Вероятно, П.Д.Барановский имеет в виду работы В.О.Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1872) и Е.Голубинского «История канонизации святых в Русской Церкви» (1894). (*Прим. сост.*)
21. «Софийский временник» — летописный свод, составленный при Софийском кафедральном соборе в Новгороде около 1542 г. Матвеем Михайловым.
22. Даниил Черный (?—1430) — художник, монах Троицкого монастыря, работал вместе с Андреем Рублевым.
23. Иосиф Волоколамский (Волоцкий) (ок.1440—1515). В миру — Иван Санин. Церковный писатель, глава течения иосифлян, автор краткой и пространной редакции «Монастырского устава». В 1591 г. причислен к лику общерусских святых.

24. Савва (?— между 1410—1420) — настоятель Спасо-Андроникова монастыря, преемник Андроника.
25. Александр (?—не ранее 1427) — ученик Андроника, преемник Саввы; игумен Спасо-Андроникова монастыря, строитель собора.
26. Макарьевская редакция «Жития» содержит более точные сведения, так как, возможно, ее составитель пользовался текстами Епифания Премудрого, не включенными в «Житие» Пахомия Логофета. (*Прим. сост.*)
27. Калайдович Константин Федорович (1792—1832) — историк-археограф, член Московского общества истории древностей российских. Издал «Российские достопамятности» (1815), «Памятники российской словесности» (1821). В рукописи Барановский приводит имена Солнцева, Толстого, Успенского, Собко, Барсукова, Потапова. (*Прим. сост.*)
28. Грабарь И.Э. и др. История русского искусства. В 13 тт. — М.: Изд-во АН СССР. 1953—1969.
29. Барановская Мария Юрьевна (1902—1977) — заслуженный работник культуры РСФСР, старейший сотрудник Государственного Исторического музея, кандидат исторических наук, жена П.Д.Барановского. Работала над сбором материалов по московскому некрополю, по которым ею была подготовлена публикация, к сожалению, неизданная. Материалы хранятся в архиве П.Д.Барановского. (*Прим. сост.*)
30. Чулков Николай Петрович (1870—1940) — библиограф, архивист. Занимался документами декабристов. Часть его фонда в ЦГАЛИ (Центральный государственный архив литературы и искусства) и ГИМе (Государственный Исторический музей). (*Прим. сост.*)
31. Миллер Герхард Фридрих (1705—1783) — историк-археограф, профессор истории, конференц-секретарь Академии наук.
32. Новиков Николай Иванович (1744-1818) — русский просветитель, писатель, журналист, книгоиздатель. Издавал «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), «Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских до истории, географии и генеалогии касающихся» (1783—1789).
33. Вершок — 14,5 см.
34. Политковский Федор Герасимович (1753-1809) — профессор Московского университета по кафедре практической медицины и химии. Читал публичные лекции по естественной истории, директор университетского музея.
35. Игнатий Богоносец — второй епископ Антиохийский, ученик апостолов; мученически умер в 107 г. в период гонений на христиан при императоре Траяне.
36. Хавский П. Месяцесловы, календари и святцы русские. Сочинение хронологическое и историческое в 3-х книгах. М., 1856.
37. Макарьевские соборы — 1547 г., 1549 г. Соборы по обновлению Церкви; соборы канонизации. На соборах было канонизировано 39 новых святых (местных и общерусских). До этого канонизировано всего 22.
38. В тексте доклада наименования монастыря нет. Восстановить название монастыря не удалось. (*Прим. сост.*)
39. Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1794—1849) — писатель, коллекционер, искусствовед. Составил описание Спасо-Андроникова монастыря: «Спасо-Андроников монастырь. Соч. Н. Иванчина-Писарева» (М., 1842 г.)
40. Архимандрит Амвросий. История Российской иерархии. М., 1810.
41. Имеется в виду строительство каменного Спасского собора около 1420 — 1427 гг.
42. Сильвестр Старогородский (? — 1803) — епископ, настоятель Спасо-Андроникова монастыря с 1788 по 1803 г.

V. ПРОЧИЕ ПАМЯТНИКИ АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ И ТВОРЧЕСТВОМ А.РУБЛЕВА*

Самым важным памятником, связанным с Андреем Рублевым, была роспись Спасского собора, которой, по житию Никона, «последнее рукописание на память себе оставиша». Но, к несчастью для русского искусства, фрески, как и в Троицком соборе лавры, не сохранились.

Эти росписи были выполнены, по свидетельству ряда источников («Житие Никона» в Макарьевских Минеях и «Иконописный подлинник» XVII века; «История Российской иерархии» архимандрита Амвросия), Андреем вместе с Даниилом. Но в противоречие с этим становится «Житие Сергия» по тексту Пахомия в Макарьевских Минеях, где о Данииле ничего не говорится, а только об Андрее. Этому же тексту соответствуют и все миниатюры, характеризующие как роспись Андроникова собора, так и смерть Андрея. На них Даниил отсутствует.

В тексте под миниатюрой говорится: «...был игумен Александр, ученик игумена Саввы, «изрядный зело», и они вместе построили церковь и потом расписанием чудным украсил ее Андрей». Андрей один здесь указан.

Этому же тексту соответствуют и все другие миниатюры: на них Даниил отсутствует.

В связи со сказанным приходит мысль о том, что росписи Андроникова собора выполнялись одним Рублевым.

Росписи Андроникова собора даже в остатках настолько ценны, что первой работой 1918 года Всероссийской реставрационной комиссии были поиски этих остатков под слоями новой штукатурки.

В результате поисков открыты только следы фресок, сильно иссеченных под новую штукатурку, как сообщил нам Игорь Эммануилович, который пишет в своем исследовании, что все же остается еще робкая надежда найти фрагменты росписи по снятии новой штукатурки со всей поверхности стен, и, конечно, это необходимо сделать.

Игорь Эммануилович в своем замечательном труде дал список 50 произведений Рублева. Может быть, в будущем этот список пополнится еще коечем. В связи с этим я, кстати, хотел бы указать на некоторые памятники Андроникова монастыря. Из историко-художественных ценностей монастыря времен Рублева сохранились две рукописи: одна из них пергаментная, 1403 года, копия знаменитого «Святославова изборника», написанная в Андрониковом монастыре Анфимом. Она без миниатюр и для нашей темы интере-

* Продолжение доклада П.Д.Барановского «О времени и месте погребения Андрея Рублева». В подготовленной к печати, но так и не опубликованной работе П.Д.Барановского «О времени и месте погребения Андрея Рублева» отсечена по неизвестной причине значительная часть (V — VII разделы) доклада Петра Дмитриевича. В его архиве хранится полная стенограмма (не исправленный автором экземпляр). Составители считают целесообразным дать эту, отсутствующую в подготовленном к печати докладе, часть (после небольшой редакторской правки), а также фрагмент стенограммы заседания (заключительное слово А.В.Щусева) и постановление Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 г. Надеемся, что это поможет по достоинству оценить роль исследовательских трудов и организационных усилий П.Д.Барановского в создании историко-архитектурного заповедника имени Андрея Рублева.

са не представляет, хотя это замечательный памятник. Вторая рукопись — Евангелие пергаментное, без точной даты: раньше датировалось XVI веком, но в настоящее время специалисты, в том числе М.В.Щепкина, с которой я беседовал, склонны относить это Евангелие к более раннему времени. Это Евангелие имеет превосходную миниатюру Спаса на заглавном листе, а также буквы своеобразного характера в виде птиц, драконов, змей и прочих чудищ.

П.Д.Корин, знающий это Евангелие, высказывается о большой близости Спаса к манере Андрея Рублева. Я, со своей стороны, отмечаю, что рамка этого Спаса одинакова по декоративным приемам с рамкой ангела из «Евангелия Хитрово», которое определяется Грабарем как памятник, самый близкий из миниатюр к Рублеву.

Кроме того, Евангелие написано на пергаменте, а не на бумаге. Тератологический орнамент, выполненный в совершенно новой пластической живописной манере с неистощимой творческой фантазией и умением, представляет какую-то решительную трансформацию прежних звериных орнаментов.

Эти миниатюры и орнаменты заставляют специалистов рассмотреть обе рукописи совместно для установления связи с эпохой Рублева, а может быть, и с самим Рублевым. Это было бы, конечно, весьма ценным.

Найденная мною одна книжка середины XVIII века серьезно поддерживает это предположение. Евангелие Андроникова монастыря характеризуется как «Евангелие преподобных отцов». А так как в монастыре со времени существования преподобными чтились лишь Андроник, Савва, Александр, Андрей и Даниил, т.е. люди, жившие от 1360 г. до 1430 г., то едва ли мы имеем основание игнорировать документ, основанный не только на устойчивых в таких случаях преданиях, но и на предыдущих документах и описях монастыря, до нас не дошедших.

Наконец, я хочу поделиться с вами еще более смелым заключением о том, что и самый собор, как архитектурный памятник, если не полностью, то в какой-то значительной части есть, с моей точки зрения, плод творческого гения Рублева. Вдумайтесь в тот текст «Жития», написанный Пахомием Логофетом, который говорит о построении Андроникова собора: «После кончины (Андроникова игумена святого Саввы) в обители были: игумен Александр, ученик вышеупомянутого игумена Саввы, муж добродетельный и мудрый и весьма необыкновенный,и также другой старец его (ученик Саввы) именем Андрей иконописец, весьма необыкновенный, всех превосходящий великой мудростью, имеющий почитаемую старость, и прочие многие, с которыми хорошо строилась обитель.

И с помощью Божией (они) создали в своей обители церковь каменную зело красну (прекрасную) и росписью чудной своими украсили руками в память своих отцов, которая до сего времени видится всеми во славу Христу Богу».

В тексте совершенно ясно говорится, что два ученика Саввы, Александр и Андрей, создали весьма красивый храм. Мое заключение такое. Оно совершенно соответствует организации строительного дела того времени и

вообще всей эпохи Средневековья. Вспомните монахов-строителей средневековых соборов Запада: аббата Сугерия Долматского, знаменитого зодчего Фра Вита, и у нас — Дионисия Глушицкого (живописца, резчика и строителя, современника Андрея Рублева) и более поздних монахов Антония Сийского, Паисия Угличского, Трифона Соловецкого, Германа, монаха, выписанного специально из Нового Иерусалима строить Каменный мост в Москве, и многих других.

Необычайность архитектурных форм Андроникова собора по сравнению со всеми другими памятниками ранней Москвы, гармоничность частей, стройность и изысканность форм говорят об авторстве крупного художника, каковым, согласно цитированному документу, я и полагаю, был Андрей Рублев.

Что за памятник — я вам сейчас охарактеризую.

VI. АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ МОНАСТЫРЯ

Собор Спасский. По дошедшим до нас документам, первый собор монастыря построен около 1360 г. Алексием митрополитом и Андроником и заслужил эпитет «зело прекрасного» («Степенная книга»). Затем Александром и Андреем Рублевым был выстроен второй собор, также заслуживший эпитет «зело прекрасный» и расписанный тем же Рублевым, по-видимому, между 1428—1430 гг. Несмотря на достаточную ясность определений, даваемых житийными источниками, тем более что они указывали не на год, а только на события и лица, и, наконец, в других случаях — на самый характер здания, как каменного, все же в литературе, непонятно почему, достаточно прочно закрепилась датировка существующего памятника как построенного не в первой четверти XV, а в последней четверти XIV века. Эту тенденцию проводил в своих работах проф.Некрасов, а также проф. Брунов вплоть до последней печатной работы о соборе 1940 г., относя его ко времени 1360 г. Я полагаю, что, опираясь на исторические источники, на их полную недвусмысленность в трактовке этого вопроса, надо наконец отказаться от принятой в искусствоведческих трудах датировки и считать существующий каменный памятник построенным в 1420—1430 гг. вместе с росписью. Следовательно, само построение должно относиться примерно к периоду 1420—1425 гг.

Памятник в течение своей жизни претерпел огромные изменения. Стремясь быть максимально кратким, скажу только о надстройке в конце XVIII века угловых пониженных частей, о пристройке к паперти, о растеске окон, уничтожении фресок. Тут приходится вспомнить преступную варварскую деятельность епископа Сильвестра Старогородского, бывшего одним из образованнейших людей своего времени, но ненавидевшего все древнее. Он был не только духовным лицом, но и химиком и т.д. Особенно пострадал памятник в 1812 г., когда ядром была снесена одна из глав и выгорела вся внутренность.

В результате всего этого в дореволюционное время памятник не считали ценным, так как было такое мнение, что от здания остались только стены.

Даже говорилось, что остался только фундамент. Уже с самого начала революционного времени начал изменяться наш взгляд на памятник. Пробы, произведенные внутри собора в 1918 году Игорем Эммануиловичем, обнаружили при поисках фресок в основе стен белый камень. Затем, когда в октябре 1922 г. монастырь ликвидировался и я был при этом представителем Наркомпроса, я исследовал подкровельные части собора и убедился, что некоторые древние белокаменные части сохранились, другие же облицованы вновь кирпичом.

Кальки, снятые с чертежей монастырского архива архитекторами, работавшими в XIX веке, дали возможность выяснить все изменения и переделки и уяснить ряд вопросов. Тогда мною был сделан доклад в Центральных реставрационных мастерских об архитектуре Спасского собора Андроникова монастыря, а затем он был занят под архив. Только в 1934 году, в связи с задачами сноса всего комплекса, памятник был обмерен, обследован архитектором П.Н.Максимовым и составлен проект реставрации. Опубликованная в 1940 году Академией архитектуры работа об этом памятнике дала наконец всем ясное представление о Спасском соборе.

Был опубликован фасад сделанной реконструкции с восточной стороны и затем дана перспектива Спасского собора. Этот стройный и замечательный памятник разительно отличается от всего, что мы знаем пока из архитектуры ранней Москвы.

Хотя на заседании Академии архитектуры в связи с докладом Петра Николаевича Максимова и было высказано мнение, что его проект нельзя считать убедительным, но я считаю, что проект Петра Николаевича в основных частях вполне научно документирован и спорными могут являться только те элементы композиции, которые не сохранились.

В связи со спорностью ряда вопросов, а также в связи с тем, что в настоящее время вопрос реставрации является актуальным (кровля собора так обветшала, что требует полной ее замены, не исключена возможность выявления при этом первоначальных форм), мною разработан вариант проекта восстановления памятника.

На первом этапе предлагается выявить только основную структуру памятника, ныне скрытую угловыми надстройками, не производя сложнейших работ по удалению пристроек, восстановлению деталей и т.п. Этот проект не будет значительно отличаться в смысле деталей от самого простого восстановления разрушенных частей, но даст памятник в ином, довольно близком к первозданному облику виде.

Второй этап реставрации предполагает интеграцию тех идеальных решений, к которым относится работа П.Н.Максимова. Один из вариантов представляет собою проект, ориентирующийся на Зачатьевский храм. Есть ряд оснований предполагать, что восточная сторона могла бы быть такой, как в Зачатии, но все это вопросы очень сложные и, может быть, говорить о них в совершенно положительном смысле нельзя. Несмотря на то, что наши проекты не могут в некоторых частях избежать вольностей и докомпозиций,

все же они в значительной части базируются в отсутствующих частях на документальном материале.

Это гравюра начала XVIII века, где можно усмотреть сложные двухъярусные верха и кокошники с валом у основания главы.

Наличие колонок на главе подтверждается гравюрой, сделанной, очевидно, до 1812 года. Гравюра в собрании Исторического музея также подтверждает, что глава имела 8 колонок. Отсюда мой вариант, приближающийся к варианту Петра Николаевича Максимова, но обогащенный колонками, которые, безусловно, были на главе, и кокошниками. Как колонки, так и кокошники определенно были свойственны московской архитектуре этого времени, что подтверждается документальными материалами.

Наличие весьма редко расставленных 8 полуколонок в главе имело место еще в Звенигородском соборе на Городке.

Приходится за отсутствием времени воздержаться от каких-либо характеристик, устанавливающих место Андроникова собора как знаменитого памятника среди памятников наших, а также памятников Сербии. И если признать за непреложное, что в самом начале XV века формировался уже самостоятельный стиль московской архитектуры, то в этом своеобразии, оригинальности, близости к общим тенденциям русского искусства первое, новаторское место занимает, несомненно, собор Андроникова монастыря. И в этих его положительных архитектурных качествах невольно усматривается какое-то внутреннее сродство с живописным творчеством Андрея Рублева. Перехожу к более поздним памятникам.

Трапезная палата. Построена была архимандритом Митрофанием, духовником Ивана III и другом Иосифа Волоцкого, в 1504—1506 гг., как в летописи точно сказано. Она представляет собой замечательное сооружение типа кремлевской Грановитой палаты, с центральным очень тонким столбом, поддерживающим высокий и очень красивый крестовый свод. Фасад мощный, суровый, стены с маленькими окнами без всяких украшений — совсем другой прием, отнюдь не флорентийское палаццо, и лишь карниз является единственной декорацией здания.

К зданию трапезной в 1694—1739 гг. пристроено царицей Евдокией Лопухиной здание Архангельской церкви с приделами в честь святых покровителей её сына Алексея и мужа Петра. Здание строилось долго вследствие опалы Евдокии, но все же, несмотря на запрет, деньги на строительство отпускались. Внизу была устроена усыпальница бояр Лопухиных. Этот памятник — один из самых ранних примеров московского барокко.

Со времени закрытия монастыря здание использовано под жилье, и все попытки сохранить его оставались безрезультатными. Поиски фресок внутри здания, к сожалению, ничего не обнаружили. В это же время, в 1923 г., мною был найден очень интересный фриз, проходящий внутри здания и бывший оштукатуренным.

Использование здания под жилье привело к разбивке его на этажи, пробивке многочисленных окон и прочим искажениям, которые вы увидите на многочисленных фотографиях этого альбома. Здание, попав под «линию

регулирования», было назначено к сносу. Здесь приходится упомянуть тот факт, что Наркомпросу было дано заключение искусствоведом проф. Некрасовым о том, что в здании ничего ценного не сохранилось, что оно все целиком перестроено в конце XVII и начале XVIII века и представляет собой шаблонную заурядную постройку, а потому может быть снесено без всякого ущерба. При наличии такого «квалифицированного авторитетного заключения» другие противоположные мнения потонули, и здание в это время уцелело только по какой-то случайности, главным образом вследствие его чрезвычайной заселенности. Но в 1940 г. инженеры стали доказывать катастрофичность состояния здания, и здание стали разбирать. Вновь организованный комитет по делам архитектуры остановил процесс сноса. Оно было передано Управлению по делам архитектуры СССР под реставрационные мастерские, но за два года те ничего не сделали, затем его сдали военному ведомству, которое еще больше испортило его. Таким образом, здание, угрожающее обвалом, вот уже 6 лет стоит с обнаженными сводами и пока еще не обвалилось, несмотря на нарушенные связи и т.д.

Наконец, в наши дни для памятника как будто наступает более счастливое время. Он недавно передан Московским советом Комитету по делам архитектуры.

Не приходится забывать, что это один из самых больных памятников архитектуры Москвы, а потому уже самое решение Комитета взять его себе является делом исключительной важности. Трудности спасения памятника еще все впереди.

Настоятельские палаты и **Святые ворота** оказались при обследовании хотя и несколько испорченными, но и весьма интересными памятниками 1770—1780 гг. с мощными сводами, с изразцовыми украшениями по фасаду.

Разбираясь в особенностях памятника, удалось натолкнуться на следующий интересный факт. Когда в 1930 г. ломали Казаковскую колокольню, тогда же разбирали и надвратную церковь. Но так как одна треть здания была занята жильцами, то эта часть сохранилась и не была сломана. Это надвратная церковь. Есть указание на постройку этого здания не позднее времени Ивана III, взамен прежнего, построенного в месте встречи Дмитрия Донского москвичами по возвращении с Куликова поля, почему храм и был назван в честь Рождества Богородицы, бывшего 8 сентября. В XVIII веке памятник был видоизменен и обезличен, а по этой причине оставался неизвестным и неисследованным в научном отношении. Быть может, случайно сохранившийся фрагмент даст возможность получить представление о памятнике.

Братский корпус. Представляет собой любопытное здание начала XVIII века редкой архитектуры.

Крепостные стены и башни. Весь комплекс был обнесен крепостной стеной со всеми особенностями таковой — нижним и верхним боями, машикулями, зубцами. Ее определяют XVII веком. К сожалению, большая башня от Крутоярской улицы и почти весь фасадный южный участок снесены. Взамен стен остались примыкавшие с ее внутренней стороны дровяники и хлева

нынешних жильцов, которые с тех пор так и оформляют с этой стороны сквер и площадь Прямикова.

Кладбище. Андрониково кладбище в Москве считается древнейшим. Начиная с известия о привозе в колодах героев, убитых на Куликовом поле, оно служит местом погребения ряда выдающихся государственных деятелей науки, искусства и литературы. Уже один точно установленный факт погребения на нем Андрея Рублева и Даниила Черного делают его памятником общенародного значения.

На нем и сейчас мы можем видеть с сохранившимися надписями плиты с вязью — на могилах дипломатов и послов Ивана III в Литву и к немцам, мы знаем две могилы героев Семилетней войны, 12 могил — Отечественной войны 1812 г., основателя русского театра Волкова, известного мецената просвещения П.Демидова, 5 могил ученых и профессоров, 5 — писателей и поэтов, архитектора Старова и других лиц. Кладбище сохранило свой исключительный художественный и поэтический образ, подобно Донскому кладбищу, является важной частью всего ансамбля. В XVIII и XIX веках кладбище было обогащено всеми видами того своеобразного художественного творчества, лирический образ которого отражал чувства любви к своим отошедшим в могилу близким людям и которое создавало картину, редкую по своей обаятельности.

Ныне на бывшем Андрониковом кладбище как от памятника выдающимся деятелям нашей родины, так и от художественных надгробий ничего не осталось, кроме 3—4-х памятников работы Витали, перевезенных в музей Донского монастыря, и за это мы должны теплым словом вспомнить музейных работников. Ныне на месте кладбища — пустырь, даже без деревьев, у алтарной стены собора устроилась база,и производится самочинная стройка гаража, недавно прекращенная по представлению органов охраны памятников.

VII. ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ О КОМПЛЕКСЕ

Несмотря на вышеуказанные значительные повреждения и утраты как в архитектурных, так и в прочих памятниках, несмотря на то, что внешнее впечатление от комплекса из-за вылезших на первый план дровяников, хлевов и гаражей, а также невероятной загрязненности весьма отрицательно, когда вы детально внимательным образом всмотритесь, захотите понять этот памятник, то он предстанет перед вами во всей своей значительности. Мы можем отметить, что в этом комплексе мы имеем как бы живую связь с древнерусской архитектурой, отражающую ее основные этапы и устремления. Три столетия очень четко представлены памятниками Андроникова монастыря.

XV век — собор, ярчайший памятник эпохи, памятник балканской культурной струи на русской почве, целое столетие формирования русского народного искусства, формирования русского государства, освободившегося от татарского ига, создание русских национальных форм искусства.

XVI век — трапезная палата, самый ранний своеобразный гражданский памятник Москвы, уже претендующей на звание третьего Рима, завязавшей сношения с Западной Европой, осуществляющей свою строительную технику в тесном контакте с культурой Ренессанса.

XVII век — Лопухинская церковь-усыпальница, памятник новых культурных устремлений Руси.

Я не упоминаю о других, характеризованных мною звеньях, входящих в этот комплекс, — достаточно сказать о трех приведенных памятниках, чтобы увидеть, что они символизируют основные этапы и национальные достижения русского искусства.

Вследствие вышеуказанной ценности памятника Комитет по делам архитектуры включил Андроников монастырь в число первоклассных памятников всесоюзного значения и предполагает, в первую очередь, заняться самым угрожаемым из них, то есть трапезной палатой.

Но этого мало. Необходимо произвести переустройство кладбища. И если нельзя восстановить те 40 памятников выдающимся деятелям и не меньше 20 художественных надгробий, то нужно создать хотя бы коллективные 4-5 памятников, которые я показал на этом проекте.

Здесь я показал все сохранившиеся памятники и те, которые отсутствуют и которые если не мы, то наши потомки в состоянии будут восстановить, потому что они документируются совершенно определенно, за исключением некоторых частей.

Таким образом, мы имеем здесь 9 памятников с 1420 по 1570 г.

И затем я бы поставил вопрос так, что необходимо на этом зеленом участке, изолировав его соответствующим образом, установить памятники знаменитому художнику Андрею Рублеву, Даниилу Черному, государственным деятелям XV—XVI веков. Это памятники семи ученым, трем писателям и т.д. Таким образом, встает вопрос об установке пяти-шести новых монументов. Тогда мы достойно отметили бы это место.

Дмитрий Петрович Сухов дал эскизный рисунок предполагаемого восстановления, и Максимов дал ряд рисунков. На рисунке Петра Николаевича собор представлен в том виде, в котором он мог быть, если его освободить от архива. Даже при отсутствии фресок это прекрасный архитектурный объем.

На рисунке дается храм в том виде, как он представляется Петру Николаевичу в пределах тех элементов, которые более или менее документально устанавливаются.

Необходимо, чтобы весь комплекс Андроникова монастыря был достойно представлен и с пути разрушения был выведен на путь историко-культурного строительства музейного значения. Академия наук, Третьяковская галерея, Моссовет, Комитет по делам архитектуры, Комитет по делам искусств должны объединиться в своих усилиях. К этому нас обязывают исключительная ценность комплекса Андроникова монастыря и 800-летний

юбилей Москвы, когда к памятнику, как к древнейшему в городе, должен пойти поток экскурсантов.

К этому нас обязывает священная для нас всех память великого нашего художника Андрея Рублева, поставившего искусство нашего народа на высочайшие позиции своего времени. Андроников монастырь и Рублев в нашем представлении должны быть неразделимы. И Андроников монастырь в целом должен быть подлинным памятником Андрею Рублеву.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А.В.ЩУСЕВА

— Мы заслушали чрезвычайно важное сообщение Петра Дмитриевича. Работа проделана по личному энтузиазму и почти даже на личные средства. Но суть не в этом, а в том, как проделана эта работа, как проведено исследование и датировка. Это чрезвычайно любопытно и вместе с тем просто удивительно, как мог Петр Дмитриевич этими скрупулезными исследованиями добиться датировки (11февраля 1430г.), по полустертой надписи, которая пережила целый ряд столетий. Это действительно большая заслуга Петра Дмитриевича. Поэтому я считаю, что мы должны его приветствовать, приветствовать сегодняшнее исследование как одно из важнейших исследований о таком мастере, как Рублев, который действительно является основоположником и гордостью русского искусства. Вместе с тем на Рублева будет ориентироваться даже и реалистическая живопись, потому что такие монументальные краски, которые он дает, они, как Игорь Эммануилович считает, даже выше, чем некоторые работы прославленных мировых живописцев.

Мы должны проявить известный напор, чтобы поддержать Петра Дмитриевича и дать ему возможность довести эту работу до конца.

Конечно, Комитет по делам архитектуры уже стоит на культурной почве, а к указаниям Некрасова, а также к выступлению отдельных лиц, выступивших в качестве советчиков и определителей, взявших на себя ответственность говорить о памятнике, ничего в этом вопросе не понимая, к таким людям мы можем относиться только с презрением. Надо, чтобы это было совершенно изжито, и вот первой такой работой, которая будет стоять на твердой почве, будет работа, относящаяся к Андроникову монастырю в Москве, потому что Москва находится даже в худшем положении, чем другие наши города. В Москве, где мы живем, был момент, когда, действительно, архитекторам оставалось только застрелиться, чтобы не быть свидетелями такого позора, когда ломались замечательные памятники.

Я предлагаю поблагодарить Петра Дмитриевича за его доклад. *(Аплодисменты.)*

СМ СССР, ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 3974*

10 декабря 1947 г. Москва, Кремль

О мероприятиях по сохранению памятников архитектуры Андроникова монастыря в г.Москве

В целях восстановления древнейшего из числа сохранившихся памятников г.Москвы — архитектурного комплекса Андроникова монастыря, имеющего большую историко-художественную ценность, Совет Министров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Объявить территорию Андроникова монастыря в г.Москве историко-архитектурным заповедником имени русского художника Андрея Рублева.

2. Обязать Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР:

а) разработать в 3-месячный срок мероприятия по реставрации Андроникова монастыря и по увековечиванию памяти Андрея Рублева;

б) организовать в Белокаменном соборе Андроникова монастыря Музей имени Андрея Рублева;

в) организовать в трапезной палате Андроникова монастыря проектную мастерскую по реставрации памятников архитектуры.

3. Обязать Главнефтегазстрой при Совете Министров освободить до 1 мая 1948 г. помещение на территории Андроникова монастыря, занимаемое гаражом 7 треста Главнефтегазстроя.

4. Обязать Главное управление военных трибуналов Вооруженных сил СССР освободить до 1 июня 1948 г. помещение собора Андроникова монастыря, занимаемое архивом Главного управления.

5. Обязать Мосгорисполком:

а) освободить в месячный срок помещение на территории Андроникова монастыря, занимаемое гаражом райсовета Осоавиахима;

б) произвести в 1948 г. ограждение территории Андроникова монастыря;

в) не допускать дальнейшего заселения жилых помещений на территории Андроникова монастыря.

6. Возложить на Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР контроль за исполнением настоящего постановления.

Председатель Совета Министров И.Сталин

Управляющий делами Я.Чадаев

* Это постановление явилось результатом усилий ученых и специалистов в области древнерусского искусства, ключевую роль в котором сыграл публикуемый в настоящем сборнике доклад П.Д.Барановского. (*Прим. сост.*)

ПАМЯТНИКИ В СЕЛЕНИЯХ КУМ И ЛЕКИТ*

СТАТЬЯ ИЗ КНИГИ «АРХИТЕКТУРА АЗЕРБАЙДЖАНА. ЭПОХА НИЗАМИ», 1947 г.

За последние годы в северо-западной части Азербайджана, в соседних селениях Кум и Лекит нынешнего Кахского района, были обнаружены два архитектурных памятника, представляющих значительный интерес.

Исторические данные о местности, в которой расположены эти памятники, чрезвычайно скудны, и лишь краткие отрывочные сведения о ней могут быть получены из грузинских, армянских и византийских источников и дошедших до нас источников по истории так называемой Кавказской Албании.

За отсутствием письменных данных о времени построения зданий в Куме и Леките датировка их может быть основана только на архитектурном анализе и сравнении с ближайшими по характеру архитектуры памятниками других народов. Это сравнение, с одной стороны, дает возможность отнести эти здания к типу, характерному для всей раннехристианской архитектуры Средиземноморья и Кавказа, а с другой — вскрывает в них много своеобразных черт высоко развитой строительной культуры, основанной на умелом применении местных материалов и характерной для данного района строительной техники, что позволяет высказать предположение о самостоятельной архитектурной школе, сложившейся в Восточном Закавказье уже в VI—VII вв.

---

* Доктор исторических наук М.М.Дьяконов писал после выхода в свет работы П.Д.Барановского (Вопросы истории, 1948, № 3): «Дано описание двух замечательных архитектурных сооружений, вовсе неизвестных в науке. Первое из них — храм в селении Кум Кахского района АзССР — представляет собою большую трехнефную базилику, которая напоминает наиболее ранние базилики Закавказья: Ереруйк и Текор в Армении (V-VI вв.), Болниси в Грузии (конец V в.). Тем самым устанавливается культурная связь народов Кавказа в столь раннее время, как VI в. нашей эры, к которому с полным основанием относит автор построение Кумского храма. Но Кумский храм имеет также важное место в истории мировой архитектуры, являясь звеном в развитии базиликального храма.

Заслугой П.Д.Барановского является и то, что он на примере Кумской базилики доказал раннее бытование на Кавказе техники смешанной кирпично-каменной кладки.

Вторым памятником, разработанным П.Д.Барановским в его статье, является храм в Леките, в том же Кахском районе, открытый в ноябре 1940 года. Этот храм должен быть поставлен в ряд с такими знаменитыми сооружениями, как храм в Басре (Сирия, начало VI в.), Звартноц в Армении (VII в.) и грузинский храм Бана. Из всего вышесказанного ясно, какое огромное значение имеет открытие этих двух архитектурных памятников и как важно возможно скорее закончить их изучение и издать полное их научное описание».

Кумская базилика[1] расположена в центре горного селения Кум Кахского района в 8 км от г. Кахи на берегу реки Кум-Чай. Красивое лесистое ущелье, по-видимому, с давних пор служило одним из центров средневековых поселений, свидетелями чего в самом Куме и его окрестностях являются несколько сохранившихся в руинах архитектурных памятников культового и оборонительного назначения.

Первое из известных в литературе сведений о Кумском храме относится к 1898 году, когда А.С.Хаханов в своем отчете о путешествии по Кахетии краткой заметкой отметил существование храма, отличающегося значительными размерами.

Из исторических данных имеется только упоминание в начале XIV в. о наличии в Куме принадлежавшего к Курмухской епархии храма Богородицы.

Время и характер постройки не были известны до весны 1938 года, когда предварительный осмотр памятника позволил определить его как одно из сооружений очень ранней и плодотворной в истории архитектуры эпохи — VI в. Произведенные в следующем году Центральным управлением охраны памятников (АзЦУОП) раскопки дали возможность уточнить архитектурные особенности памятника и составить проект реставрации.

План Кумского храма в том виде, в котором он представлен в проекте реставрации, — характерный образец большой трехнефной базилики с выступающими полукруглыми апсидами и с большой галереей, охватывающей здание с трех сторон. Этот плановый прием связывает памятник с самыми ранними крупными базиликами Грузии и Армении (Болниси, 478—494 гг.; Уриатубани и Хашми, начало VI в.; Ереруйк и Текор, V—VI вв. и др.). Размеры памятника вместе с галереей — 26,5х19,3 м, то есть меньше Болниси и Ереруйка и немного больше Уриатубани.

Внутреннее пространство разделено на нефы двумя парами столбов и отвечающими им с запада и востока пилонами у стен. Эти столбы несут мощные, ярко выраженной подковообразной формы арки. Применение подковообразных арок, наблюдаемое в памятниках Северного Ирана и Кавказа с IV по X век, является излюбленным приемом, особенно в архитектуре Кахетии, и составляет непременную принадлежность ранних крупных базилик — Болниси, Цкаростави, Анчисхат, Урбниси, Хашми и Уриатубани. Для армянской архитектуры академик Н.Я.Марр считал конец VI в. последним этапом их применения, так как с появлением арабов и мусульманского влияния в крае подковообразные арки исчезают.

Перекрытие центрального нефа не сохранилось, но несомненно, что стены его поднимались выше крыши боковых нефов, о чем говорят уцелевшие части их. Таким образом, здание являлось характерной базиликой типа Уриатубани.

Центральный неф заканчивается полукруглой, сильно выступающей апсидой. Этот прием архаичен даже для ранних базилик Кавказа и встречается только в одной из самых ранних — болнисском Сионе конца V в. и затем в

Болниси-Капанакчи и Дманиси около середины VI в., а потому служит одним из признаков, позволяющих датировать Кумскую базилику.

Боковые нефы частично сохранили перекрытие — коробовые своды из бутового камня. В стенах имеются три дверных проема с подковообразными арками. Боковые нефы заканчиваются отдельными помещениями (диаконник и жертвенник), не имеющими сообщения с алтарем, подобно древнейшим из храмов Грузии и Армении. Эти помещения перекрыты сомкнутыми сводами, опирающимися на восьмигранники, с последующими переходами в виде конховых тромпов к четырехугольному плану.

Здание окружено с трех сторон обширной арочной галереей, в четыре пролета с каждой стороны. Раскопки 1939 г. окончательно документировали те замечательные особенности галереи, которые сохранились в надземных остатках и легли в основу воссоздания первоначального облика памятника. Они представляются в виде подковообразной аркатуры, опирающейся на ряд круглых столбов и замкнутой по углам отрезками стен. Заслуживает быть отмеченным прием постановки центральной колонны западной галереи по центру двери; в этом месте к галерее был пристроен выступ в более позднее время. Прием открытых наружных галерей, известный в базиликах Сирии с IV в., встречается в Грузии в храмах Болниси, Цкаростави и Уриатубани, а в Армении — в Ереруйке, но из этих памятников, по-видимому, только в Ереруйской базилике и храме в Цкаростави можно отметить наличие круглых колонн.

С востока галереи заканчивались небольшими приделами с полукруглыми, так же как и в центральном нефе, абсидами. Северный придел сохранился вместе с перекрывавшим его коробовым сводом, южный же только на высоту до 1 м.

Основной материал, из которого сложена Кумская базилика,— крупный булыжник темно-зеленого и синего цвета, тщательно подобранный в рядах кладки по высоте; при этом характерной особенностью является укладка фасадных камней не постелью, а плитами, что придает зданию особую монументальность. Вязка углов выполнена из кирпича, в виде правильно выложенных вгладь со стеной рустов. Конструктивные части — перемычки, арки и колонны — сложены из кирпича; последним также обложены основные междунефные столбы. Подобную смешанную технику в архитектурных памятниках Кахетии проф. Г.Н.Чубинашвили относит к VIII—IX вв., то есть к эпохе новых исканий. Сравнение рассматриваемого памятника с близкими территориально и связанными исторически памятниками Кахетии особенно помогает его уяснению, но мне кажется, что высказанное положение о времени применения кирпича по отношению к памятникам кумсколекитской группы безоговорочно принять нельзя. Так же, как на другом конце Кавказа, в Драндском храме[2], не позднее начала VII в., мы видим характерную для Византии смешанную технику камня и кирпича, так и на территории Кавказской Албании, связанной в то время тесными узами с Ираном — родиной кирпича, должны быть особенно сильны традиции кирпичной техники. Эту мысль подтверждают и крупное кирпичное строитель-

ство Кобада в начале VI в. по линии пограничных укреплений в Албании, и известное по историческим материалам построение в 558—564 гг. кирпичной церкви у гуннов-сабиров. Большие технические и художественные достоинства этой техники обеспечили ей господство с древних времен и устойчивость в местной строительной культуре до наших дней.

Состояние здания, заброшенного в течение целых столетий, таково, что, несмотря на изумительную прочность раствора, оно все же сильно разрушается от атмосферных влияний. Особенно требуют ремонта своды и вновь открытые раскопками кирпичные колонны, являющиеся одной из самых хрупких и драгоценных частей памятника.

Простая монументальная архитектура Кумского храма, свойственная базиликальным постройкам и особенно памятникам северо-восточного Кавказа, в сочетании с парадным и живописным мотивом галереи, четкость и совершенная законченность плана, рациональное использование дающих хороший красочный эффект местных материалов, родство с самыми ранними зданиями Кавказа V—VI вв., позволяющее отнести сооружение базилики села Кум к VI в., — вот те достоинства, которые выдвигают Кумскую базилику в разряд наиболее ценных памятников древней архитектуры Азербайджана. Являясь в ряде отличительных черт памятником, обнаруживающим местные архитектурные особенности раннего народного строительства, Кумский храм в общей цепи развития базиликальных форм представляет собой, пожалуй, один из наиболее развитых и парадных примеров базиликальной архитектуры Востока.

Находящийся в 8 км от Кума, близ селений Лекит и Малах, круглый храм расположен в густых зарослях к югу от селения Лекит. В горах, в 3 км к северу от него, сохранились давно известные развалины большого монастыря, называемые Кильсалар.

До 1939 г. о существовании круглого храма в науке не было ничего известно, и он впервые был обнаружен только в ноябре 1940 г., в связи с производством раскопок в Куме.

Из исторических сведений о Леките пока известно только упоминание в начале XIV в. о церкви святой Нины в селении Лекарты в области Курмухского архиепископа. Можно предполагать, что это указание относится к церкви верхнего монастыря, так как весь комплекс построек последнего принадлежит к более позднему времени и гораздо менее разрушен, чем круглый храм. Так как вокруг последнего большая площадь занята плохо сохранившимися развалинами древних построек, то можно высказать предположение, что все эти здания вместе с церковью были разрушены во время одного из неприятельских вторжений, после чего обитатели продолжали жить только в верхнем монастыре. А.С.Хаханов в своем отчете о путешествии 1898 г. дает краткое описание только верхнего монастыря и высказывает предположение, что Лекит с его многочисленными развалинами мог служить центром епископской кафедры, владевшей Цукети, Елисени и Шеки (так как местопребывание центра этого епископата до настоящего времени неизвестно).

Лекитский храм представляет собой здание так называемого центрального плана, с внутренним тетраконхом[3] на колоннах и круговым обходом. Знаменитые образцы этого приема имеются в сирийском храме Босра (515 г.), армянском Звартноце (645—660 гг.) и грузинском Бана (VII—IX вв.). Это вторая после базилики основная форма древнехристианской архитектуры, давшая одни из наиболее замечательных достижений искусства.

Лекитский храм дошел до нас в виде руин значительно большей сохранности, чем Звартноц, но меньшей, чем Бана.

Основные стены храма представляют собой правильный круг, диаметром 22 м, имеющий ныне четыре пролома: из них три соответствуют дверям, обработанным, как выяснено раскопками, порталами, четвертый же — большой, расположенный с востока, — образовался от падения части стены, подмытой оросительной канавой, подведенной к самому зданию. С востока к основному зданию примыкают два придела, и в этих местах стены сохранились до наибольшей высоты — 7 м. Восточные части приделов также разрушены канавой. Круговые стены расчленены по нижнему ярусу расположенными на одинаковом расстоянии каменными колонками с внутренней стороны и пилястрами с желобками — с наружной. Внутренняя сторона по верхнему ярусу также декорирована колонками, расставленными несколько чаще, чем в нижнем этаже. Внутри круга стояло четыре мощных угловых пилона, составлявших подкупольный квадрат и служивший основой композиции плана. Эти пилоны, несомненно, воспринимали нагрузку от верхней купольной части здания. Между основными пилонами расставлены по три колонны, причем таким образом, что в общей композиции плана они образуют тетраконх. Кроме того, с внешней стороны каждого пилона имеется еще по дополнительной колонне; такие колонны, как известно по Звартноцу и другим примерам, имели назначение поддерживать стены верхнего яруса, стоявшего на колоннах, но уже оформленного в плане в виде круга. Колонны и пилоны в части, открытой раскопками, сохранились в нетронутом виде до максимальной высоты в 1,20 м и восстанавливаются найденными фустами пока до высоты 3 м. Произведенные в небольшом масштабе поиски колоннады, которая, по-видимому, окружала памятник, пока не дали результата.

Материал, из которого сложен Лекитский храм, представляет известную общность с тем, который мы наблюдали в Кумской базилике, но с некоторым отличием: булыжный камень здесь меньшего размера и не такой четкой кладки. Кроме того, к основному материалу в конструкциях — пилонах, колоннах и пр. — прибавляется не только кирпич, но еще и известковый камень, так называемый шириме или ширин-даш. Отмеченное в Куме родство технических приемов и материалов с памятниками Кахетии прослеживается в Леките и дальше в применении шириме при вязке углов в приделах здания. Подобный прием можно наблюдать уже в таком раннем памятнике, как Уриатубани (нач. VI в.) и в ряде более поздних зданий. Кроме вязки

углов, лекитский зодчий широко использовал шириме в кладке цоколя, в архитравных перекрытиях дверей, в дверных порталах, колонках и пилястрах круговых стен.

Одну из сложнейших сторон исследования представляет собой вопрос датировки Лекитского храма. Не имея возможности остановиться на анализе всех архитектурных особенностей памятника, а также данных, основанных на соображениях исторического порядка, приходится здесь сказать, что общий, пока предварительный, вывод о датировке памятника склоняется к VII в., ко времени построения Звартноца или несколько более раннему.

Основания для подобного предположения следующие:

1. Близость памятника по своим техническим особенностям к Кумской базилике, которую едва ли можно выносить за пределы VI в., и к другим родственным памятникам района, а также к памятникам Кахетии, с которой Геретия жила, по-видимому, общей или весьма близкой культурной жизнью. В этом отношении памятники Кахетии VI в. — эпохи, плодотворной и знаменательной новыми поисками и замыслами, — как тетраконх в Старом Тавадзе и замечательный кафедрал в Ниноцминде[4], кажутся наиболее близкими нашему памятнику, с поправкой на местный материал — кирпич, по соображениям, высказанным выше.

2. Естественно было бы допустить, что постройка в Леките могла появиться как подражание знаменитому с момента его построения Звартноцу — «восхищению вселенной», как это случилось через 350 лет в Ани в постройке Гагика I и раньше того — в Бана. Но в этих примерах мы видим или точное подражание, или прогресс по сравнению с подлинниками. Лекитский же храм среди этой группы памятников более архаичен и обладает рядом совсем отличных от указанных примеров принципиальных особенностей, что никак не может быть объяснено только провинциальной отсталостью и регрессом по сравнению с великолепным подлинником. Наоборот, этими своими особенностями он больше тяготеет к каким-то более древним параллелям, сирийским или малоазиатским, как Босра, Вираншер и другие, и это становится понятным в связи с историческими предпосылками для местности, в которой построен памятник.

3. Необходимо в тех же целях отметить еще то обстоятельство, что раскопки сирийского храма Босра, произведенные в 1934 году экспедицией И.В.Крофута[5], открыли, что этот памятник 515 г. имел также по внутренней композиции плана тетраконх на колоннах с угловыми пилонами. Таким образом, не лишено основания предположение о возможности трактовать Лекит как один из памятников Кавказа, предшествующих Звартноцу в формировании этого типа зданий.

В свете новых открытий в исследуемом районе теперь уже нельзя говорить, что Албания «бедна памятниками архитектуры», как писал об этом в 1898 году А.Хаханов, но очевидно, что Албания жила еще перед нашествием арабов интенсивной культурной жизнью, создавая свои архитектурные ценности, руины которых теперь открываются перед нами. Открытые за последние годы уцелевшие от грандиозных исторических потрясений руины,

особенно находки в Леките в сопоставлении с находками в Босра, имеют большое значение для истории архитектуры. Храм в Леките, находившийся на крайнем северо-востоке христианской культуры периода арабских завоеваний, может помочь в разрешении одной из важнейших проблем истории мировой архитектуры — вопроса о формировании и развитии построек с подкупольным квадратом, давшим идею константинопольской Софии. Это выдвигает неизвестные до сих пор памятники архитектуры бывшей Албании сразу на одно из видных мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Базилика — христианский храм прямоугольного плана.
2. Драндский храм — памятник архитектуры в Западной Грузии.
3. Тетраконх — форма архитектурного плана, имеющая выступы по географическим сторонам.
4. Ниноцминда — архитектурный памятник в Центральной Грузии.
5. Крофут И.В. — исследователь руин архитектурных памятников.

СОБОР ПЯТНИЦКОГО МОНАСТЫРЯ В ЧЕРНИГОВЕ*

Чернигов, один из старейших городов древней Руси, некогда столица Северского княжества, где сохранилось значительное количество архитектурных памятников большой древности, был подвергнут немцами в дни Великой Отечественной войны жесточайшей бомбардировке, имевшей целью стереть город с лица земли. При этом погибли все музеи, исторические и художественные ценности и архивы, жестоко пострадали от огня все архитектурные памятники, среди которых наиболее поврежден собор Пятницкого монастыря.

Собор Черниговского монастыря, больше известный под названием Пятницкой церкви на Красной площади (иначе — на Старом базаре, или же на Пятницком поле), принадлежит к числу тех памятников древнерусской архитектуры, которые вследствие позднейших крупных перестроек настолько изменили свой облик, что под новой внешностью почти невозможно разглядеть их подлинные черты, определяющие характерные особенности эпохи и стиля. Большинство древнейших наших памятников скрыты или изуродованы вековыми наслоениями — под облицовками, штукатурками и окрасками. Архитектура Киева, Чернигова, Смоленска и ряда других центров древней культуры только в наши дни начала понемногу выявляться в научно-исследовательских работах с проведением зондажей или научной реставрации.

В течение предшествовавшего столетия реставрация памятников явилась средством возобновления здания по преимуществу для практических, а не научных целей и потому не позволяла разработать и применить вполне на-

---

* В журнале «Советская книга» (1949, № 10, с. 109) был опубликован отзыв профессора, доктора исторических наук Н.Н.Воронина о статье П.Д.Барановского «Собор Пятницкого монастыря в Чернигове» в сборнике «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками» (Изд. АН СССР, 1948).

«Статья П.Барановского «Собор Пятницкого монастыря в Чернигове» — серьезный вклад в дело изучения истории древнерусского зодчества за последние годы. Пятницкая церковь конца XII в. была столь закрыта и искажена позднейшими переделками, что не привлекала серьезного внимания ученых. Исследование памятника позволило П.Барановскому установить, что храм сохранил полностью свои древние конструктивные элементы. Была выявлена и интереснейшая композиция его пирамидального ступенчатого верха, отвечающего ступенчатой конструкции подпружных арок. Такая композиция до сих пор считалась рожденной на Руси в XIV—XV вв.; в науке шел спор о псковском или московском приоритете в ее создании и роли сербского «влияния». Теперь выясняется, что процесс русской переработки крестово-купольного храма... был еще в домонгольское время доведен до такого исчерпывающего и смелого решения, как Пятницкий храм. Эта линия развития в русском зодчестве XII—XIII вв., проявившаяся в творчестве мастеров разных областных школ, может быть оценена как зарождающееся национальное течение. Оно является как бы архитектурным откликом на объединительные идеи «Слова о полку Игореве...»

учный метод в восстановлении и точном исследовании архитектурных памятников. По этой причине и собор Пятницкого монастыря в Чернигове, не имеющий точной летописной датировки и капитально перестроенный в конце XVII в., сохранивший лишь незначительные черты древности в обработке алтарных апсид, не являлся памятником, научно определенным и документированным. Ни одному из исследователей последних десятилетий не удалось проникнуть под толщу его штукатурок и различных перестроек, и он, по существу, оставался совершенно неизученным.

Среди других памятников Чернигова, относящихся к первой четверти XI в., Пятницкий храм обычно ставился по своему значению на пятом месте и совершенно различно определялся историками искусства и археологами.

Пышная обработка XVII в., в которой собор дошел до нас, невольно привлекала к себе внимание своим эффектным, помпезным стилем украинского барокко. Такой вид собор приобрел в конце XVII в. при перестройке на средства известного мецената и деятеля по восстановлению памятников черниговской старины полковника, генерального обозного Василия Дунина-Борковского[1]. До этих перестроек о Пятницком монастыре и его соборе имеются очень скудные сведения, и то относящиеся только к середине XVII в.

Конец XVII в. был замечательной эпохой культурно-национального возрождения на Украине и особенно в Чернигове, ближайшем к Московскому государству городе. Это время таких известных деятелей просвещения, как архиепископ Лазарь Баранович, архимандрит и восстановитель Елецкого монастыря Иоанникий Голятовский, архиепископ Иоанн Максимович и др. В эту эпоху на Украине зародилось новое архитектурное течение, получившее самостоятельный характер и именуемое украинским барокко. Пятницкий собор, имевший традиционный план крестово-купольного здания в виде прямоугольника (12,3 х 11,3 м) с примыкающими тремя алтарными апсидами и четырьмя столбами, несущими своды и главу, был во время переделок обнесен с трех сторон пристройками, была надстроена глава (что увеличило первоначальную высоту на 8 м), надложены сверх стен массивные и пышные барочные зубчатые фронтоны, окна расширены и пробиты новые, пилоны внутри храма сделаны обтеской более тонкими, и стены оштукатурены, фасадная обработка срублена, и с внешней стороны стены, как и глава, получили облицовку и штукатурку в формах, присущих барокко[2]. Все это значительно укрупнило храм, но почти полностью стерло внешние следы его древности, кроме части обработки на алтарных апсидах, и дало ему новый своеобразный облик и значение одного из характерных представителей украинского барокко. Из дальнейшей истории монастыря известно, что здание храма подвергалось изменениям после пожаров, случившихся в 1750 и 1862 гг. В 1786 г. монастырь был закрыт, все его постройки, кроме собора, были снесены, и собор существовал уже как приходская Пятницкая церковь с пристроенной в 1820 г. колокольней и в 1850 г. — новыми приделами[3].

Датировка Пятницкого храма в трудах ряда ученых, касавшихся в течение последних 150 лет этого вопроса с точки зрения истории или истории

искусства[4], за отсутствием летописных данных устанавливалась весьма различно. Первоначальное время его постройки определялось началом XII (1115 г.) — концом XIII в., причем более ранние историки, конца XVIII — 1-й половины XIX в., рассматривали его даже как здание, полностью построенное в первой половине или даже в конце XVII в.

Несколько иной взгляд на памятник установился в научной литературе и сохранился вплоть до нашего времени после того, как профессор П.А.Лашкарев в результате обследования им в 1895 г. памятников Чернигова заявил в докладе, напечатанном в трудах XI Археологического съезда[5], что Пятницкая церковь «имеет вид восстановленной или, точнее, построенной из остатков древней церкви», что некогда «купол, своды и столбы этого древнего здания упали, а стены разрушились так, что для восстановления или, вернее, постройки существующей церкви строители могли воспользоваться только алтарной частью и наружными стенами до известной высоты. Последние послужили фундаментом для возведения церковного здания до нынешней его высоты и, восстанавливая новый фонарь главы и своды, придали им формы, отличные от формы древних сводов вообще». Однако все эти домыслы не были основаны на точных обмерах памятника.

Свое описание профессор П.А.Лашкарев уточняет планом и разрезом храма, на котором древняя кладка стен показана меньше чем до половины высоты здания, то есть до верха окон второго яруса.

Эти столь категорические высказывания пытался подвергнуть сомнению и внести в них поправку профессор Ф.Ф.Горностаев, отмечая в своем докладе на XIV Археологическом съезде в Чернигове[6], что им была обнаружена древняя кладка у основания крестовой части храма, то есть у пят сводов или примерно на 3 м выше того уровня древних стен здания, на который указывал профессор П.А.Лашкарев. При этом Ф.Ф.Горностаев высказывал новое мнение о датировке храма не началом или концом XII в., а концом XIII в., не обосновывая это.

К сожалению, детальное обследование и обмер, произведенный Ф.Ф.Горностаевым по другим древним памятникам Чернигова, не коснулся нашего памятника. Его же указания на следы древней кладки, идущей несколько выше, чем утверждалось его предшественником, остались незамеченными более поздними авторами, повторяющими указания профессора П.А.Лашкарева.

Что касается сводов, имеющих действительно необычную для русского искусства домонгольского периода форму ступенчатых сводов, свойственных русской архитектуре XIV—XV вв., все авторы указывали на их позднейшее по отношению к начальной эпохе памятника происхождение. Кроме того, профессор Н.И.Брунов в своей работе о раннемосковском зодчестве ставил вопрос, не является ли применение ступенчатых арок в Чернигове «промежуточным звеном между Сербией и Москвой, например, работой сербов по дороге в Москву»[7]. В данном случае он ставил вопрос, не могут ли своды Пятницкой церкви относиться к концу XIV или к XV в., то есть ко времени, к которому относится применение этой конструкции и в Сербии

(например, Грачаница, около 1320 г.), и несколько позднее в русской архитектуре (Звенигород, 1405 г., Псков, 1413 г.).

Из других особенностей памятника все авторы неизменно обращали внимание только на «любопытный романский фриз из висячих столбиков с консолями, обрамляющих верхнюю часть апсиды»[8], говоря об этом, как об одном из первых проявлений романского стиля на Руси.

Ни профессору И.В.Могилевскому, специально занимавшемуся только ранними памятниками Киева и Чернигова, ни мне в своих исследованиях русской архитектуры домонгольского периода и никому из других ученых не удалось заняться детальным исследованием Пятницкого храма, причем главной причиной того, что памятник оставался по-прежнему почти неведомым, являлось все то же обстоятельство, что он был капитально перестроен и одет в непроницаемую броню новых кирпичных облицовок, штукатурки, масляной окраски и т.п. Для проведения соответствующих научным требованиям глубоких зондажей в сложном организме памятника необходима была серьезная организация этого дела, связанная с значительными затратами, с последующей реставрацией большего или меньшего масштаба.

Можно было надеяться, что время это не за горами и что вслед за другими, уже раскрытыми нашей наукой памятниками, и Пятницкий храм будет археологически научно документирован и займет надлежащее место в истории не только украинского барокко, но и древнерусского искусства.

Однако варварское разрушение Пятницкого храма немцами при их вторжении и бомбардировке Чернигова предварило постановку научно-исследовательской проблемы изучения этого памятника, навсегда лишив возможности видеть его в облике конца XVII в., а также возможности научно раскрыть и реставрировать его во всех подлинно сохранившихся частях более глубокой древности.

23 августа 1941 г. при немецком наступлении Пятницкий храм выгорел от зажигательных бомб, и 26 сентября 1943 г. после освобождения Чернигова он был разрушен воздушной бомбардировкой.

В декабре 1943 г. по заданию Комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств при СНК СССР и Чрезвычайной государственной комиссии по учету ущерба, нанесенного немецкими захватчиками, мною было произведено обследование памятников Чернигова, во время которого оказалось, что Пятницкий храм пострадал особенно сильно. При бомбардировке были разрушены на три четверти западная и южная стены здания, обрушились два западных пилона, большая часть сводов и купол. Эти части здания превращены в гору из кирпичных массивов, кирпича, щебня и мусора, поднимавшегося внутри здания на высоту 7 м.

Сохранившиеся руины памятника, представлявшие как бы диагональный разрез его с северо-западного угла к юго-восточному, давали возможность детального аналитического исследования здания в отношении его конструкций, характера материалов и техники. Руины представляли собой сложнейший конгломерат кирпичных кладок различного времени и характера. В этой кирпичной мозаике по крайней мере пяти эпох, кроме кирпича,

явно свойственного начальному периоду жизни памятника, хотя и несколько отличавшегося, но все же близкого этому же периоду, в перестройках встречался еще и кирпич, характерный для XVII, XVIII и XIX вв. Во всем этом предстояло разобраться, и это дало основной ключ к пониманию памятника.

Прежде всего исследовательское внимание и интерес привлекло то обстоятельство, что все основные конструктивные элементы здания до самого верха, включая и своды, и основание главы, были сложены в опровержение всех вышеуказанных литературных утверждений прошлого из одинакового материала — плинфов, характерных только для домонгольской эпохи.

Ступенчатые своды, сохранившиеся после обвала с восточной и северной сторон, столь несвойственные русской архитектуре домонгольской эпохи (по сложившимся в нашей науке за 100 лет представлениям), были сложены из того же древнего кирпича — плинфов.

Арки боковых нефов оказались необычной двухъярусной конструкции, причем нижние арки обычной формы, полуциркульные, верхние же, позднее заложенные кирпичом и заштукатуренные, имели характер аркбутанов, внесенных в конструкцию внутри здания.

Все это также было сложено из плинфов. В стенах открылись следы деревянных связей, в парусах — голосники, в других местах — обрывки арок, следы проемов и пр.

Все эти данные, совершенно новые и имеющие чрезвычайно большое значение для истории русской архитектуры, заставили приложить все усилия для возможного исследования и фиксации сохранившихся остатков, тем более необходимого и неотложного, что сохранившиеся руины и остатки памятника были в совершенно катастрофическом состоянии и грозили падением. В этом случае фиксация могла бы иметь значение последнего и единственного документа о погибшем памятнике.

Несмотря на зимнее время, превратившее руины в обледенелую скользкую глыбу 18-метровой высоты, мне в сложившихся условиях одному удалось провести исследование и обмер до самого верха и выяснить во всех основных чертах первоначальную архитектуру памятника.

Достигнув верхних частей руин, можно было с чувством особенного удовлетворения отметить тот факт, что ступенчатые своды, аркбутаны, паруса и все прочие конструктивные части памятника сложены на розовой цемянке (растворе с примесью толченого кирпича), характерной только для архитектуры домонгольской эпохи. Кирпич по его размеру (длина от 27 до 28 см, ширина от 16 до 20 см, толщина от 4,5 до 5 см) и имеющимся на многих экземплярах знакам, характер связующего раствора, характер кладки и обработки шва не оставляли никаких сомнений в том, что кладка сводов, прочих конструкций и сохранившихся верхних частей здания (за исключением облицовок и наслоений, явно более поздних) составляет одно целое с нижними частями здания, со стенами, алтарными апсидами и современна им. С другой стороны, указанные технические особенности кладки, материалов и т.п. давали уверенность в том, что здание относится к домонгольской эпохе,

так как в дальнейшем подобные технические приемы уже не применялись. Кроме того, после страшного разгрома Чернигова татарами в 1239 г., город, как известно, так запустел, что даже его епископы переселились в Брянск и новое строительство возродилось лишь в XVII в.

Но исключительно радостным для исследователя и будущей истории русского искусства был следующий этап раскрытия памятника, когда после удаления штукатурки на восточной стене, заканчивающей крестовую верхнюю часть здания, открылась почти целиком сохранившаяся и только со срубленным рельефом стрельчатая арка, оформлявшая с фасада восточную ветвь креста. В центре этой арки нашлась ниша, обработанная наличником, а в основании пояс из «городков» — поставленных на ребро кирпичей — излюбленный русский декоративный мотив, особенно в архитектуре Новгорода и Пскова с XIV в. Совершенно необычайным явились для русской архитектуры не только явно выраженная форма стрельчатой арки-закомары, но в еще большей степени самый прием оформления подобными арками торцовых фасадных частей по четырем ветвям креста, соответствующим нижним ступеням сводов. Что подобную одинаковую обработку имели все четыре фасада, явствует само собой из структуры здания и системы его сводов. При такой обработке нижних ступеней сводов казалось естественным и неизбежным иметь подобное же оформление и верхних ступеней, что в общем давало бы ступенчатую композицию снаружи здания, логически связанную со ступенчатой конструкцией его сводов. Установить документально последнее предположение было невозможно до 1944 г., так как данное место было сплошь заделано массивными надстройками более позднего времени. Кроме того, сохранившийся остаток третьей арки (не выраженной ступенью внутри здания и находившейся выше парусов в плоскости подкупольного квадрата, несшего главу) давал основание предполагать существование внешней декорации здания, обогащенной еще и третьей ступенью.

Все эти соображения рисовали перспективу архитектурной композиции памятника, столь необычного для архитектуры Киевской Руси и вместе с тем так связанного с основным композиционным приемом и стилем памятника ярко национального характера Московской Руси и народного деревянного зодчества, что даже при наличии фактов и документов находка казалась прямо невероятной по своему значению для истории русского искусства. Дальнейшее раскрытие архитектурных особенностей памятника в процессе консервационных работ по сохранению руин в следующем 1944 г. полностью подтвердило все первоначальные предположения о недоисследованных местах и сделанный в 1943 г. на основе обмеров проект реставрации.

Обследования того же 1943 г. в других местах памятника вскрыли еще ряд весьма интересных данных.

Фасад сохранившейся от разрушения северной стены был первоначально разделен пилястрами сложного профиля, частью срубленными при перестройке их на три неравных деления, из которых в центральном, превращенном в XIX в. в сплошную широкую арку, сохранился ниже и выше ее остаток

древнего портала. Выше, у оконных проемов второго яруса, под штукатуркой были найдены фрагменты декоративного пояса, выложенного из кирпича в виде упрощенного меандра. На уровне окон в толще этой же стены сохранились остатки заделанного при перестройках XVII в. внутристенного хода, перекрытого сводом. Остатки подобного же хода были и на уцелевшей части южной стены. Из этого внутристенного хода на фасад, а также внутрь храма выходило по два окна в центральном делении фасада и по одному в боковых. При перестройке все окна были сильно расширены и увеличены в высоту, причем некоторые из них значительно сдвинуты со своих центров, а сохранившиеся при этом части внутристенной галереи заложены. Над частично сохранившимися арками древних оконных проемов были открыты интереснейшие фрагменты обрамлявших их кирпичных наличников с подвышением, что дает, вероятно, первый пример подобной обработки, ставшей потом столь характерной для русской архитектуры. Выше окон, там, где в конце XVII в. были пробиты два больших окна, по сохранившимся фрагментам было установлено наличие пяти декоративных ниш, а над ними — пояса «городков», совершенно аналогичных и находящихся на той же высоте, как и обнаруженный на восточном фасаде. Завершающая всю композицию фасада стены арка-закомара, отвечающая нижней ступени свода, должна была соответствовать, как выше указано, закомаре, сохранившейся на восточной стороне здания. На западном членении того же северного фасада сохранилось полукружие закомары, хотя и переложенной несколько позднее из плинфов другого характера, но определяющей ее высоту и композицию памятника в пониженных угловых его частях.

Обращаясь к обработке алтарных апсид, необходимо отметить, что широко известный в специальной литературе «романский фриз из висячих столбиков с консолями, обрамляющий верхнюю часть апсид», оказался в действительности после удаления штукатурки аркатурой из полуколонок, проходящих от земли до карниза, — прием, широко известный в целом ряде памятников той же эпохи не только на Руси, но и на Западе и на Кавказе.

В верхней части апсид, на высоте меандра, опоясывающего прочие фасады храма, между колонками был обнаружен декоративный пояс кирпичного сетчатого орнамента, образцы которого имели применение особенно в архитектуре балканских стран, начиная с XI в., а также встречаются и в Западной Европе[9], и на Востоке[10].

Оконные проемы в алтарных апсидах были сильно растесаны в более позднее время, но все же сохранили возможность восстановления их первоначального вида[11].

В результате исследования памятника в 1943 г. была установлена исключительная ценность и уникальность сохранившихся от полного разрушения его частей и вытекающая отсюда совершенно очевидная необходимость их сохранения и консервации. Но реальные условия организации реставрационных работ при наличии столь многочисленных разрушенных и пострадавших ценнейших архитектурных памятников в районах военных действий были настолько трудны, что только поздней осенью следующего 1944 г.

удалось произвести часть работ по спасению остатков Пятницкого храма[12]. С 21 ноября по 14 декабря было произведено временное укрепление почти совершенно перебитого северо-восточного пилона, которому грозило падение и от которого, в опасном сечении, на высоте 5 м от пола, где раньше проходили деревянные связи, оставалось только около 0,30 м^2, то есть не больше одной трети первоначальной площади опоры. На этом совершенно деформированном и покрытом сетью трещин основании держались кирпичный массив самого пилона и поддерживаемые им части сводов с большой нагрузкой от позднейших надстроек на них. Работы, проведенные с большим риском, окончились благополучно, и пилон был укреплен временным корсетом из деревянных брусьев, стянутых хомутами. Одновременно с проведением работ по укреплению пилона была удалена с восточного свода дополнительная нагрузка, состоявшая из остатков надстроек конца XVII в. вместе с трезубым фронтоном над восточной ветвью крестовой части храма. Проведение этой работы не только облегчило свод и больной пилон от лишней нагрузки (до 53 т), но одновременно дало возможность документально подтвердить предположения прошлого года, принятые за основу предварительного проекта реставрации, так как по снятии заделок оказалось, что верхняя ступень свода сохранила с фасада свою обработку подобно нижней. Третий ярус, ярус закомар в основании главы, был тогда же документально установлен на восточной стороне под заделками новым кирпичом; он декорировал постамент под главой в виде кокошника, также имевшего стрельчатую форму.

Одновременно с указанными работами были проведены частично раскопки и разборки завалов, образовавшихся при разрушении памятника. Наиболее интересным результатом этих раскопок была находка фрагмента трибуна главы, которая также в опровержение всех утверждений прошлого оказалась древней. Характер материала, кирпича и раствора, обнаруженный при обследовании главы, подтверждает одновременность ее создания со всеми остальными древними частями памятника. Кроме того, на фасадной стороне найденной части главы сохранились остатки аркатуры, проходившей под ее карнизом; эта аркатура имеет особенности устройства, наблюдавшиеся нами в ряде русских памятников XII в. Эта особенность состояла в том, что в днище аркатуры вставлялась полукруглая терракотовая плитка[13].

Находка фрагмента главы решила последний из серьезных научно-исследовательских вопросов. Она, с одной стороны, свидетельствует о том, что до наших дней здание собора Пятницкого монастыря сохранилось полностью в древних конструкциях (до самого верха), лишь скрытых позднейшей одеждой, и, таким образом, все предыдущие утверждения оказались неверными. С другой стороны, эта находка позволяет дать документированный и совершенно неоспоримый проект реставрации памятника, который в основных чертах и составлен автором этих строк[14].

Работу по укреплению участка южной стены, подбитого и висевшего в воздухе в виде консоли и находившегося в таком же катастрофическом со-

стоянии, как и описанный выше пилон, не удалось провести вследствие трудных местных условий и наступления зимних холодов. В мае 1945 г. этот кусок стены упал, ударился о юго-восточный пилон (в нем не было деформации, но он был прорезан пустотами от деревянных связей, как и северо-восточный) — пилон был перебит, обрушился и увлек за собой часть восточного свода.

В 1945 г. был проведен второй цикл работ по укреплению руин Пятницкого храма уже с большими результатами[15]. Для проведения работ по личному распоряжению председателя СНК УССР Н.С.Хрущева были отпущены необходимые строительные материалы и выделена одна из киевских строительных организаций. С 15 октября по 15 декабря были проведены следующие работы: укреплены путем инъекции раствором и устройства дополнительных сжимов северо-восточный пилон, а также часть стен и сводов, установлены деревянные контрфорсы к северной стене; сняты кирпичные надстройки над северной ветвью креста, чем облегчены несущие конструкции на 43 т. При этом раскрылись с фасада две верхние закомары-кокошники с оригинальной кладкой одного из тимпанов и с окаймляющими их архивольтами. По вскрытии первоначальных форм памятника были сделаны над всеми сохранившимися частями толевые кровли по тесовой опалубке. Кровли ступенчатых закомар были покрыты по форме образующих их сводов, причем не всем закомарам дана присущая памятнику стрельчатая форма по той причине, что некоторые ближайшие к фасаду части сводов были переложены при перестройке здания в конце XVII в. и изменили свое прежнее внешнее очертание на полуциркульное, свойственное тому времени. Восстановление первоначальной стрельчатой формы закомар в этих местах является реставрационной задачей будущего.

Произведенные практические и научно-исследовательские работы уточнили ряд прежних данных и обнаружили наличие бывших в храме фресковых росписей, остатки которых найдены в софите аркбутана северного нефа. Одновременно работы по раскопке и разборке завалов обнаружили ряд крупных фрагментов здания, совершенно аналогичных деталям, вскрытым на сохранившихся восточной и северной его частях, например, части ступенчатых сводов с их фасадной обработкой в виде ступенчатых закомар. Это еще раз несомненно подтверждает, что обработка всех фасадов была одинакова. Следует также отметить, что при разборке завалов было выделено из числа отобранного древнего кирпича до 100 штук плинфов с клеймами. Такое количество столь разнообразных и интересных клейм еще не встречалось в других памятниках древнерусского зодчества. Найденные плинфы представляют особенность исследуемого памятника, подлежащую специальной научной обработке.

Таким образом, в результате проведенных работ были документально установлены не только все основные структурные и композиционные данные Пятницкого храма, но и все элементы его фасадной декорации, а также приняты меры для сохранения его драгоценных остатков путем их укрепления и устройства временных кровель.

* * *

На основе проведенного исследования и полученных новых данных мы пришли к ряду выводов. Отныне можно бесспорно утверждать, что своды Пятницкого храма ступенчатой конструкции являются изначальными (могут датироваться гранью XII—XIII вв.), и решительно отказаться от предположения профессора Н.И.Брунова, что эта конструкция в Чернигове могла быть плодом творчества сербских зодчих XIV—XV вв., по пути их из Сербии в Москву[16].

Вопрос взаимоотношения с сербским зодчеством, учитывая исключительно большую общность с Пятницким храмом таких, например, памятников, как Грачаница (около 1320 г.) и Лазарица (1389 г.), имеет исключительно большое значение, особенно принимая во внимание связь в том и другом случае фасадной композиции с конструкцией свода. Но этот вопрос нельзя упрощать, усматривая здесь только заимствование. Поэтому предстоит еще большая научная работа по выяснению взаимосвязей русской архитектуры феодального периода с архитектурой балканских стран, а также их общих источников, что ныне является особенно актуальным в свете новых открытий черниговского памятника XII—XIII вв., столь загадочно родственного и Сербии, и Москве XIV—XV вв.

Не без основания же летописец сказал на первых страницах «Повести временных лет»: «Там ведь Иллирик, до которого доходил апостол Павел; тут сперва были славяне... А славянский народ и русский — один». Сложнейшие вопросы генезиса русского искусства в связи с искусством братских нам славянских народов на Балканах остаются пока еще неразрешенными.

Может, когда-нибудь оправдается мысль, что родство племенное и общность происхождения на давних этапах исторического бытия, близость и почти общность языка и бытия, общность воздействия сперва мировой эгейской культуры, а потом греческой веры из Византии не могли не дать общих выражений и в формах изобразительного искусства.

Второй вопрос о ступенчатых сводах касается взаимоотношений с псковской архитектурой, ибо эта весьма типичная для нее конструкция даже получила название «псковских ступенчатых сводов». Не вернее ли отныне ее считать только получившей в Пскове с XIV в. наиболее широкое применение и, может быть, пришедшей туда в эпоху более позднюю, нежели она уже бытовала в Южной Руси, бывшей наиболее передовым культурным центром всей страны, ближайшим территориально к очагам древней культуры в Причерноморье и Западной Европе? Во всяком случае, сегодня мы утвердительно можем сказать, что архитектурный прием Пятницкого храма является первым на Руси в таком органическом виде, когда внешняя ступенчатая форма здания целиком отражает ступенчатую конструкцию его сводов.

Одновременно следует еще раз отметить, что в архитектуре балканских стран известные нам памятники подобной же ярко выраженной ступенчатой структуры датируются более поздним временем.

В свете этих сопоставлений и датировок Пятницкий храм приобретает место и значение первой величины в истории русской архитектуры, а в связи с вопросом формирования подобных приемов на Балканах он должен занять подобающее ему место и в истории мирового зодчества.

* * *

Вопрос единства, слитности и органической увязки приема ступенчатых сводов композицией пирамидальной формы в виде нарастающих друг на друга кокошников является наиболее существенным как для данного памятника, так и для русского зодчества вообще. Если полностью можно принять гипотезу профессора Н.И.Брунова о том, что София Киевская является вследствие ступенчатости, пирамидальности построения всей структуры первым памятником самостоятельного русского зодчества и первым проявлением его национальных особенностей, то с этой точки зрения Пятницкая церковь приобретает еще большее принципиальное значение в истории русского зодчества своей связью с памятниками его национального расцвета и с деревянным зодчеством. Здесь основным является не только внешнее, зрительное восприятие, но в гораздо большей степени полная общность конструкций и форм, так как своды Софийского собора не являются новой строительной конструкцией — «ступенчатыми сводами»; в нем своды перекрывают нефы по-старому, но расположены на разных уровнях[17].

В такой же мере и собор Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке (XII в.), считающийся одним из промежуточных звеньев формирования самостоятельной русской архитектуры ступенчатого вида, дает на фасадах такое повышение над сводами, которое не является закономерно и логически выросшим из строительной конструкции, а служит лишь декорацией, украшающей конструктивный постамент над главой в виде ложной трехлопастной арки.

Собор Пятницкого монастыря, с точки зрения развития формы кокошников, связанных с конструкцией сводов, должен отныне занять не только хронологически наиболее раннее место, но, так сказать, и высшее место в системе развития форм русского зодчества раннего периода — XI—XIII вв. Стоящий на вершине разрушенной татарами большой культуры Древней Руси, он представляет ясно выраженную отправную точку, с которой началось развитие национального творчества Московской Руси. Являясь в настоящий момент для нас новым и совершенно оригинальным, по противоречию со сложившимся представлением о русской архитектуре, Пятницкий храм поражает явной связью с памятниками и Сербии, и Москвы XIV—XV вв., и с такими вершинами русского зодчества, как Вознесенский храм в Коломенском (близостью системы построения кокошников), и особенно с деревянными русскими храмами, столь тождественными по своим ярусным ступенчатым завершениям бочками-кокошниками. В этой многообразной связи Пятницкий храм является первым великим произведением нового стиля, ярко выраженного творческого гения русского народа.

* * *

На других интересных и своеобразных особенностях Пятницкого храма, отмеченных в описании их раскрытия, не считаю возможным здесь остановиться, так как это представляет уже задачу, выходящую за пределы настоящей статьи и подлежащую освещению в специальной работе. Считаю необходимым высказать лишь некоторые соображения по вопросу истории построения храма на основе сопоставления некоторых летописных данных в сочетании с отдельными памятниками архитектуры, близкими нашему памятнику.

Многие из ученых датой построения Пятницкого храма считали 1116 год. Основанием для этого служило им известие летописи 6624 г.: «Того же лета и Предислава черница, Святославна преставися»[18]. Только на этом основании и предполагали, что этой черницей, дочерью Святослава Ярославича мог быть основан в Чернигове Пятницкий женский монастырь и ею же построена дошедшая до нас каменная церковь.

Такое предположение о дате построения Пятницкого храма не имеет никаких оснований, как весьма шаткое, должно быть отвергнуто, тем более что ему противоречит и архитектура храма. Построенный в Чернигове в 1120—1123 гг. Борисоглебский собор, гораздо более архаичный своими формами, представляет собой вид храма, сложившийся на Руси в начале XII в. и просуществовавший на Руси в почти не изменившейся структуре несколько меньше столетия. Архитектура Пятницкого храма, его конструкция, технические элементы и формы говорят о построении его на грани XII—XIII вв.

В нем видны больше всего черты, роднящие его с Васильевским храмом в Овруче, который хотя и не имеет летописной даты, но может быть с достаточным основанием датирован концом XII в. как постройка князя Рюрика-Василия Ростиславича, сделанная, вероятнее всего, не раньше 1171 г., когда он сел впервые на великокняжеский стол[19], но, может быть, и после 1181 г., когда Рюрик после победы над Святославом уступил ему Киев, а «себе взял всю Русскую землю»[20].

Значительное сходство нашего памятника с Овручским храмом и некоторые исторические экскурсы заставляют остановить внимание на биографии Рюрика и на основе сопоставлений сделать новые предположения и выводы.

Рюрик Ростиславич Смоленский, Буй-Рюрик[21] («Слово о полку Игореве»), был одним из самых храбрых князей Древней Руси, проведший всю свою жизнь в походах и битвах и как бы наследовавший свои свойства от прадеда — Владимира Мономаха и более далекого предка — Святослава Игоревича. Неоднократно сгонявшийся с великокняжеского престола в феодальных распрях и шесть раз вновь на него садившийся, победитель Андрея Боголюбского, инициатор и участник многочисленных походов на половцев, тот, чьи бранные подвиги древний певец отмечает лаконичным и сильным образом битвы: «Не ваши ли шеломы в крови плавали»[22], Рюрик Ростиславич является одной из самых характерных и ярких личностей фео-

дальной эпохи, для которых понятия «жизнь» и «война» были неразделимы. Но не в одном только образе бранной славы встает перед нами Буй-Рюрик-Василий Ростиславич. В сказаниях летописей, то слишком кратких и сбивчивых, то ярких, подробных и красочных, он рисуется нам также князем, любимым народом за приветливость, князем, который «имел любовь несытну о зданиях» и имел «во приятелях своих» зодчего Милонега-Петра, «мастера не проста», строившего Рюрику сооружения необычайные и удивлявшие современников. Подобные, важные для истории русской архитектуры характеристики летописей имеет только один из князей древней Руси — Рюрик-Василий и только один из зодчих — Милонег-Петр.

Из фактов строительства и связанной с ними жизни Рюрика имеются следующие летописные даты: в 1172 г. он построил в Лучине церковь Михаила в память рождения здесь сына Ростислава — Михаила[23]. Церковь эта нам не известна и не сохранилась. В 1197 г. он построил в Белгороде церковь Апостолов, о которой с величайшей похвалой отзывается летописец как о здании, необычайном своей высотой и украшенностью[24]; она тоже не сохранилась. К 1198 г. относится построение им в Киеве на Новом Дворе церкви Василия, не сохранившейся, как и предыдущие. В 1199 г. Рюрик построил подпорную стену в Киевском Выдубицком монастыре, которая вызвала восторженный отзыв летописца: «Изобрете бо подобному делу и художника и во своих си приятелях, именем Милонег, Петр же по крещению, акы Моисей древле оного Веселеила, и пристаника сотвори богоизволену делу и мастера не проста»[25]. Сооружение Выдубицкой стены, столь поразившей современников, было отпраздновано великим князем большим торжеством с приглашением родственников из других русских княжеств. Но общая печальная судьба древнерусского строительства не сберегла до нашего времени и этой четвертой и последней из точно датированных построек князя Рюрика.

Таким образом, для тридцатилетнего периода зодчества Южной Руси, с 1172 по 1200 г., отмеченного летописцем как время необычайных архитектурных сооружений князя Рюрика, мы не имеем точных представлений о памятниках, упоминаемых в летописях[26]. Один только уцелевший, к счастью, Васильевский храм в Овруче, хотя и не имеет летописной даты, но вместе с тем по ряду историко-архитектурных данных позволяет не сомневаться в том, что его построил князь Рюрик. Тем самым проливается свет на эту доселе темную пору русского зодчества, которая при лучшей сохранности памятников могла бы быть названа периодом Рюрика Ростиславича[27]. Позднейшие, после 1199 г., известия летописей не сообщают никаких данных о его строительстве.

Дальше из событий жизни Рюрика после постройки стены в Выдубицах известно, что в 1205 г. после удачного похода со своим зятем Романом Мстиславичем на половцев Рюрик был схвачен Романом и пострижен в монашество вместе с женой и дочерью[28]. Но как только в том же 1205 г. Роман пал в битве с поляками, Рюрик расстригся и вновь, в пятый раз, сел на великокняжеский стол в Киеве. При этом он «княгиню свою много нудив (тоже

расстричься), она же не расстрижеся». Где и в каких монастырях были пострижены Рюрик, его жена и дочь, летописи умалчивают. Можно предположить, что это было в Киеве — месте последнего пребывания Рюрика или, что столь же вероятно, в ближайшем Чернигове, что может быть подкреплено следующими данными. Одно из сведений, относящееся к 1200 г., говорит о том, что после построения Выдубицкой стены Всеволод Чермный напал на Киев и заставил Рюрика сесть в Чернигове[29], хотя, с другой стороны, известно, что в это время там же, в Чернигове (с 1198 по 1202 г.) сидел князем Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве» и родственник Рюрика. Сын Игоря, Святослав Игоревич, был женат в 1197 г. на дочери Рюрика Ярославне. Отсюда возникает естественное предположение о пострижении в 1205 г. и о возможности пребывания семьи Рюрика после пострижения в Чернигове, где только за два-три года до этого скончался отец его зятя — Игорь Святославич и где во время пострижения княжил Всеволод Чермный, раньше то выступавший в союзе с Рюриком против Галича, то боровшийся с ним за великокняжеский стол[30].

Дальнейшие сведения летописей и историков о Рюрике разноречивы. В 1210 г. он уступает Киев Всеволоду Чермному, а сам садится в Чернигове на княжение, затем умирает в 1215 г. Есть и другое мнение: он в Чернигове в это время уже не княжил, а только ушел туда (на основе толкования слов летописи «иде», «соиде») и там же вскоре скончался[31].

Если допустить весьма вероятный по указанным соображениям факт пострижения Рюрика с семьей или только его жены и дочери в Чернигове, то в таком случае становится естественным приписать инициативе самого Рюрика, вновь севшего в 1205 г. на великое княжение, или его жены и дочери, оставшихся монахинями, построение в самых первых годах XIII в. сохранившегося до нас собора в Пятницком женском монастыре.

Этому предположению в высокой степени помогает и сильно убеждает сравнение черниговского Пятницкого и овручского Васильевского храмов, где мы имеем исключительную близость в таких своеобразных и редких особенностях, как сложно профилированные пилястры и замечательный внутристенный ход.

В этой же связи исторических и архитектурных сопоставлений совершенно естественно возникает и другое предположение — что зодчим Пятницкого, необычайного по своему завершению и высоте храма, мог быть тот же «приятель» Рюрика — «художник и мастер непростой» Милонег, который, по словам летописца, совершил «дело, подобное чуду», постройкой Выдубицкой стены. Он же мог и в Овруче построить Васильевскую церковь в ранние годы деятельности Рюрика, и в Белгороде не дошедшую до нас необычайную по высоте и на удивление украшенную церковь Апостолов, и церковь Васильевскую в Киеве на дворе княжеском, а через 5-10 лет после Выдубицкой стены построить к концу жизни Рюрика и его княгини-монахини церковь в Черниговском Пятницком монастыре.

Вся затронутая здесь группа памятников кажется исторически и типологически с разных сторон связанной со строительством и характеристикой

имевшего «ненасытную любовь к строительству» великого князя Буй-Рюрика Ростиславича.

Таким образом, высказанные соображения дают основания предположить, что дошедший до нас Пятницкий храм является одним из последних и, может быть, наиболее совершенных произведений связанного дружбой с князем-строителем Рюриком прославленного русского зодчего Милонега-Петра. Исходя из высоких достоинств памятника, раскрывшегося перед нашими глазами в процессе его исследования, мы могли бы обратить к нему те же слова, которыми летописец выразил свою похвалу белгородскому храму: «Высотою же и величеством и прочим вдивь удобрена, по Приточнику глаголящему: вся добра возлюбленная моя и порока несть в тебе».

* * *

Приведенные данные о Пятницком храме, раскрывающие его совсем в новом свете, а также соображения о его архитектуре, истории создания и значении в истории русского искусства не претендуют на исчерпывающую постановку всех вопросов, возникающих в связи с открытием этого памятника. Но все же из сказанного можно сделать следующие заключения.

Представляется совершенно несомненным, что архитектурные особенности, определенные научным исследованием в руинах Пятницкого храма, являются столь необычайными и важными, что делают памятник одним из значительнейших в истории формирования русского национального зодчества.

Памятник неопровержимо доказывает, что уже в домонгольскую эпоху русская архитектура не только отошла от признанных византийских канонов и стала на путь самостоятельного развития, но к концу XII в. уже дала произведения вполне сложившегося своеобразного и самостоятельного стиля.

Возникновение такого памятника, как Пятницкий храм, является органически закономерным событием именно в Южной Руси, где естественно создавались взаимодействия различных культур на перекрестьях путей: из северо-восточной Залесской Руси в Западную Европу через Галич и из северо-западной Новгородской Руси в Византию и на Кавказ через половцев. «Чернигов в XII в. был не меньшим культурным центром, чем Киев»[32]. В связи с этим является естественным и исторически необходимым возникновение здесь новых форм и нового архитектурного типа под воздействием форм местного, извечно бытовавшего материала — дерева, на основе хорошо усвоенного за полтораста лет крестово-купольного планового приема и не менее усвоенной кирпичной строительной техники.

Конец XII — начало XIII в. были временем большого подъема национальной самостоятельной культуры и художественной жизни, прерванной татарским нашествием. Является весьма закономерным, что именно в это время русское искусство в разных концах страны достигает наибольшего подъема: и в Залесской Руси с великолепным резным камнем Дмитровского

и Юрьев-Польского соборов, и в Новгороде Великом с его началом сурового северного стиля, и в Поднепровье с ярко национальным и уже глубоко народным по стилю и форме Пятницким храмом, создающим, наконец, прочный мост между зодчеством Великокняжеской и Московской Руси, которого не хватало на протяжении почти трехсотлетнего периода.

Собор Пятницкого монастыря в своих определенно выраженных национальных формах — пока единичное явление в архитектуре Древней Руси. Но это ничуть не снижает его значения для русского искусства, подобно тому, как его знаменитый современник в области поэзии, рожденный, по признанию ученых, в той же Северской земле — «Слово о полку Игореве», являясь тоже уникальным, представляет собой одно из самых лучезарных созданий древнерусского искусства, свидетельствующих о высоте культуры и творческих достижениях народа.

Выясненное значение памятников ставит перед наукой, искусством и государственными органами охраны памятников неотложную задачу — приложить все усилия к тому, чтобы во всеоружии научных знаний и техники восстановить, документально реставрировать этот памятник, создать для него хорошие условия окружения во вновь возрождающемся после немецко-фашистского нападения древнем Чернигове. При реставрации памятника необходимо поднять и поставить на свои места многочисленные массивы и фрагменты разрушенных стен, сводов и главы, места которых уже теперь определяются, и тогда памятник получит характер и значение документированного во всех отношениях подлинника. Памятник, восстановленный во всех частях и «на диво удобренных украшениях», говоря словами древнего летописца, будет в изобразительном искусстве нашего народа таким же глубоко национальным немеркнущим светочем, как и «Слово о полку Игореве» в поэзии того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеются сведения о работах по строительству храмов для Дунина-Борковского (а также для Самойловича) выдающегося кенигсбергского богослова, инженера и универсального ученого Адама Церникау и другого мастера, Ивана Баптиста (Наше Мицул, 1918, № 3, с.53-72).
2. Все эти данные получены при обследованиях в 1943 г.
3. Сохранившаяся репродукция с чертежа XIX в. дает возможность представить архитектуру собора конца XVII в., перегруженного деталями, хотя и грубыми, но дающими впечатление пышности и богатства здания в целом.
4. Шафонский, Марков, архиепископ Филарет, Лашкарев, Горностаев, Айналов, Павлуцкий, Смоличев, Некрасов, Брунов, Сичинский и др.
5. Лашкарев П. Церкви Чернигова и Новгорода-Северского. — В сб.: Труды XI Археологического съезда в Киеве. II, с.146.
6. Горностаев Ф. Об архитектуре древних храмов Чернигова домонгольского периода. — В сб.: Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. III, с. 67.
7. Брунов Н. К вопросу о раннемосковском зодчестве. — В сб.: Труды секции археологии РАНИОН. IV, с. 93.
8. Грабарь И. История русского искусства, т.I, с.157,160 (статья Павлуцкого).
9. Церкви Луки в Фокиде, Никодима в Афинах, Апостолов в Солуни, Парагоритиса в Арте, Текфу-Серай в Константинополе, Люботин и Марков в Сербии, Саперева баня и Месемврия в Болгарии и др.
10. Минарет в Узгене, минарет Келян в Бухаре и др.
11. Оконные проемы в своей древней форме и величине полностью установлены в работах 1945 г.
12. Работы 1944 г. производились мною от Главного управления охраны памятников архитектуры Комитета по делам архитектуры при СНК СССР на специально отпущенные для этого средства.
13. Совершенно аналогичное устройство было обнаружено мною под штукатуркой при исследовании памятников Смоленска, Полоцка, Чернигова.
14. К настоящему моменту еще требует уточнения и детализации вопрос о перекрытии пониженных углов крестовой части и о форме карниза алтарной апсиды.
15. Работы в 1945 г. производились совместно Главным управлением охраны памятников, командировавшим меня для руководства, и отделом охраны памятников Управления по делам архитектуры при СНК УССР, отпустившим средства.
16. Брунов Н. К вопросу о раннемосковском зодчестве. — В сб.: Труды секции археологии РАНИОН. IV, с.93.
17. Заслуживает рассмотрения в этом отношении прием повышенного к центру свода в церкви Феодосии в Константинополе.
18. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), II, 8.

19. После победы вместе с Игорем Святославичем над половцами в 1171 г. и ссоры с Андреем Боголюбским (ПСРЛ, II).
20. Эта победа была одержана под Белгородом над половцами, приведенными сыном Святослава Игорем, и Рюрик сделал это «возлюбяше мир», то есть не желая продолжения борьбы за киевский стол (ПСРЛ, II).
21. Буй — храбрый, смелый.
22. «Слово о полку Игореве» (речь идет о битве на реке Орели).
23. Ростислав Рюрикович — «гроза половцев» — женился на Верхуславе, дочери великого князя Всеволода Георгиевича Суздальского, в 1187 г.
24. Ипатьевская летопись, 1197 г.; Полонская. Раскопка Хвойко в Белгороде.
25. Ипатьевская летопись, 1119 г. В этом же году Рюрик Ростиславич получил титул великого князя и от византийского императора Алексея III Ангела.
26. Ипатьевская летопись, 1197 г. О постройке Рюриком Ростиславичем церкви Апостолов в Белграде.
27. Указанное определение овручского Васильевского храма еще не было до сих пор уточнено опубликованными историческими или историко-архивными исследованиями. В литературе есть указание и на построение храма Василием-Владимиром Святым и Василием-Рюриком Ростиславичем. Последнее даже с эпитетом «чудная церковь», но без указания, откуда это (Киев и его околица, 51). Памятник, к сожалению, не сохранил верха, и характер его документально не может быть установлен. Интересная и важная реставрационная работа проведена в храме А.В.Щусевым.
28. Жена была половчанка, дочь хана Болука, дочь была замужем за Романом Мстиславичем.
29. Голубовский П. История Северской земли. Киев, 1881.
30. Все проводимые здесь данные летописей требуют дополнительной серьезной критической разработки специалистов-историков в разрезе ставящихся нами вопросов.
31. Зотов. О черниговских князьях по Любецкому синодику. СПб., 1892.
32. Барсов Е. «Слово о полку Игоре-ве» как художественный памятник Киевской Руси. Т. I-III. М., 1887—1889.

О МЕТОДАХ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ РУИН АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПО РАБОТАМ КАВКАЗСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИИИ АН СССР 1946—1947 гг.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АН СССР, 16 декабря 1949 г.

I. О НЕОБХОДИМОСТИ СРОЧНОЙ РАЗРАБОТКИ МЕТОДОВ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ РУИНИРОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Наука реставрации памятников архитектуры, насчитывающая 100 лет практического осуществления работ над ними ради научных, а не только практических задач их сохранения, является наукой новой и в отношении метода еще не разработанной. Среди вопросов, подлежащих разрешению этой наукой, вопросы консервации и реставрации руин являются особенно сложными и совсем не разработанными как в отношении практического осуществления, так и в отношении методических установок.

Всем достаточно хорошо известно трагическое, если можно так выразиться, положение дела реставрации памятников архитектуры, когда не проходит и нескольких лет после проведения той или иной реставрации, как начинает сказываться неудовлетворенность ею как научных и художественных кругов, так и самого автора.

Необходимость сравнительного анализа широкого круга исторических и других памятников и дисциплин, необходимость длительного всестороннего изучения самого организма реставрируемого памятника, трудность самого процесса работ, который требует непосредственной работы автора реставрации над самыми, казалось бы, с первого взгляда, ничтожными деталями, необходимость архитектора-реставратора войти в положение средневекового мастера со всеми его методами и приемами — создают определенные сложности научно-реставрационного дела.

Невыполнение этих особенностей реставрационных работ вызвали многие неудачные примеры реставрации памятников, которые в буквальном смысле слова испортили и погубили ряд памятников, начиная с работ основателей этой науки Виолле де Люка[1], Солнцева[2] и других, вплоть до наших дней. Такое положение вызвало естественную реакцию против реставрации. Появились ярые сторонники такого взгляда на памятники, что их вообще не следует реставрировать, а нужно только поддерживать в дошедшем до нас виде, со всеми искажениями, наслоениями, внесенными человеком и природой. Но сторонники такого взгляда не учитывали при этом главного, что искажения и переделки зачастую являются тяжелыми болезнями, которые требуют не только лечения, но и серьезного хирургического вмешательства. Следовательно, вопрос заключается в основном в качестве проводимых работ, не в принципе, а в качестве и в необходимости ставить это дело на базу точной науки. При этом одним из самых важных положений является условие максимального сохранения подлинных элементов памятника и минимальных дополнений к ним, которые иногда бывают необходимы по ряду технических и прочих требований.

Если вопросы реставрации памятников архитектуры являются вообще сложными и трудными, то вопросы консервации тех же памятников, находящихся в руинированном состоянии, являются несоизмеримо более сложными, трудными и ответственными.

Серьезной консервации руин архитектурного памятника неизбежно должна сопутствовать их хотя бы частичная реставрация. Предоставление руин архитектурных памятников самим себе является для них абсолютной гибелью.

Реставрация руинированного памятника, зачастую с отнятием у руины свойственной ей романтики, — это неизбежное зло для предотвращения более крупного бедствия, то есть полной гибели памятника. Это необходимая мера для воскрешения памятника к новой жизни, к сохранению для человечества драгоценного документа истории и культуры.

Если реставрацию архитектурного памятника можно сравнить с лечением больного, то консервацию и реставрацию руинированного объекта можно по справедливости сравнить с хирургической операцией тяжело раненного, лишенного членов, находящегося в предсмертной агонии.

Практика прошлых реставрационных работ, проведенных в Олимпии[3], Дельфах[4], египетских храмах в Карнаке[5] и Эдфу[6], в памятниках Ани[7] и других, говорит, что реставрация, именно только научная реставрация руинированного памятника, есть единственный способ сохранить ему жизнь.

Наибольшее количество руинированных памятников архитектуры и с наибольшим количеством разновидностей их разрушения в Советском Союзе имеется на Кавказе. Поэтому естественно, что и изучение метода их консервации и реставрации нужно проводить там.

Но одновременно с данным положением приходится отметить общность этих задач и методов с теми задачами и зачастую методом, которые ставятся перед нами и в других местах Советского Союза в деле сохранения памятников архитектуры, поврежденных природой или разрушенных войной.

Задача консервации и реставрации памятников, разрушенных в наши дни фашистскими захватчиками, является менее трудной по сравнению с памятниками, разрушенными в давнее время. В первом случае мы зачастую хорошо представляем образ памятника, а иногда имеем и хороший материал в виде обмеров и фотографий до разрушения, как, например, по Спасо-Нередицкому храму[8].

II. ОСНОВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ СПОСОБА КОНСЕРВАЦИИ РУИН

Хотя работа над каждым из руинированных памятников имеет свои индивидуальные производственные особенности, но в целом методы сохранения руин можно разделить на две основные группы.

Первая группа — когда памятник документально известен и восстановим во всей конструкции и основных формах, например, храмы Спасо-Нередицкий (XII в.) и Николо-Липненский (XIII в.) в Новгороде, храм Пятницкий (XII в.) в Чернигове, Ново-Иерусалимский собор (XVII в.), Северный Зеленчукский храм (XI в.) и другие.

Вторая группа — когда памятник за недостатком вполне документальных данных не может быть восстановлен полностью и подлежит сохранению только частью. Здесь возникает неизбежно новая ответственная задача — придать остаткам памятника какую-то новую форму в целях его сохранения, по возможности приемлемую в эстетическом отношении, которая не отпугивала бы нас своей новизной и своей чуждой формой по отношению к памятнику. Здесь такт автора реставрации имеет, конечно, очень большое и решающее значение. Вот примеры подобного рода памятников: Волотово и Ковалево в Новгороде (XIII в.), киевские Золотые ворота (XI в.), крепостные стены г.Пскова (XIII—XVII вв.), Смядынские развалины в Смоленске (XII в.), многочисленные памятники Кавказа, Средней Азии и т.д.

Большинство руин находятся не в таком состоянии, которое позволило бы возвратить им полный образ архитектурного памятника. Реставратору предоставляется возможность показа их только в виде руин, проведя работы по их укреплению и частичной реставрации с неизбежным минимальным оформлением для предохранения от атмосферных влияний.

III. ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ РУИН

Почти во всех случаях консервации и реставрации руин стоят следующие задачи:

1. Разборка завалов и извлечение из них всех архитектурных элементов и составных частей памятников, отторженных от него, с проведением всех методически необходимых приемов исследования и фиксации, извлечением

и изучением всего сопутствующего археологического подъемного материала.

2. Инженерное укрепление сохранившихся частей руин.

3. Включение в состав руин отторженных от них частей.

4. Укрепление восстановленных руин инъекцией.

5. Предохранение восстановленных руин кровлями от атмосферных влияний.

Из всех перечисленных приемов реставрации руинированного памятника приходится обратить особое внимание на третий пункт, на дело включения в состав руин отторженных от них частей как на задачу новую и впервые у нас выдвигающую ряд новых вопросов реставрации.

В данном случае ставится вопрос о сборке и склеивании разбитых, разрозненных частей памятника архитектуры, подобно тому, как археологи склеивают горшки из отдельных черепков.

Эта задача является возможной и вполне осуществимой потому, что часто при разрушении от памятника отпадают, отделяются большие части, сохраняющиеся в более или менее поврежденном виде в завалах, иногда в течение многих столетий. Поэтому в разборке завалов архитектурного памятника архитектор-реставратор должен с большим вниманием отнестись к каждой находимой детали, к каждому фрагменту кладки. Если обычно при археологических раскопках совсем не интересуются массивами обезличенными, поврежденными, не носящими на себе интересных архитектурных особенностей, то архитектор-реставратор, наоборот, обязан постараться найти место такого фрагмента в разрушенном организме памятника.

Если были случаи, что в практике исследовательских работ археолог, стремясь добыть из руин больше характерных деталей, разбивает, например, упавший массив архитектурного памятника с включенным в него голосником, чтобы добыть из него последний для музея, то, с точки зрения методики наших работ, это недопустимо, и фрагмент кладки должен быть сохранен, изучен и поставлен на свое место при реставрации памятника. При таком подходе к памятнику и задачам его реставрации мы иногда можем получить после проведения работ вместо обезличенных руин или значительную часть памятника, или даже цельный памятник, столь же ценный и подлинный, как и до его разрушения.

Идея подобного отношения к руинам архитектурного памятника, сложенного из кирпича, явилась при обследовании фашистских разрушений, особенно при проведении консервационных работ по Пятницкой церкви XII—XIII вв. в Чернигове. Ни там, ни в других памятниках архитектуры, разрушенных во время войны, эта идея пока не могла быть проведенной в жизнь по ряду причин.

Аналогичные опытные работы были осуществлены трехлетними Кавказскими экспедициями Института истории искусств Академии наук СССР в руинах храма VI—VII вв. селения Лекит[9] Кахского района Азербайджанской ССР. Эти работы, являющиеся важными для установления научной методики работ по консервации и реставрации руин, и являются темой нашего сообщения.

IV. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТОЯНИЯ РУИН НА КАВКАЗЕ

Прежде чем перейти к характеристике консервационно-реставрационных работ, проведенных в Лекитском храме, необходимо хотя бы бегло ознакомиться с общей картиной состояния руинированных архитектурных памятников Кавказа, осмотренных экспедицией института, так как отсюда будет яснее все значение разрешения проблемы их консервации.

Кавказ, представляющий собой по обилию архитектурных памятников как бы музей архитектуры, имеет руин несравненно больше, чем цельных неразрушенных памятников.

Вместе с тем Кавказ в истории науки реставрации дал первые примеры восстановления руин: храмов Пицунды[10], Мокви, Дранды. Работы середины XIX века архитектора Норева[11] и других положили начало науке реставрации памятников архитектуры на Кавказе. Хотя по состоянию научных знаний того времени они и испортили кое в чем эти памятники, но все же сохранили их для будущего.

На путях трех Кавказских экспедиций, проведенных Институтом истории искусств Академии наук СССР в 1946, 1947, 1949 гг., было осмотрено большое количество руинированных памятников на Кавказе.

Из этих памятников-руин, находящихся в аварийном состоянии и в большинстве случаев требующих самых срочных мер по проведению научной консервации и реставрации, необходимо отметить хотя бы наиболее значительные и имеющие общесоюзное значение.

На Северном Кавказе и в Черкессии: храмы Аркизы в Зеленчукском ущелье (XI в.) и храм в Нижди (XI в.) на Черноморском берегу.

В Абхазии: крепость и храмы (XI—XII вв.), дворец в Лыхнах (XII в.), Келасурская стена и башни (VI—VII вв.), крепость Сухуми (VI в.).

В Грузии: храм Баграта в Кутаиси (XI в.), дворец в Гегаути (XII в.), крепость Армаз-Цихе (IV в. до н.э.) в Мцхета, крепость Дарияла (VI в.), крепость Уплисцихе, крепость Уджария (V в.), монастырь Некреси (V—VIII в.), храм Никоцминда (VI в.).

В Армении: храмы Аван, Армус, Аштарак, Егварт, Зоравар, Звартноц (VI—VII вв.).

В Азербайджане: храмы Кум (VI в.), Лекит (VI в.), длинная Кахско-Катехская стена (VI—IX вв.) с ее замками, храм Орты, Зейзит (X в.), крепость старой Гянджи (XII в.), крепость Кабала (VI—XII вв.), мавзолеи в Хазри (XII в.), замки Апшерона (XII в.), монастырь Ханега, Пирсагат, храм в Мингечауре (IV в. до н.э.).

В Дагестане: Великая Дербентская стена (VI—XII вв.).

Один лишь приведенный здесь голый перечень памятников-руин, осмотренных экспедицией, руин со столь почтенными датами в пределах от VII в. до н.э. до XIII в. н.э., говорит о значительности задач их сохранения.

Все эти памятники-руины нуждаются в срочной, а иногда немедленной помощи и защите, гораздо более действенной, чем сохранившиеся памятники архитектуры. Они в буквальном смысле тают с каждым днем от разрушительных сил природы, особенно в местах с неблагоприятными климатическими условиями. Этого мы обычно не замечаем, но когда присмотримся к этим явлениям ближе, то увидим, что разрушения идут чрезвычайно быстро. В большинстве случаев по отношению к руинированным памятникам не принимается никаких мер. В других случаях эти мероприятия стали намечаться только после установления советской власти. В Грузии деятельная помощь памятникам путем консервации и реставрации была серьезно поставлена в 1930-х гг., но особенно заботливо и умело работа над памятниками, по нашему впечатлению, ныне проводится в Армении.

Но, конечно, даже там нельзя успокаиваться на достигнутых результатах и, безусловно, это только начало серьезных работ.

V. ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ КАВКАЗА ИЗ СЫРЦОВОГО КИРПИЧА (VII—IV ВВ. ДО Н.Э.)

Среди огромного количества руинированных памятников на Кавказе совершенно особое место занимает категория памятников архитектуры, сложенных из сырцового кирпича и открытых раскопками. В научной литературе еще не затронут вопрос об охране подобного рода памятников. Поэтому специально необходимо остановиться на этой области, тем более, что она несомненно имеет очень большое значение и интерес.

Советская наука археологии и истории народов особенно обогатилась счастливыми находками древнейших памятников на территории Армении, Грузии и Азербайджана. Получившие мировую известность раскопки в Армении открыли близ Еревана на холме Кармир-Блур древний урартский город Тейшебаини (VII в. до н.э.)[12]. Раскопки в Грузии в Мцхета открыли древние города Армаз-Цихе и Саркинети (IV в. до н.э.)[13]. Раскопки в Азербайджане при строительстве в Мингечауре открыли один из албанских городов, по-видимому, Птолемеев город Оссика[14].

Эти раскопки знамениты не только своими находками, обогатившими музеи Закавказья. Они раскрыли вместе с тем не меньшие культурные ценности архитектурного порядка.

Ввиду того, что вопрос сохранения этих памятников имеет исключительно актуальное значение, необходимо дать хотя бы кратчайшую характеристику архитектурных находок указанных трех пунктов Закавказья.

Раскопки, производившиеся армянской Академией наук в Кармир-Блуре, открыли город Тейшебаини (VII в. до н.э.). Город этот был разрушен войсками ассирийского царя Саргона[15], а может быть, скифами, прорвавшимися через Кавказский хребет. В городе сохранилась вся планировка, крепостные стены, совершенно ассиро-вавилонского характера, залы, помещения, сохранившие даже свою древнюю обстановку со щитами на стенах и со всякого рода инвентарем, стены с очень интересной красной штукатур-

кой, кровельная черепица, водопровод и т.п. Сохранились стены до 7 м высоты, сложенные из сырца. В конструкции стен были заложены деревянные балки, во время разрушения города балки сгорели и кирпич над дверными проемами частично обвалился. Целый ряд особенностей древней месопотамской[16] архитектуры мы можем найти в этом памятнике.

Раскопки, производившиеся грузинской Академией наук в Мцхета, открыли древнюю столицу Иберии г. Армаз-Цихе.

Здесь мы видим огромный крепостной комплекс самых разнообразных построек. По всему городу мы можем видеть целый ряд разнообразных конструкций и разнообразные виды кладки из сырца и камня. Огромного протяжения древние крепостные стены, построенные из сырцового кирпича, раскинулись по горе, а под горой на берегу Куры каменная постройка римского времени. В сочетании с прочими памятниками города Мцхета эти вскрытые раскопками остатки обогащают еще больше комплекс одного из замечательных в Советском Союзе города-музея.

Недалеко от Мцхета — Саркинати, город с остатками, может, еще более древними, чем Армаз-Цихе, по впечатлению — урартского времени. Здесь также сырцовые крепостные стены и постройки иного, еще непонятного назначения, также сырцовые детали архитектуры из резного камня.

Раскопки, произведенные в Азербайджане в Мингечауре, открыли ряд замечательных предметов и остатки древнего города в виде храма из сырца, с загадочными албанскими надписями на капителях. Материал этот имеет чрезвычайно большое мировое значение.

VI. СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА ОХРАНЫ СЫРЦОВЫХ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ

Эти памятники интенсивно разрушаются, быстрее всех прочих, будучи оставлены после раскопок на произвол стихии. Исключением является баня в Армазисхеви в Мцхета: там построен навес. Но и здесь нельзя сказать, что вполне благополучно, потому что навес не сохраняет полностью памятник, так как последний, попав в иной режим, чем был под землей, начинает разрушаться. И здесь необходимо проведение специальных консервационных мероприятий.

В архитектурных памятниках вновь открытых городов Тейшебаини, Армаз-Цихе и Саркинати можно видеть на территории СССР (без поездки в Месопотамию) древнейшую в мире систему строительства и памятники, аналогичные ассиро-вавилонским. Но если эти, открытые нашей наукой, архитектурные ценности оставить на произвол стихии, то в самое ближайшее время от них останутся только глиняные холмы. Сырцовый кирпич не может быть оставлен под открытым небом, так как разлагается от атмосферных влияний. Не пройдет и пяти лет, как мы, впервые увидевшие эти памятники после 25 столетий, скрывавших их под землей, вновь утратим их, и теперь уже навсегда, если не принять самых быстрых и решительных мер.

Из сказанного естественно рождается вопрос: что же делать с этими памятниками и как сохранить их?

Казалось бы, что самой простой мерой будет вновь засыпать их землей. Но, к сожалению, этого уже нельзя сделать по двум причинам. С одной стороны, эта работа также стоит больших средств. С другой стороны, огромное количество завалов, заполняющих эти сооружения на больших площадях и на большую глубину до 10 метров, по необходимости вырастающих из самой техники работ, уже отвезены и в большинстве случаев свалены под гору, на которой стоят вновь открытые города и сооружения. Поднять обратно эти огромные массы земли является делом почти невозможным. При этом и самая постановка вопроса о том, чтобы вновь засыпать столь интересные древности, вызывает естественный протест и требует иного его разрешения.

Следовательно, приходится ставить вопрос о мерах сохранения и консервации вновь открытых памятников и о надлежащем показе их после раскопок не только в научных отчетах и трудах, но и в натуре. Однако прежде всего возможность решения этой задачи должна присутствовать в существующих положениях и инструкциях органов охраны памятников и в отношении к этому вопросу специалистов.

Инструкция, изданная Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений, в одном из положений определенно заявляет, что всякое археологическое исследование «неизбежно разрушает памятник». Правда, дальше в той же инструкции есть оговорка, что по отношению к архитектурным памятникам это положение не может быть приемлемо. Однако никакого более или менее определенного ответа на вопрос, как же поступить с открытыми археологическими памятниками, эта инструкция не дает и по существу оставляет его открытым на усмотрение тех организаций и лиц, которые производят работы на местах. С другой стороны, органы охраны памятников архитектуры не считают памятники архитектуры, открытые археологами, своими памятниками, не вносят их в свои списки и, отсюда, естественно, не проявляют заботы об их сохранении.

Необходимо внести в положение о такого рода памятниках ясность и определить им дальнейшую научную жизнь иной инструкцией, которая бы говорила не только о том, что археологические раскопки обязаны в непременном порядке сохранить памятник, но и о том, как его сохранить.

Должен быть еще поставлен вопрос и о другом крайнем мнении, которое иногда высказывается: что если ныне археологи не сохраняют открытые ими архитектурные памятники, то и не должны производить раскопок. Это тоже неправильное положение. Науку нельзя остановить, и раскапывать археологи будут, как бы защитники охраны памятников ни ставили этот вопрос. Но необходимо этот вопрос поставить на соответствующие позиции — не только раскрыть, но одновременно и сохранить. Надо этот вопрос поставить так, как в свое время Масперо поставил этот вопрос в Египте, когда им было провозглашено, что если не сумеете сохранить, то подождите раскапывать, но дабы не ждать, им во главу угла был поставлен вопрос сохранения и реставрации.

Переходя ко второй стороне вопроса — о личном отношении к нему самих специалистов и ученых, производящих раскопки, приходится также, к сожалению, отметить значительную неопределенность. Все они с одной — принципиальной — стороны считают дело охраны открываемых памятников безусловно желательным, но в большинстве своем тут же оговариваются невозможностью выполнения по ряду следующих причин и соображений.

Во-первых, меры охраны стоят дорого, и, если, например, на раскопки в Армаз-Цихе ассигнован миллион в год, то половину его надо растратить на охранные мероприятия.

Во-вторых, такие методы раскопок с дальнейшим оставлением на произвол стихий приняты и западноевропейской наукой, например, в Междуречье[17].

В-третьих, меры, иногда принимаемые, не достигают цели, так как деревянные шатры, попытки устройства которых были, например, в Кармир-Блуре, расхищаются при неорганизованности сторожевой охраны.

В-четвертых, научного метода сохранения руин, особенно сырцовых, никто не знает, и эта задача еще никем не ставилась.

Понятно, что никого не в состоянии удовлетворить то положение, что в результате раскопок музеи обогащаются замечательными ценностями, а наука — хорошими исследованиями о них, и одновременно с этим замечательные уникальные памятники архитектуры, открытые раскопками, не берутся на учет как архитектурные памятники и обречены на полное исчезновение, наравне с раскапываемыми курганами.

Те высокие принципиальные позиции, на которые поставлена передовая советская наука и огромные ее достижения, понятно, не могут быть удовлетворены ни теми официальными, еще не доработанными окончательно положениями, ни теми только что изложенными высказываниями и аргументами, исходящими главным образом не из принципиальных позиций, а из временных трудностей практического проведения в жизнь надлежащих мероприятий.

VII. ЗАДАЧИ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА В ВОПРОСАХ КОНСЕРВАЦИИ РУИН

В постановке вопроса о сохранении архитектурных руин, надземных и открываемых раскопками, ведущую роль должен играть вновь организованный по постановлению правительства СССР научно-методический совет по охране памятников при президиуме Академии наук СССР. Он должен поставить этот вопрос на широкое обсуждение с привлечением к его решению как деятелей в области различных видов охраны памятников, так и специалистов из различных областей науки.

Путем совместной объединенной работы архитекторов и археологов должна быть выработана программа мероприятий и определен метод, который получит затем необходимые техническую и научную специализации в конкретной работе на самих памятниках.

Научно-методический совет, считая настоящую задачу сохранения руин одной из самых актуальных, обратил внимание на этот вопрос, в первую очередь, путем своего участия в научно-исследовательских экспедициях, проводившихся на Кавказе Институтом истории искусств АН СССР. Ближайшей целью этого участия было, с одной стороны, близкое ознакомление с состоянием руин, с другой стороны, участие в конкретной работе по консервации и реставрации руин для получения опыта в разработке научных методов их сохранения.

VIII. УЧАСТИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИСКУССТВ И ЕГО КАВКАЗСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В ДЕЛЕ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ РУИН АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ

Основная задача, поставленная Институтом в проведении Кавказских экспедиций, была исследовать памятники Кавказа под углом зрения связей с русской архитектурой. Но параллельно с этими основными задачами экспедициями была также значительно продвинута вперед самостоятельная тема — исследование одного из ценнейших древних памятников Кавказа — храма в селении Лекит Азербайджанской ССР.

Он представляет собой здание V—VII вв., круглое в плане, в типе знаменитого Звартноца[18], и был найден нами осенью 1939 года, на южном склоне Кавказского хребта на границе Азербайджана, Грузии и Дагестана в Лекитском ущелье Кахского района,

Здание, имеющее исключительную научную ценность, представляло собой руины, угрожавшие гибелью последних их остатков в случае непринятия специальных технических мероприятий, а их проведение вызывало, в свою очередь, необходимость глубокого научного исследования, сопровождаемого раскопками.

Институт истории искусств включился в продолжение ранее проводившихся работ по исследованию этого памятника и проводил свои работы в течение трехлетних экспедиций 1946, 1947 и 1949 гг. с участием в некоторых работах Главного управления охраны памятников Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР и отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совете Министров Азербайджанской ССР.

В 1949 году научно-методический совет при президиуме Академии наук СССР принял в этих работах участие, и экспедиция, проведя исследование памятника и его раскрытие при производстве раскопок, не имела права и не могла игнорировать вопросов физического сохранения руин, тем более, что и самые раскопки нельзя было проводить без укрепления руин, угрожающих падением.

То обстоятельство, что личный научный состав экспедиции включал в себя преимущественно архитекторов и экспедиция также возглавлялась ар-

хитектором — работником органов охраны памятников архитектуры и специалистом по реставрации, обеспечивало данную сторону дела и даже давало ей перевес над другими.

Вопросы физического сохранения и того, что открывалось вновь, и того, что являлось надземным, но находилось в аварийном состоянии, были поставлены экспедициями во главу угла. Это, конечно, вызвало очень много препятствий и затруднений. Это замедлило в очень большой степени и темпы раскрытия памятника. Но, поставив задачи сохранения памятников как основные, экспедиции Института истории искусств Академии наук тем самым правильно поставили вопрос с точки зрения государственных интересов и сохранения памятника исключительной научной ценности.

IX. КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ И АРХИТЕКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКИТСКОГО ХРАМА

Факт нахождения храма является ценным в двух отношениях.

Во-первых, Албания[19] и ее история и тем более история памятника являлась до настоящего времени в полном смысле неведомой. Н.Я.Марр[20] впервые высказал надежду, что, быть может, когда-либо будут в результате раскопок найдены следы культуры этой страны, и ныне эти слова оправдываются.

Сложная история страны, бурная политическая жизнь, беспрерывные войны не только смели и скрыли следы культуры Албанского царства, известного с I в. н.э., но даже лишили документальных источников по ее истории, ныне устанавливаемой лишь с большим трудом, только на основных этапах ее многовекового развития.

Не останавливаясь здесь даже на краткой характеристике этих этапов, приходится только отметить, что научные разыскания последних лет дают возможность подкрепить исторические данные рядом фактов из истории материальной культуры этой страны и народа. К области этих научных разысканий относится и наша находка в горных ущельях Северного Азербайджана ряда памятников культуры Кавказской Албании, сохранившихся начиная с V в. н.э., среди которых наиболее видное место занимает Лекитский храм.

Лекитский храм — в плане тетраконх[21] на колоннах круговым обходом, судя по ряду признаков — это один из раннейших объектов такого характера памятников на Кавказе и может считаться предшественником знаменитых храмов Звартноца (VII в.) в Армении и Бана (X в.) в Грузии[22].

Храм предстает в схеме предварительной реконструкции на основании исследований в натуре и аналогии следующим: первый ярус круглый с двумя дополнительными помещениями по сторонам, второй ярус — восьмигранник, опирающийся на 4 пилона. Материал памятника нижней части — булыжный камень с включением в некоторые места местного камня — известкового туфа. В верхней части стен, а также в колоннах и пилонах — кирпич особого характера.

Ввиду того, что тема истории памятника, характера и особенностей его, а также места и значения его в истории архитектуры является большой и сложной темой, выходящей из рамок нашего сообщения, на ней также не будем останавливаться.

X. СОСТОЯНИЕ РУИН ЛЕКИТСКОГО ХРАМА

При первом нахождении памятника он представлял фрагменты стен, возвышающихся на 5 м над уровнем почвы, состоявшей из каменных и кирпичных завалов, поросших огромными деревьями и совершенно непролазной чащей колючей растительности. Руины эти стояли на 4-метровом обрыве оросительного канала, послужившего причиной падения восточной части памятника под гору. Руины настолько проросли корнями мощных деревьев, что слои каменной кладки оказались приподняты и стены раздроблены на отдельные массивы и глыбы, готовые упасть.

XI. ПРОЦЕСС РАБОТ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И КОНСЕРВАЦИИ

Работы экспедиции по исследованию памятника производились с одновременным выполнением консервационных и реставрационных работ по укреплению руин, которые могут быть систематизированы и охарактеризированы следующими разделами:

1. **Очистка от растительности площади храма и ближайшей территории.** Очистка восточной части под горою обнаружила ряд массивов стены, разрушенной подмывом оросительного канала, лежащих по скату горы.

2. **Борьба с растительностью в стенах памятника.** Ползучая растительность, камнеломка и ежевика закрывали все поверхности стен. Огромные корни деревьев пронизывали все массивы памятника, их пришлось вырубать, выпиливать, выдалбливать из толщи кладки. В этом уже заключается соответствующая методика консервации руин, потому что почти во всех случаях консервации памятников мы встречаемся с этим явлением прорастания памятников деревьями. Иногда эти деревья нужно рубить, а иногда от этого приходится воздерживаться. Например, при исследовании Зеленчукского храма в Черкессии наша экспедиция, обследовав этот памятник и проводя там работы, воздерживались от вырубки сосен, растущих на куполе, по ряду серьезных соображений, так как эти корни, разрушая памятник, в то же самое время держат, пока они живы, раздробленные его части и надо осторожнее уничтожать их в процессе проведения реставрационных работ.

В Лекитском храме корни проросли через толщу стены, идут под слоями кладки, поднимают и разрушают их. Целые огромные массивы сдвинуты с мест, раздроблены и даже мощной силой огромных деревьев сброшены.

Борьба с ними является неотложным и весьма сложным и трудным делом при консервации руин.

3. **Устройство предохранительных мероприятий** в виде деревянных подпор и креплений является самым неотложным и самым первоочередным мероприятием при аварийности памятника.

Реставраторам приходится все время оперировать этими подпорами, все время подставлять и переставлять их в разные места в процессе раскопок или реставрации.

4. **Раскопки архитектурного памятника** значительно отличаются по своему характеру от обычных археологических раскопок.

Здесь приходится все внимание концентрировать на вопросах главным образом архитектурного порядка, на находках архитектурного характера, на вопросах связи их с цельным организмом всего памятника.

5. **Разборка и изучение каменных и кирпичных массивов.** Картина разрушений при раскопках лекитского памятника оказалась особенно интересной при частичной очистке храма от завалов и наростов грунта. Оказалось, что когда в свое время храм обрушился, то в основных частях он не был расхищен на материал и так сохранился в завалах. В результате раскопок мы видим здесь колонны и пилоны, поваленные друг на друга, в самом хаотическом состоянии. Но изучение упавших частей позволяет проследить и характер падения этих колонн, и характер разрушения памятника. Самое же главное, удается установить происхождение той или иной части из того или иного места, что создает больше возможностей реставрации если не всего памятника, то, по крайней мере, значительных его частей.

6. **Перемещения и опускания массивов** являются технически наиболее трудной работой, потому что приходится иногда выбирать мусор между каменными и кирпичными завалами, как бы из колодцев, приходится перемещать все время некоторые из массивов с одного места на другое, так как они иногда лежат друг на друге в 3-4 слоя, и потому приходится верхнюю часть опускать куда-либо рядом или удалять из помещения. Эти работы по опусканию массивов на уровень пола или по их перемещению в процессе раскопок (после соответствующей фиксации их в непотревоженном виде) представляют особенно сложную часть специфики архитектурно-археологических раскопок и весьма замедляют их выполнение.

7. **Выправка и установка по вертикали частей стен**, вывернутых или поднятых корнями деревьев. В тех случаях, когда корни деревьев уже сгнили, сперва производилась тщательная очистка и промывка пустот, заполненных мусором, затем выправка наклонившихся и свернутых корнями частей домкратом, и, наконец, заполнение пустот раствором с нагнетением.

В тех случаях, когда корни деревьев, пронизывающие кладку, являются прочными, приходится или закреплять кладку в существующем деформированном виде, или ждать полного сгнивания корней, так как полное их удаление из глубины кладки невозможно.

8. **Передвижка и подъем на свои места массивов, найденных в завалах.** После определения места, в котором находился тот или иной массив, пред-

стояло передвинуть его к своему первоначальному местонахождению, а затем поднять. Передвижка производилась при помощи катков. Подъем же производился способом, как делали это в древности египтяне, как повторил в 1899—1906 гг. Легрен при реставрации Карнакского храма. Разница между приемами, применявшимися египтянами и Легреном, и нашим приемом заключалась в том, что взамен подсыпки земли мы подкладывали груды камня или деревянные клетки, а затем взамен подъемной машины египтян мы применяли механический домкрат или же простые бревенчатые рычаги.

9. **Восстановление конструктивных элементов для восполнения цельности и устойчивости руин**. В этом плане экспедицией были выполнены две значительные реставрационные работы: одна — по восстановлению разрушенной части стены второго яруса с включением в нее упавшего массива, и другая — по восстановлению разрушенного дверного проема с включением в него массива древней, упавшей на землю, перемычки.

В первом случае восстановление простенка между двумя декоративными колоннами было произведено подъемом упавшего массива простенка с подведением под него бревенчатых клеток. Постепенным качанием массива при помощи домкрата с постепенным наращиванием бревенчатых клеток массив был поднят на высоту 4 м над полом и затем включен в состав восстанавливаемого разрушенного участка стены.

Второй случай — восстановление южного дверного проема — представлял еще более интересный случай включения подлинного элемента в состав восстанавливаемого памятника. Южная стена, в состав которой входил восстанавливаемый дверной проем, была настолько повреждена, разрушена и как бы вся изобрана, что в ней нельзя было сразу увидеть, а только в результате поисков можно было найти остатки архитектурных форм. Огромный массив верхней части стены нависал кронштейном и едва держался, вопреки законам статики, угрожая обвалом. Оригинальная система перекрытия дверного проема, состоявшая некогда из большого каменного архитрава и разгрузной кирпичной треугольной перемычки над ним, была разрушена полностью. Архитравный камень исчез, а массив перемычки лежал среди завалов.

Нами сперва было произведено укрепление нависающего массива, затем восстановлены боковые стены дверного проема.

Архитрав был нами восстановлен по аналогии с архитравом северной двери, но не каменный, а железобетонный. Это вызывалось исключительной трудностью производства работ в данном месте памятника и в местных условиях. Кроме того, этот прием применения иного материала, особенно в конструкциях, следует считать допустимым для древнейших памятников в некоторых случаях, дабы отличить подлинные части от вновь восстанавливаемых.

Примеры подобного восстановления утраченных частей из иного материала имеются в реставрационной практике прошлого. Например, при вос-

становлении рухнувших после землетрясения колонн гипостиля Карнакского храма в 1899—1906 гг. Масперо и Легрен[23] отверстия и пробоины заделывали цементом, причем те места, где были утрачены рельефы или надписи, делали с выступом на 1 см над новой облицовкой или старой поверхностью для отличия древнего от современного. Также из железобетона сделаны ими архитравные перекрытия, заменившие каменные, поломанные при падении.

После восстановления архитрава на него был поднят нами (хотя и с большим трудом вследствие отсутствия механизации) массив упавшей древней разгрузной кирпичной перемычки, его установили и заделали на свое место над восстановленным проемом.

10. **Восстановление декоративных элементов**. Эта работа должна была производиться ввиду необходимости осуществить восполнение конструкций и разрушенных мест в стенах, так как в данном случае декоративные элементы являются неотъемлемой составной частью стены. Верхний ярус круговой стены внутри храма был первоначально декорирован полуколоннами из известкового камня, так называемого ширин-даш, расставленными через один метр одна от другой. Так как большинство полуколонн были разрушены и сохранились на месте только в виде незначительных остатков, то стены оказались как бы расчлененными на отдельные простенки, от которых в некоторых местах шли угрожающие трещины по нижнему ярусу стен до фундамента. Поэтому без восстановления полуколонн нельзя было ни восстанавливать монолитность и прочность оставшихся частей стен второго яруса, ни покрыть стену от атмосферных осадков. Старые части полуколонн, извлеченные из раскопок, были нами поставлены на место, а утраты были восполнены из нового камня ширин-даш, вырубленного в местном ближайшем карьере. Таким образом был реставрирован целый участок стены с подъемом одного из простенков и восстановлением утраченных частей декоративных колонн по внутренней стороне стены храма.

11. **Производство инъекции трещин** в стенах делалось нами смешанным раствором на основе тех научных работ и исследований, которые проведены по данному вопросу Главным управлением по охране памятников. Нагнетение раствора производилось при посредстве шланга, без применения насоса с установкой ящика с раствором на самой высокой части стены.

12. **Покрытие кровли над стенами.** По периметру стен была сделана подготовка из щебня на известковом растворе, и по ней произведено покрытие плоской современной черепицей. Подобного рода работа является крайне необходимым мероприятием для сохранения памятника.

13. **Изучение и восстановление упавших кирпичных колонн и пилонов.** Эту работу приходится особо отметить как весьма значительный новый элемент среди методов архитектурно-археологических раскопок и связанных с ними необходимых охранительно-реставрационных мероприятий. В обломках завалившихся колонн есть довольно прочные части кирпичных фустов высотой до 15 рядов (около 1,5 м), но есть и части, расслоившиеся на

отдельные кирпичи. В первом случае стоит задача подъема и постановки на место этих крупных фрагментов целиком. Во втором случае задача может быть выполнена двумя способами: или можно провести восстановление колонн путем подъема и постановки на свое первоначальное место отдельно каждого из отделившихся кирпичей, или можно предварительно цементировать отдельные кирпичи в цельные массивы в лежачем положении на месте падения на земле, а затем поставить их на место целиком.

Задача необходимости подъема на свое место отдельных упавших частей кирпичных колонн является неоспоримо целесообразной, так как, будучи оставлены на месте падения, они обречены на разрушение и уничтожение в самом скором времени.

В истории науки реставрации памятников архитектуры мы имеем ряд примеров подъема упавших колонн. Некоторые из этих работ представляют интерес.

Например, в 1899—1906 гг. после разрушения при землетрясении 11 колонн гипостиля Карнакского храма, о котором мы говорили, вопрос возможности или невозможности восстановления памятника был спорным. Масперо решил этот вопрос в положительном смысле и выполнил это смелыми и удачными действиями вместе с архитектором Легреном. Работа была очень опасной и серьезной, тем более, что приходилось подводить еще и фундамент. В этой работе, по признанию науки, они совершили просто чудеса терпения и методичности. В 1906 г. академик Н.Я.Марр при производстве раскопок храма Гагика в Ани[24] поднял некоторые из упавших каменных колонн этого храма.

Но все известные примеры подъема упавших колонн относятся к колоннам, сделанным из камня.

Нами произведена попытка осуществить подобную задачу подъема разбитых колонн Лекитского храма, но не каменных, а сложенных из кирпича, и опыт этот можно считать вполне удачным.

Сперва производился подъем упавшей части фуста колонны на высоту оси поворота тем же египетским способом с подсыпкой земли или подкладыванием камня и деревянных клеток, а затем поворот и постановка на место. В местах разрыва отдельных частей фуста форма кирпичей, их швов и забутки определяет точное местоположение восстанавливаемой части. Для этого иногда приходится производить вращение части вокруг оси до полного совпадения швов таким образом, чтобы между соединяемыми частями колонн не было никакого просвета.

В тех случаях, когда часть фуста колонн или пилона оказывается разбитой, расслоенной на отдельные кирпичи и куски, приходится их соединять, сжимать и цементировать, а потом поднимать на место.

Но может быть применен и тот прием подъема на место отдельными кирпичами и кусками, который применил в 1906 году Барсанти в храме Эдфу, когда он разобрал и положил горизонтально на соседнем пустыре опустившуюся и выпучившуюся стену, разметив ее отдельные глыбы и элементы кладки номерами. Восстановив фундамент, Барсанти поднял камень

за камнем всю стену, и она, по описаниям, дает такое впечатление, как будто она никогда не была разрушенной.

Совершенно таким образом можно поднять на свое место завалившиеся кирпичные пилоны Лекитского храма, сохранившие разбитую кладку, на высоту до 5 м.

После постановки на свое место этих фрагментов колонн и пилонов стоит задача восполнения недостающих мест в их кирпичной кладке. Это приходится делать обычным способом реставрации.

14. **Покрытие над колоннами**. Весьма важной и ответственной частью работ по сохранению восстановленных колонн и пилонов является устройство над ними покрытия. Здесь основной является задача по возможности избежать внесения определенно выраженной новой формы.

Данная работа была выполнена нами в виде опыта из железобетонной плитки толщиной 4 см, свешивающейся с фуста колонны тоже на 4 см, — для защиты ее от влаги. Эта тонкая плитка, являясь только очевидным защитным элементом колонны, почти не воспринимается как новая архитектурная форма. Можно считать, что в том направлении, то есть в направлении наименее заметных форм, нужно решать вопрос о покрытиях сохранившихся руин. Для данного случая едва ли можно предложить что-либо иное.

XII. ИТОГИ ПРОИЗВЕДЕННЫХ РАБОТ

1. После проведения реставрационно-консервационных работ в Лекитском храме его остатки получили уже совершенно иной вид.

2. Верхний ярус храма укреплен с восстановлением декоративных полуколонн, ниже восстановлен дверной проем, и значительная часть памятника получила не только техническое укрепление, но и определенные архитектурные формы.

3. Вместо угрожающих бесформенных руин теперь можно видеть часть редчайшего архитектурного памятника, дающую интересные своеобразные формы древнего искусства.

4. Из всего вышеизложенного явствует, что экспедиционными работами Института истории искусств в Лекитском храме проведен ряд работ по консервации и реставрации памятника в связи с той необходимостью, которая диктовалась раскопками и исследованиями этого памятника. В этой работе была дана попытка реализовать на практике идею восстановления и частичной реставрации руинированного памятника.

Обычно по отношению к сильно разрушенным фрагментированным памятникам архитектуры существует и находит себе многих сторонников такой взгляд, что они вследствие разрушенности не подлежат реставрации, что их необходимо изучить, зафиксировать и оставить на разрушение. Но в это положение необходимо внести весьма существенную поправку, так как оно не может быть принято по отношению к архитектурным памятникам-руинам исключительной ценности. К подобным памятникам необходимо

подходить с большим вниманием и всемерно стараться путем частичной реставрации руин сохранить их для будущей жизни.

В данном случае Лекитский храм — это руинированный памятник исключительной ценности. Работы экспедиции Института истории искусств ставят задачу только вызвать к жизни этот памятник теми реставрационными работами, которые должны сопутствовать научно-исследовательской работе и должны являться ее составной частью.

С другой стороны, только проведение научно-реставрационных работ в архитектурном памятнике может сделать само исследование памятника всесторонним и полноценным.

Это положение в особенности имело место и большое значение в Лекитском храме, как памятнике исключительно сложном и в научном отношении еще весьма загадочном.

Эти же работы дают опыт для постановки вопроса еще в более широком плане разработки научных методов сохранения, консервации и реставрации ценных памятников архитектуры, дошедших до нас в виде руин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виолле де Люк Эжен Эммануэль (1814—1879) — французский архитектор, историк и теоретик архитектуры.
2. Солнцев Федор Григорьевич (1801—1892) — русский живописец, археолог, реставратор. Руководил художественно-археологическими экспедициями по собиранию памятников старины. Вел реставрационные работы в Кремле (с1837г.). Открыл (1834 г.) и реставрировал древнюю живопись и мозаику XI века в Софийском соборе в Киеве.
3. Олимпия — древний город в Элладе (северо-западная часть Пелопоннеса), религиозный центр с культом Зевса и посвященными ему Олимпийскими играми, важнейший художественный центр Древней Греции. Важнейшие храмы: Зевса Олимпийского (468 — 456 гг.до н.э.), храм Геры (кон. VII в. до н.э.), Метроон (1-я пол. IV в. до н.э.). Сохранились многочисленные алтари, жертвенники, статуи древнегреческого эллинистического и римского периодов. Регулярные археологические раскопки велись с 1875 по 1881 г. немецкими археологами под руководством Э.Курциуса.
4. Дельфы — древнегреческий город у подножия горы Парнас в юго-западной Фокиде. Крупный религиозный центр с храмом и оракулом бога Аполлона. Раскопки ведутся с 1892 года. Сохранились храм Аполлона Пифийского (IV в. до н.э.), фундаменты старого (кон. VII в. до н.э.) и нового (кон. VI в. до н.э.) храмов Афины Пронайи, сокровищницы (VI—IV вв. до н.э.), театр II в. до н.э. и др.
5. Карнак — комплекс храмов в Египте (XX в. до н.э. — кон. I тыс. до н.э.). Главное государственное святилище в период Нового царства в Египте (XVI—XI вв. до н.э.). Отличался сложной планировкой гигантских архитектурных масс и пышным убранством построек. Главный храм Амона-Ра (XVI—XII вв. до н.э.) достраивался в эллинический и римский периоды. Главная достопримечательность храма — грандиозный многоколонный зал — гипостиль.
6. Эдфу — древний город в Верхнем Египте (провинциальный Асуан), центр культа солярного божества, позднее отождествленного с Гором, затем с Аполлоном. Сохранился комплекс храма Гора птолемеевской эпохи (237 г. до н.э. — сер. I в. до н.э.), возведенный на месте древнего храма времен Рамсеса III. В 20—30-е гг. XX в. велись раскопки жилых кварталов города и некрополя.
7. Ани — замок и крепость средневековой Армении на правом берегу реки Ахурян в Турции. Раскопками 1892—1893, 1904—1916 гг. открыты руины дворца, храмов, городских кварталов и др. Среди ценных памятников — остатки крепостных стен с башнями (X—XIII вв.), кафедральный собор (989—1001 гг.), круглая ярусная церковь (1001—1010 гг.), многоапсидные центрические церкви: Спасителя (1036 г.), «Пастушья» (II в.?), храм Рипсиме Девичьего монастыря, дворец (XII—XIII вв.) и др.
8. Спасо-Нередицкий храм в Новгороде (1198 г., росписи 1199 г.) — одноглавая кубическая четырехстолпная трехапсидная церковь; типичный образец новгородских храмов конца XII в. Разрушена в 1941—1943 гг. В архитектурной части восстановлена в 1956—1958 гг. (фрески сохранились частично).
9. См. о Леките статью П.Д.Барановского «Памятники в селениях Кум и Лекит» в сборнике «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». Москва—Баку, 1947, с. 29—38.—и в настоящей книге.
10. Пицунда — древнегреческое название Питиунт — античный и средневековый город и порт. Входил в Понтийское царство (кон. II — нач. I в. до н.э.). С IV в. — центр христианства на Кавказе. В IV—VII вв. — важный

опорный центр Византии, место ссылки. До II века — местопребывание высшего духовенства Закавказья. Раскопками 1950-х гг. открыты остатки храмов (в том числе базилики IV—V вв.), крепостных и жилых сооружений. К северо-востоку от древнего городища — крестовокупольный храм (X в.).

11. Норев Петр Петрович (? — 1858) — русский архитектор, писатель, известный собиратель материалов по истории изящных искусств. С 1846 года служил на Кавказе, где занимался изучением местной архитектуры.
12. Тейшебаини — город, найденный в результате раскопок на холме Кармир-Блур в районе Еревана. Крупный центр государства Урарту (1-я пол. VII в.— нач. VI в. до н.э.). Разрушен около 585 г. до н.э. местными скифскими племенами. С 1939 г. по 1970 г. производились систематические археологические раскопки, получен обширный материал о хозяйстве и культуре древнего государства Урарту.
13. Мцхета — древний город Грузии. Основан во 2-й пол. I тыс. до н.э. До конца V в. до н.э. — столица восточного грузинского государства Картли (Иберии). В период средневековья — значительный городской, торгово-ремесленный и религиозный центр (резиденция главы грузинской церкви). Раскопками 1870 г. и особенно с 1937 г. открыты остатки укрепленных резиденций, городских кварталов, некрополь. На правом берегу Куры открыты раскопками руины акрополя Армаз-Цихе (2-я пол. I тыс. до н.э.— нач. I тыс. н.э.). Выше по течению Куры в Армазисхеви обнаружены остатки дворцового комплекса, баня (II—III вв.) и некрополь (I в. н.э.). Среди средневековых памятников — комплекс монастыря Сантавро (главный храм — крестовокупольное здание II в. с богатым скульптурным декором), кафедральный собор Светицховели.
14. Мингечаур — город в Азербайджане, крупнейший в Закавказье археологический комплекс, включающий 4 поселения и 3 больших могильника (от III тыс. до н.э. до XVII в. н.э.). Изучение началось в конце XIX в. Систематические раскопки производились в 1946—1953 гг. Собран богатый археологический материал о погребальных комплексах. К средневековым памятникам относятся поселения III—XIII вв. и XIV—XVII вв., албанские христианские храмы V—VIII вв., христианские погребения.
15. Саргон I — царь Ассирии (722—705 гг. до н.э.). В 714 г. до н.э. нанес поражение Русе I, царю Урарту, завоевал ряд областей Малой Азии, Мидии и др.
16. Месопотамия — Междуречье, Двуречье — природная область западной Азии, в бассейне рек Тигр и Евфрат. Один из крупнейших культурных очагов Древнего Востока. На территории Месопотамии формировались раннеклассовые государства (IV—III тыс. до н.э.), древние государства Аккад, Ур и др. (конец III тыс. до н.э.), Вавилония (начало II тыс. до н.э.). В дальнейшем Месопотамия входила в состав Ассирии (IX—VII вв. до н.э.), Нововавилонского царства (VII—VI вв. до н.э.), державы Ахеменидов (VI—IV вв. до н.э.), империи Александра Македонского (IV в. до н.э.), государства Селевкидов (IV—II вв. до н.э.), Парфик (III в. до н.э.— VI в. н.э.), государства Сасанидов (III—VII вв.), с VII в. — Арабского халифата. В XI в. завоевана сельджуками, в XIII в. — монголами, XVII—XX вв. — в составе Османской империи. В настоящее время большая часть Месопотамии входит в государство Ирак, меньшая — Сирии и Турции.
17. Междуречье — см. Месопотамия.
18. Звартноц —храм на территории Армянской ССР, вблизи Эчмиадзина. Выдающийся памятник средневекового армянского зодчества (построен в 641— 661 гг.). Руины открыты раскопками 1901—1907 гг. Послужил образцом для ряда последующих архитектурных сооружений.

19. Албания Кавказская — одно из древнейших рабовладельческих государств на территории восточного Закавказья, населенного разноплеменными народами. Сведения о нем содержатся в трактатах античных авторов (Ариан, Плиний, Страбон, Плутарх и др.) и армянских летописцев (Фавст Егище, Хоренаци, Корюн и др.). До настоящего времени сохранились руины главного города Кавказской Албании эпохи Кабалы, архитектурные памятники V—VI вв. в современных селах Азербайджанской ССР Лекит и Кум. Раскопки на территории Азербайджанской ССР (в Мингечауре, Чухукабаре, Кабале, Софуле, Леките и др.) и наскальные изображения свидетельствуют о высоком уровне развития искусства, культуры и архитектуры.
20. Марр Николай Яковлевич (1864—1934) — русский советский ученый, филолог, археограф, этнограф. В 1919—1934 гг. возглавлял Академию истории материальной культуры (Институт археологии АН СССР). Вел археологические раскопки урартских памятников в древней столице Армении Ани.
21. Тетраконх — тип центрического храма, в котором 4 полуциркульные в плане апсиды симметрично сгруппированы по сторонам центрального (обычно подкупольного) пространства. Был распространен в раннехристианской архитектуре (известен с VI в.).
22. Бана — грузинский храм середины VII в.(реконструирован на рубеже IX—X вв.) в исторической грузинской области Тао (ныне территория Турции). Сохранился в руинах. Один из образцов круглого ярусного храма в Закавказье.
23. Масперо Гастон — основатель французского Института восточной археологии (занимался периодом расцвета Нового царства). Легрен — французский архитектор.
24. Храм Гагика в Ани — круглая ярусная церковь Григория (Гагикашен, 1001—1010 гг.). В церкви была найдена уникальная круглая статуя царя Гагика I, державшего модель церкви (не сохранилась).

СВИДЕТЕЛЬ ВОСЬМИ ВЕКОВ

РЕСТАВРАЦИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО ПАМЯТНИКА СМОЛЕНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ*

Древний Смоленск знаменит не только воинской доблестью, но и высоким уровнем культуры. Однако история донесла до нас ничтожно мало из всего, созданного народом в давние времена. И ныне только путем глубоких научных исследований, археологических раскопок и научной реставрации архитектурных памятников можно приподнять завесу, скрывающую творения древних мастеров. В Смоленске, по предварительным исследованиям специалистов, еще в домонгольскую эпоху, начиная от княжения Владимира Мономаха, было построено несколько десятков каменных храмов. Строительство первых каменных зданий в нашей лесной стране было прогрессивным явлением, ярким показателем богатства, культуры и искусства города. До наших дней сохранились лишь небольшие остатки и фундаменты древних строений. И только три здания сохранились в значительной полноте— церковь Петра и Павла на Городянке (1146 г.), Иоанна Богослова на Варяжской улице (1173 г.) и Михаила Архангела — Свирская (Северская) — на Пристани (1190-е гг.).

Хотя городская жизнь Смоленска весьма слабо отражена в сохранившихся летописях, но все же в них отмечено, что смоленские князья, потомки Мономаха, «мудрые, рядные и храбрые», украшали город каменными зданиями. Из них особенно высокая оценка дана церкви Михаила Архангела. Строитель ее князь Давид Храбрый («Буй Давид» из «Слова о полку Игореве») «украсил ее лучше всех церквей, так что нет подобной по всех полуночных (северных) странах, и многие иностранцы приходили для смотрения оной».

Между тем даже о внешнем виде этих сохранившихся сооружений мы до последнего времени почти ничего не знали, так как из-за перестроек, различных наслоений более позднего времени они совсем утратили свой первоначальный вид.

Впервые вопрос о научном исследовании и реставрации трех древнейших памятников смоленской архитектуры был поставлен в первые годы советской власти. И первым итогом этого интереса к древнерусскому зодчеству является Петропавловский храм, почти полностью реставрированный к 1100-летию города, памятник, проживший 817 лет со времени создания.

* Статья из газеты «Рабочий путь». Смоленск, 1963, № 235.

Основные этапы сооружения и долгой жизни этого памятника таковы. Князь Ростислав Мстиславович, внук Мономаха, в 1146 г. построил за Днепром на реке Городянке храм Петра и Павла, где, по-видимому, был охотничий двор «Тетеревиные садки». Здесь, к западу от храма, был дворец князя, соединенный с ним деревянными переходами.

В 1632 г. к Петропавловскому храму были пристроены с запада палаты униатского архиепископа Льва Кревзы. Затем в 1675 г., после возвращения Смоленска Московскому государству, эти палаты были перестроены в придельный храм. Наконец, в 1753 г., когда увеличилось население заднепровской части города, храм в пятый раз был капитально перестроен. Над западной частью придела были надстроены третий этаж и массивная глава, видоизменены окна. Затем у древней восточной части здания до половины была сломлена глава и надстроена новая в стиле XVIII в., срублены полуколонны по фасадам и весь комплекс объединен общей четырехскатной крышей. После этого никто уже не мог увидеть на фасадах здания признаков древней архитектуры. Характерные формы архитектуры XVII в. выдавали лишь шатровая колокольня и два крыльца.

Научными исследованиями, начатыми в 1923 г., был выявлен ряд дотоле неизвестных интересных особенностей памятника XII в.: полуколонны по фасадам, посводные крыши, перспективные порталы входов и декор фасадов, погребальные ниши, полы из темно-зеленых глазурованных плит и т.п. На хорах храма был небольшой придел, в который вела дверь с переходов, соединявших храм с дворцом. На стенах этого придела под побелкой были обнаружены фрески XII в. с оригинальной тематикой и большое количество графитти, то есть процарапанных надписей XII—XIII вв., среди которых и надпись самого князя-строителя. В проемах обнаружены орнаментальные росписи ярких тонов. Эти новые открытия позволили установить неведомый в течение веков первоначальный образ памятника.

Новые научные данные, полученные из детального исследования всех трех сохранившихся древнейших памятников города, позволили уже говорить не только о реальных сохранившихся в Смоленске ценностях XII в., древней архитектуры и живописи, но и утверждать с полным основанием о наличии и особой смоленской школы искусства. Начальным моментом в развитии этой школы, когда уже можно усматривать в ней прогрессивные местные черты, является Петропавловский храм, а венчающим — Свирский. Всего лишь за 50 лет смоленское зодчество сделало большой шаг вперед, решительно перейдя от византийских традиций к самостоятельным приемам и формам, базирующимся на народных основах. В связи с этими открытиями памятники Смоленска уже с 1930 годов были введены в научный обиход, в труды и учебники по истории русского искусства.

Научная реставрация древнейших памятников Смоленска долго откладывалась до лучших экономических возможностей. В апреле 1944 г. ученый совет главного управления охраны памятников Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР рассмотрел и утвердил разработанные проекты консервации и научной реставрации Петропавловского и Свирско-

го храмов, и вскоре в них была проведена часть самых неотложных предохранительных работ. Однако отсутствие в Смоленске своей научной реставрационной мастерской еще долго не давало возможности развернуть это дело в надлежащем масштабе. И лишь с 1960 г. мастерская начала осваивать трудоемкий и сложный процесс научной реставрации Петропавловского храма. Здесь нужна была и плинфа, то есть кирпич специального размера, и ряд других материалов, не применяемых в современном строительстве. Следовало подготовить и квалифицированных специалистов.

Основным научно-техническим мероприятием было укрепление конструктивных основ памятника путем заведения в горизонтальные каналы, оставшиеся от первоначальных сгнивших деревянных связей, новых железобетонных связей. Этот успешно осуществленный метод укрепления отныне должен на многие века сохранить памятник от распорных деформаций. Сильно обопревшие и совершенно рухнувшие места по фасадам памятника и срубленные полуколонны облицовывались новой плинфой. По следам и сохранившимся древним остаткам документально восстанавливались оконные проемы, дверные порталы и элементы оформления фасадов. Надстройка XVIII в. на древней главе разобрана, а утраченная часть купола наращена по аналогии с близкими памятниками и в соответствии с принципами закономерности и пропорциональных отношений в древней архитектуре. В последнем случае реставрация ввела интересную особенность, свойственную только данному памятнику, — пояс по барабану главы из керамических плит в виде миниатюрных перспективных нишек (остатки их были найдены в древних окнах главы).

Одним из важнейших принципиальных вопросов реставрации было раскрытие западного фасада древнейшего памятника, полностью закрытого позднейшими пристройками, чтобы показать этот памятник в полном объеме. Ученый совет решил сделать разрыв между древнейшей и более поздней частями и, кроме того, уменьшить объем последней за счет разборки этажа, надстроенного в XVIII в., как менее ценного в историко-художественном отношении и пришедшего после пожара и обстрела в аварийное состояние. Осуществление этой работы не только хорошо выявило в массах и объеме здание XII в., но столь же благоприятным оказалось и для частей XVII в. с шатром, покрытым зеленой поливной черепицей, и с огромными живописными крыльцами смоленского типа на ползучих арках.

Нужно сказать, что эти работы, весьма большие по своему объему и особенно сложные и специфичные, были выполнены в исключительно короткий срок — за два с половиной строительных сезона. Остается только завершить работы внутри здания, сделать оконные переплеты и двери, настлать керамический пол и расчистить фресковые росписи.

Предельно простые, лаконичные, полные величия и монументальности формы Петропавловского храма невольно напоминают о том, что Древняя Русь через Византию была наследницей античных традиций, что простота и гармония форм, заложенные в основу этой архитектуры, были удачно продолжены и талантливо переработаны нашими древними народными мастерами.

Реставрация этого памятника древней архитектуры Смоленска — один из примеров воплощения в жизнь принципов заботливого и бережного отношения к неповторимому наследию родной культуры. Подлинные памятники истории, свидетели труда и показатели творческого таланта народных мастеров, украшающие наши города, воспитывающие любовь к Родине, должны быть дороги нам и оберегаемы не только для настоящего, но и главным образом для будущего.

КРУТИЦКИЙ ДВОРЕЦ В МОСКВЕ И ЕГО РЕСТАВРАЦИЯ*

На восточной окраине старой Москвы на крутом берегу Москвы-реки близ Новоспасского моста до наших дней сохранился один из самых замечательных памятников архитектуры Древней Руси — Крутицкий архиерейский дом, или дворец. Его учреждение относится почти ко времени основания Москвы, ко времени монгольского разорения, когда по ходатайству Александра Невского перед ханом Берке, братом Батыя, была в столице Золотой Орды учреждена кафедра Сарайских епископов. В XIV в. эта кафедра была перенесена в Москву на настоящее место и получила название Крутицкой. Почти все этапы долгой жизни исторического памятника нашли отражение в архитектурных сооружениях данного комплекса, наглядно представляющих собою пути развития русского зодчества.

Древнейший из сохранившихся памятников датируется XV в., последние — XVII в. Почти все здания Крутиц дошли до нас крайне искаженными и перестроенными до неузнаваемости. Среди них изумленному посетителю вдруг представляется, как дивное видение, каким-то чудом сохранившийся прославленный «Крутицкий терем», сверкающий своими радужными красками сплошного майоликового декора, будто бы архитектурный фрагмент, занесенный из далекого южного Самарканда.

Здания Крутиц, обезличенные в архитектурных формах, могут быть сохранены и вызваны к новой жизни путем осторожной, длительной, умелой научной реставрации. Какая-либо операция иного характера угрожает утратой их подлинности и, следовательно, их окончательной порчей и потерей для истории, науки и искусства.

По постановлению Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР, принятому в 1947 г., было начато составление проекта реставрации комплекса Крутицкого дворца. Эта первая из проектных реставрационных работ была поручена мне. В проведении работ принимали участие Академия архитектуры СССР, Государственный литературный музей, Министерство обороны СССР, а также инспекция по государственной охране памятников г. Москвы.

Реставрационные работы в Крутицах начались в 1948 г. и продолжаются по сей день. За это время была проведена капитальная реставрация аварийных Успенских переходов, частично реставрирована обрушившаяся аркада северной галереи собора, наполовину разрушенная в XVIII в., северное

* Статья из альманаха «Памятники Отечества». М., 1972.

крыльцо собора, «Теремок» и Святые ворота, Набережные палаты и другие части комплекса памятников.

Постановлением Совета Министров РСФСР 1966 г. Крутицкий дворец был признан объектом, подлежащим музейному использованию.

Историческая жизнь Крутицкого дворца как комплекса зданий, созданных для обслуживания Московской Руси, за многие столетия была сложна и многообразна, поэтому в этой статье не представляется возможным остановиться на ней подробно. Однако на таком интересном явлении, как организация в Крутицах в середине XVII в. митрополитом Павлом II, с помощью наиболее крупного и знаменитого ученого своего времени Епифания Славинецкого, Крутицкого просветительного общества, стоит остановиться. Группа ученых, объединившихся в этом обществе, занималась переводами с иностранных языков и самостоятельными трудами по вопросам истории, географии, медицины, астрономии и прочими науками своего времени. Это общество создало Крутицкому дворцу славу «Дома мудрости». Митрополит Павел II при постройке своего дома разбил необыкновенный «голландский сад» с цветниками, фонтанами и т.п. на западноевропейский манер. Сад был огражден высокой стеной, сейчас еще частично сохранившейся. Найденные описания того времени дают возможность представить не только состав архитектурных памятников, но и исключительное сочетание их с природой. Полноценное восстановление дворца и сада может раскрыть перед нами еще одну неведомую страницу истории русской культуры. Известны Крутицы и тем, что в них, в том же XVII в., находился в заключении и «состязался» в религиозных спорах знаменитый писатель Древней Руси протопоп Аввакум Петров. В 1834—1835 гг. великий революционер-демократ А.И.Герцен находился в заключении в одном из помещений приказных палат. Здесь он написал свои первые произведения «Легенда» и «Первая встреча». Помещение полностью сохранилось в своей конструктивной основе.

В пределах каменной стены Крутицкого дворца в течение шести столетий было создано до десятка каменных сооружений, большая часть их была построена в XVII в., и все они в той или иной степени сохранились до нашего времени.

Наиболее древним из сохранившихся памятников Крутицкого дворца является Крестовая архиерейская церковь Воскресения, датируемая семидесятыми годами XV в., с белокаменными подвалами. Выше подвалов стены памятника сложены из мелкого кирпича. На высоте около 3 м вокруг здания идет характерный профилированный белокаменный пояс, с него начинается здание самой церкви.

Мы провели глубокое изучение здания. В результате освобождения древних стен от позднейших наслоений перед нами предстало здание, совершенно уникальное в истории русской культуры и искусства.

Составленный нами в 1959—1962 гг. эскизный проект его реставрации сейчас дорабатывается, но конкретная научная реставрация — дело будущего, оно требует больших усилий творческой мысли и знаний, дабы превратить остатки здания в архитектурно-художественную ценность.

Дворец митрополитов был построен митрополитом Павлом II в 1665 г. Мы предполагаем, не исключена возможность того, что на месте этого могло быть более раннее здание, относящееся ко 2-й пол. XV в.: среди камней, откопанных к западу от Воскресенской церкви, найдена половина большой белокаменной, с превосходным рисунком, капители какого-то здания, характерного для эпохи итальянского ренессанса 2-й пол. XV в., кроме того, найден того же времени и стиля белокаменный фуст колонны, обвитой виноградом.

Восстановление митрополичьих палат началось с юго-восточного угла. Реставраторы вернули к жизни своды так называемой Хлебной палаты, передвинутые со своих прежних мест и лишенные первоначальной архитектурной обработки окна первого этажа в восточном и южном фасадах здания, полностью расчистили от всех позднейших наслоений помещения второго этажа палат (за исключением юго-западного угла, занятого керамической мастерской), провели значительную работу в так называемом Красном крыльце. Судя по архитектурным формам, оно относится ко времени Петра I, когда вводились западноевропейские архитектурные детали. Сейчас под крыльцо подведены фундаменты и укреплены его стены. До наших работ крыльцо было «на один сход» в восточную сторону. В старых же описях говорится о том, что оно было «на два выхода». Во время раскопок нами были найдены под наслоениями земли достаточно хорошо сохранившиеся остатки оснований и профилированного цоколя западного всхода. Это дало возможность восстановить его. В целом крыльцо вновь обрело образ, характерный для древнерусской деревянной и каменной архитектуры XVII в.

Для восстановления крыши над крыльцом было разработано несколько проектов, но окончательное решение отложено до тех пор, пока не будет восстановлен южный фасад палат. Только в результате этой работы появится возможность решить вопрос, как увязать крыльцо со всем комплексом.

В 1969 г. митрополичьи палаты переданы Московскому отделению Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры для проведения их научной реставрации и открытия музея.

Интересным художественным архитектурным памятником в Крутицах являются и так называемые переходы второго этажа, состоящие из тридцати арок красивого рисунка, поддерживаемых круглыми короткими колоннами.

Архитектурный мотив арочной галереи, или переходов, был характерной особенностью древнерусского феодального жилища. Известен он был уже с начала XI в., но получил широкое распространение в дворцовых и монастырских комплексах только в XVII в. Можно смело утверждать, что из всех известных произведений такого рода Крутицкие переходы — несомненно, самые эффектные. Они проходят вдоль всего северного фасада митрополичьих палат и связывают их с Воскресенской церковью и Успенским собором, то есть объединяют основные здания всего комплекса в одно живописное целое. Крутицкие переходы были построены в 1693 г. талантливым зодчим Ларионом Ковалевым. Интересно, что в середину своих переходов он включил ранее существовавшее здание Передних или Святых ворот. Над-

строив над ними центральную часть, Ковалев украсил главный фасад сплошной керамической облицовкой. Она была куплена в соседней Гончарной слободе у заводчика Осипа Старцева, бывшего одновременно и подрядчиком, и строителем, и каменных дел подмастерьем.

В архивах сохранилось дело о споре, дошедшем до судебного разбирательства между Архиерейским домом и Старцевым. В качестве эксперта в суде принимал участие и автор переходов и «Теремка» Ларион Ковалев.

В 1783 г. переходы в западной части обрушились, и в связи с этим весь участок их от Святых ворот и «Теремка» до Воскресенской церкви был перестроен.

Во время нашествия Наполеона в 1812 г. Успенские переходы, связывавшие «Теремок» с Успенским собором, пострадали от пожара, их дворовая ходовая часть обвалилась. В 1867—1868 гг. она была восстановлена архитектором Д.Н.Чичаговым. При этом он ввел декоративную аркатуру на коротких колоннах, поднял их на высоту второго этажа.

Хотя в некоторых деталях такая реставрация нас и не удовлетворяет, но это была одна из самых первых в России научных реставраций памятников архитектуры. Здесь впервые проводились восстановительные работы не во имя каких-либо утилитарных задач, а во имя уважения к истории и художественной ценности памятника. Поэтому мы должны с благодарностью отнестись к пионеру новой в то время науки реставрации, сохранившему для нас общий художественный образ Крутицких переходов.

Нами была выправлена покосившаяся стена, восстановлены дворовая колоннада, архитектурный декор и тесовая крыша.

Святые ворота и «Теремок», как показали исследования, строились одновременно: ворота построены в 1-й половине XVII в., а «Теремок» надстроен зодчим Л.Ковалевым во время сооружения переходов. В дальнейшем Д.Н.Чичагов восстановил высокую черепичную крышу и некоторые изразцы фасада.

В 1948—1950 гг. мы провели сложную в техническом отношении работу по подведению фундамента под пилоны ворот. Пилоны сильно деформировались и дали крен всего сооружения. Новый фундамент заложен на глубину 5 м. Проведены работы по замене обветшавшей черепичной кровли, по сохранению испорченных цементной штукатуркой старинных росписей по стенам и сводам.

Крутицкий Успенский собор, воздвигнутый в XV в., был перестроен в середине XVII в., очевидно, одновременно со строительством дворцового комплекса.

В 1612 г. во время борьбы с поляками собор служил местом сбора ополчения князя Д.М.Пожарского.

В XVIII и XIX вв. здание собора было искажено и обезличено перестройками, лишившими его первоначальных форм и интересного декора.

В 1950—1957 гг. собор подвергся обстоятельным научным исследованиям. В результате реставрационных работ трем его основным фасадам возвращен древний утраченный декор, восстановлена конструкция и форма кирпичных глав.

Приказные палаты Крутицкого дворца являются не только неотъемлемой составной частью комплекса, но вместе с тем и уникальным по своему назначению памятником Древней Руси. Это здание, построенное, вероятно, в начале XVII в., вплоть до конца XVIII в. предназначалось для управления хозяйственными владениями Крутицкой митрополии, простиравшейся от Волги до Дона и от Черного и Каспийского морей до Рязанской, Тульской и Смоленской областей, то есть площадь ее была не менее территории большого государства. Большой управленческий аппарат предопределил большие размеры здания, имеющего длину 63 м.

Так как кремлевских приказов Московского государства не сохранилось, то в Крутицах при наличии подлинного здания и его точных описей имеются все возможности для музейной реконструкции больших приказных палат, единственных в своем роде.

Произведенное нами в 1953 г. исследование северного дворцового фасада показало, что здание почти полностью сохранилось в основных частях и декоре и может быть восстановлено. Западная часть здания надстроена в 1-й половине XVIII в. для Крутицкой семинарии, то есть духовного училища, известным «голландским пенсионером» Петра I, архитектором И.Ф.Мордвиновым. (Это, пожалуй, тоже единственная из точно датированных сохранившихся гражданских построек.)

Здесь же, по-видимому, в центральной части больших палат возможно будет найти и тюремную камеру, где был заключен А.И.Герцен.

Набережные палаты Крутицкого комплекса, или Зеленые хоромы, по описанию XVIII в., расположены у западной границы владения на крутом обрыве к Москве-реке. Их сооружение относится ко времени Петра I, когда в 1718 г. было запрещено каменное строительство в связи с обстройкой Петербурга. Как было установлено архивными исследованиями, раскопками и изучением остатков в натуре, здание состояло в надземной его части из трех палат, средняя из них была сенями, а по бокам — две другие. Из сеней каменные лестницы вели в белокаменные подвалы, расположенные под двумя боковыми палатами.

Палаты в соответствии с их назначением назывались Поваренными палатами. Над этими каменными частями сооружения в 1757 г. бригадой плотников во главе с Евстафием Князевым были построены Зеленые хоромы — деревянные жилые помещения для архиерея. Эти хоромы соединялись деревянными переходами с основным зданием митрополичьего дома, а с другой стороны, по верху ограды, был переход в сад с беседкой и в березовую рощу. Эти новые данные дают возможность связать фрагменты зданий и провести научную реставрацию.

В состав Крутицкого комплекса входят также северо-западная и северо-восточные башни, каменная ограда древней территории XVII в., оригинальные дома-казармы начала XIX в. и др.

Научно-реставрационные работы в Крутицах открывают исключительно большие перспективы для превращения этого комплексного памятника в одно из замечательных явлений древнерусской архитектуры.

ДОРОГОБУЖСКИЙ БОЛДИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ИСТОРИИ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕСТАВРАЦИИ И НОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ

ДОКЛАД НА СЕССИИ МОСКОВСКИХ РЕСТАВРАТОРОВ 28 МАЯ 1970 ГОДА

Сто с лишним лет прошло с тех пор, как появилась новая наука — реставрация архитектурных памятников. В практике восстановительных работ возникло много проблем, связанных с естественным старением строительных материалов, с перестройками, искажениями, приспособлениями древних зданий, разрушениями войной и т.п. Стала ясной необходимость совершенно иного подхода к лечению болезней и реставрации архитектурных памятников иными, более осторожными методами, нежели применяемые в практике ремонтно-строительных работ в обычных зданиях.

Условия сохранения памятников в послереволюционные годы выдвинули для разрешения ряд новых задач как по отношению к самим памятникам, так и к той роли, которую должен занимать автор-реставратор памятника не только как архитектор-строитель, но главным образом как археолог-исследователь.

Я остановлюсь на двух темах, предложенных мною новых методах научной реставрации, удачно осуществленных на практике и получивших с тех пор признание и широкое применение как непререкаемые приемы научных методов реставрации архитектурных памятников. По условиям того времени (1920-е годы) научные материалы по этим вопросам почти не публиковались в печати и потому мало кому известны, тем не менее, с тех пор они вошли в научный обиход и получили широкое применение в реставрационной практике научных реставраций памятников.

I. МЕТОД УКРЕПЛЕНИЯ АВАРИЙНОГО ПАМЯТНИКА ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫМИ СВЯЗЯМИ

В 1911 г. я сообщил Московскому Археологическому обществу о существовании в Дорогобужском уезде Смоленской губернии замечательного памятника московской архитектуры — Болдинского монастыря с тремя памятниками XVI в. По поручению общества мною были произве-

дены обмеры и исследования памятника. Монументальный семиглавый собор и шестигранная колокольня XVI в. — творчество знаменитого зодчего Федора Коня, и более ранняя трапезная палата с шатровой церковью. Особое внимание привлекли трапезная палата и шатровая церковь, находившиеся в остро аварийном состоянии: они были все порваны опасными трещинами, что, за 30 лет до этого, вызвало распоряжение не входить в храм. Стены памятника пронизывали наблюдаемые местами горизонтальные каналы в 6 ярусов по высоте четверика и восьмерика храма до шатра и в 3 яруса по трапезной одностолпной палате, сечением до 50 см. Проблема устройства деревянных связей в памятниках русского зодчества пока не была полностью разрешена, и в существовавшей литературе еще встречались предположения об их применении в качестве вентиляционных каналов и т.п.

Произведенные обмеры и исследования установили несомненную принадлежность каналов (пустых или заполненных мусором) к основным элементам первоначальной конструкции, впоследствии сгнившей, что повлекло за собой вместе с другими причинами катастрофическое состояние памятника. Был поставлен вопрос о государственной или общественной помощи в сохранении памятника, что нашло свое положительное выражение только в решении научной конференции по вопросам реставрации в 1921 г.

При наличии данных о широком применении деревянных связей в архитектуре сводчатых древних конструкций я внес предложение о заведении взамен сгнивших деревянных связей в оставшиеся пустые каналы связей железобетонных. Это было принято как новый метод укрепления памятников с первым применением его в Болдино. Экспертное заключение известного в то время ленинградского профессора П.И.Дмитриева, выезжавшего на место, полностью совпало с решением конференции.

Чтобы обезопасить шатер от разрушения в процессе бетонирования проходивших в его основании каналов, было сооружено кольцо из бревен с натяжением вокруг восьмерика и произведены тщательная очистка и промывка каналов, затем заведение арматуры и, наконец, проведено бетонирование. Работы проходили в крайне трудных условиях 1921—1922 гг. из-за отсутствия металла, цемента и т.п., квалифицированных рабочих.

В 1943 г. памятник был в основании взорван фашистскими захватчиками.

Однако первый опыт постановки и проведения работ (1921 г.) в шатровой церкви Болдинского монастыря послужил примером научно-методического подхода к укреплению конструкций в ряде аварийных памятников в Новгороде, Пскове, Смоленске, Чернигове, Владимире и других местах.

II. МЕТОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ УТРАЧЕННЫХ КОНСТРУКТИВНЫХ И ДЕКОРАТИВНЫХ ЧАСТЕЙ ПАМЯТНИКА ПО ОСТАТКАМ ОБРУБЛЕННОГО КИРПИЧА

Характерной особенностью работ по реставрации памятников архитектуры за минувшее столетие был архитектурно-художественный и творческий метод проектирования и заимствования по аналогии. При

этом не отводилось места для тщательного анализа системы кирпичной кладки, для скрупулезного исследования тех элементов, которые создают конструкции и формы здания и его декор. (Последним по времени примером подобного подхода к разрешению задачи восстановления растесанных проемов может быть приведена церковь Ризположения в Кремле, когда в 1921 г. было предложено несколько вариантов оформления.)

Принципиально новым и бесспорно документальным является метод, который был впервые предложен в Болдино в результате тщательного изучения обрубленных остатков кирпичей, которые служили первоначально формообразующими растесанного проема. При таком подходе оказалось необходимым:

1. установить точный размер того кирпича, из которого сложена данная часть здания;

2. установить путем зондажа точный размер остатков кирпича, бывших формообразующими до растески проемов;

3. определить путем наращивания до величины полного кирпича оставшуюся хвостовую часть: этим будет получена первоначальная основная конструктивная или декоративная часть памятника. При наличии обычной кладки из тычков и ложков будет дано неоспоримое доказательство правильности найденного.

При этом оказалось возможным точное восстановление плоскости стены и растесанных проемов, причем непременно должен использоваться прием кладки четвертей на ребро в направлении откосов древних окон по отношению к фасаду и внутренней плоскости стен.

Таким же образом был восстановлен карниз под шатром, срубленный на величину более одного кирпича. Возможность его документального восстановления вместе с декоративными зубцами была подсказана забуткой, повторявшей выкладку кирпича по фасаду.

Работа и новый метод, примененные в Болдине, явились поворотным моментом в реставрации памятника. Высокая оценка этого открытия и нового метода восстановления, вытекающего из законов древнего русского строительства, дана была академиком И.Э.Грабарем в 1944 г. в Лондонском обществе архитекторов (Вестник Академии наук СССР, 1944, № 3) и в юбилейном сборнике Академии наук СССР за 1947 г.

III. НОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО НАУЧНОМУ МЕТОДУ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВЗОРВАННОЙ КОЛОКОЛЬНИ БОЛДИНСКОГО МОНАСТЫРЯ XVI ВЕКА С ВКЛЮЧЕНИЕМ СОХРАНИВШИХСЯ ФРАГМЕНТОВ КЛАДКИ

Колокольня Болдинского монастыря представляет собой памятник большой архитектурно-художественной ценности по своим уникальным особенностям и по принадлежности к творчеству великого русского зодчего Ф.С.Коня.

Дмитрий Павлович Барановский — отец Петра Дмитриевича

Мария Федотовна Барановская — мать Петра Дмитриевича

Петр Барановский — студент строительно-технического училища инженера Приорова, г. Москва (*1912 г.*)

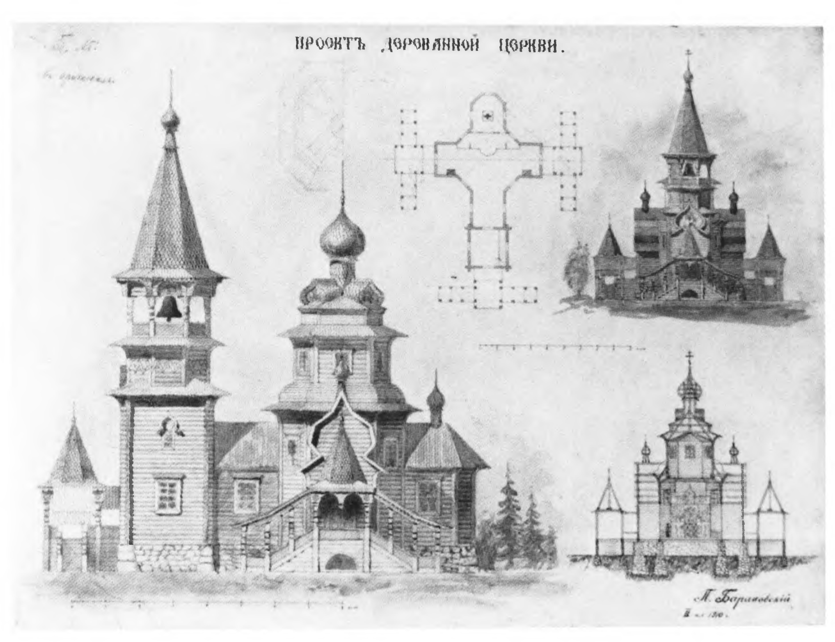
Белоруссия. Первая мировая война, инженерно-строительные войска *(П. Д. Барановский в 1-м ряду в центре)*

Первая мировая война. П. Д. Барановский —
инженер-строитель

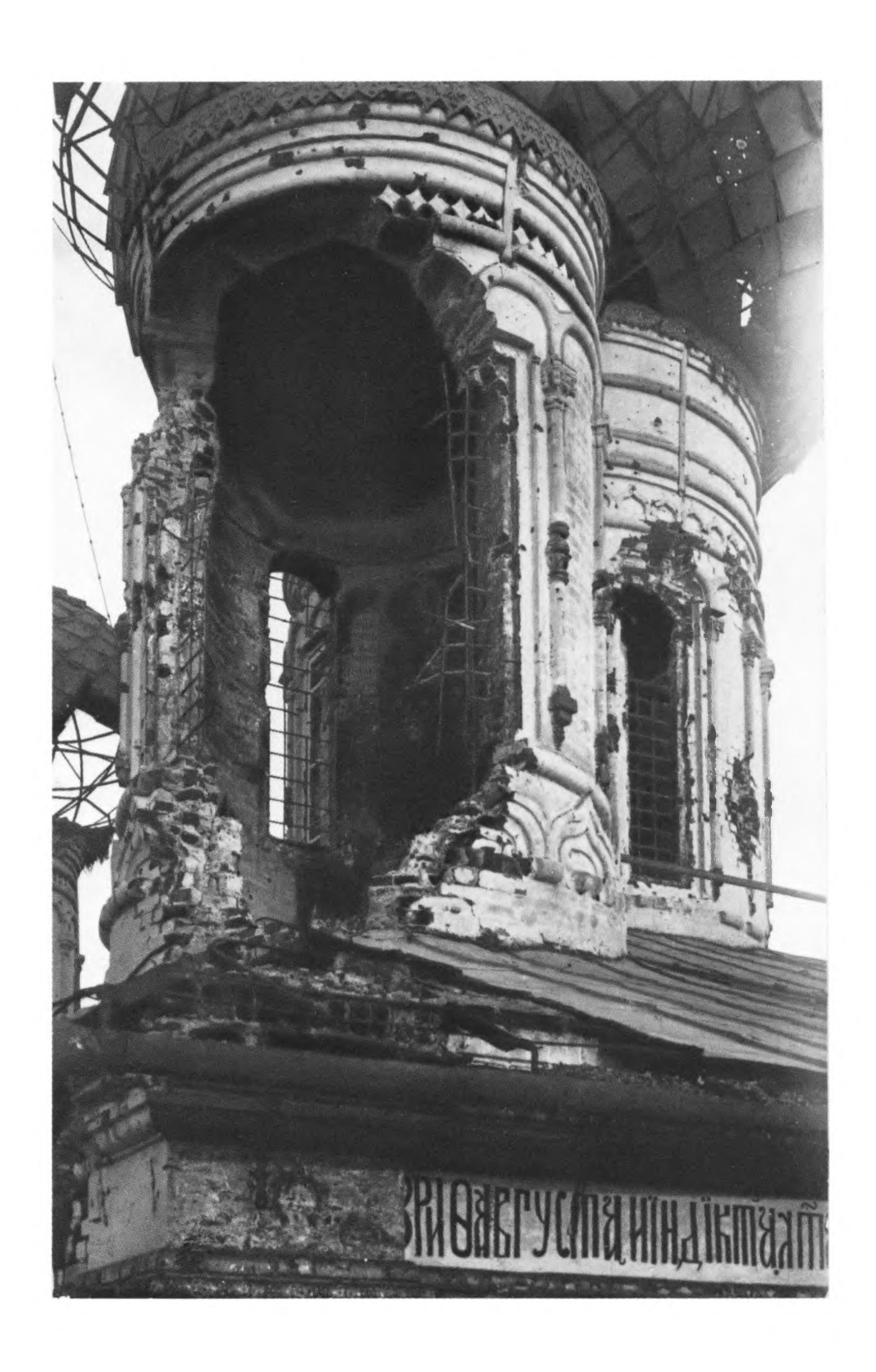
Трапезная с Введенской церковью
Болдинского Свято-Троицкого монастыря
Смоленской губ. Дорогобужского уезда *(чертеж)*

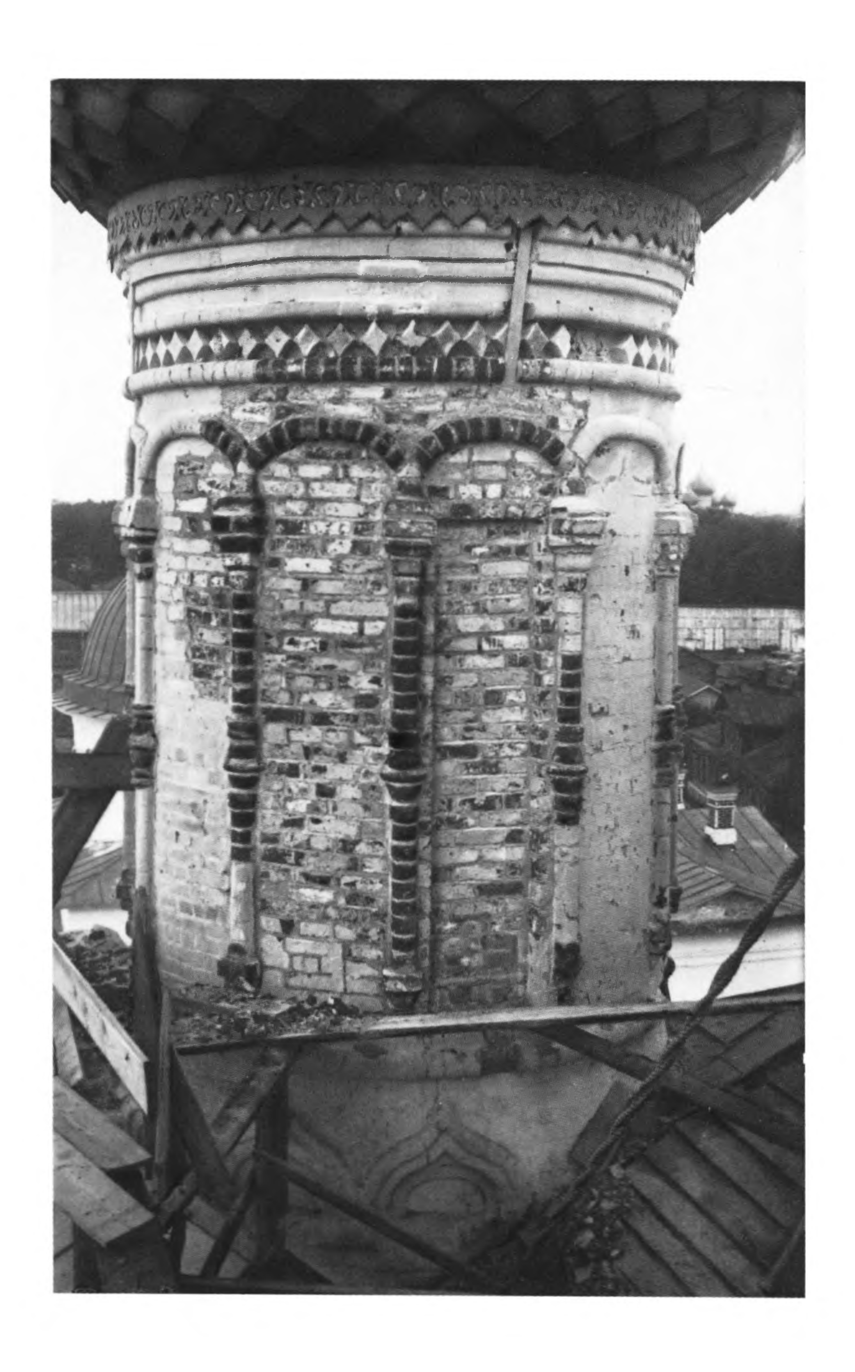
Студенческая работа П. Барановского в строительном училище
(проект)

Воскресенская церковь с. Городни Московской губ.
Коломенского уезда. XVI в. *(проект реставрации)*

Ярославские купола после июльского артобстрела 1918 г.

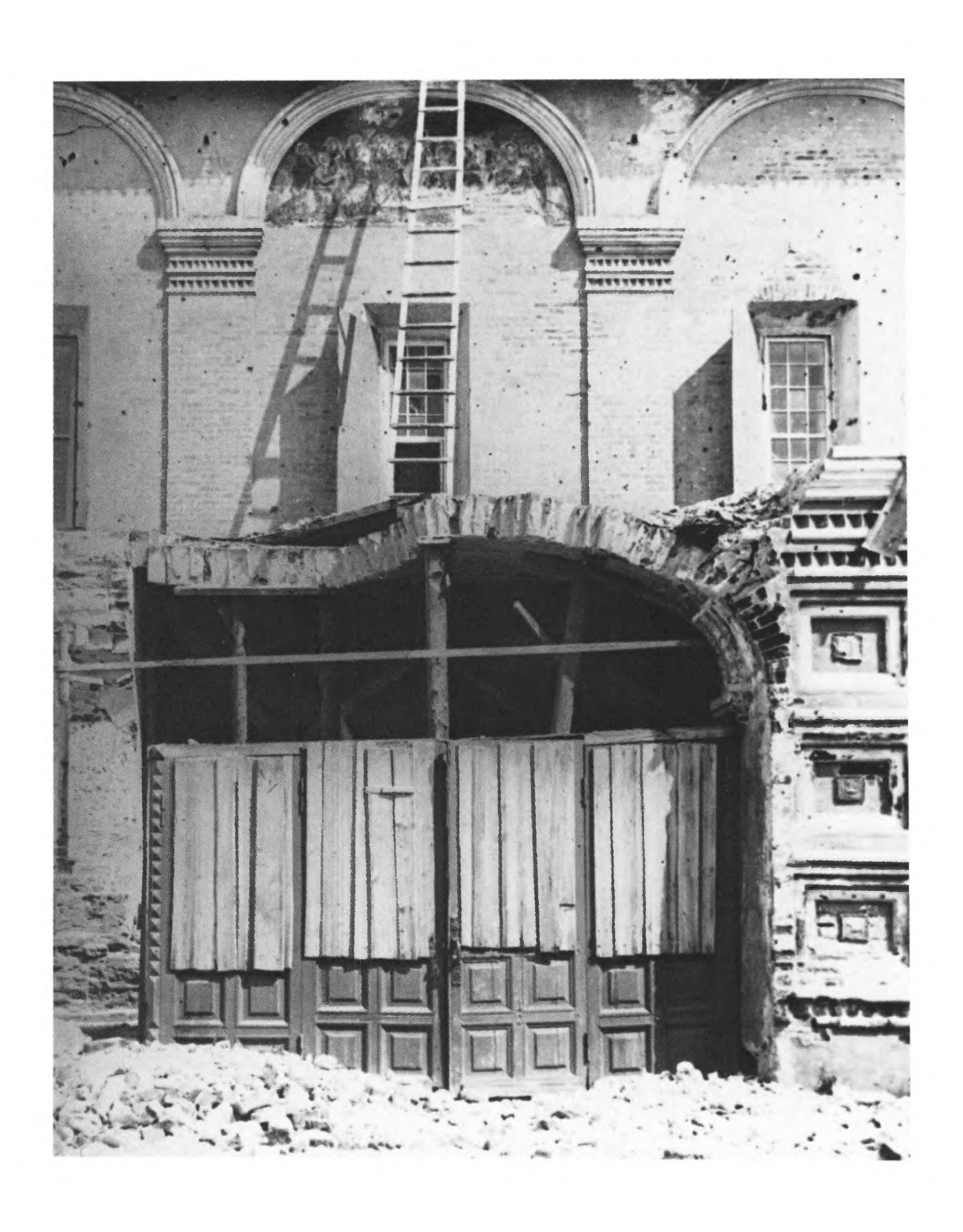
Ярославские купола после реставрации П. Д. Барановского

Ярославль. Митрополичьи палаты
в процессе исследования и реставрации *(1920 г.)*

Ярославль. Митрополичьи палаты
по завершении реставрационных работ *(1922 г.)*

Ярославль. Церковь Вознесения
после июльского артобстрела 1918 г.

Ярославль. Церковь Вознесения после реставрации

г. Юрьев-Польской. Георгиевский собор XIII в.
в процессе исследовательских работ
(П. Д. Барановский — в центре)

П. Д. Барановский *(в центре)* со своим другом и соратником — исследователем архитектуры Б. Н. Засыпкиным

Углич. Церковь "Дивная"

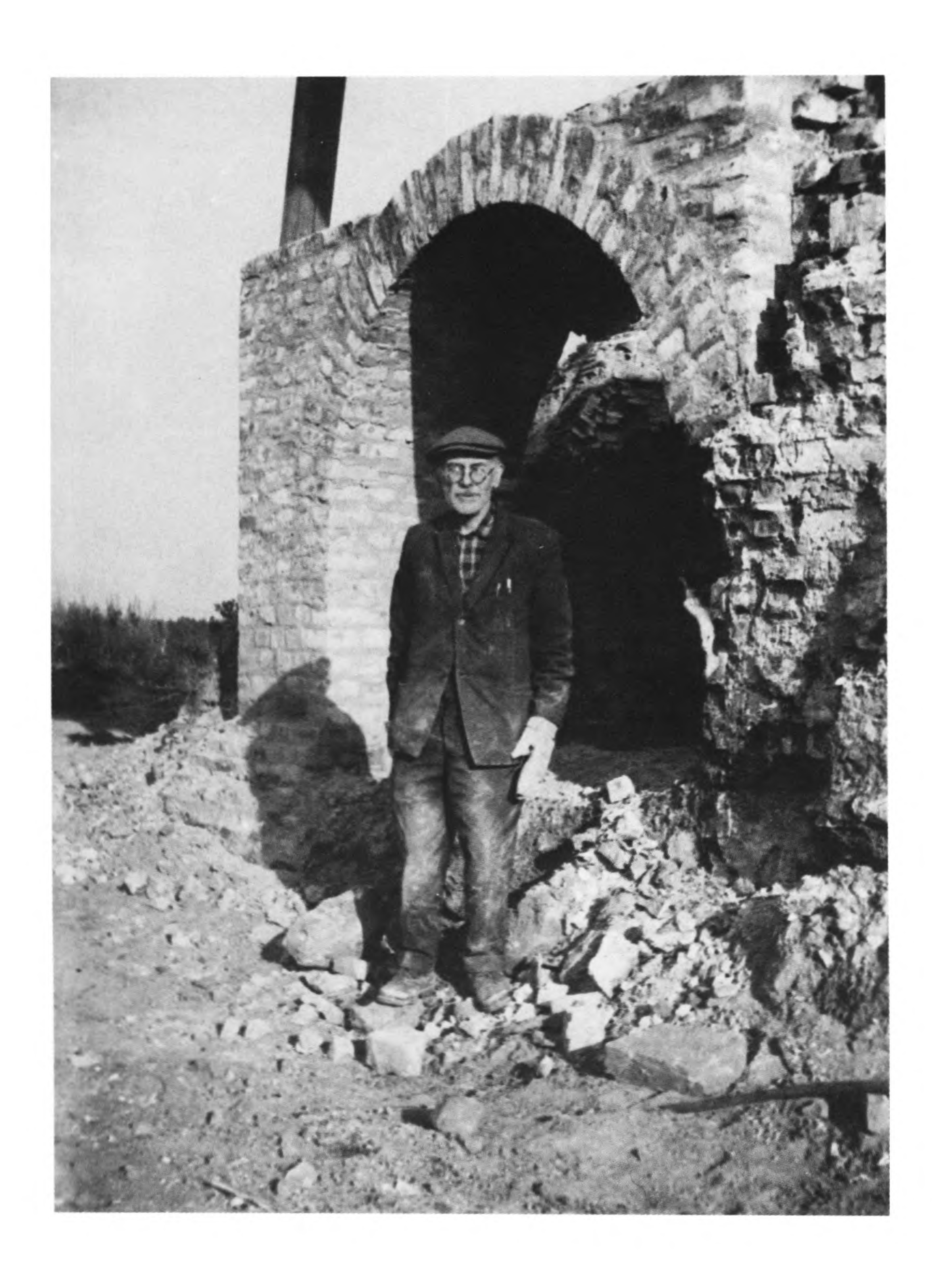
Болдинский Свято-Троицкий монастырь *(нач. 20-х гг.)*

Болдинский Свято-Троицкий монастырь.
Шатровая церковь Введения при трапезной палате.
П. Д. Барановский в период проведения работ *(1921 г.)*

Болдинский Свято-Троицкий монастырь после Великой Отечественной войны. То, что осталось от Троицкого собора

П. Д. Барановский в Болдино *(1966 г.) (фото А. Пономарева)*

П. Д. Барановский с восточной стороны Болдинского
Свято-Троицкого монастыря
(фото А. Пономарева)

Болдино. М. Н Громов, А. М.Пономарев, П. Д. Барановский,
Е. М Верченко у южной стены трапезной палаты.

Болдино. Свято-Троицкий монастырь. Колокольня.
Восстановительные работы закончены в 1987 г.
под руководством А. М. Пономарева

П. Д. Барановский и А. М. Пономарев *(фото В. Кулакова, 1967 г.)*

Казанский собор в Москве в начале реставрации *(30-е гг.)*

Казанский собор в процессе реставрации

Лев Артурович!

Прошу Вас если возможно посмотреть в ближайшее время на Каз. соб. основание столба галлереи с северной стороны, т. к. у нас не имеется толщины столба. и посмотреть северный портал – его величину и м. б. обработку если что найдете. Я приеду дней через 5 и хотел бы тогда с Вами повидаться, поэтому прошу Вас позвонить вечером числа 3-4го.

Будьте здоровы. Уваж. Вас П. Б.

Записка П. Д. Барановского Л. А. Давиду *(30-е гг.)*

Казанский собор перед разрушением

Казанский собор после восстановления и освящения в 1994 г.
(проект реставрации О. И. Журина)

Москва. Охотный ряд. Дворец князя Голицына *(XVII в.)*.
Начало реставрации

Дворец князя Голицына в процессе реставрации *(20-е гг.)*

Ширков погост. М. И. Погодин и П. Д. Барановский

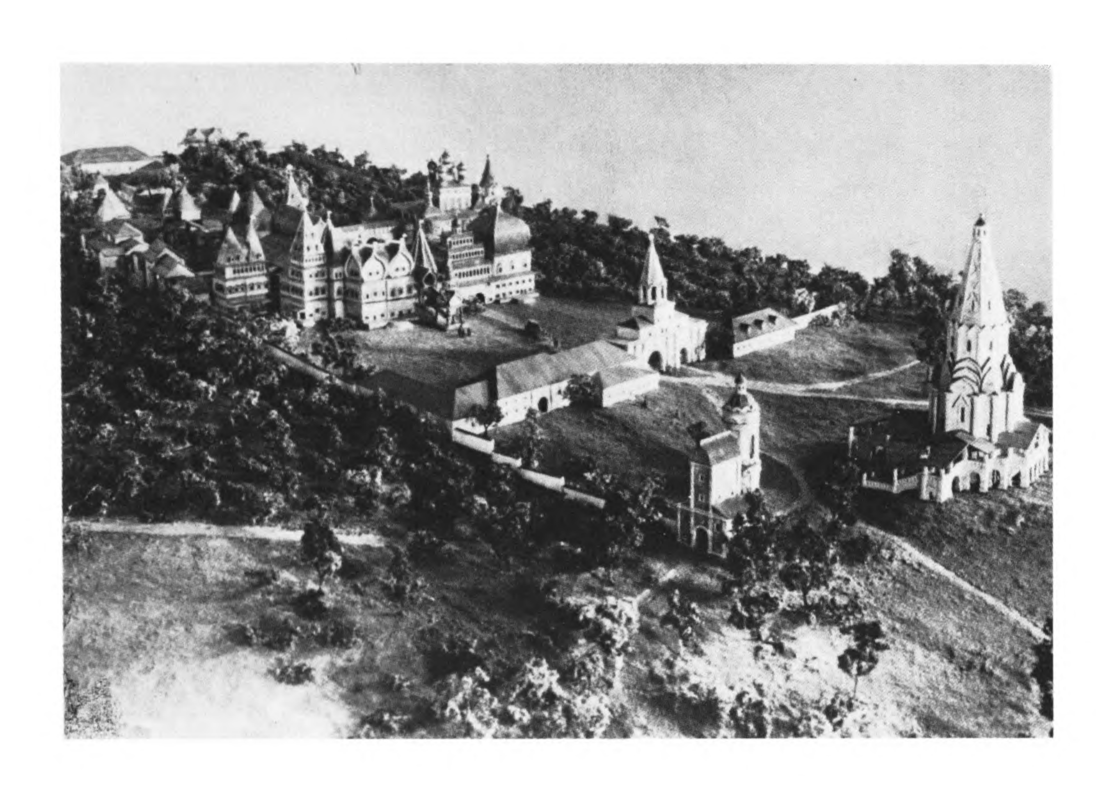
Северная экспедиция. Г. О. Чириков, П. Д. Барановский

Центральные Государственные реставрационные мастерские *(на Берсеневской наб.)*. Сидят *(слева-направо):* С. А. Торопов, П. Д. Барановский, И. Э. Грабарь и др.

Коломенское. Церковь Вознесения

Коломенское. Макет-панорама Царского Села.

Коломенское. Церковь Иоанна Предтечи в Дьякове

При отступлении фашистских захватчиков колокольня была взорвана и ныне представляет собой огромную груду обломков, на которых можно увидеть архитектурные части памятника. После освобождения от захватчиков монастырь был по решению облисполкома объявлен заповедником, в нем организован музей партизанской славы и проводятся научно-реставрационные работы в здании трапезной палаты, сохранившейся до высоты первого этажа.

Проведение нами этих работ и рассмотрение фрагментов колокольни укрепили мысль о возможности сборки колокольни из этих фрагментов с применением соответствующей техники. (Вопрос восстановления разрушенных частей знаменитой Пятницкой церкви в Чернигове был поставлен еще 20 лет назад, но не был разрешен по ряду причин.) Сборка колокольни, я полагаю, не встретит чьего-либо возражения, учитывая уникальную архитектурно-художественную ценность авторизованного памятника и его исключительное историческое значение в истории освободительной войны нашего народа.

Осуществление указанной задачи по сборке колокольни из подлинных фрагментов (с заполнением лакун кирпичной кладкой) придаст памятнику черты подлинности и достоверности. Имеющиеся обмерные чертежи дают возможность осуществить работы с полной документальностью реставрации.

Для реализации настоящего предложения может быть предложен следующий порядок практического выполнения работ:

1. Перевод имеющихся чертежей в крупный масштаб 1/20 натуральной величины с порядовкой (выполнено А.М.Пономаревым).

2. Устройство модели в том же масштабе 1/20 натуральной величины с порядовкой (выполнено А.М.Пономаревым, см. подлинник модели).

3. Раскопки всех фрагментов памятника с очисткой от мусора и щебня.

4. Обмер всех фрагментов в масштабе 1/20 натуральной величины и исполнение чертежей с порядовкой.

5. Определение местоположения каждого из фрагментов и нанесение их на модель.

6. Техническое осуществление работ по подъему отдельных массивов кранами, их установка на место и подбутовка кирпичом или бетоном.

7. Техническая работа по возведению сводов междуэтажного и перекрывающего верх арок звона (возводится из кирпича обычным способом по кружалам; местами могут быть вставлены и фрагменты свода при наличии их сохранности).

8. Выкладка кокошников по верхнему своду и установка по своду фрагментов уцелевших кокошников.

9. Подъем и установка сохранившихся частей главы и купола с заполнением лакун.

10. Отделка и тонировка фасадов (принимая во внимание необходимость выделения подлинных частей и современных заполнений).

Поставленный вопрос имеет большой интерес как с точки зрения сохранения ценного памятника, который считается уже несуществующим, так и с точки зрения осуществления новых научных методов, еще не применявшихся нигде в научной реставрации. Этот метод, в случае его реализации, является неоспоримым и несравненно более документальным, чем повторение образца памятника в натуральную величину способом обычной выкладки, и только он может устранить неизбежное недоверие к возможности строго научного восстановления разрушенного памятника.

МАТЕРИАЛЫ К «СЛОВАРЮ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗОДЧИХ»*

Работа над созданием «Словаря древнерусских зодчих» была одним из замечательных начинаний П.Д. Барановского. С 1923 по 1962 г. им были собраны сведения о 1700 мастерах-строителях и руководителях строительного дела с XV по XVII в., включая также нескольких зодчих более раннего периода (с XII в.). Собранный материал составил около 1100 рукописных листов тетрадного формата.

К сожалению, Петр Дмитриевич не успел закончить намеченную работу. Все, что удалось сделать архитектору, — это собрать выписки из многочисленных источников о деятельности зодчих. Но обработать материал, свести данные по каждому мастеру он не успел; не составлен и предполагавшийся справочный аппарат к «Словарю». И тем не менее значение работы, проделанной П.Д.Барановским, велико. Собранный им огромный фактический материал представляет собой большую научную ценность и дает его последователям возможность, после тщательной научной обработки и дополнения, осуществить начинание Петра Дмитриевича.

Круг источников, использованных П.Д.Барановским для «Словаря», весьма значительный. Он широко использовал документы XVI—XVII вв. архива Оружейной палаты, Разрядного, Каменного, Тайного, Сибирского и других приказов, столбцы Приказного стола, разрядных столов, приходо-расходные книги монастырей, епархий, летописи[1], жития святых и многие другие. Привлекал он также исторические описания епархий, сёл, монастырей, городов с опубликованными в них историческими документами.

Много выписок делал П.Д.Барановский из специальных работ дореволюционных и советских авторов, занимавшихся исследованием деятельности древних русских мастеров разных профессий, в том числе и зодчих, и составлявших списки или небольшие словари таких мастеров, основываясь на архивных документах. Таковы работы К.Н. Тихонравова «Сведения о русских мастерах XVII и начала XVIII столетия», «Материалы для археологического словаря», издававшиеся графом А.С.Уваровым, «Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней. XI—XIX вв.» Н.П.Собко, «Архитектурная команда» В.Гамбурцева со списком подмастерьев каменных дел, «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства» А.Н. Сперанского со списком подмастерьев приказа каменных дел XVII в., «Материалы к словарю мастеров-строителей XVI—XVII вв.» Н.Н.Воронина[2] и другие.

Значительное место среди собранных П.Д.Барановским материалов занимают обширные выписки из подрядных и договорных записей, наемных грамот на постройку храмов, наказов смотрителям за строительными работами. Эти выписки ценны тем, что содержат подробное описание хода строительных работ, дают наглядное представление об особенностях труда и быта строителей, об орудиях труда, строительных материалах, стоимости работ.

П.Д.Барановский использовал также обширный круг научной, научно-популярной и даже художественной литературы, а также материалы научных докладов, сведения, сообщенные ему коллегами, некоторые устные предания.

К сожалению, нередко ссылки на источники написаны Барановским сокращенно и нераз-

---

* Материалы к публикации подготовлены сотрудниками ГНИМА им. А.В.Щусева У.Черновол и Н.Егоровой.

борчиво, без указания выходных данных книг, поэтому установление происхождения некоторых выписок затруднительно.

Круг людей, охваченных в материалах «Словаря», очень широк. Это люди разного социального происхождения, разных сословий: цари, князья, бояре, воеводы, посадники, дьяки, «гости», стрельцы, монахи, священники, люди простых званий, работавшие по найму, крепостные крестьяне и посадские люди.

Надо сказать, что название «Словарь русских зодчих»— узко для комплекса материалов, собранных П.Д.Барановским. В них представлены не только те, кого принято именовать зодчими или строителями, но все, имевшие то или иное отношение к строительству на Руси в XII—XVII вв. Это мастера (а в основном подмастерья[3]) каменных дел, плотники, «резных дел мастера», живописцы, мастера изразцов; строители храмов, крепостей, плотин и мостов, «градодельцы», «палатные мастера», инженеры, нарядчики, составители чертежей и смет, надзиратели за работами, а также основатели храмов, монастырей, городов и люди, вкладывавшие свои средства в эти постройки.

Мы предлагаем вниманию читателя проспект «Словаря», написанный самим Петром Дмитриевичем и дающий понятие о его замысле, и небольшую подборку материалов к «Словарю», дающую представление о содержании собранных им сведений.

При публикации сохранена орфография рукописей П.Д.Барановского и использованных им первоисточников. Авторские сокращения слов в тексте статей расшифрованы, а ссылки на источники даны с сокращениями, как в рукописях П.Д.Барановского. Полные названия источников и литературы приведены в примечаниях к публикации. Все ссылки Петра Дмитриевича сверены по указанным изданиям.

ПРОСПЕКТ ИЗДАНИЯ «СЛОВАРЬ РУССКИХ МАСТЕРОВ-СТРОИТЕЛЕЙ С XV в. ПО 1700 г.»

Работы русских мастеров-строителей, свидетельствующие о большой их изобретательности и высоком художественном мастерстве, получили широкое признание далеко за пределами нашей страны.

Дошедшие до нашего времени немногие старинные архитектурные памятники, часто искаженные временем и переделками, позволяют судить о многообразии и совершенстве произведений, созданных русскими плотниками и каменщиками, которые передавали часто свои профессии по наследству сыновьям, племянникам и внукам.

Исключительные конструкторские достижения русских градостроителей давно оценены историками науки, техники и искусства.

Высокая строительная техника, связанная с нуждами и деятельностью господствующего класса, с военным делом, с жилищным и культовым строительством отражала вместе с тем рост русского государства и жизнь простого народа.

Старинные русские мастера умели использовать самые простые и доступные строительные материалы, создавая при этом архитектурные формы зданий, которые являются памятниками непреходящего значения. В этой связи можно указать на достигшую в XVII в. своего наивысшего расцвета орнаментальную резьбу по дереву.

Сохранившиеся документальные архивные материалы о русских масте-

рах-строителях еще достаточно не изучены, так как систематического сбора и обработки этого материала не производилось.

К сожалению, в широкой литературе о высоком мастерстве старинных русских строителей до сих пор почти не имеется фундаментальных исследований.

Необходимость создания «Словаря русских мастеров-строителей с XV в. по 1700 год» очевидна.

Словарь состоит из следующих разделов: мастера каменного дела; мастера деревянной архитектуры; мастера по обработке камня; мастера по обработке дерева.

Словарь по типу будет близок к известным словарям, составленным В.Троицким о мастерах золотого, серебряного и алмазного дела и А.И. Успенским о живописцах[4].

Используя опыт составления этих словарей, авторы-составители «Словаря русских мастеров-строителей» внесут в него все то ценное и новое, что раскрыто и дано советскими историками в этой области за последние 40 лет.

Материалами для «Словаря русских мастеров-строителей» послужат как печатные публикации документов в различных многочисленных монографиях, сборниках и журналах, так и рукописные источники, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива древних актов, в отделе письменных источников Государственного Исторического музея и др.

В «Словаре» будет отражена как деятельность мастеров-строителей и подмастерьев, так и руководителей строительного дела XV—XVII вв. Также будут отражены и бытовые стороны жизни мастеров-строителей.

«Словарь» будет снабжен, кроме библиографического указателя использованного печатного и архивного материала, также и таким справочным материалом, как алфавитные указатели: именной, географический, предметный.

К «Словарю» необходимо приложить краткий перечень старинных строительных терминов.

Издание будет иллюстрировано репродукциями с миниатюр, изображениями сохранившихся памятников и т.д. Объем «Словаря» — 50 авторских листов.

Издание предназначается для инженеров-строителей, архитекторов и реставраторов, а также будет иметь значение для историков, искусствоведов, краеведов, музейных работников и всех тех, кто интересуется строительным делом.

Авторы-составители «Словаря русских мастеров-строителей с XV в. по 1700 г.» — П.Д.Барановский, М.Ю.Барановская, В.С.Лаврентьев, В.В.Сорокин[5].

ФРАГМЕНТ
ИЗ «СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗОДЧИХ»*

1. Алексей (Алекса) — градоруб-художник XIII в. Он строил многие города еще при князе Василько[6], а в 1276 г. посылается его сыном Владимиром[7], в качестве «мужа хитра» с туземцами, вверх по реке Лосне или Лысне (Лесне), чтобы отыскать подходящее место для постройки города, после чего, на выбранном самим князем месте, срублен был Каменец[8], названный так от земли Каменной.

См. Карамзина IV, пр. 175, с. 74 (издание Эйнерлинга). — Полное собрание русских летописей. II., 206. — Древности, М., 1870. «Материалы для археологического словаря», III, 2. (Собко. Словарь I, с. 120.)[9]

2. Алексей — 1492. Вологодский церковный мастер с 60 рубленниками построил в 1492 г. в Устюге большой шатровый собор Успения. (Устюжский летописный свод. М.-Л.,1950, с.98-99; Воронин. Советская археология, 2, с.264.)[10]

3. Аристов, Артюшка — каменщик, который был освобожден от отбывания строительной повинности, так как ему в 1664 г. при работе в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре сломало руку, «как у колокольни своды упали».

(Русская историческая библиотека, т. V, № 176, ст.476.)[11]

4. Артемьев Андрей — протопоп собора села Николы Гостунь Белевского уезда[12]. 1628—1630 гг. «строил в селе церковь деревянную клецки Онуфрия Великого по приказу Великой Государыни инокини Марфы Ивановны, ея казною, с образами и всем церковным строением».

(По Писцовой книге 1628—1630 гг. Иеромонах Леонид. Село Николы Гостунь. — Чтения в ОИДР, 1861, кн. IV.)[13]

5. Борис-посадник, строитель XIV в. (Савельев. История Инж. иск. в России, с. 105.) В 1309 г. псковский посадник Борис заложил каменную стену — Псковская летопись под 6817 (1309).

(Лутковский. — Русский инвалид, 1845, с.68.)[14]

6. Бобр Василий и его братья Юшка и Вепрь, приезжие гости, построившие в 1514 году церковь Великомученицы Варвары в Москве на Варварке. Нынешняя церковь выстроена в 1796 году.

(Александровский. Указат. цер. и час. Китай-города.)[15]

7. Бухвостов (Бухвостков) Яков Григорьевич (Никита —?) — строитель-подрядчик.

«Дмитровского уезда Берендеевского стану, вотчины окольничего Михаила Юрьевича Татищева[16], села Никольского крестьянин»; 1690 г. — подряд на кельи у церкви Моисея-боговидца на Тверской улице в Москве «за Неглинными вороты» (Забелин. Материалы, т. I, с.561);[17] 1693 г.— подряд на церковь в вотчине боярина Шереметева селе Уборах «с товарищи» М.Тимофеевым и М.Семеновым. (Грабарь, Ист. Р. иск., т. II, с. 440, пр.I);[18] не

* Это хронологическое несоответствие названию труда «Словарь русских мастеров-строителей с XV в. по 1700 г.» — характерная для Барановского неуемность, исследовательская жадность.

закончив постройки, берет с торгов подряд на постройку рязанского собора (Изв. РАО, т. III, с.215)[19] — 1693 г. 1697—1699 гг. — ряд построек архиерейского хозяйства в Рязани и несколько церквей там же. (Иероним, ряз. дост. с. 314.)[20] (Воронин. Оч. по ист. рус. зод. — Мат. к слов., № 11.)[21]

Бухвостов Якушка Григорьев — подрядчик каменных дел. В 1690 г. строил городовую стену с башнями вокруг Ново-Иерусалимского монастыря. «7198* году мая в 16 день, Окольничего Михайлы Юрьевича Татищева вотчины ево Дмитровского Уезду села Никольского крестьянин каменных дел подрятчик Якушка Григорьев сын Бухвостов с товарищи подрядился делать около Воскресенского монастыря под городовую стену, как быть стене городовой и башням, рвы копать и сваи бить и бутить, а ряда от того дела имать от выбутки по сажени в дробную трехаршинную сажень по 1 рублю по 6 алтын по 4 деньги за сажень».

(История Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. М., Изд. О-ва истории и древностей российских при Московском у-те. 1876, с. 118.)[22]

Бухвостов Яков Григорьевич — подрядчик, крестьянин Дмитровского уезда села Никольского, подрядился в 1693 году вместе с Никитой Густиновым, Герасимом Ивановым и Иваном Парфеновым строить соборную церковь в Переславле-Рязанском.

«7201 (=1693) года Декабря 15 приезжали в Переславль Рязанский каменный подрядчик Петр Бык с товарищи для подряду соборныя церкви. А Генваря 18 Дмитровскаго уезда села Никольского Иаков Григорьев Бухвостов и 20 дня того ж месяца Костромского уезда села Здемирова крестьянин Григорий Леонтьев сын Мазухин приезжали для того же подряду; из коих Бухвостов да еще Никита Густинов, Герасим Иванов и Иван Парфенов с товарищи подрядились оную церковь строить преосвященнаго Авраамия у казначея Гундорова и у дьяка Зарайникова своими работники в домовом припасе» (из расходной книги).

(Известия Рус. археол. общ., III, с. 215.)[23]

Бухвостов Ян Григорьев — с «товарищи» один из строителей церквей в селе Уборах, Филях, Троицком Лыкове и Тихвинской церкви Донского монастыря.

(Каз. муз. вест., № 5-6, с. 25.)[24]

Яков Бухвостов. По сообщению Тихомирова Н.Я., в книге «Люди русской науки» (сборник издания Академии наук, т. II)[25] имеются данные из биографии Я.Г.Бухвостова, что он строил церковь Троицкого Лыкова, о чем сообщает Торопов, нашедший в церковном синодике упоминание Бухвостова и еще двух человек (вероятно, это статья Ильина.)[26]

Бухвостов Яков — построил надвратную церковь Ново-Иерусалимского монастыря (сообщение Н.К.Жукова.)[27]

Бухвостов Янко с товарищами Мишкой Тимофеевым и Митрошкой Семеновым построил в 1693 году церковь села Уборы Звенигородского уезда Московской губернии.

---

* 1690 год.

(Красовский, с. 422.)[28]

Григорьев Якушка (Бухвостов?) — 27.IV.7189*г. участвует в торгах на постройку каменной церкви Воскресения на Пресне в Москве, запросил 1500 рублей, подряд передан подмастерью Оське Старцеву за 787 рублей.

(Забелин. Домашний быт, т. I, с. 405—406; Воронин. Оч. по и.р.з. — Мат. к слов. № 22.)[29]

8. Василий — архиепископ Новгородский — строил не только храмы и мосты, но собственными руками заложил в Новгороде, над Волховом, городскую стену.

(Савельев. Ист. инж. иск., с. 105. Карамзин. Ист., изд. 3-е (1830—1831), т. 4, с. 314.)[30]

9. Володин Мишак — мастер 1493 г., поставил в г. Вологде на посаде шатровый храм Вознесения, который, как полагают, послужил образцом для знаменитого храма Вознесения в селе Коломенском, построенного «вверх на деревянное дело»[31].

(Тихомиров. Москва и культурное развитие русского народа XIV—XVII вв. — Вопросы истории, 1947, № 9, с. 14; Воронин. Мелкие заметки. — Сов. археол., 1957, № 2, с. 264.)[32]

10. Иван, Климент, Алексей — начало XV в. Мастера, построившие каменный Троицкий храм в монастыре Михаила Клопского[33], еще при его жизни, освященный в 1419 г., 24 сентября.

(Костомаров. Сев. рус. народ, с. 329.)[34]

11. Кашин Михаил Федорович — воевода, князь, вместе с воеводою Андреем Никитичем Ржевским в 1607 году, по случаю сожжения Дмитрием Самозванцем города Брянска, были посланы Царем Василием Иоанновичем Шуйским для возведения там крепости. Они поставили деревянный острог на земляном валу и сделали другие нужные укрепления.

См. Ист. кн. Щербат., т. 6, ч. 2, с. 189 и 192.

(Лутковский. Стар. креп.— Рус. инв., 1845.)[35]

12. Лютик — по преданию, был в середине XVI в. надзирателем за работами при постройках в Троицком «Лютикове» монастыре, который от него и получил якобы свое название. [36]

13. Мужила Клим — в 1519 г. построил церковь каменную Ильи Пророка на Ильинке в Москве, при ней в XVI и XVII веках был мужской монастырь. В 1626 г. храм погорел и был построен нынешний. Теперь она обстроена зданием Теплых рядов[37].

(Александровский. Ук. зат. цер. Кит.-гор.)[38]

14. Мышкин — московский мастер каменного дела, вместе с Иваном Кривцовым в 1472 году строил московский Успенский собор (с 30 апреля по 21 мая)[39], который завалился, и на месте его был выстроен новый Аристотелем Фиораванти в 1475—1479 гг.

(Подробнее у Красовск.)[40]

15. Невежа Псковитин — «некий хитрец», который предложил в 1528 г.,

* 1681 год.

прибыв в Новгород, построить на Волхове мельницу, но разлив Ильменя уничтожил его труды, а новгородцы смеялись: «Волхов наша с молоду не молола, ачи на старость учнет молоть?»

(Кулишер. Промышл. в Древней Руси; Никитский. Эконом. быт Вел. Новгорода, 198.)[41]

16. Нестор — тверской поп, обещавший в 1629 году построить государю походный городок. В 1629 году Нестор подал царю челобитную с извещением о великом деле, какого Бог не открывал еще никому из прежде живших людей ни у нас, ни в других государствах, но которое Он открыл ему, попу Нестору, на славу государю и на избавление нашей огорченной земли, на страх и удивление супостатам: обещал он состроить дешево государю походный городок, в котором ратные люди могут защищаться, как в настоящем неподвижном городе. Напрасно упрашивали его бояре сделать модель или чертеж придуманного им подвижного редута, чтобы показать его государю. Поп объявил, что, не видав государевых очей, ничего не скажет, потому что боярам не верит. Его сослали в Казань и три года продержали там в монастыре в цепях за то, что сказывает за собою великое дело, а дела не объявляет и делает это как будто для смуты, не в своем разуме.

(В.О.Ключевский. Западн. влияние и церковный раскол в России XVII в. Очерки и речи. Сб. 2, с. 403.)[42]

17. Никитин Галактион — водовзводного дела мастер; водовзводного дела работник. 1685 г. — лил свинцовые доски и спаивал ими верхний каменный сад у государя; 1684 г. — водовзводные работы «на все три дворца и на конюшню и в сад... своими работниками и лошадьми ... своими ж кузнецами и плотниками» по подряду за 200 рублей в год.

(Забелин. Домашний быт, т. I, с. 80, 424; Воронин. Оч. по и.р.з. — Мат. к слов. № 70.)[43]

18. Петров — «размысл», то есть инженер[44], строивший город Вологду в 1565 году, когда Иван Грозный «заложи город Вологду камен и повеле рвы копати и подушву бити и городовые здания к весне повеле готовить всякие запасы». Петров, согласно летописи, был «родом литвин». Грозный на протяжении 1565—1571 годов неоднократно и подолгу жил в Вологде. Одновременно с крепостными сооружениями шло строительство огромного каменного собора.

(Бочаров и Выголов. Вологда, Кирилл., Ферапонтов., Белозерск. 1967, с. 18.)[45]

19. Потапов Петр (Петрушка) — в 1696—1699 гг. построил церковь Успения Божией Матери на Покровке в Москве (в Котельниках). У входа в верхнюю церковь имеется каменнорезная надпись, свидетельствующая об этом: «лета 7204* октября 25 дня дело рук человеческих, делом именем Петрушка Потапов».

(Грабарь, т. 2, с. 449; Воронин. Оч. по и.р.з. — Мат. к слов. № 78.)[46]

20. Тараканов Владимир и Марк Грек. Кляпик Михаил. — Строители крепости Иван-города в XVI веке. По сведениям, сообщенным мне В.В.Кос-

---

* 1696 год.

точкиным[47], в 1496—1498 гг. крепость Иван-город строили Михаил Кляпик, а затем, по извлечению из одного ливонского документа, в 1507 г. крепость строили Владимир Торгкан (Тараканов?) и Марк Грек (не Марк ли Фрязин?). ПБ*.

21. Федор — мастер, обивший в 1420 г. церковь Троицы в Пскове свинцом, новыми досками.

«Псковичи наняли мастеров Федора и дружину его пообить церковь Св.Троицы свинцом, новыми досками, и не обрели псковичи такого мастера в Пскове, ни в Новгороде, кому лить свинчатые доски, а к немцам послали в Юрьев и поганые не дали мастера; и приехал мастер из Москвы от митрополита Фотия и научил Федора мастера Святой Троицы, а сам отъехал в Москву, и так, не прошло году, пообита была церковь Святой Троицы, месяца августа во второй день, и дали мастерам сорок четыре рубля» (Летоп.)

(Некрасов. Древн. Псков., с. 49.)[48]

22. Церковь Алексея Митрополита в Чудовом монастыре в Кремле, строилась в 1680 г. по чертежу царя Феодора Алексеевича и была освящена 20 мая 1686 г.

(Александровский. Указатель кремлевских церквей.)[49]

23. Филарет — старец Московского Донского монастыря, «мостовой строитель». По его указу в 1691 году построена подрядчиком Иваном Ермолиным Пшеницею с товарищами мельничная каменная плотина в сельце Посевьеве, Раменка тож, на речке на Раменке. В сохранившейся подрядной записке сказано: «а у того каменного дела быть мостовому строителю старцу Филарету и строить нам ту мельнишную каменную плотину, как он старец Филарет укажет».

(И.Забелин. Ист. оп. Мос. Донск. мон., с. 157.)[50]

24. Фомин Андрей — плотинных дел мастер. Руководил в 1665 г. сооружением в Измайлове плотины «Старой Измайловской», «Малой Измайловской» у «Виноградной мельницы», Просянской, Лебедевской, Туровской и Ивановской и еще 2 мельниц на реке Пехорке. Старую Измайловскую плотину с мельницей обновили и сделали каменными. К мельничному амбару приделали потайную государеву комнату; за ее постройкой наблюдал стрелецкий голова Юрий Лутохин (сменивший Василия Пушечникова).

(Кругликов. Измайлово, 1959, с. 17.)[51]

25. Собор гор. Колы[52].

Воскресенский собор г. Колы построен в 1684 г. Увенчанный восемнадцатью главами собор имел три храма: главный средний Воскресения Христова, правый св. Николая Чудотворца, левый св. великомученика Георгия. На восточной стороне церкви, под кровлею, прибита была доска, на которой славянскими буквами написана история основания храма. Он не был согреваем печами и сохранил необыкновенную прочность, изумлявшую всех, в течение ста семнадцати лет. 11 августа 1854 г., во время обстрела

* Петр Барановский.

города англичанами, загорелся он вечером, в половине осьмого, и горел ярко и скоро, как построенный из сосноваго леса.

С.В.Максимов записал рассказ о построении собора:

...«Мастер этот был не из наших. Построил он много церквей по Поморью, а затем и нашу... Церкви он строил почесть что задаром, говорил: меня-де только без денег домой не пущайте, а я-де Богу работаю, мзды большой не приемлю. Так построил он в Шунге церковь. Позвали к нам в Колу. Согласился, пришел и к нам, и у нас работал, и у нас соорудил церковь: вывел ее, значит, до глав...» Дальше рассказывается, как он соорудил главы и поставил крест, а потом бросил свой топор в воду реки Туломы и выкрикнул: «Не было такого мастера на свете, нет и не будет!» И с той поры топора не брал в руки. Лет с десяток жил после того и пил. Тем и помер.»

(Максимов. Год на Севере, с. 183—185)[53]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эти документы опубликованы в таких изданиях, как Успенский А.И. Столбцы бывш. архива Оружейной палаты. Вып. 1-3. М., 1912—1913; Русская историческая библиотека, издаваемая археологическою комиссиею в 39 тт. СПб.,1872—1927. Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси. Издание археографической комиссии. В 3 тт. СПб., 1857—1884. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869; Полное собрание сочинений русских летописей.
2. Тихонравов К.Н. Сведения о русских мастерах XVII и начала XVIII столетия. — Известия Императорского археологического общества. — СПб., 1861, т. III; Древности. Труды Московского археологического общества. Материалы для археологического словаря. В 25 тт. М., 1865—1916; Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней. XI—XIX вв. Составил Н.П.Собко. СПб., 1899; Гамбурцев В. Архитекторская команда. Очерк московских учреждений, ведавших строительное дело и обучение ему. М., 1894; Сперанский А.Н. Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, приложение № I. Список подмастерьев приказа каменных дел, упоминающихся в документах XVII века.; Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.-Л., 1934.
3. «Каменных дел подмастерья» — так назывались строители каменных зданий. В переводе на современное понятие это были «архитекторские помощники» или самые архитекторы. Скромное наименование подмастерьев русские старинные мастера-архитекторы стали носить, вероятно, со времени пребывания в Москве итальянских и других иноземных мастеров, перед которыми русское каменное дело ставилось на второе место.(Уваров А.С. Материалы для археологического словаря.)
4. Троицкий В. Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в. Вып. 1-2. Л., 1928—1930; Успенский А.И. Словарь художников, в XVIII веке писавших в императорских дворцах. М., 1913.
5. Барановская М.Ю. (1902—1977) — жена и помощник П.Д.Барановского, заслуженный работник культуры РСФСР, старейший сотрудник Государственного Исторического музея, кандидат исторических наук. Сорокин В.В. — крупный краевед, историк Москвы. Родился в 1910 году. Работал в библиотеке МГУ им. Горького. Ученик фотографа А.Т.Лебедева, специалист по кладбищам. О творческом вкладе в данный «Словарь» сообщает следующее: «Петр Дмитриевич привлекал меня к поискам отдельных справок, когда основная работа была им проделана. О причастности В.С.Лаврентьева к работе над «Словарем» мне ничего не известно». Лаврентьев В.С. — архитектор. Родился в 1934 г. в Магадане. Работал в гор. Серпухове. (Материалы к биографическому словарю архитекторов России. ЦНИИ теории и истории архитектуры.)
6. Василько Романович (†1269) — князь Волынский, сын Романа Мстиславича, князя Галицкого. После смерти брата Даниила (†1264) занимал первое место среди князей. Скончал свои дни монахом и тружеником.
7. Владимир Василькович († 1288) — князь Волынский с 1269 г., сын Василько Романовича. Отражал набеги литовских феодалов на Волынское княжество, совершал против них походы.
8. Каменец-Волынский или Литовский — древнерусский город на реке Лесна, притоке Западного Буга (сейчас Брестская область). Основан в конце XIII в. Волынским князем Владимиром Васильковичем. До начала XIV в. входил в состав Волынского княжества. В XIV в. попал под власть Литвы. К середине XVII в. пришел в упадок.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. Издание Эйнерлинга. СПб., 1842, кн. I, т. I. Примечания к 4 т., с. 73—74; Полное собрание русских ле-

тописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962, с. 876; Древности. Труды МАО. Материалы для археологического словаря. М., 1870, т. 3, с. 3; Словарь русских художников с древнейших времен ... Сост. Н.П.Собко, т. 3, с.120.
10. Устюжский летописный свод. М.-Л., 1950; Воронин Н.Н. Историко-архитектурные заметки. Русские архитектурные рисунки начала XVI в. — Советская археология, 1957, № 2.
11. Русская историческая библиотека. Акты Иверского Святоозерского монастыря. СПб., 1878, т. 5. с. 476.
12. Село Николы Гостунь — на северо-востоке от г. Белева Тульской области, на берегу р. Оки. Памятник царя Михаила Федоровича и его матери, инокини Марфы Ивановны. В селе находился храм во имя святителя Николая Чудотворца.
13. Село Николо-Гостунское с его древностями. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1861, Кн. IV, с. 188.
14. Савельев А.И. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб., 1853, с. 105; Археологические сведения о старинных русских крепостях и укреплениях, их строителях и проч. — Русский инвалид, 1845, № 17.
15. Указатель церквей и часовен Китай-города. М., 1916, с. 10.
16. Татищев Михаил Юрьевич († 1701) — боярин, прадед историка В.Н.Татищева
17. Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884. Ч. I.
18. Грабарь И.Э. История русского искусства. Изд. И.Кнебель. Т. 2: История архитектуры. Допетровская эпоха (Москва и Украина). Примечание I, с. 440.
19. Известия Императорского Российского археологического общества. Вып. 1—6. СПб., 1861, т.3.
20. Иероним (Алякринский). Рязанские достопамятности. Рязань, 1889, с. 114.
21. Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества... — Материалы к словарю мастеров-строителей, с. 123.
22. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. Составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М., 1876, с. 118.
23. Известия Имп. Российского археол. общ. Указ. изд., с. 215.
24. Худяков М. К истории Казанского зодчества. — Казанский музейный вестник. Казань, 1920, № 5-6, с. 25.
25. Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. М.-Л., 1948, т.2, с. 112.
26. Имеется в виду М.А.Ильин, кандидат искусствоведческих наук, один из авторов книги «Люди русской науки» (и, предположительно, статьи о Я.Бухвостове). Торопов С.А. (1882-1964) — профессор, историк и исследователь архитектуры, собрал большой фотоархив по истории русской архитектуры, хранящийся в ГНИМА им. А. В.Щусева.
27. Жуков Н.К. — гражданский инженер. Родился в 1874 г. в Москве. Работал в Смоленске, Москве. Умер 14.VI.1945 г. (Материалы к биографическому словарю архитекторов России. ЦНИИ теории и истории архитектуры.)
28. Красовский М. Очерк истории Московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII века). М., 1911, с. 422.
29. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. — Домашний быт русских царей. М., 1862, т.I. ч. 1, с. 405—406; Воронин Н.Н. Очерки по истории .., с.124.
30. Савельев А.И. Материалы к истории.., с. 105; Карамзин Н.М. История государства Российского. Указ. изд., т. 4, с. 314.
31. «Вверх на деревянное дело» — тип церкви, называемой в летописях и актах «деревяна вверх» — шатровый тип храма.
32. Тихомиров М. Москва и культурное развитие русского народа в XIV—XVII вв. — Вопросы истории, 1947, № 9, с. 14; Воронин Н.Н. Историко-архитектурные заметки.., с. 264.
33. Клопский (Троицкий-Михайловский) мужской монастырь на реке Веряже в

Новгородской губернии и уезде. Основан в XIV в. В XV в. здесь жил чудотворец Михаил Клопский, юродивый, из княжеского рода, прославивший собой монастырь.

34. Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. 2. СПб., 1863, т. 2. с. 345—346.
35. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1791, т. 7, ч. II, с. 189, 192—193.; Археологические сведения о старинных русских крепостях... — Русский инвалид, 1845, № 23, с. 92.
36. Лютиков монастырь — Перемышльский Троицкий Лютиков мужской монастырь близ г. Перемышля Калужской области на правом берегу р. Оки. Нет точных сведений, когда и кем основан монастырь. Предание приписывает основание его князю Владимиру Ивановичу Воротынскому, в области которого находилась местность монастыря, и относит его к 1-й половине XVI в.
37. Двухэтажные Теплые ряды были построены в 1804 г. по западной стороне Богоявленского переулка в Китай-городе. Это были первые лавки с печным отоплением. В них был перенесен торг из рядов на Красной площади.
38. Указатель церквей и часовен Китай-города. М., 1916, с. 11.
39. С 30 апреля 1472 по 21 мая 1474 года.
40. Красовский М. Очерк истории Московского периода.., с. 36—37.
41. Кулишер И.М. Очерк истории русской промышленности. Пг., 1922, с. 31; Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 198.
42. Ключевский В.О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. Историко-психологический очерк. Очерки и речи. М., 1913, сб.2, с. 403.
43. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа.., с. 80, 424; Воронин Н.Н. Очерки по истории..., с. 127.
44. Историки кн.Щербатов М.М. и Карамзин Н.М. полагают, что название «размысл» дано мастеру по его искусству и соответствует слову инженер. Авторы книги, на которую ссылается П.Барановский, считают, что Размысл — это имя Петрова.
45. Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1966. Книга издавалась также в 1969 и 1979 гг.
46. Грабарь И.Э. История русского искусства. Т. 2, с. 449, примечание № 1; Воронин Н.Н. Очерки истории..., с. 127.
47. Косточкин В.В. — доктор архитектуры, преподавал в Московском архитектурном институте. Теоретик архитектуры, исследователь русского крепостного зодчества.
48. Полное собрание русских летописей. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. Псковская вторая летопись, с. 23; Некрасов А.И. Древний Псков и его художественная жизнь. М., 1923, с. 49.
49. Указатель кремлевских церквей. М., 1916, с. 25.
50. Забелин И.Е. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865, с. 157.
51. Кругликов В. Измайлово. М., 1959, с. 17.
52. Город Кола — в XIX веке уездный город Архангельской губернии, самое дальнее селение России на берегу Северного Ледовитого океана. С 1533 г. упоминается в летописях как большое селение. Место ссылки. В 1854 г. два дня бомбардировался англичанами и был почти весь сожжен.
53. Максимов С.В. Год на Севере. М., 1890, с. 178, 183—185.

ПЕРЕЧЕНЬ научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций и проектов реставрации памятников архитектуры, научных докладов и печатных работ с 1911 г. до 1964 г.

1911—1912 гг. Памятники архитектуры XVI в. в Болдинском монастыре Смоленской обл. Дорогобужск. р-на. Обмер шатровой церкви и трапезной палаты XVI в. по поручению Московского археологического общества.

1919 г. Обмеры Троицкого собора и колокольни XVI в. Исследования и разработка проектов реставрации всего комплекса памятников Болдинского монастыря; защищена диссертация в Московском археологическом институте.

1919—1927 гг. Реставрация аварийного памятника шатрового храма и трапезной палаты. Реставрация колокольни и собора. Организация историко-художественного музея Болдинского монастыря. (Памятники взорваны фашисткими захватчиками.)

1912 г. Деревянная церковь XVII в. в с. Рыбки Дорогобужск. р-на Смоленской обл. Обмер и фотофиксация. (Не сохранилась.)

1912, 1920, 1943 гг. Собор Ивановского монастыря нач. XVII в. в г. Вязьме Смоленской обл. Обмер и проект реставрации.

1915 г. Борисоглебский собор XVI и XVII вв. в г. Старица Тверской обл. Исследование, проект и модель реконструкции.

1915—1917 гг. Памятники народного деревянного зодчества XVII—XVIII вв. Белоруссии, Полесья и Волыни (Минского, Слуцкого, Пинского и Ровенского районов). (Не сохранились.)

1918, 1920, 1925, 1927 гг.	Китайгородская стена 1535 г. в Москве. Исследование и частичный обмер в связи с постановкой вопроса о реставрации.
1918—1931 гг.	Памятники архитектуры г. Ярославля. Исследования и обмеры, проекты реставрации, консервации и восстановление выдающихся памятников (после обстрела и разрушений во время белогвардейского мятежа). Мероприятия по сохранению фресковой живописи и других памятников искусства в области. (Часть не сохранилась.)
1919, 1927 гг.	Деревянные ворота Перемышльского Резванского монастыря XVII в. Калужской обл. Исследование, обмер и проект реставрации в связи с перевозкой в Музей «Коломенское» .
1919 г.	Шатровые ворота и башня бывшего Сыпанова монастыря XVII в. Костромской обл. Нерехтского р-на. Обмер и исследование.
1920—1924 гг.	Трехшатровая, так называемая Дивная церковь и трапезная палата начала XVII в. Угличского Алексеевского монастыря. Обмер, исследование, проект, реставрация (частичное осуществление на месте). Одновременно фиксация других памятников архитектуры г.Углича после пожара. (Часть не существует.)
1920 г.	Церковь Исидора 1596 г. в Ростове-Ярославском. Исследование и частичный обмер.
1920 г.	Деревянная церковь в г. Мологе Ярославской обл. Обмер и фотофиксация. (Не существует.)
1920, 1929 гг.	Собор Ростовского Борисоглебского монастыря 1522 г. Исследование, обмер и проект реставрации.
1920 г.	Звенигородский собор на Городке 1400 г. Исследование древнего каменного иконостаса с раскопками (с Н.Д.Протасовым).
1920 г.	Борис-городок, его шатровый храм и крепость 1600—1603 гг. Московская область, Можайский район. Исследование по архивным материалам и в натуре.

1920 г. Северодвинская экспедиция по памятникам северного народного зодчества научно-реставрационных мастерских НКП по беломорскому берегу и Северной Двине (начало экспедиции — академик И.Э. Грабарь) с исследованием памятников: Архангельск, Заостровье, Николо-Корельский монастырь, Ненокса, Лисеостров, Уйма, Лявля, Чухчерьма, Ухтоостров, Холмогоры, Панилово, Кривое, Ракулы, Сийский монастырь, Челмохта, Зачачье, Хаврогоры, Моржегорье, Ренаново, Березник, Осипово, Корбала, Ростовское, Конецгорье, Кургоминье, Тулгас, Топса,Троица, Сельцо, Телегово, Сольвычегодск, В.Уфтюга,Н.Уфтюга, Черевково, Пермогорье, Цифзеро, Белая Слуда и др. (К 1950 г. большая часть этих памятников не сохранилась.)

1920 г. О научных задачах организации Музея русского деревянного зодчества на открытом воздухе в Коломенском. Доклад на заседании 1.VIII. 1920 г. ученого совета Центральных государственных реставрационных мастерских.

1920, 1922 гг. Архангельский Гостиный двор 1670—1674 гг. Исследование по архивным материалам и в натуре. (Не существует.)

1920 г. Храм с. Лявля 1595 г. (деревянный, шатровый) Архангельской обл. Исследование, обмер и проект реставрации.

1920 г. Храм в с. Елизарово XVI в. (каменный, шатровый) Переяславского р-на Ярославской обл. Исследование и обмер.

1921 г. Выйско-Пинежская экспедиция по памятникам народного деревянного зодчества, провед. единолично по рекам Вые и Пинеге с исследованием и обмером в деревнях и селах Вершина, Малопинежье, Выя, Усть-Выйское, Сура, Чухченема, Кеврола, Пиринема, Чакола, Поча, Пинега, Вонка и др. (Большинство не существуют.)

1921 г. Храм деревянный Выйского погоста 1600 г. Сольвычегодского р-на Вологодской обл. Обмер и проект реставрации. (Не существует.)

1921 г. Трапезная палата и шатровый храм Суруйского монастыря Архангельской обл. Обмер и проект реставрации.

1921 г.	Храм деревянный Сурского погоста 1598 г. Пинежского р-на Архангельской обл. Обмер и проект реставрации. (Не существует.)
1921 г.	Шатровые каменные храмы XVI в. в селах Городня, Прусы Коломенского р-на и собор Брусненского монастыря в Коломне. Исследование и обмеры.
1922 г.	Экспедиция ЦНРМ в Новгород и его окрестности для отбора и сохранения художественных и исторических памятников при изъятии церковных ценностей. Осмотр до 50 историко-архитектурных памятников. (Историко-художественные ценности переданы в музей.)
1922, 1923 гг.	Деревянный шатровый храм XVII в. в с. Курицкое на озере Ильмень близ Новгорода. Исследование, обмер, проект реставрации и перенос на другое место в связи с подмыванием берега.
1922, 1923 гг.	Соловецкий монастырь XVI—XVII вв. Архангельской обл. Экспедиция Наркомпроса по сохранению музейных ценностей и по передаче зданий-памятников под лагерь. Исследование и обмер собора, трапезной палаты, мельницы, Белой башни, крепостных стен, надвратной церкви, церкви Заяцкого острова XVI—XVII вв. и других памятников. Проект реставрации собора XVI в. и частичное восстановление в натуре в алтарной части. (Многие части комплекса не сохранились.)
1922 г.	Александро-Куштский монастырь на Кубенском озере, деревянный шатровый храм XVI—XVII вв. Обмер, исследование и проект реставрации.
1922, 1923 гг.	Андроников монастырь в Москве. Обследование Спасского собора и обнаружение древней белокаменной кладки нач. XV в.
1922 г.	Исторические и художественные характеристики 50 крупнейших древнерусских монастырей для их национализации (к ходатайству Наркомпроса и декрету Совнаркома о спецсредствах музеев и заповедников).

1922 г.	«Применение деревянных связей в древней архитектуре и новый способ укрепления их разрушенных конструкций по опыту, примененному в 1922 г. в Болдинском монастыре». Доклад в Московском архитектурном обществе.
1923, 1927, 1936, 1937, 1938, 1939 гг.	Александровская слобода XVI в. Владимирской обл. Постановка вопроса об организации музея. Исследование и реставрация памятников. Покровская церковь нач. XVI в. Открытие фресок в шатре и в алтаре, раскрытие архитектурных деталей, составление проекта реставрации и частичное проведение работ в натуре. Троицкий собор XVI в. Обмер, исследование и эскизный проект реставрации. Разборка глав XIX в., раскопки в области алтарной стены, открытие древних окон и пр.
1923, 1926, 1928 гг.	Дворец кн. В.В.Голицына 1685 г. в Охотном ряду в Москве. Исследование, обмер, проект реставрации. Выполнение реставрации в натуре. Фиксация в начале сломки. (Не существует.)
1928 г.	Церковь Пятницы 1686 г. у дворца В.Голицына в Охотном ряду. Исследование, обмер, проект реставрации и фиксация при разборке. (Не существует.)
1923, 1926, 1928 гг.	Дворец кн. И.Б.Троекурова конца XVII в. в Охотном ряду в Москве.
1923 г.	Боровский Пафнутьев монастырь Калужской обл. Исследование комплекса 7 памятников XVI и XVII вв. в связи с организацией музея.
1924, 1927 гг.	Трапезная палата XVI в. Боровского Пафнутьева монастыря. Обмеры, проект и проведение частичной реставрации.
1923, 1931 гг.	Петропавловский храм XII в. в г. Смоленске. Исследования, обмеры, эскизный проект реставрации, выполнение части реставрационных работ в натуре.
1943, 1944, 1954, 1961, 1962 гг.	Проведение консервационных работ после разрушений, разработка проекта реставрации и возобновление восстановительных работ Смоленской реставрационной мастерской.

1923, 1925, 1929, 1931, 1941, 1943, 1944, 1951, 1961 гг.	Иоанно-Богословский храм XII в. в Смоленске. Исследования, обмеры, проект реставрации.
1923, 1924 гг.	Деревянный храм 1658 г. в с. Усвятье Дорогобужского р-на Смоленской обл. Исследование, обмер, разборка и перевозка для сборки и сохранения в Болдинском монастыре-музее. (Не существует.)
1923, 1922, 1962 гг.	Смоленская крепостная стена XVI в. Разработка вопроса охранной зоны и эпизодическое участие в проведении реставрации. (Часть не сохранилась.)
1923—1933 гг.	«Коломенское»: организация первого в СССР музея архитектуры и в связи с этим проведение ряда исследовательских реставрационных работ в памятниках комплекса, собирание экспонатов, устройство выставок и постоянной экспозиции, установка перевезенных памятников деревянного зодчества (2 башни, 2 ворот, 3 гражданских здания).
	Коломенское
1928, 1937 гг.	1. Иоанновский Дьяковский храм XVI в. Исследование, обмеры, проекты реставрации храма и 3-х иконостасов и восстановление в натуре. (Не закончено.)
1923, 1930 гг.	2. Вознесенский храм 1532 г. Исследование, обмер, проекты реставрации порталов, трона и иконостаса и восстановление в натуре. (Не закончено.)
1923, 1933, 1937 гг.	3. Колокольня Вознесенского храма нач. XVI в. Исследование, обмер, проект реставрации и восстановление в натуре. (Не закончено.)
1923, 1926 гг.	4. Водовзводная башня 1667 г. Исследование и частичная реставрация.
1923, 1932 гг.	5. Сытный дворец XVII в. Освобождение от использования школой. Исследование, обмеры, проекты реставрации, восстановление в натуре. (Не закончено.)

1924, 1925 гг.	6. Передние ворота 1672—1723 гг. Исследование, обмеры, проект реставрации и восстановление в натуре, исследование вопроса об их «самодвижущихся механизмах» — часах, орга́нах и львах.
1925, 1928 гг.	7. Приказные палаты XVII в. Освобождение от использования под конюшни. Исследование, обмеры, проекты реставрации, раскопки и восстановление в натуре. Воссоздание историко-художественного бытового интерьера «Приказов» для музейной экспозиции.
1925, 1928 гг.	8. Казанская церковь 1668 г. Исследование отдельных частей памятника, их проекты реставрации и восстановление в натуре: декор глав, колокольня, южное крыльцо, галереи, внутренность первого яруса и его проемы.
1927, 1928 гг.	9. Павильон дворца 1625 г. Исследование, обмер, проект реставрации и проведение восстановительных работ с подъемом всего здания, подводкой фундаментов, восстановлением портика и др.
1927, 1928, 1940 гг.	10. Деревянный дворец 1667—1670 гг. в его сохранившихся вещественных памятниках. Раскопки и исследование фундаментов, собирание печных изразцов, дверных завес, оконниц и пр. Исследование планировки и топографии всего комплекса дворца и его подсобных сооружений, устройство макета, помещенного в Музей русской архитектуры.
1923, 1936 гг.	11. Спасские ворота и стена Кормового дворца. Обмеры, исследование, проект реставрации.
	* * *
1923, 1962 гг.	«Материалы к словарю древнерусских зодчих и строителей до XVIII в.» (ок. 1700 имен).
1923, 1962 гг.	Материалы мелкие по фиксации 100 разнообразных памятников архитектуры в Москве и других местах (кроме трудов, приведенных в настоящей описи). (Не существуют.)

1922, 1923, 1928, 1937, 1944, 1950 гг.	Георгиевский собор в Юрьеве-Польском 1230—1234 гг. Исследования, обмеры памятника и пристроек. Проекты реставрации, археологические раскопки, изучение деталей резного камня. Разборка пристроек XVIII и XIX вв., проведение частичной реставрации, обеспечение охранной зоны и вывод электростанции.
1923, 1927, 1938—1941 гг.	Михайло-Архангельский монастырь XVII в. в Юрьеве-Польском. Исследование, частичный обмер и проект реставрации крепостных стен и башен. Постановка вопроса их выпрямления.
1923 г.	Кувуклия собора Ново-Иерусалимского монастыря 1658—1685 гг. Открытие и научная фиксация керамического декора XVII в. Кувуклия под деревянной обработкой архитектора Растрелли XVIII в. (Поврежд. взрывом.)
1924 г.	Собор Княгинина монастыря XVI в. в г. Владимире. Исследование, обмер, составление проекта реставрации. Проведены восстановительные работы по главе (покрытие по закомарам временно было остановлено).
1924 г.	Церковь Трифона в Напрудной слободе в Москве. Предварительное обследование.
1937 г.	Церковь Трифона. Исследование и археологический обмер в связи с постановкой вопроса о разборке и переносе в Музей «Коломенское». Работа не была закончена вследствие отмены предложения о сносе памятника.
1925 г.	Памятники архитектуры г. Гороховца и Флорищевой пустыни XVII в. — поездка для исследования памятников архитектуры и принятия мер для охраны. (Часть не сохранилась.)
1925 г.	Памятники архитектуры Нижнего Новгорода, в частности, кремлевская стена и башни XVI в. Обследование на месте и предложения по вопросам охраны и реставрации.
1925 г.	Церковь Благовещения XVII вв. в Нижнем Новгороде. Обмер, исследование и проект реставрации. (Главы разобраны.)

1925 г. Деревянный шатровый храм в г.Водовотово (с. Костылиха) XVII в. Арзамасского р-на Нижегородской обл. Исследование, обмер, подбор архивных документов, проект реставрации.

1925—1928 гг. Казанский собор XVII в. в Москве на Красной площади. Исследование, обмер, проект реставрации и восстановительные работы в натуре. (Не были закончены в нижней части памятника.)

1936 г. Научная фиксация при сносе памятника.

1925 г. «Открытие нового метода документального восстановления памятников архитектуры путем наращивания сохранившихся «хвостовых частей кирпича». Впервые применен при реставрации в Болдинском монастыре. Доложено в ЦНРМ, опубликовано академиком И.Э.Грабарем в 1944 и 1947 гг. в трудах АН СССР.

1926 г. Обонежская экспедиция по исследованию деревянного зодчества Карелии. Руководитель академик И.Э.Грабарь. Памятники: Вытегорский погост, Налтога, Ошевенский погост, Петрозаводск, Кижский погост, Повенец, Кондопога, Шуя, Кижи. (Исследование Преображенской церкви не закончено.)

1926, 1927 гг. Памятники архитектуры Московской обл. в уездах: Московском, Бронницком, Дмитровском, Подольском, Коломенском. Обследование и подбор исторических архитектурных материалов и собирание вещественных памятников в Музей «Коломенское».

1927 г. Деревянный храм 1627 г. в с. Никольское-Химки под Москвой. Исследование по Пальмквисту XVII в., рис. XIX в., архивный материал и раскопки на месте.

1927—1932 гг. Перемышльский Лютиков монастырь и его архитектурные памятники XVI и XVII вв. в Калужской области. Исследование, обмеры, проведение частичной реставрации (в связи с передачей в использование Главнауки). Трапезная палата, шатровый храм и собор. (Памятники не существуют.)

ЭКСПЕДИЦИИ ПО ПАМЯТНИКАМ АРХИТЕКТУРЫ, ПРОВЕДЕННЫЕ П. Д. БАРАНОВСКИМ

Условные обозначения:

1 — населенные пункты, связанные с реставрационной деятельностью П. Д. Барановского

2 — населенные пункты, связанные с исследовательской деятельностью П. Д. Барановского

Перечень экспедиций:

Северная Беломорско-Двинская экспедиция ЦНРМ НКП с исследованием историко-архитектурных памятников (1920 г.)

Экспедиция по рекам Вые и Пинеге с исследованием и обмерами памятников народного деревянного зодчества (1921 г.)

Экспедиция ЦНРМ в Новгород и его окрестности с отбором для музеев историко-художественных ценностей и обмерами историко-архитектурных памятников (1922 г.)

Экспедиция в Соловецкий монастырь по сохранению и учету музейных ценностей, обмерам памятников архитектуры, выполнению проекта реставрации Собора и началу реставрационных работ (1922, 1923 гг.)

Обонежская экспедиция по исследованию памятников народного деревянного зодчества Карелии с проведением обмеров ряда памятников (1926 г.)

Обследование памятников архитектуры 5 уездов Московской области с отбором историко-художественных ценностей и архитектурных материалов для музея в Коломенском (1926, 1927 гг.)

Грузинская экспедиция ЦХРМ по обследованию и изучению памятников архитектуры и искусства (1929 г.)

Белорусская экспедиция ЦНРМ по обследованию и изучению памятников архитектуры и искусства (1929 г.)

Волговерховская экспедиция по памятникам народного зодчества (1930 г.)

Беломорско-Онежская экспедиция ГИМ по памятникам народного деревянного зодчества (1931 г.)

Экспедиция в Азербайджан по исследованию памятников архитектуры эпохи Низами (1938 г.)

Экспедиция по выявлению, исследованию и обмерам памятников архитектуры Кавказской Албании V – XII вв. (1939 г.)

Экспедиция в Азербайджан по исследованию памятников архитектуры эпохи Низами с обмерами, фотофиксацией и раскопками (1939, 1940 гг.)

Экспедиция по памятникам Кавказской Албании с обследованием, обмерами, фотофиксацией и раскопками (1940, 1941 гг.)

Обследование руин и начало реставрационных работ Катехско-Закатальской стены и ее круглых замков (1940 г.)

Дербент. Исследования, обмеры, фотофиксация, организация охраны крепостной стены и цитадели (1940 г.)

Первая Кавказская экспедиция по теме "Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией, Балканскими славянами" — обследования, обмеры, эскизное проектирование, фотофиксация памятников архитектуры (1946 г.)

Вторая Кавказская экспедиция по теме "Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией, Балканскими славянами" — обследования памятников архитектуры (1947 г.)

Третья Кавказская экспедиция по теме "Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией, Балканскими славянами" — обследования памятников архитектуры (1949 г.)

Экспедиция по городам Западной Украины с обследованием и фотофиксацией памятников архитектуры (1955 г.)

АРХАНГЕЛЬСК
ХОЛМОГОРЫ
УЙМА
ЛЯВЛЯ
КОНЕЦДВОРЬЕ
СОЛОВЕЦКИЙ М-РЬ
ЧУХЧЕРЬМА
ПИНЕГА
ВОНГА
ПОЧА
ЧАКОЛА
ПИРИНЕМЬ
КЕВРОЛА
КЕМЬ
НЕНОКСА
ПУДА
БЕЛОЕ
ЗАОСТРОВЬЕ
СУМСКОЙ ПОСАД
ОНЕГА
ПОДПОРОЖЬЕ
УХТОСТРОВЬЕ
РАКУЛЫ
СУРА
АНТ.-СИЙСКИЙ М-РЬ
ПИЯЛА
ЧЕКУЕВО
ОБОЗЕРСКОЕ
ОСИНОВО
УСТЬ-ВЫЯ
КОНЕЦГОРЬЕ
ЕМЕЦК
КОНДОПОГА
ЗАЧАЧЬЕ
ТОПСА
ВЕРХН. ТОЙМА
МОРЖЕГОРЫ
СЕЛЬЦО
ВЕРХН. УФТЮГА
ШУЯ
БЕРЕЗНИК
ЦЫВОЗЕРО
СОЛЬВЫЧЕГОДСК
ПЕТРОЗАВОДСК
КИЖИ
ПЕРМОГОРЬЕ
ВЕЛИКИЙ УСТЮГ
ОШТА
ВЫТЕГРА
НОВГОРОД
ВОЛОГДА
ЕЛИЗАРОВО
ЯРОСЛАВЛЬ
ПСКОВ
НИЛОВА ПУСТЫНЬ
УГЛИЧ
НЕРЕХТА
ШИРКОВО
РОСТОВ
ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ
ОСТАШКОВ
АЛЕКСАНДРОВ
ЮРЬЕВ-ПОЛЬСКОЙ
СЕЛИЖАРОВО
ДМИТРОВ
СУЗДАЛЬ
НИЖНИЙ НОВГОРОД
СТАРИЦА
ИСТРА
МОСКВА
ЗАГОРСК
ГОРОХОВЕЦ
ЗВЕНИГОРОД
ГЖЕЛЬ
ВЛАДИМИР
ПОЛОЦК
МОЖАЙСК
БРОННИЦЫ
ВЯЗЬМА
ПОДОЛЬСК
КОЛОМНА
ВИТЕБСК
БОРОВСК
ДОРОГОБУЖ
СЕРПУХОВ
МИНСК
СМОЛЕНСК
ПЕРЕМЫШЛЬ
СЛУЦК
ПИНСК
НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ
ЧЕРНИГОВ
РОВНО
АМБОР
ЛЬВОВ
КИЕВ
ГАЛИЧ
ОГОБЫЧ
САТАНОВ
ГУСЯТИН
СТАНИСЛАВОВ
КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ
АНО-ФРАНКОВСК)
КЕРЧЬ
ТАМАНЬ
ФЕОДОСИЯ
АНАПА
СУДАК
АПШЕРОНСК
ГЕЛЕНДЖИК
КРАСНАЯ ПОЛЯНА
ГАГРА
ХУМАРА
ЛАЗАРЕВСКОЕ
ЗЕЛЕНЧУК
СОЧИ
АРХЫЗ
МАЦЕСТА
ОРДЖОНИКИДЗЕ
СУХУМИ
АДЛЕР
КАТЕХ
ХОСТА
СИОНИ
ЗАКАТАЛЫ
КАЗБЕК
ПОЛЛЮК
ПИЦУНДА
ДРАНЫ
АНАНУР
ТЕЛАВИ
ДЕРБЕНТ
ЦНОРИ
ЛЫХНЫ
КУТАЙСИ
ГОРИ
ЛЕКИТ
ХАЗРА
ГУДАУТА
МЦХЕТА
НОВЫЙ АФОН
ТБИЛИСИ
НУХА
ГУРДЖАНИ
КАХИ
АЛАВЕРДИ
ЗАРНАВА
КУТКАШЕН
АШТАРАК
КИРОВАБАД
ЭЧМИАДЕКТ
ЕРЕВАН
1
2

1927 г.	Лихвинский Добрый монастыръ и его архитектурные памятники XVII в. в Калужской обл. Собор, палаты. Исследование и обмер. (Памятник не существует.)
1923, 1927, 1944, 1954, 1961 гг.	Смоленский Михайло-Архангельский Свирский храм XII в. Исследование, обмер, проект реставрации, проект первоочередной консервации после пожара 1941 г. Частичное проведение консервации.
1928 г.	Вологодские монастыри — Комельский, Обнорский, Каменный и Прилуцкий. Осмотр и фотофиксация. (Три первые монастыря разрушены.)
1928 г.	Ворота Павло-Обнорского монастыря с резными деревянными столбами 1654 г. Обмер и проект их реставрации. Вывоз в Музей «Коломенское».
1928 г.	Медоварня Преображенского дворца, деревянная. Обмер и проект реставрации. Вывоз в Музей «Коломенское».
1928, 1930, 1938, 1939 гг.	Львиные ворота Измайловского дворца середины XVII в. Обмер, разборка и вывоз в Музей «Коломенское». Исследование, проект и модель реставрации, работы по восстановлению. (Не закончены.)
1928 г.	Николо-Мясницкая церковь XVI в. Обмер и исследование (с архитектором Максимовым) в процессе разборки здания. (Не существует.)
1928—1930 гг.	Коллекция каменных подсвечников XV в. из камнерезной мастерской, найденных при разборке церкви Николы Мясницкого XVI в. Фиксация памятников и обработка материалов.
1928 г.	Деревянный храм 1722 г. в с. Донхово Клинского уезда Московской обл. Обмер, фотофиксация и вывоз деталей в Музей «Коломенское» перед разборкой памятника. (Не существует.)
1929 г.	Шатровый придел собора XVI в. Ростовского Авраамиева монастыря. Обмер эскизный.

1929 г. Грузинская экспедиция ЦНРМ (руководитель академик И.Э. Грабарь) по памятникам искусства: Ананури, Мцхета, Тбилиси, Кутаиси, Гелати, Гори, Атени и др.

1929 г. Белорусская экспедиция ЦНРМ (руководитель академик И.Э.Грабарь) по обследованию и изучению памятников искусства в городах Смоленске, Полоцке, Витебске и др. (Часть памятников не существует.)

1929, 1930 гг. Симонов монастырь XVI—XVII вв. в Москве. Научные исследования памятников монастыря. Обмеры, проекты реставрации, создание музейной экспозиции в связи с организацией в монастыре Музея военно-крепостной обороны Московского государства и в связи с разрушением памятников монастыря и застройкой его территории. Памятники монастыря, подвергшиеся исследованию и частичной реставрации:

1. Собор XVI в.
2. Трапезная палата кон. XVII в.
3. Трапезная палата XVI в.
4. Сушило XVII в.
5. Знаменская надвратная церковь XVII в.
6. Похвалинская надвратная церковь XVI в.
7. Водяные ворота XVI в.
8. Келья XVII в.
9. Крепостные стены и 5 башен XVII в.
10. Могилы выдающихся деятелей XVI—XIX вв. (Большинство памятников не существует.)

1930 г. Волговерховская экспедиция по памятникам народного зодчества (личная с М.И.Погодиным). Обследование и фиксация Селижарова монастыря, деревянного храма Ширкова погоста, Новосоловецкой пустыни, памятников г. Осташкова и пр. (Большинство памятников не существует.)

1930 г. Ширков погост, храм деревянный 1697 г. Исследование, обмер и фотофиксация. (В разрушенном состоянии.)*

1930 г. Селижаров монастырь. Крыльцо собора и ворота монастыря XVII в. Обмер и фотофиксация. (Не существует.)

* В настоящее время восстановлен (*Прим.сост.*)

1931 г. Выставка «Техника и искусство строительного дела в Московском государстве» в Музее «Коломенское» с отделами: камень и кирпич, дерево, железо, слюда и стекло, строительная керамика, резное дело в архитектуре, строительный чертеж и рисунок. В связи с этим сосредоточены многочисленные детали памятников архитектуры из разных мест РСФСР. (Сохранилась только часть экспозиции.)

1931 г. Беломорско-Онежская экспедиция по заданию ГИМ по памятникам народного деревянного зодчества. Памятники в поселках Петрозаводск, Сорока, Сумской посад, Вирма, Шижня, Кемь, г. Онега, Подпоролье, Пияльское, Чекуево, Обозерское, Архангельск, Новодвинская крепость, Николо-Корельский монастырь и др. (Большинство памятников не существует.)

1931 г. Храм деревянный, шатровый 1651 г. в с. Пияльское. на р. Онеге Архангельской обл. Обмер и исследова́ние.

1931 г. Башня деревянная Сумского острога 1680 г. на Белом море. Обмер, исследование, разборка и перевозка по морю и железной дороге в Музей «Коломенское».

1931 г. Домик Петра I 1702 г. в Архангельске. Исследование, обмер и разборка, перевозка в Музей «Коломенское».

1931 г. Надвратная деревянная башня крепости Николо-Корельского монастыря 1691 г. Архангельской обл. Обмер, исследование, разборка и перевозка в Музей «Коломенское» и сборка в парке. (Прочие памятники монастыря не существуют.)

1931 г. Деревянные ворота и церковь 1675 г. в с. Шеменичи Ленинградской обл. Обмер и исследование, вывоз столба трапезной в Музей «Коломенское».

1931 г. Генуэзская крепость. Судак. Реставрация башни Фиеско 1409 г. и Консульского замка. Обмеры, исследования, проект реставрации, часть восстановительных работ.

1931 г. Памятники архитектуры г. Переславля-Залесского. Обследование по поручению Наркомпроса в целях сохранения.

1932 г.	Борисоглебский храм 1683 г. в с. Нижние Матигоры близ г. Холмогоры Архангельской обл. Обследование и фотофиксация. (Не существует.)
1932 г.	Серпуховский кремль XVI в. Московской обл. и другие памятники. Обследование. (Большая часть не существует.)
1932 г.	«О катастрофическом разрушении ценнейших памятников народного деревянного зодчества и необходимости экстренных правительственных мер по их сохранению». Доклад в Комитете по охране памятников при Президиуме ВЦИК. (Вынесенное постановление не реализовано.)
1936 г.	«Программа и научный метод организации музейного городка народной архитектуры СССР». Разработано для президиума Академии архитектуры СССР.
1936 г.	Храм 1681 г. в с. Курово Московской обл. Пушкинского р-на. Обмер и фотофиксация в связи с разрушением. (Не существует.)
1937 г.	«Русская строительная керамика XVI—XX вв.» — устройство постоянной экспозиции в Музее Коломенское». Составление научного плана, подбор материалов, их размещение и объяснение.
1937 г.	Конструкция каменных куполов и глав в русском зодчестве XVI и XVII вв. Материалы исследований (1928—1937 гг.) по 6 разнообразным памятникам. (Большинство не существует.)
1937, 1938 гг.	Троице-Сергиева лавра, реставрация архитектурного комплекса. Научное руководство работами, исследование, обмеры, частичная реставрация памятников: крепостных стен, башен, жилых корпусов и пр.
1938 г.	Больничные палаты и церковь Зосимы и Савватия 1637 г. Троице-Сергиевой лавры. Исследования, обмер, проект реставрации. Раскрытие и восстановление в натуре первого этажа больничной палаты. Раскрытие окон и декора алтаря, стенной лестницы, закомар, четверика Зосимовской церкви. (Реставрация не закончена.)

1938 г.	Духовская церковь 1476 г. Троице-Сергиевой лавры. Исследования (с открытием уникальной главы на колоннах), обмеры, проект реставрации, частичное раскрытие в натуре. (Реставрация не закончена.)
1951 г.	Выполнение модели главы.
1938 г.	Экспедиция Азербайджанского центрального управления охраны памятников (в целях подготовки к юбилею Низами). Маршруты и памятники: Баку, Апшеронского п-ова, Нуха, Тбилиси, Атени, Гори, Мцхета.
1933, 1938, 1940 гг.	Ханский дворец в Нухе XVIII в. Исследование и обмер, проект реставрации, восстановительные работы разрушенных стен с росписью и перекрытий.
1939, 1941 гг.	Дмитровский собор во Владимире. Экспертиза и заключение по вопросам реставрации. Предложение заменить осуществляемый проект в размещении связей и новое осуществление с консультацией руководства от Академии архитектуры.
1939 г.	Экспедиция по разысканию и исследованию памятников архитектуры Кавказской Албании V—XII вв. (личная). Храмы в селах Кищ, Бортэ, Зейзит, Орта, Кахи, Кум, Лекит, Закаталы, Пери-Кала. Обмеры и предварительное обследование.
1939, 1940 гг.	Экспедиция Азербайджанского управления охраны памятников по исследованию и реставрации памятников к юбилею Низами. Памятники: Нуха, Кахи, Закаталы, Кум, Джалуты, Варташен, Нодар, Куткашен, Хазры, Кабала, Берда, Талы, Бухавло, Джары, Катехи, Мацехи и др. Эскиз, обмеры, фотофиксация, раскопки в Куме.
1939, 1940, 1941 гг.	Храм X в. в с. Орта-Зейзит Нухинского р-на Азербайджанской ССР. Обмер, исследование и проект реставрации.
1939 г.	Храм VI—XII вв. в с. Киш Нухинского р-на Азербайджанской ССР. Обмер и исследование.

1939 г.	Храм VI—XII вв. в с. Киш Нухинского р-на Азербайджанской ССР. Обмер и исследование.
1939 г.	Крепость древней столицы Албании в с. Кабала Азербайджанской ССР. Обмеры, исследование, эскизы, реставрация.
1939 г.	Мавзолей и надгробие на древнем кладбище в с. Хазры Азербайджанской ССР. Расчистка и фиксация.
1939, 1940 гг.	Базилика VI в. с. Кум Кахского р-на Азербайджанской ССР. Обмеры, исследование с археологическими раскопками, проект реставрации, защита от застройки колхозной электростанцией.
1939, 1940, 1941, 1946, 1947, 1949, 1951 гг.	Круглый храм VI в. и комплекс дворцовых зданий в с. Лекит Кахского р-на Азербайджанской ССР. Расчистка, обмеры, исследования, археологические раскопки трех кампаний ИИИ Академии наук СССР, проект реставрации, защиты от подмывания арыком, реставрация отдельных частей, поднятие и защита колонн. Разработка проекта организации заповедника.
1939 г.	Мавзолей на могиле Низами в Кировабаде. Проектное предложение по сохранению остатков подлинного древнего мавзолея при сооружении нового.
1939 г.	«О научных задачах и мероприятиях по сохранению памятников древнерусского искусства (архитектурных деталей, живописи, предметов прикладного искусства)». Доклад в комитете по охране памятников при ВЦИК со списком памятников, находившихся под угрозой уничтожения, подлежащих вывозу в музей. (Вынесенное постановление не реализовано.)
1940 г.	Экспедиция по памятникам Кавказской Албании в Северном Азербайджане (Центральное Азербайджанское управление охраны памятников). Баку, Замки, Апшерон, Дербент, Нуха, Лекит, Елису, Кахи и др.
1940, 1941 гг.	Продолжение экспедиции лично: храм в Кум-Сускенде. Замок и храм в Баш-Гюллюк, замки Кум-кала-баш, Кум-кала-сырт, Гюллюк-Тепе. Круглые замки по Великой

креси, Уриатуани. Обследование. Доклад в Академии архитектуры СССР.

1940 г. Круглый замок Баш-Гюллюк. Храм XII в. Обмер, исследование, проект реставрации.

1940 г. Великая Катехско-Закатальская стена VI—XII вв. и ее круглые замки Катехи, Мацехи, Закаталы и др. Материалы по исследованиям, обмерам и реставрации первоначального вида.

1940 г. Замки Кум-кала-сырт, Кум-кала-баш, Лекит-кала-баш, Гюллюк-Тепе и др. Материалы по обследованию и обмерам руин горных укреплений и реставрации их в первоначальном виде.

1940 г. Дербент. Крепостная стена города и ее цитадель «Нарын-кала» VI—XVII вв. Обмер, исследование и фотофиксация южных застроенных участков, собирание исторических материалов, организация вопросов охраны.

1940 г. Джалаганская крепость горной стены (Даг-бары) VI в. Обмер, фотофиксация, проект реставрации.

1941 г. «Охранная зона Дербентской крепости». Проект, разработанный (с Г.Т.Крутиковым) по планировке города в связи с сохранением исторических памятников.

1940 г. Великая Дагестанская стена («Даг-бары») и ее замки VI—XII вв. Обследование и сбор материалов.

1945 г. «Датировка первоначального построения стен города Дербента и «Даг-бары» по письменным источникам и пехливейским надписям на камнях». Доклад в Институте истории искусств Академии наук СССР.

1941 г. Восточное крыльцо суздальского Архиерейского дома XVII в. Обмер, исследование, проект реставрации и частичное его осуществление.

1941 г. Открытие четырехликих скульптур, переделанных в маски, на фасадах суздальского собора XIII в. Материалы к исследованию и реставрации.

1941, 1957 гг.	«Четырехликие божества в древнерусском искусстве и у других народов». Подбор научных материалов. Исследование продолжено экспедицией на место нахождения четырехликого идола в пос. Збруч Украинской ССР.
1941 г.	Золотые ворота XII в. во Владимире. Эскизный обмер, исследование и эскизный проект реставрации в связи с новой планировкой города (доложено на заседании ученого совета в Академии архитектуры).
1941 г.	Крыльцо собора Вознесенского монастыря в Смоленске 1692—1696 гг. Обмер сохранившихся остатков и проект реставрации.
1943 г.	Башня Гура Вахрамеева смоленской крепостной стены XVI в. Обмер и фотофиксация после повреждений, нанесенных захватчиками. (Разобрана в 1948 г.)
1943 г.	Экспертиза от Чрезвычайной государственной комиссии по учету ущерба, нанесенного фашистскими захватчиками в памятниках архитектуры и в музеях городов Киева, Чернигова, Смоленска, Полоцка, Витебска. Обследование, учет, актирование, обмеры.
1943 г.	Успенский Собор Киево-Печерской лавры XI в. Фиксация и проектные предложения по консервированию руин и реставрации.
1943, 1944 гг.	Киевский Софийский собор 1037 г. Председатель комиссии по реставрации от Академии архитектуры УССР.
1945 г.	Исследование древней алтарной преграды Софийского собора и проект ее реставрации.
1943 г.	Чернигов. Собор Борисоглебского монастыря XII в. Исследование, эскизный обмер и эскизный проект консервации.
1943 г.	Чернигов. Собор Елецкого монастыря XII в. Исследование, эскизный обмер и проект консервации.
1943, 1945 гг.	Чернигов. Собор Пятницкого монастыря XII в. Открытие в руинах полуразрушенного взрывом здания необычай-

ных конструкций и форм. Исследование, предварительный проект реставрации, консервация руин и первый цикл раскрытия научно-реставрационных работ (продолжение см. с 1956 г.).

1948 г. Опубликование статьи о соборе Пятницкого монастыря в сборнике Академии наук СССР «Памятники искусств, разрушенные немецкими захватчиками». Борьба за сохранение руин. Продолжение см. под 1956—1962 гг.

1943 г. Ново-Иерусалимский монастырь на Истре XVII-XVIII вв. Московской обл. Открытие и исследование керамического декора ротонды собора под штукатуркой XVIII в. (см. предыдущие работы 1923 г., кувуклия).

1945—1946 гг. Руководство обмерами деталей бригадой студентов МАИ в Новом Иерусалиме.

1950—1958 гг. Составление генерального плана консервации и реставрации всех памятников комплекса. Проведение консервирования работ по трапезным палатам и другим зданиям, разборка руин собора, открытие первоначальной конструкции ротонды на колоннах. Собирание материалов в архивах.

1954 г. Разработка и утверждение проекта реставрации комплекса зданий трапезных палат и производство работ.

1955—1956 гг. Разработка проектов реставрации взорванных пилонов собора и ротонды, колонн ротонды, перекрытий ротонды, декора внутри ротонды. Доклад о научных открытиях и методе реставрации в научно-методическом совете АН СССР.

1943, 1959 гг. Личные исследовательские труды в связи с реставрацией: 1.«Палестинский иерусалимский храм XI—XII вв., его история и архитектура в сопоставлении с храмом на Истре XVII в. Сравнительный анализ по описям 1653 и 1685 гг.» 2. «Вновь открытые резные надписи XVII в. на камнях храма и сопоставление их с бывшими надписями XII в. Палестинского храма». 3. «Вновь открытая керамическая надпись и керамический декор XVII в. внутри ротонды и вопросы их реставрации».

1944 г.	Витебская Благовещенская церковь XII в. Открытие после пожара под штукатуркой и закладками первоначальных уникальных архитектурных форм, декора памятника и фресковой росписи, обмер, исследование, проект консервации и реставрации (чертежи по материалам выполнены архитектором Хорьковой).
1944 г.	Черниговский коллегиум XVII в. Открытие первоначального декора под штукатуркой, его обмер и фотофиксация.
1944, 1954 гг.	Полоцк. Собор Евфросиниева монастыря XII в. Открытие первоначального декора главы под штукатуркой и его обмер и фотофиксация. Проект реставрации памятника.
1944 г.	Смоленск. Храм Спасского монастыря XII в. в Чернушках. Эскизный обмер и фото руин памятника, открытых и поврежденных при устройстве блиндажа.
1944 г.	Киев. Храм Богородицы Пирогощей 1131—1136 гг. Исследование и опыт проекта реконструкции по материалам частичной фиксации перед разборкой 1936 г.
1944 г.	Киев. Храм Василия на Перуновом холме 1184 г. Исследование и опыт проекта реконструкции по материалам частичной фиксации перед разборкой 1936 г. (Не существует.)
1945, 1960 гг.	Памятники архитектуры г. Пскова. Вопросы организации охранных и заповедных зон при перепланировке города. Экспертиза проектов планировки и предложения в Главное управление охраны памятников Комитета по делам архитектуры, научно-методический совет АН СССР и Министерство культуры РСФСР.
1945, 1962 гг.	Учет памятников архитектуры в СССР: 1. Списки архитектурных памятников Грузии по литературным данным и личным наблюдениям. 2. Списки архитектурных памятников Азербайджана по литературным данным и личным наблюдениям. 3. Списки архитектурных памятников Северного Кавказа РСФСР по литературным данным и личным наблюдениям. 4. Участие в составлении списков и в экспертных комиссиях по учету архитектурных памятников Украинской ССР 1961—1962 гг.

5. Участие в составлении списков и в многочисленных экспертных комиссиях по учету и переучету архитектурных памятников РСФСР.

1945, 1948 гг. Вопросы сохранения памятников архитектуры в древних городах в связи с их перепланировкой: Смоленска, Пскова, Новгорода, Вязьмы, Чернигова, Керчи, Феодосии. Экспертиза авторских проектов планировки и предложения по сохранению и выявлению памятников.

1946 г. Первая Кавказская экспедиция по теме «Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией и балканскими славянами». Институт истории искусства АН СССР (нач. экспедиции П.Д.Барановский) по памятникам: Баку, Нуха, Лекит, Талы, Цнери, Тбилиси, Мцхета, Кировабад, Ереван, Аван, Арамус, Звартноц, Рипсимэ, Шогакат, Гаяне, Эчмиадзин, Аштарак, Огнованк, Мугуни, Зоравар, Егварт, Кармирблур, Сухуми, Дранды, Гудаута, Лыхны, Новый Афон, Анакопия, Келасури, Мокви. Обследования, частично эскизные замеры, заметки, фото.

1946 г. Дранды. Храм VI в. Обмер, исследование и проект реставрации.

1946 г. Лыхны. Дворец абхазских правителей XII—XIV вв. Обмер, исследование и эскиз реставрации.

1946 г. Черниговский исторический и архитектурный заповедник. Проект организации, план территории, положение.

1946 г. «Задачи исследования памятников Кавказа для уяснения вопроса связей Древней Руси с Кавказом в архитектуре». Программный доклад в Институте искусств Академии наук СССР.

1947 г. Юрьев-Польский — исторический и архитектурный заповедник. Проект организации, план территории, положение.

1947 г. Вторая Кавказская экспедиция по теме: «Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией и балканскими славянами». Институт истории искусств АН СССР (нач. экспедиции П.Д.Барановский) по памятникам: Зеленчук (Архиз) Хумара, Сенты, Орджоникидзе, Дарьяльская кре-

	пость, Казбек, Сиони, Мцхета, Тбилиси, Уджарма, Хашми, Ниноцминда, Гурджиани, Карданахи, Сигнахи, Лекит, Кум, Кахи, Закаталы, Калал, Чердахлар, Котюклю, Зарна, Мейсары, Баку.
1947 г.	«Памятники архитектуры в селениях Кум и Лекит». Статья, напечатанная в книге «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами» (Баку).
1947 г.	Открытие даты смерти Андрея Рублева (11 февраля 1430 г.) и места погребения его в Московском Андрониковом монастыре. Доклад 11 февраля 1947 г. в Институте истории искусств АН СССР в 517-летнюю дату смерти.
1947 г.	Проект организации Музея-заповедника имени Андрея Рублева в Андрониковом монастыре.
1947, 1949 гг.	Трапезная палата XVI в. Андроникова монастыря в Москве. Исследование, проект реставрации и его осуществление (проект выполнен в Государственной архитектурной мастерской Комитета по делам архитектуры при СМ СССР).
1947, 1949 гг.	Собор начала XV в. Андроникова монастыря. Материалы по истории и реставрации памятника.
1947, 1950 гг.	Крепостная стена и башни Андроникова монастыря XVI—XVII вв. Исследование и проект реставрации.
	Крутицкий дворец в Москве.
1947, 1956 гг.	1. Успенские переходы. Обмеры, исследование, проект реставрации (в ЦНРМ с 1950 г).
1953—1956 гг.	2. Производство реставрации (выпрямление наклонившейся стены, дополнение недостающих конструкций и частей архитектуры).
1957, 1953—1955 гг.	3. Набережные палаты. Обмеры, исследование, проект реставрации, производство реставрации.
1947, 1950—1959 гг.	4. Передние ворота с теремком. Обмеры, исследование. Проект реставрации, производство реставрации (с вывешиванием и подведением фундаментов).

1947, 1950—1959 гг.	5. Успенский собор. Обмеры, исследование, проекты реставрации, производство реставрации (с вывешиванием северного крыльца, устройством мостовых сооружений, дополнительных конструкций и пр.)
1951, 1954—1959 гг.	6. Митрополичьи палаты, Воскресенские переходы и Воскресенская церковь. Обмеры, исследование, проекты реставрации, производство реставрации.
1954 г.	7. Приказные палаты. Обмеры, исследования для проекта реставрации, производство части реставрационных работ.
1956 г.	8. Проект благоустройства.
1956 г.	9. Остатки северно-западной и юго-западной башен ограды. Материалы исследований для реставрации.
1956 г.	10. Научные материалы для реставрации всего комплекса, собранные в архивах Москвы и Ленинграда.
1957 г.	11. «Крутицкий дворец и его реставрация». Статья, подготовленная к печати.
	* * *
1948 г.	«Обзор и научные итоги двух Кавказских экспедиций 1946 и 1947 гг.» Доклад в Институте истории искусств Академии наук СССР.
1948 г.	Лекитский историко-архитектурный заповедник Азербайджанской ССР. Проект организации, план территории, положение.
1949 г.	Третья Кавказская экспедиция по теме: «Связи в архитектуре Древней Руси с Кавказом, Византией и балканскими славянами» Института истории искусств АН СССР (начальник экспедиции П.Д.Барановский) по памятникам: Феодосия, Керчь, Тамань, Анапа, Геленджик, Лазаревское, Пиджи-Вардане, Сочи, Мацеста, Хоста, Адлер, Красная поляна, Гагры, Пицунда, Бзыби, Лыхны, Анакопия, Келасури, Мокви, Хета, Хони, Накалакеви, Кутаиси, Гегути, Руиси, Хеви, Сурами, Урбниси, Гори, Уплисцихе, Тбилиси, Мцхета, Саркинети, Сигнахи, Хирсы, Озаани, Бахтало, Талы, Лекит. В Леките археологические раскоп-

ки и реставрационно-консервационные работы по сохранению круглого храма.

1949 г. Мраморы X в. в храме с. Хоби в Имеретии. Обмеры и материал к исследованию.

1949 г. Краснополянский «Русский мост» XIX в. Обмеры.

1949 г. «Опыт разработки методики консервации руин архитектурных памятников по работам Кавказских экспедиций ИИИ АН СССР 1946-1949 гг.» Доклад на заседании пленума научно-методического совета по охране памятников культуры президиума АН СССР.

1950 г. «Средневековая архитектура Северо-Западного Кавказа». I. Аланские памятники X—XIII вв. в Зеленчуке, Хумаре и Сенты (материалы и исследования Кавказской экспедиции Института истории искусств АН СССР).

1950 г. Северный храм X в. в Зеленчуке. Проект укрепления конструкции.

1950 г. «Средневековая архитектура Северо-Западного Кавказа». II. Аланские и черкесские памятники-храмы в Ниджи-Вардане, Белореченской, Архизе и др., крепостные мавзолеи, дольменовидные гробницы, аллеи статуй богатырей в Архизе и пр. (материалы). III. Памятники Тьмутаракани (материалы).

1950 г. «Дольмены Северо-Западного Кавказа» (материалы).

1950 г. «Обзор и научные итоги третьей Кавказской экспедиции 1949 г.» Доклад в Институте истории искусств АН СССР.

1950 г. «Народная архитектура аваров и цехуров Закавказья». Материалы по исследованиям 1938—1949 гг. в Кахском, Закатальском и Белоканском районах Азербайджана.

1951 г. Экспедиция Азербайджанского управления по делам архитектуры и Академии наук АзССР по исследованию и консервации Лекитского круглого храма

ПАМЯТНИКИ МОСКВЫ,
С КОТОРЫМИ РАБОТАЛ
П. Д. БАРАНОВСКИЙ

ЦЕРКОВЬ ТРОИЦЫ
В ХОРОШЕВЕ XVI В.

Ц. УСПЕНИЯ В ПУТИНКАХ XVI-XVII В.

ДОМ ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ XVIII В.

Ц. ИОАННА БОГОСЛОВА XVII В.

ДОМ ДАЛЯ XVIII В

ПАЛАТЫ ТРОЕКУРОВА
XVII В.

Ц. НИКОЛЫ
БОЛЬШОЙ
КРЕСТ
XVI В.

ГРАНАТНЫЙ ДВОР XVII В.

ДВОРЕЦ ГОЛИЦЫНА XVII В.

Ц. ПАРАСКЕВЫ
ПЯТНИЦЫ XVI В.

ЗАСТРОЙКА НАЧ. XIX В.

Ц. ФЕДОРА СТРАТИЛАТА XVI В.

КАЗАНСКИЙ СОБОР
Н. XVII В.

АРБАТСКИЙ ГОСТИНЫЙ ДВОР К. XVIII В.

ПОКРОВСКИЙ СОБОР
XVI В.

Ц. НИКОЛЫ ЯВЛЕННОГО
XVII В.

АНГЛИЙСКИЙ ДВОРЕЦ
XVI В.

Ц. НИКОЛЫ СТРЕЛЕЦКОГО XVII В.

ПАЛАТЫ НАЩОКИНА XVII В.

Ц. СВЯТОЙ СОФИИ XVII В.

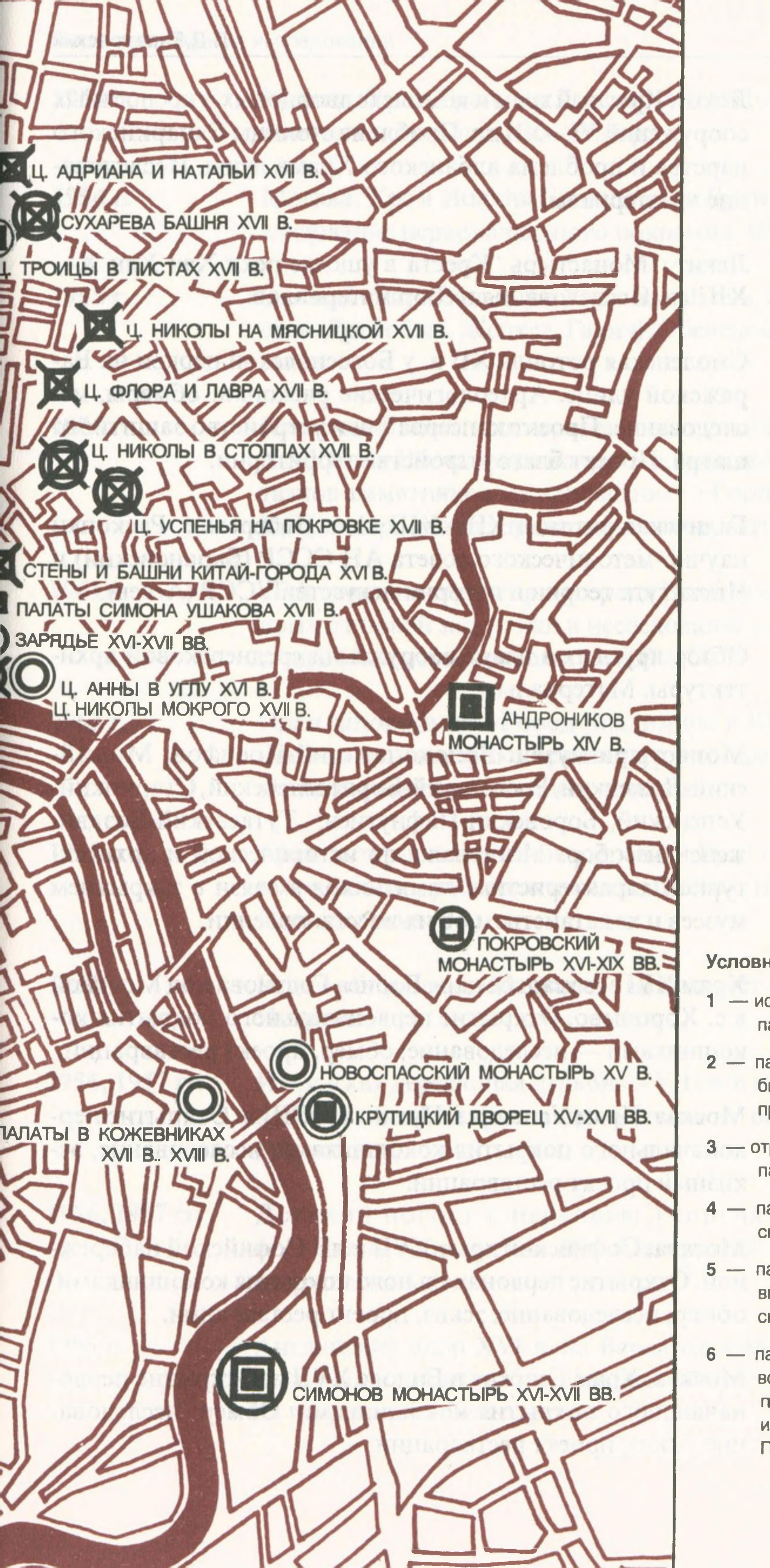
Ц. ГЕОРГИЯ В ЯНДОВЕ XVI В.

Ц. ИОАКИМА
И АННЫ XVII В.

«КАРАВАН-САРАЙ» XVIII-XIX ВВ.

Ц. КАЗАНСКОЙ
БОЖИЕЙ МАТЕРИ XVII-XIX ВВ.

1 2 3 4 5 6

Условные обозначения:

1 — исследованные памятники;

2 — памятники, для которых были выполнены проекты реставрации;

3 — отреставрированные памятники;

4 — памятники, спасенные от сноса;

5 — памятники, которые впоследствии были снесены;

6 — памятники, восстановленные при консультативном участии или по материалам П. Д. Барановского

1951 г. Лекит. Круглый храм и комплекс дворцовых и крепостных сооружений VI—XII вв. Проблема столицы Санарийского царства и проблема албанского Храма луны. Исследование и материалы.

1951 г. Лекит. Монастырь Креста в ущелье реки Хач-Хян X—XIII вв. Исследования и сбор материалов.

1953, 1955 гг. Смоленская ротонда XII в. у Богословской церкви на Варяжской улице. Археологические раскопки, обмеры, исследование. Проект консервации и устройство защитного шатра. Проект благоустройства территории.

1954 г. Галичская ротонда XII—XIII вв. в Побережье. Раскопки научно-методического совета АН СССР (Барановский) и Института теории и истории искусства УССР (Асеев).

1954 г. Обзор круглых в плане сооружений средневековой архитектуры. Материалы.

1954, 1956 гг. Монастыри-музеи: Волоколамский-Иосифов, Можайский-Лужецкий, Ростовский-Борисоглебский, Старицкий-Успенский, Боровский-Пафнутиев; Тутаевский-Воздвиженский собор. Материалы по исторической и архитектурной характеристике памятников в связи с закрытием музеев и ходатайством об их восстановлении.

1954 г. Храм XVI в. в усадьбе царя Бориса Годунова под Москвой в с. Хорошево. Открытие первоначального покрытия кокошниками — исследование, обмер, проект реставрации.

1954 г. Москва. Храм Успения в Путинках XVII в. Открытие первоначального покрытия кокошниками, исследование, эскизный проект реставрации.

1954 г. Москва. Софийский храм XVII в. на Софийской набережной. Открытие первоначального покрытия кокошниками, обмер, исследование, эскиз, проект реставрации.

1954 г. Москва. Храм Георгия в Ендове XVII в. Открытие первоначального покрытия кокошниками. Обмер, исследование, эскиз, проект реставрации.

1954 г.	Москва. Храм Троицы в Листах XVII в. Исследование первоначального покрытия. Обмер.
1954 г.	Москва. Храм Иоанна Богослова на Бронной XVII в. Исследование первоначального покрытия. Обмер.
1955 г.	Экспедиция на Западную Украину (Львов, Самбор, Станислав, Дрогобыч, Жолкев, Галич). Обследование, фотофиксация.
1955 г.	Киевская Десятинная церковь и великокняжеские дворцы X—XII вв. Постановка вопроса о выявлении в натуре остатков памятников на заповеднике «Город Владимира в Киеве». Проектные предложения и пр. материалы.
1961 г.	«Гридница на территории города Владимира в Киеве». Защита от новой застройки и исследование раскопками. Доклад в Институте археологии АН СССР.
1962 г.	План заповедника «Город Владимира в Киеве» с выявлением на нем историко-архитектурных памятников по материалам археологических раскопок.
1962 г.	Архитектурные памятники Древней Руси и места, связанные с лицами, упоминаемыми в «Слове о полку Игореве». Исследования.
1962 г.	Новое объяснение некоторых темных мест «Слова о полку Игореве».
1956, 1957 гг.	Ильинская деревянная церковь XVIII в. в г. Загорске Московской обл. Материалы для защиты от разрушения. (Не существует.)
1956, 1957 гг.	Дорский погост с церковью Георгия XVII в. близ пос. Гжель Московской обл. Материалы для защиты от разрушения.
1956 г.	Английский двор XVI в. на Варварке в Москве. Исторические материалы и обследование на месте для постановки на государственную охрану.

1956, 1962 гг. Палаты XVII в. в Ипатьевском переулке в Москве. Открытие первоначального декора фасадов под штукатуркой. Обмер. Исследование, эскизный проект реставрации. Определение принадлежности к XVII и XVIII вв. по архивным и пр. материалам. Проект охранной зоны в одном комплексе с палатами Боровского подворья и храмом Троицы в Никитниках. Закрепление решением научно-методического совета.

1956, 1959 гг. Экспертиза по проекту реставрации суздальского собора XIII в. А.Варганова (вопросы о притворах, порталах, материалы для дополнения недостающих частей и пр.).

1956 г. Экспертиза по памятникам культуры на р. Збруч городов Сатанов, Гусятин и мегалитические сооружения в окрестностях.

1956, 1957 гг. Древний мост в Каменец-Подольском вместе с замком и крепостными сооружениями города. Историко-архитектурные материалы и предложения для защиты места от перестройки по разработанному проекту.

1956 г. Николо-Загородская церковь в Новгороде-Северском XVIII в. Материалы для защиты ее от разрушения.

1956, 1960 гг. Памятники архитектуры г. Пскова. Разработка на плане города предложений по созданию охранных зон и учета памятников города в виде групповых комплексов (принято ученым советом по переучету памятников Министерства культуры РСФСР).

1956, 1961 гг. Черниговский Спасский собор XI в. Раскрытие и исследование архитектуры фундаментов по северному фасаду, завершению апсид и декору глав. Обмеры.

Пятницкий храм XII в. в Чернигове.
Второй цикл реставрационных работ по проектному заданию 1954 г:

1956, 1958 гг. 1) реставрация отсутствующих стен четверика до сводов и закомар;

1959, 1962 гг. 2) реставрация сводов, закомар и главы. Борьба за сохранение памятника и его колокольни; 3) разработка технорабочих проектов реставрации с научным обоснованием и прочей документацией.

1960 г. Технорабочий проект реставрации закомар и главы. Технорабочий проект реставрации оконных проемов и их заполнений. Технорабочий проект реставрации дверей. Проект реставрации колокольни. Проект благоустройства территории.

1961 г. Технорабочий проект реставрации полузакомар над углами четверика. Технорабочий проект реставрации окон и двери в первом ярусе северного фасада. Технорабочий проект реставрации завершения алтарных апсид. Научный отчет о раскопках, произведенных в Белгороде Киевской обл. в 1960 г. для выяснения некоторых вопросов реставрации храма Пятницы.

1961 г. Осуществление научно-реставрационных работ в Пятницком Черниговском храме XII в. по вышеперечисленным проектам.

* * *

1963 г. Технорабочий проект реставрации и осуществление научно-реставрационных работ в Петропавловской церкви XII в. в г. Смоленске.

1963 г. Технорабочий проект реставрации и осуществление научно-реставрационных работ в Архангельской Свирской церкви XII в. в г. Смоленске (работы еще не закончены).

1963, 1964 гг. Технорабочий проект консервации руин и осуществление работ по Болдинскому монастырю XVI в. Смоленской области (работы продолжаются).

1963, 1964 гг. Технорабочий проект, исследования и осуществление работ по консервации и реставрации собора Ивановского монастыря XVII в. в г. Вязьме Смоленской обл. (работы продолжаются).

Примеч. О.П.Барановской

Перечень, составленный собственноручно П.Д.Барановским, охватывает 50 лет его творческой деятельности. Но и после 1964 года (этим годом кончается перечень) активная деятельность Петра Дмитриевича не прекращалась вплоть до 1980 года, так как на комплексе Крутицкого дворца продолжались реставрационные работы по его проекту, в связи с чем необходимость в консультациях и согласованиях была постоянной. Кроме того, он никогда не отказывал в консультации и простом человеческом общении тем, кто работал в области сохранения и популяризации древних памятников архитектуры и культуры.

СПИСОК ТЕМ ТВОРЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ П.Д.БАРАНОВСКОГО

1. Хронология памятников русской архитектуры (с X до XVIII в.).
2. Русские деревянные остроги и башни.
3. Русские деревянные крепости XVI—XVII вв.
4. Башня Епифанского острога по описи 1572 г. и ее реставрация:
5. «Терем» — опускные решетки русских крепостных ворот.
6. Длинные стены (история и архитектура военно-оборонительных сооружений с III в. до н.э.).
7. О научном методе архитектурной реставрации.
8. Материалы по истории реставрации архитектурных памятников в России.
9. Каменные шатровые храмы в России XVI—XVII вв.
10. Конструкция куполов и глав в древнерусском зодчестве: церкви Иоанна Предтечи (Дьяковское-Коломенское), Николы в Мясниках, Рождества в Столешниках, Космы и Дамиана, Адриана и Натальи на Мещанской, Адриана и Натальи на Божедомке, Вознесения в Коломенском.
11. Деревянная церковь 1627 г. в с. Никольское-Химки под Москвой.
12. Исследование памятников по рисункам Пальмквиста и др. материалам XVIII—XIX вв. (1928 г.).
13. Деревянная архитектура Ниловой пустыни на озере Селигер до 1636 г. (по иконографии монастыря).
14. Типы деревянных русских храмов XVI—XVII вв. по изданным писцовым книгам.
15. Русская деревянная резьба XVI—XVII вв.
16. Архитектурные мотивы в памятниках русской иконописи.
17. Архитектурные типы древних храмов и их терминология.
18. Открытые шатры в древнерусском деревянном зодчестве XVI в. и происхождение шатровых конструкций.
19. Применение деревянных связей в древней архитектуре и новый способ реставрации разрушенных памятников.
20. Архитектура русских ветряных мельниц.

21. Русские солеварни (непокоцкие и строгановские).
22. Задачи исследования деревянного Коломенского дворца (1667—1670 гг.).
23. Дверные приборы Коломенского дворца (1667—1670 гг.).
24. Изразцовые печи Коломенского дворца.
25. Борис-городок и его шатровый храм 1600—1603 гг. (исследование по архитектурным источникам).
26. Русские каменные шатровые храмы XVI—XVII вв. (материалы по истории и архитектуре 55 объектов собраны по литературным источникам, некоторые по обследованию на местах).
27. Старицкий собор 1558—1561 гг.
28. Соловецкий монастырь в иконографии.
29. Деревянная архитектура Соловецкого монастыря до сер. XIX в.
30. Народная архитектура аваров и цехуров.
31. Аланские христианские памятники архитектуры X—XI вв. (Зеленчук, Хумара, Сенты). Материалы литературных источников.
32. Архитектурные памятники Кавказа, описанные русскими в XVI— XVII вв. (по описанию русских послов). Кахетия, Ширван.
33. О связях архитектуры Древней Руси с Кавказом (Россия, Грузия, Ширван).
34. Консервация древесины архитектурных памятников.
35. Оконницы в древнерусском зодчестве (слюдяные и стекольчатые).
36. Русские зодчие XV—XVIII в. (материалы и словарь) 1700 имен (в специальной литературе было опубликовано 130 имен).
37. Исследования о времени и месте погребения Андрея Рублева и реконструкция надгробной плиты-надписи.

БАРАНОВСКИЙ В ДОКУМЕНТАХ, ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Ю.А.БЫЧКОВ,
историк, искусствовед

ЖИЗНЬ ПЕТРА БАРАНОВСКОГО*

Богата талантами земля Русская. Но даже на ней такие, как Петр Барановский — редкость. Он родился в XIX веке, жизнь прожил в XX, а принадлежит, видимо, веку XXI.

Отец его, безземельный крестьянин из села Шуйского, Вяземского уезда, слыл мастером на все руки: мог и срубы ставить, и дуги гнуть, и телеги да сани ладить. Но было у него любимое мастерство, к которому он и сына приучил,— умел строить водяные мельницы. Немало их стояло по берегам смоленских речек, исправно служа окрестным хлеборобам.

Идти бы и Петру по отцовой дороге, да иное судила ему жизнь. Мало что рос книгочеем, одолевая взрослых такими вопросами, на которые они и ответить-то не могли, но был у него особый дар: видеть красоту, особенно ту, что сотворили руки человеческие. Однажды ехали они с отцом через село Рыбки, где стоял шатровый деревянный храм,— словно ель, поднявшаяся до самого неба. Как завороженный, не отрываясь, смотрел на него сын, пока лес не закрыл деревню. И так запала ему в душу эта красота, что добился он у местного священника разрешения провести обмеры храма, чтобы открыть для себя секреты старинных умельцев. А было Петру в ту пору всего 12 лет.

Три года спустя привез его отец в Болдин монастырь. А там стояла такая же, как в Рыбках, шатровая Введенская церковь, но выложенная до креста в кирпиче. «Помню, меня поразило,— рассказывал потом Барановский,— что купола выше сосновых куп... Как в этой крохотной деревеньке люди подняли такие громады камня под небеса и придали им красоту?..»

Болдино смоленское лежит обочь старой Смоленской дороги, соединяющей Дорогобуж и Вязьму. Известно Болдино с начала XVI в., когда облюбовал это «зело прекрасное место» на берегу небольшой речушки инок Герасим, ученик Даниила, духовника Василия III, крестного отца Ивана Грозного, и основал там монастырь во имя Пресвятой Троицы.

Отсюда, от шатровых построек в Рыбках и Болдине, и начался творческий путь замечательного русского ученого Петра Дмитриевича Баранов-

* Из книги Ю.А.Бычкова «Житие Петра Барановского». М.,1991.

ского. Отсюда повела его судьба в Белокаменную, в классы Московского строительно-технического училища.

Не с пустыми руками явился в училище будущий его воспитанник. «У меня были зарисовки церкви в Рыбках и Введенской в Болдине,— вспоминал Петр Дмитриевич. — В те годы возбудился интерес к архитектурной старине, но считалось, что влияние национальной русской зодческой школы, характерной шатровыми верхами, не распространилось западнее Можайска, переместившись на Север. Когда в Московском археологическом обществе, объединившем любителей старины, показал я эскизы западных шатровых церквей, ученые мужи ахнули и написали мне поручительную бумагу с тем, чтобы я смог произвести в полном объеме обмеры болдинских древних сооружений. Сообщение об этом я сделал в декабре 1910 г., тогда же получил поручительное письмо Московского археологического общества, но дождаться лета терпения не хватило и на святки явился в Болдино с помощником, братом Иваном. Игумен изучил бумажку и разрешил войти в Введенскую церковь, которую никто не посещал тридцать лет. Она была пуста, только в углу стояла огромная старинная печь. На полу — снег, нанесенный через окна и сквозные трещины. Смахнув картузом пыль с печки, увидел ослепительные краски изразцов. Это было потрясением! Красота сказочная и таинственная! Тут же с братом за дело. Сколотили лестницы, собрали по деревне мотки вервья. Две недели, коченея на ветру и морозе, обмеряли ветхий памятник. Карнизы, разрушенные корнями трав, осыпались. Шатер был испещрен забитыми кирпичной трухой трещинами. Приходилось действовать осторожно, наощупь. Закончив обмеры Введенской церкви, принялись за трапезную палату, примыкавшую к ней.

Удивительное, знаете ли, неповторимое явление. Одностолпная, сводчатая, с замечательным изразцовым декором и изразцовыми сверху донизу печами. Конечно, нечто подобное у нас есть, например, Грановитая палата, но то в столице, во дворце, а тут — монастырская трапезная в глухомани!

Возвратился в Москву. Пришел на заседание Археологического общества. Развесил чертежи, рисунки, эскизы с обмерами. Прочел небольшой доклад. Представил первый в своей жизни проект реставрации. Через несколько дней получил приглашение прийти в Археологическое общество. Показывают бумагу о моем награждении и вручают премию в четыреста рублей пятирублевыми золотыми монетами. Для меня нежданная, огромная сумма, которую я всю положил в банк, как ни трудно мне тогда жилось. Весной купил фотографический аппарат с прикладом и поехал по России...»

Первым делом Барановский побывал в родных местах. В Рыбках сфотографировал и еще раз капитально обмерил ту самую деревянную шатровую церковь XVII в., что стала первой его любовью. Потом в Вязьму: там архитектурный уникум — церковь Одигитрии, трехшатровый храм (три многометровых каменных шатра в ряд на общих сводах, в России таких церквей

не осталось, кроме угличской «Дивной»). Петр Дмитриевич считал, что по изяществу и мастерству каменных работ Одигитрия превосходит даже храм Василия Блаженного.

В Вязьме же летом 1911 г. он сделал обмеры и проект реставрации собора Ивановского монастыря. А следующим летом обследовал, сделал проект и модель реконструкции Борисоглебского собора в Старице.

В 1912 г. Барановский окончил училище. Работал помощником архитектора на стройках в Москве, Ашхабаде, Туле. Одновременно записался «вольнослушателем», как тогда называли нынешних заочников, в Московский археологический институт.

Первая мировая война... Барановский был произведен в подпоручики и направлен в 3-ю инженерную дружину, служил начальником команды, строившей укрепления на Западном фронте. Но и тут не забывал он о любимом деле. В прифронтовых районах Полесья и Волыни умудрялся проводить исследования памятников деревянного зодчества, пытаясь в чертежах, эскизах, фотографиях сохранить бесценные образцы народного искусства XVII—XVIII вв.

Там, на Западном фронте, Барановский и встретил революцию. Почти весь личный состав дружины самовольно разъехался по домам, а он опломбировал склады инженерно-строительного инвентаря и наладил их охрану. Человек долга, иначе он поступить не мог. Когда прибыли представители новой власти, Барановский передал им под расписку спасенное от разграбления имущество.

Весной 1918 г. Петр Дмитриевич с золотой медалью окончил Археологический институт и защитил диссертацию о памятниках Болдинского монастыря. В ней, в частности, утверждалось, что автор архитектурного ансамбля в Болдине — «государев мастер палатных, церковных и городовых дел Федор Савельев Конь», замечательный русский зодчий, возводивший Смоленский кремль и Белый город в Москве. Это было открытие!

Петр Дмитриевич основывал свой вывод на сравнительном стилистическом анализе. «Федор Савельевич Конь появился в Болдине около 1575 г. Его ссора с придворным Ивана Грозного Генрихом Штаденом, о чем есть документальные свидетельства, закончилась дракой. Мастер после этого исчез... Куда он делся? Пробрался в Болдинский монастырь и начал его обстраивать. Вознесся над лесом собор с громадной центральной главой и четырьмя поменьше, явились чудо-трапезная, колокольня в шестерик с огромными арочными проемами и шлемовидным завершением. Характер кладки, стилевые приемы, зодческий почерк в сочетании с документами и биографическими данными Федора Коня убедили меня в том, что именно он, этот великий русский зодчий, создал на своей родине еще один бессмертный памятник мастерства, искусства и духа, который уже при его жизни считался лучшим архитектурным комплексом Московского государства»,— писал он полвека спустя, вспоминая аргументы, позволившие молодому исследо-

вателю убедить таких авторитетных ученых, как В.К.Клейн и В.А.Городцов. А в 1923 г. открытие Барановского получило хотя опять-таки косвенное, но документальное подтверждение в связи с находкой в шведских архивах приходо-расходных книг Болдина монастыря.

Петр Дмитриевич рвался приступить к реставрации Болдина по одобренному ученым советом проекту, но разгоравшаяся на просторах России гражданская война вынудила его заняться совсем иным.

1918 г. После вооруженного выступления левых эсеров в Ярославле этот сказочный красоты город лежал в руинах. Петр Дмитриевич предложил Комиссариату имуществ республики и Наркомпросу свои услуги по спасению памятников архитектуры, поврежденных в ходе подавления восстания. Эти хлопоты свели Барановского с И.Э.Грабарем, развернувшим реставрационные работы в Кремле. Он включил Петра Дмитриевича в состав кремлевской реставрационной комиссии и через заведующую музейным отделом Н.И.Троцкую (жену всесильного председателя Реввоенсовета республики) помог добыть в военном ведомстве необходимые для консервационных работ 12 большемерных брезентов. Барановский знал, что если до осени не закрыть проломы в кровлях и сводах, — знаменитые на весь мир ярославские фрески вымокнут и «сползут» со сводов и со стен.

В августе молодой энтузиаст реставрационного дела выехал в Ярославль. «Будучи назначенным руководителем работ,— вспоминал он, беседуя с автором этих строк,— я организовал там сперва реставрационную комиссию из местных знатоков старины, специалистов-строителей, а потом — мастерскую. Первые четыре года был просто руководителем и исполнителем работ, последующие шесть лет — председателем реставрационной комиссии и научным руководителем».

Дела реставраторам хватало. Пострадали от огня артиллерии кровли и своды особо богатых фресковыми росписями церквей Илии Пророка и Николы Мокрого. В последней к тому же была повреждена галерея и выбиты несущие столбы. Выгорели Митрополичьи палаты. В сложных восстановительных и реставрационных работах нуждался Спасский монастырь...

За девять лет — с 1918 по 1927 г. — Барановский не только провел реставрацию десяти выдающихся архитектурных памятников Ярославля, но и исследовал, обмерил, зафиксировал в фотографиях, частично отреставрировал или выполнил проекты восстановления памятников деревянного зодчества в Угличе, Ростове Великом, Мологе.

Говоря о рождении реставрационной науки, академик Игорь Эммануилович Грабарь отмечал особые заслуги Барановского в выработке методов и принципов восстановления подлинных архитектурных форм, называя Петра Дмитриевича архитектором-эрудитом, которым разработана «вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства...»

А начинался «архитектор-эрудит» в Ярославле. И тем не менее, едва работы в городе были налажены и непосредственная опасность памятникам

миновала, он отправляется в милое сердцу Болдино: пришло наконец время возродить зодческий шедевр Федора Коня.

В аварийном состоянии находилась трапезная палата с церковью Введения. Вход был запрещен: могла обрушиться кирпичная кладка. Изучая конструкцию сооружения, Барановский пришел к выводу, что пустые полости в стенах древнерусских каменных церквей — это не вентиляционные каналы и дымоходы, как считали прежде, а пустоты, оставшиеся после сгнивших дубовых связей.

Укрепив конструкцию, Барановский приступил к восстановлению утраченных декоративных элементов Введенской церкви и примыкавшей к ней восточной стены келарской палаты. С величайшей точностью (не по аналогии, а на основании исследования раскладки кирпичей) были восстановлены карниз келарской и кокошники в основании шатра. Тут впервые был применен метод, предложенный П.Д.Барановским,— восстановление стесанных декоративных элементов по «хвостовым» частям кирпичей. Этот метод базируется на стандартности размеров кирпича. Пользуясь размером кирпича в качестве модуля, Барановскому удалось с высокой степенью точности восстановить растесанные оконные проемы трапезной палаты. Таким образом, в Болдине впервые в реставрационной практике были применены научные методы, ставшие затем азбукой реставрации памятников архитектуры.

Параллельно с реставрационными работами на территории монастыря, под руководством Барановского начинает формироваться музей, основу экспозиции которого составили церковная утварь, изразцовые печи XVII—XVIII вв. и деревянная скульптура Верхнего Приднепровья, собранная М.И.Погодиным.

Поначалу кипучей натуры Барановского хватало на все. Он был профессором, возглавлявшим кафедру в Ярославском отделении Московского археологического института, читал публичные лекции (сохранилась уличная афиша: «К сведению студентов Археологического института. Могут быть и все желающие. В среду, 19 ноября, профессор П.Д.Барановский прочтет доклад на тему: «Зодчество Ярославля». Начало в 19 часов вечера. О днях следующих докладов будет сообщено особо»). В 1919 г. он назначается старшим научным сотрудником Академии истории материальной культуры и ведет большую научно-теоретическую работу. В 1920-м Московское археологическое общество избирает его своим членом-корреспондентом. В 1922-м корифей археологической науки профессор В.А.Городцов приглашает читать в МГУ курс археологической топографии и обмера памятников.

Однако постепенно Петр Дмитриевич принимает решение сосредоточить все свои силы на охране архитектурных памятников. С 1923 г. он оставил педагогические занятия в вузах, работу в Академии.

В Ярославле и по всей Ярославской губернии Барановский исследует, реставрирует, ведет архитектурный надзор за рядом выдающихся памятников. В Москве при обследовании Спасского собора Андроникова монасты-

ря он обнаруживает белокаменную кладку начала XV в. Участвуя в 1920 г. в Северодвинской экспедиции Грабаря, посещает все или почти все города, селения, монастыри по беломорскому берегу и берегам Северной Двины от устья до верховий. Из этого путешествия Петр Дмитриевич выносит ощущение встречи со сказочной красотой — и непреходящую боль и тревогу за судьбу деревянной архитектуры русского Севера.

Барановского включили в состав этой экспедиции по настоятельному требованию Грабаря после доклада, сделанного Петром Дмитриевичем 1 августа 1920 г.,— «О задачах организации музея русского деревянного зодчества на открытом воздухе в Коломенском» на ученом совете Центральных государственных реставрационных мастерских.

Двумя годами позже Барановским вновь, уже в практической плоскости, как писал он позднее: «мною был поставлен вопрос о необходимости организации в нашей стране музея архитектуры как наиболее действенного средства познания и пропаганды, могущих решительно содействовать задачам охраны памятников зодчества.» Основанием будущего музея он предложил считать историческую усадьбу «Коломенское» под Москвой с ее знаменитыми памятниками мирового значения.

Будучи директором организованного по этому предложению музея, Барановский в течение десяти лет был занят реставрацией храма Вознесения (XVI в.) в с. Коломенское, храма Иоанна Предтечи (XVI в.) в с. Дьяково, дворцовых палат (XVII в.), собиранием и систематизацией предметов материальной культуры и фрагментов архитектуры древних веков. Кроме того, он поставил там и впервые у нас в стране осуществил идею сосредоточения под открытым небом подлинных памятников деревянного русского зодчества, лишившихся своего функционального содержания и стихийно разрушавшихся. Шесть перевезенных с Белого моря и других мест памятников положили основу «Русскому Скансену» (в отличие от шведского) в Коломенском. Наконец, в экспозиции Музея «Коломенское» впервые получили отражение задачи изучения и показа древнерусской строительной техники.

В 1926—1927 гг. Петр Дмитриевич проводит обследование памятников архитектуры близлежащих уездов Московской губернии — Бронницкого, Дмитровского, Подольского, Коломенского, собирая для музея экспонаты, которые нередко, как свидетельствовал в газете «Московский художник» искусствовед В.Н.Москвинов, свозил в Коломенское на свои средства.

Три года ушло на реставрацию и музеефикацию. С 1925 по 1928 г. выполнен обширный комплекс работ. Проведены исследования, обмеры, сделаны раскопки, восстановлен в архитектурной первозданности бытовой интерьер приказных палат.

Восстановить разобранный в конце XVIII в. деревянный царский дворец постройки 1667—1670 гг. не представлялось возможным. Барановский провел раскопки и исследования фундаментов, выявил топографию всего комплекса. В ходе работ он обнаружил множество печных изразцов (давняя его любовь!), дверных завес, оконниц и прочих следов былой красоты. Он по-

заботился о создании макета дворца — его теперь каждый может увидеть в экспозиции Музея-усадьбы «Коломенское». Петр Дмитриевич на свой лад отдал дань уважения личности Петра I: из Архангельска он перевез домик Петра. И сегодня в Коломенском можно, шагнув за порог, оказаться в рабочем кабинете Петра Великого.

Принятие в феврале 1923 г. декрета ВЦИК «Об изъятии церковных ценностей в целях получения средств для борьбы с голодом» застало врасплох не только Православную Церковь, которая сама всеми силами стремилась помочь государству в преодолении тяжких последствий голода в Поволжье, но и отдел музеев и охраны памятников старины Наркомпроса. Ведь в церквах, соборах, монастырях хранилось множество шедевров декоративно-прикладного искусства, их антикварная ценность во много крат превышала стоимость золота и серебра, из которого они были изготовлены. Чтобы указать на это, И.Э.Грабарь добивался приема у председателя ВЦИК М.И.Калинина. В конце концов попал. И услышал: «Где же вы были раньше?» В результате музейному отделу Наркомпроса все же разрешили там, где еще не закончена полная реквизиция, отбирать для музеев ценные в художественном отношении вещи.

Грабарь в «пожарном» порядке рассылает своих представителей по городам и весям необъятной России. В составе экспедиции Центральных государственных реставрационных мастерских П.Д.Барановский отправился в Новгород. Он осмотрел около 50 церквей и соборов, художественные ценности из которых были переданы в местный музей (и поныне один из богатейших), а требующие реставрации — доставлены в Москву.

Поездка глубоко огорчила Барановского. Дело шло к ликвидации всех монастырей, большинства церквей и, как следствие, к утере книг, икон, церковной утвари, к разорению целых архитектурных комплексов «за ветхостью и ненадобностью».

По возвращении из Новгородской экспедиции он составляет записку для Совнаркома: «Исторические и художественные характеристики 50 крупнейших древнерусских монастырей, основания для их национализации». Барановский выдвигает предложение о создании на базе монастырей историко-художественных музеев и от слов переходит к делу. Так, приехав весной 1923 г. в Боровск, Петр Дмитриевич провел детальное обследование семи замечательных архитектурных памятников XVI—XVII вв. в Пафнутьев-Боровском монастыре, где вскоре не без его участия и был организован музей.

В «Перечне научных исследований, экспедиций, археологических раскопок, обмеров, фиксаций и проектов реставрации», который публикуется в настоящем сборнике, тем же 1923 г. помечено и начало его многолетних трудов в Александровской слободе:

«1923, 1927, 1936, 1937, 1938, 1939 гг.— Александровская слобода XVI в. Владимирской обл. Постановка вопроса об организации музея. Исследование и реставрация памятников. Покровская церковь начала XVI в. Открытие фресок в шатре, в алтаре, раскрытие архитектурных деталей, составление проекта реставрации и частичное проведение работ в натуре. Троицкий собор XVI в. Обмер, исследование и эскизный проект реставрации. Разбор-

ка глав XIX в., раскопки в области алтарной стены, открытие древних окон и пр.»

В 1923 г. деятельность Барановского обретает поразительный размах и результативность. Под ничем не примечательным, выходящим на Охотный ряд тривиально оштукатуренным двухэтажным фасадом он открывает богатство каменного декора дворца (что это бывший дворец, все забыли!) фаворита царевны Софьи Василия Голицына. В итоге кропотливой работы, длившейся пять лет, он вернул Москве этот роскошный по формам (московское барокко) дворец, возведенный в 1658 г. Заодно была отреставрирована домовая церковь Параскевы Пятницы, построенная годом позже в тех же барочных формах.

С 1923 по 1928 г. в пределах Тверской и Охотного ряда Петр Дмитриевич своим чудодейственным искусством вернул из тьмы веков еще и дворец И.Б.Троекурова (конец XVII в.). Эти работы он вел одновременно с реставрацией дворца Голицына. Но в связи с реконструкцией центра Москвы дворец Голицына и церковь Параскевы Пятницы вскоре были разрушены.

В том же 23-м в составе экспедиции на Соловки, где комплекс древнего монастыря отводился под лагерь ГУЛАГа, Барановский круглосуточно, используя белые ночи, ведет исследования и обмеры собора, трапезной палаты, Белой башни, крепостных стен. Затем начинает реставрационные работы по Петропавловскому и Иоанно-Богословскому храмам XII в. в Смоленске, Георгиевскому собору (1230—1234) и Михаило-Архангельскому монастырю в Юрьеве-Польском с прицелом на музеефикацию.

Экспедиция следовала за экспедицией. В Перемышле Калужской губернии передавался в пользование Главнауки Лютиков монастырь с архитектурными памятниками XVI—XVII вв. Барановскому грезилось: здесь будет второе «Коломенское». Тут же его внимание привлек Лихвинский Добрый монастырь XVII в., находящийся неподалеку — тоже на Калужской земле. Некоторые рассудительные люди по сей день упрекают Петра Дмитриевича за эту жадность к работе: не разбрасывался бы так, куда больше бы сделал! Но он не мог стать другим, не успокоился, пока не исследовал все регионы, богатые памятниками деревянного зодчества: Беломорье, Северная Двина, Пинега, Кондопога, Шуя, Кижский погост... Компетентные суждения Грабаря и Барановского тогда много значили. Осмелюсь даже сделать предположение: не осуществи в 20—30-е гг. И.Э.Грабарь своих волжских и северных экспедиций, потери национального архитектурного достояния были бы куда более катастрофическими. Введенные в научный обиход памятники даже самым лихим атеистам крушить было боязно. Директор Третьяковской галереи Грабарь и строгого обличья молодой ученый Барановский производили должное впечатление: люди из Центра! Многочисленные свидетельства этого периода дают возможность почувствовать, что для Грабаря Барановский не просто собеседник — советчик, авторитет.

Об этом говорит и сам Грабарь: «Счастливое сочетание в лице Барановского П.Д. глубокого и вдумчивого исследователя архитектурного наследия

и талантливейшего практика-реставратора позволило ему внести в практику советской реставрации весьма ценные новые, более совершенные приемы восстановления утраченных архитектурных форм памятников, укрепления последних и их консервацию. В результате в основу советской реставрации был положен точный математический расчет, исключающий полностью элементы домысла...»

Начиная с 1925 г. Барановский вел реставрацию Казанского собора (XVII в.) на Красной площади Москвы, восстанавливая его первоначальный облик: к этому времени из-за перестроек и достроек собор в значительной мере потерял былую красоту и величие.

Выстроенный по почину и на средства предводителя русских воинов и ополченцев Дмитрия Пожарского, Казанский собор был главным памятником войне 1612 г.

Чудотворную икону Казанской Божией Матери, с которой Пожарский совершил свой победоносный поход, освободив Москву от иноземных поработителей, установили поначалу в разоренном Успенском соборе Кремля. В конце 1612 г., во время ремонта Успенского собора, икону перенесли ко двору князя Пожарского в приходскую церковь Введения Богородицы на Лубянке. Здесь она и находилась, пока не был построен на Красной площади храм в честь обретения иконы Казанской Божией Матери. Престарелый князь сам перенес икону в собор, возведенный на его средства.

Начиная с 1613 года, в день чудесного обретения иконы в Казани (8 июля ст.ст.) и в день вступления народного ополчения в Москву (22 октября ст.ст.) совершались торжественные крестные ходы. Именно в этом соборе Москва благословила иконой Казанской Божией Матери отъезжавшего к армии Кутузова. Проделав с российским воинством славный боевой путь, икона торжественно вошла в столицу Франции, чтобы затем вернуться на место своего хранения.

Барановский считал автором Казанского собора Федора Коня. Время постройки храма совпадало с последними годами жизни зодчего. Как было известно, патриарх Филарет освятил собор в день св. Аверкия Иерапольского — 22 октября 1625 г. Есть свидетельство, что после пожара 1630 г. храм восстанавливал ученик Федора Коня Абросим Максимов. Казанский собор — первый, возведенный в Москве после Смутного времени,— стал как бы образцом для дальнейшего храмового строительства. Вслед за ним были возведены и другие храмы, названные «огненными». Кубические, бесстолпные, завершающиеся взбегающими вверх поясами кокошников, они словно символизировали небесные силы в виде языков огня. Барановский не только лучше, чем кто-либо знал приемы, вкус Федора Коня,— он ощущал присутствие его духа в постройках.

Чтобы не портить вида Красной площади, Петр Дмитриевич решил не ставить лесов. Шел сверху вниз. Привязав веревку одним концом к основанию креста, другим к монтажному поясу, он, подобно скалолазу, передвигался вдоль подкупольного барабана, освобождая древние формы от насло-

ений веков, ведя тщательное обследование и восстановление утраченных деталей. Начав с главы, он открывает валиковые обводы окон, выявляет пояс островерхих кокошников. Чтобы сделанное стало заметнее, отреставрированные фрагменты белил известкой, так что они являли разительный контраст общему виду запущенного памятника.

Но в 1930 г. реставрация была остановлена. Моссовет принял решение о сносе Казанского собора и Воскресенских (Иверских) ворот с часовней. Конечно же, ученые протестовали против варварского решения, толкуя о высоких эстетических достоинствах Иверских ворот и вновь открытой Барановским красоте собора. Но красноречивее профессора Н.П.Сычева, великого А.В.Щусева, академика И.Э.Грабаря оказался Л.М.Каганович. Он так парировал «выпады» профессоров и академиков: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь».

Все же Казанский собор простоял до 1936 г.: Кагановича «академический шум» явно припугнул. Собор сломали в бытность первым секретарем МГК ВКП(б) Никиты Хрущева.

А над головой Барановского сгущались тучи. На заседании «комиссии по чистке аппарата Центральных государственных реставрационных мастерских» 9 апреля 1931 г. Петру Дмитриевичу было предъявлено нелепейшее обвинение в утаивании «богатого материала, собранного по периферии по памятникам искусства и старины», в «аполитичной» защите памятников, в «некритическом отношении» к распоряжениям администрации о проведении реставрационных работ для церковных общин за их счет и в том, что он «в общественной работе никакого участия не принимает».

Через некоторое время в газете «Безбожник» была напечатана статья с клеймящим заголовком: «Реставрация памятников искусства или искусная реставрация старого строя?» и подписью: «По поручению рабочей бригады завода им.Лепсе Л.Лещинская, Козырев». Л.Лещинская, как выяснилось, была сотрудницей «Безбожника», а фамилию Козырева добавили, видимо, как «голос рабочего класса».

Следом появляется статья Давида Заславского в газете «За коммунистическое просвещение»: «Они (сотрудники ЦГРМ.— *Ю.Б.*) надували советскую власть всеми средствами и путями... Советская лояльность была для них маской. Они верили, что советская власть скоро падет, они ждали с нетерпением ее падения, а пока старались использовать свое положение... Они жаловались на то, что при старом, при царско-поповском строе церковь мешала развернуть по-настоящему научно-исследовательскую работу по древнерусскому искусству... А когда пролетарская власть, отделив церковь от науки, искусства, политики, культуры, впервые предоставила им возможность полностью отдаваться науке и искусству, что они сделали, верные сыновья буржуазии? Они снова превратили науку в церковь, искусство — в

богомазню, а все вместе — в необыкновенное церковно-торговое заведение...»

Кто ж эти «верные сыновья буржуазии»? Грабарь, Анисимов, Чирков, Юкин, Тюлин, Суслов, Барановский, Засыпкин, Сухов. Все, кроме Грабаря, не миновали тюрьмы.

Продолжать в таких условиях борьбу за сохранение памятников — для этого надо было обладать немалым мужеством. Барановский пишет доклад «О катастрофическом разрушении ценнейших памятников народного деревянного зодчества и необходимости экстренных правительственных мер по их сохранению». Доклад был включен в повестку дня очередного заседания Комитета по охране памятников при Президиуме ВЦИК, возглавляемого наркомом просвещения РСФСР А.С.Бубновым. В состав Комитета входили директора музеев, архитекторы И.В.Жолтовский, В.А.Щуко, В.А.Веснин, Д.П.Сухов и... представители НКВД. Сообщение Барановского было встречено на Комитете вроде бы сочувственно, резолюцию приняли обнадеживающую. Однако архитектурно-планировочное управление Моссовета, получив от Кагановича принципиальное одобрение проекта реконструкции столицы, осенью 1932 г. приступило к его реализации, не дожидаясь официального утверждения. И вломилось в кварталы Охотного ряда, где первый удар пришелся по палатам В.В.Голицына.

Мало помогло и принятое ВЦИК и СНК РСФСР в 1933 г. постановление «Об охране исторических памятников».

Барановский предпринимал отчаянные попытки хоть что-то спасти, отстоять, но часто оказывался бессильным. Его выступления в защиту храма Василия Блаженного со временем обросли легендами, в которых действительные события сплелись с вымыслом, и сейчас трудно отделить одно от другого. Известно его заявление в кабинете зампреда Моссовета Усова: «Это преступление и глупость одновременно. Можете делать со мной, что хотите. Будете ломать — покончу с собой». Известно, что Барановский послал телеграмму Сталину, и — кто знает? — возможно, именно она повлияла на ход событий: храм уцелел.

Зато Центральные реставрационные мастерские в 1934 г. оказались распущенными. В архитектурном совете Москвы уже безраздельно господствовали архитекторы-формалисты. На месте исторических ансамблей стали возводиться конструктивистские «шедевры». Появился дом-гигант, образовавший улицу Серафимовича. Это здание из серо-зеленого бетона не только подавило своей массой такие замечательные архитектурные образцы, как палаты Аверкия Кириллова — редкий памятник гражданской архитектуры XVII в., и церковь Николы в Берсеневке XVII в., но и выглядело чужеродным в близком соседстве с Кремлем, Софийской набережной, типично замоскворецкими по стилю улицами — Большой Якиманкой и Большой Полянкой.

А П.Д.Барановский 4 октября 1933 г. был арестован. Думаю, об этой странице его биографии лучше расскажет он сам: в бумагах Петра Дмитри-

евича, связанных с процессом его реабилитации, я обнаружил черновик письма в Комитет государственной безопасности, датированный 28 марта 1964 года и доселе не публиковавшийся. Привожу его с незначительными сокращениями.

«В Комитет госбезопасности
от Барановского Петра Дмитриевича

Причиной настоящего письма является предъявленное мне предложение представителя Комитета госбезопасности тов. В.Я.Васильева изложить истинные обстоятельства дела по аресту и репрессированию на 3 года, которому я подвергался по решению особого совещания при коллегии ОГПУ 2 апреля 1934 г. по ст.58-10-11...

Сперва приведу характеристику той обстановки, в которой мы работали. 1933 г., роковой для меня, был очень тяжелым для дела охраны памятников культуры нашей Родины... В Москве деятельно работал специальный трест по разборке зданий — памятников старины. Такое отношение к памятникам культуры имело не меньшее отражение и на периферии страны, и древние города и местности быстро утрачивали свой характерный исторический и художественный облик. Небольшая группа специалистов, преданных делу охраны и реставрации памятников, истощала свои усилия в попытках доказать их ценность для народа и то, что такое отношение есть результат варварства и беспамятства. Но эти попытки большею частью были бесплодны. Для характеристики напряженной борьбы на этом поприще приведу только один факт, случившийся за несколько дней до моего ареста. В сентябре 1933 г. я и архитектор Б.Н.Засыпкин были направлены от Комитета по охране памятников при ВЦИК для переговоров в отношении охраны памятников г. Москвы по вызову к заместителю председателя Моссовета Усову. В длительной беседе с ним выяснились две противоположных и непримиримых позиции. Наши аргументы за защиту памятников на основе установок, данных В.И.Лениным, полностью отвергались, и нам с полной категоричностью было заявлено, что Московским Советом принята общая установка очистить город полностью от старого хлама, который мы именуем памятниками и который тормозит социалистическое строительство. По-видимому, для большего убеждения в непререкаемости своей точки зрения и своей мощи, а также в бесполезности какого-либо сопротивления с нашей стороны, при нас были вызваны начальник отдела благоустройства тов. Хорошилкин и начальник Мосразбортреста тов. Иванюк и им дано распоряжение немедленно снабдить нас лестницами, веревками и т.п. для того, чтобы произвести обмер и прочую фиксацию храма Василия Блаженного на Красной площади, так как в течение ближайших дней он подлежит сносу... Я должен был остановиться подробно на этом примере потому, что в подобных этому фактах коренится и все существо происшедшей дальше личной катастрофы. Большие исторические и художественные ценности, изъятые революцией из рук церкви и частных владельцев, были переданы в наши

руки для их сохранения. Каждый из участников этого дела должен был чувствовать себя весьма ответственным за него перед государством и народом и, по мере темперамента, вкладывать в него все свое время и силы. При таком положении, когда мы буквально задыхались от усилий противодействовать непониманию и ликвидаторским тенденциям по всей стране, нам (я говорю о себе и о всех лицах, входящих в настоящее дело), конечно, не было никакой возможности думать о чем-либо ином, о политике, о какой-либо «организации». Так быстро назревал серьезный конфликт, который мы предчувствовали, но ничего сделать не могли, так как уйти от дела значило изменить долгу честного специалиста и совести и тем оставить беззащитными народные ценности.

Вскоре, через несколько дней после встречи с Усовым, я, а затем (как я узнал значительно позже) и Засыпкин Б.Н. были арестованы. Несмотря на большое моральное потрясение и чувство глубокой обиды, так как я с первого дня советской власти с полным самозабвением честно отдавал все силы служению любимому делу (см. автобиографию), я все же был твердо уверен, что здесь произошла какая-то роковая ошибка, что здесь разберутся и правда восторжествует.

Однако уже с первых допросов я был потрясен каким-то полным расхождением в понимании своем и следователя Альтмана. Сперва с его стороны были настойчивые, со страшными угрозами смертью обвинения в каких-то вымышленных покушениях на жизнь тов. Сталина. Затем последовали обвинения в активном участии в каких-то фантастических для меня политических организациях по свержению советской власти, с упоминанием фамилий каких-то совсем неведомых для меня лиц, чтобы занять самим правительственные места и т.п. Хотя эти настойчивые убеждения в том, что я, помимо своей воли, вошел в круг этой «организации», казались каким-то чудовищным бредом, однако неизменное повторение по ночам в течение длительного времени повергло в такую бездну отчаяния и до такой степени расстроило нормальное восприятие и психику, что единственным выходом казалось самоубийство, если бы к этому была какая-либо возможность.

Наконец, когда нервы дошли уже от допросов и моральных пыток до крайнего расстройства, методы обращения и допросов стали более тонкими и совершенными. Прежде всего последовали вопросы, с кем из окружающих лиц у меня были служебные, деловые, а также близкие товарищеские или дружеские отношения как в Москве, так и в других местах. Понятно, что я откровенно и чистосердечно перечислил большое количество сослуживцев и знакомых и близких людей, с которыми имел общение и разговоры на заседаниях, на службе и при встречах и с которыми по необходимости приходилось зачастую обсуждать и осуждать вопросы неправильного отношения некоторых представителей власти к вопросам ленинской системы охраны памятников (вроде вышеописанной точки зрения Усова). Предложено было дать краткую характеристику некоторых из лиц, перечисленных мною, по выбору Альтмана, и характеристику общения с ними по указан-

ным вопросам, в чем я не усматривал чего-либо угрожающего, хотя сделать это было трудно и это носило серьезный характер.

На следующем этапе ночных допросов этой характеристике общения и критических высказываний в беседах с товарищами по работе было дано такое истолкование, что, с точки зрения советской политики сегодняшнего дня, эти единые мысли группы специалистов, объединенных одинаковыми идеями, и есть та самая политическая группировка, уловлением которой занимаются органы НКВД. Иное понимание есть только следствие политической незрелости; признание такой теории есть признак сознания и раскаяния, за которым последует прощение, так как в задачи советской власти входит больше исправление, а не наказание, в противном случае должна последовать только жестокая кара до лишения жизни включительно. В доказательство неопровержимости этого построения приводились (из того, что я могу вспомнить), между прочим, такие аргументы, что для членов контрреволюционной организации совсем нет никакой необходимости быть где-то зарегистрированным, знать ее конкретное оформление, то есть, ее задачи, руководство, состав членов и т.п. Достаточно иметь только близость, сочувствие и понимание родственных идей и интересов хотя бы только в специальной области, на базе которых может вырасти и протест политический, связывающий единомышленников в одну цепь, по которой могут передаваться мысли и действия, как электрическая искра по хорошему проводнику. Поэтому в задачи НКВД входит розыск и уничтожение таких групп. Непрерывное мучительное раздумье над этим вопросом, запугивание смертью тех, кто не осознает правильности такого формирования контрреволюционной организации, доказательства с воздействием на психику вроде того, что «а мы вашего Василия Блаженного уже ломаем» (что потом оказалось обманом), угрозы в отношении семьи, гибель идей охраны и реставрации памятников, которым отдана была предыдущая жизнь, — все это создавало тяжелую моральную пытку и непрерывно настойчиво разрушало нервы и разум. Наконец, наиболее решительным моментом было продемонстрированное мне показание тоже арестованного ленинградского профессора Н.П.Сычева, написавшего, что он якобы является главою контрреволюционной организации. Этим нормальное восприятие, воля и психика были сломлены окончательно, и уже самому под воздействием запугивания, а потом обмана и внушения, ложное бредовое построение стало казаться похожим на истину. Используя такое ненормальное психическое состояние, Альтман немедленно предложил переписать или перевести написанное мною, как он говорил, в обывательской форме, на форму политического языка, под его диктовку. Вспомнить и уточнить детально, как это происходило, я не могу, так как находился в невменяемом состоянии. Смутно представляется только, что происходил этот «перевод из одной формы в другую» мучительно долго, как будто строка за строкой, как пытка, с болезненным

и безутешным сопротивлением остатков ослабленной, искалеченной воли нервов и разума. Об этом страшно вспоминать. Во всем этом уже нельзя искать даже следов здравого смысла, это было только последствие длительной многомесячной моральной пытки и искусного обмана, состояние вымученного безумия.

Но этим мои мучения еще не закончились. Подобное тому, как при широко известном явлении времен средневековья, когда после пытки люди давали показания, а потом, приходя в сознание, весьма часто отказывались от них, повторялось и в данном случае. Когда нервы и психика пришли в несколько более нормальное состояние и ослабело, рассеялось воздействие устрашающих мер гипноза, я стал настойчиво требовать вызова к Альтману или его начальнику Когану, чтобы взять обратно написанное в приступе безумия, какие бы за этим ни были последствия, не исключая и прежних угроз Альтмана смертью. Однако этого я уже не добился и вызван не был. Тогда я принял твердое решение заявить о своем отказе от вынужденных показаний в тот момент, когда состоится суд или будет объявляться приговор, и жил надеждой на это, и такого суда или объявления не состоялось. Меня внезапно перевезли в Бутырки в одиночную камеру, затем в конце тюремного заключения через некоторое время зачем-то заключили, как смутно вспоминается, на не очень длительное время в какой-то тесный ящик без окон, облицованный керамической или стеклянной плиткой, где со мной опять был припадок (потеря сознания), так как я остро почувствовал, что мне намеренно не дают возможности обнаружить искусно построенный обман, исправить и изменить вымученные показания и что все уже оформлено окончательно. Потом мне дали свидание с женой и вывезли в Мариинский Западно-Сибирский лагерь заключенных...»

«Все последующее,— продолжал Петр Дмитриевич в этом письме,— то есть 3 года лагерей, меркнет, несмотря на все трудности, перед кошмарной трагедией допросов, искусного обмана, больного сознания и моральных пыток, испытанных во внутренней тюрьме. В сибирском лагере уже были жизнь и труд, в напряжении которого можно было хотя бы отчасти забыть о случившемся и даже надеяться на какое-то продолжение нормальной жизни и плодотворного труда в будущем, на свободе. В лагере я был отличником на работе (в архиве Барановского хранится удостоверение «Ударника сибирских лагерей», на пожелтевшей картонке оттиснуто: «Труд в СССР — дело чести, доблести и геройства» (автор афоризма известен.— *Ю.Б.*), построил по своему проекту сельскохозяйственный музей, потом электростанцию, награждался и был освобожден досрочно.

Потом я узнал, что примерно половина тех из моих товарищей по работе, которые были одновременно со мной арестованы, а затем отобраны Альтманом и фигурировали в моем вынужденном, под психической травмой, показанием, были тоже частично репрессированы. То есть, или только вы-

сланы из Москвы, или определены в лагерь, а другая половина почему-то совсем не была затронута».

В мае 1936 г. Барановский был освобожден, но без права проживания в Москве. Местом жительства ему определили Александров Владимирской области, где ежедневно в 17.30 он должен был расписываться в книге учета у местного оперуполномоченного. И все же два первых летних месяца на свободе — июнь и июль — он каждое утро с первым поездом отправлялся в Москву на Красную площадь.

В самый первый день, когда с котомкой за плечами он прибыл на Казанский вокзал, Барановский не поспешил к кассе, чтобы купить билет до Александрова, а отправился к Кремлю. Ведь Альтман на всех допросах твердил ему, что собор Василия Блаженного «уже ломают». И первое, что с волнением увидел Петр Дмитриевич, выйдя к Историческому проезду,— силуэт храма. Но вот другого, столь же близкого сердцу силуэта, он не обнаружил: Казанский собор был уже наполовину разобран.

И Барановский тут же бросился проводить замеры. Когда-то, ведя реставрацию вниз, «от креста», он не позаботился тщательно обмерить весь собор и теперь фиксировал, зарисовывал еще не разобранные части, будто и не было того страшного трехлетнего перерыва. На это и ушли два месяца постоянного риска вновь попасть за решетку за нарушение режима проживания ссыльнопоселенца.

В 1980 г. Петр Дмитриевич передал обмерные чертежи и всю документацию по Казанскому собору своему последнему ученику — Олегу Журину. И в 1990-м, когда было принято решение Моссовета о восстановлении храма-памятника, Журин по заказу столичной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры создал проект восстановления собора.

В Александрове ссыльный поселенец Петр Барановский поступил на работу в должности архитектора-реставратора в созданный в свое время по его же инициативе музей «Александровская слобода», где и принялся за прерванные работы по научному исследованию и реставрации комплекса памятников XVI—XVII столетий.

Еще когда он был в лагере, об освобождении и «включении его в работу по овладению культурным наследием прошлого и использованию его достижений для нужд современности» ходатайствовали А.В. Щусев, И.В.Жолтовский, И.Э.Грабарь. Они же способствовали тому, что после выхода на свободу Петр Дмитриевич был назначен научным консультантом Академии архитектуры СССР. В этом качестве летом 1936 г. Барановский вновь появился в Коломенском, где без него создание музея под открытым небом застопорилось. Вскоре он подает в президиум Академии записку «Программа и научный метод организации музейного городка народной архитектуры» и, пока там перекладывают ее со стола на стол, занимается устройством постоянной экспозиции «Русская строительная керамика XVI—XX вв.»

В конце 1937 г. консультанта Академии архитектуры приглашают в музей Троице-Сергиевой лавры для организации реставрационных работ. Им был намечен план на перспективу, составлены первые проекты и практически начата та работа, которая ведется его преемниками до сего времени.

Еще до ареста по приглашению правительства Азербайджана Барановский побывал в республике, где тогда начиналась подготовка к юбилею Низами. И вот новое приглашение. Центральное управление охраны памятников АзССР просит принять научное руководство реставрацией Нухинского дворца в Шехи и других памятников, связанных с жизнью и деятельностью Низами Гянджани, 800-летие которого готовились отметить в 1941 г.

В течение трех лет обследовал Барановский восточную часть Большого Кавказского хребта, Кахский и Закатальский районы. Председатель комиссии по охране и реставрации памятников архитектуры при Академии архитектуры СССР И.В.Рыльский писал: «Раскопки, произведенные им с 27.10.40 г. по 1.01.41 г. в исключительно сложных условиях, дали блестящие результаты — открыт памятник архитектуры мирового значения забытой народности Кавказской Албании». Прерванные войной работы возобновились в 1946 г. и продолжались вплоть до 1951-го.

В 1949 г., оценивая деятельность Барановского, И.Э.Грабарь признал выдающееся значение созданного Петром Дмитриевичем в Кавказских экспедициях метода одновременного ведения восстановительных и консервационных работ и предложил использовать этот метод при сохранении руин не только архитектурных, но и археологических и исторических памятников. Метод нынче повсеместно вошел в практику, но никто даже не задумывается, откуда у нас это умение остановить разрушение того, что дошло из глубины веков.

Вплоть до самой войны влиятельнейшие ученые Щусев, Грабарь, Жолтовский, Веснин продолжали выпрашивать в инстанциях право Барановскому жить в столице. Добрая душа — академик Рыльский — в 1940 г. пишет характеристику на Петра Дмитриевича, предлагая избрать его членом-корреспондентом Академии архитектуры. Наивный человек: даже рассматривать не стали! В 1957 г. такое же предложение Грабаря рассмотрели, но «завернули». А.В.Щусев, как руководитель сектора архитектуры Института истории искусств АН СССР, выступает с предложением удостоить П.Д.Барановского ученой степени доктора архитектуры — отдел кадров ходатайство не выпускает за стены института. Тут поневоле начнешь мрачно шутить: когда друзья ссылались на авторитет Барановского, сам он саркастически ответствовал: «Это мнение всеми властями, кроме лагерных, отвергается. Вот в характеристике СибЛАГа меня высоко ставят: «Активен, исполнителен по заданиям, авторитетен среди з/к. В быту поведение отличное»...

И хотя Барановский был включен в ученые советы Академии архитектуры, Института истории искусств АН СССР, Государственной Третьяков-

ской галереи, состоял консультантом и главным консультантом ряда учреждений, тем не менее строка в анкете: «подвергнут наказанию тюремному по 58 ст.» — висела над ним постоянно. Так, назначенный было старшим научным сотрудником НИИ АН СССР, Барановский на основании решения распорядительного заседания президиума АН СССР низводится до младшего научного сотрудника, как лицо, не имеющее ученой степени или звания профессора. Подписавший приказ Грабарь, конечно, знал, что профессором Петр Дмитриевич был еще в 1919—1922 гг. Возможно, влиятельный академик и тут должен был встать на защиту коллеги, но... вытянул руки по швам.

А вот рассказ искусствоведа В.А.Десятникова, активно способствовавшего вызволению Петра Дмитриевича из тени забвения:

«В давнюю мою бытность сотрудником Министерства культуры СССР... реставрационная мастерская, где он работал, представила его к присвоению почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Петр Дмитриевич принес в Министерство автобиографию, фотографию, листок по учету кадров и список творческих трудов. Старший инспектор отдела кадров полистал документы Барановского и безапелляционно заявил:

— Какое вам может быть звание? Вы же всю жизнь церкви реставрировали.

— Не церкви, а памятники культуры,— уточнил Барановский и забрал документы.

Было стыдно за моего коллегу, но служебная этика не позволила «встревать» в разговор. Я вышел из кабинета и побежал в гардероб. Петр Дмитриевич неспешно одевался. Он выглядел скорее мастеровым, но никак не профессором, выдающимся ученым. Извинившись, я попросил его отдать мне принесенные документы. Расчет мой был прост. Кадровик частенько прихварывал. Я надеялся в его отсутствие заготовить необходимые бумаги и подписать у начальства. Я в это время учился на вечернем отделении истфака МГУ и знал, что П.Д.Барановский приступил к реставрации Крутицкого подворья в Москве. Знал я и другое: человек он прямой, и у него много недоброжелателей. Звание ему нужно было не корысти ради, а как щит от несведущих людей, а то и заведомых врагов. Забегая вперед, скажу: Петру Дмитриевичу звание присвоили. Последние годы жизни он охотно ставил свою подпись в защиту памятников Отечества на прошениях, где нужен был высокий ранг челобитчиков. Что касается личной выгоды, то Барановский никогда ее не искал. Его девизом были слова Гоголя: «Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований. На битву мы сюда призваны».

В 1941 г. Барановский, находившийся в Москве на «птичьих правах» (жил по временным удостоверениям Академии архитектуры СССР), стал инициатором использования сводчатых помещений для укрытия людей и художественных ценностей от бомбардировок. Восемь убежищ оборудовал он в Новодевичьем монастыре. В дни интенсивных бомбежек Москвы в июле-октябре 1941 г. это спасло жизни многим москвичам. А кроме того, как отмечалось в одном из документов военных лет, он «своей героической ра-

ботой сохранил художественные ценности в Новодевичьем монастыре, Музее «Коломенское».

В связи с эвакуацией из Москвы Академии архитектуры дальнейшее его пребывание в столице было бы совсем незаконным, и Петр Дмитриевич уехал в Иваново, где стал инспектором по охране памятников области, в которую до 1944 г. входили Суздаль, Владимир, Юрьев-Польский. Само собой разумеется, и здесь Барановский развернул исследования. Организовал в областном центре выставку «Ивановцы — для фронта, для победы». В августе 1942 г. его перевели на должность старшего инспектора комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств при СНК СССР. Одновременно Петр Дмитриевич был назначен экспертом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистов на оккупированной территории СССР. В составе ЧГК выезжал в Смоленск, Витебск, Полоцк, Киев, Чернигов, сильно пострадавшие от немецко-фашистского нашествия.

В Чернигов Барановский прибыл 23 сентября 1943 г.— через день после освобождения города. А три дня спустя на его глазах немецкий пикирующий бомбардировщик прицельно бомбил возвышающийся над городом древний Пятницкий собор. Полутонный фугас расколол церковь, как орех. Петр Дмитриевич первым из специалистов оказался у руин. Без малого двадцать лет реставрировал Барановский Пятницу, возвращая ей первозданный вид. Его работа по исследованию и реставрации Пятницкой церкви в Чернигове открыла новую главу в истории русской архитектуры. Памятник этот, как доказал Петр Дмитриевич,— сверстник «Слова о полку Игореве», один из первых непревзойденных образцов собственно русского (в противовес византийскому) зодчества.

В январе 1944 г. президент Академии архитектуры СССР подписал письмо:

Члену Комитета по делам искусств
при СНК СССР В.А.Шкварикову

Для разрешения стоящих перед Комитетом по делам искусств важнейших задач восстановления памятников отечественного зодчества, разрушенных немецкими захватчиками, необходима активная работа высококвалифицированных специалистов по реставрации.

В этой сложнейшей и редкой отрасли в настоящее время ощущается крайний недостаток сил. Их насчитываются по всей стране буквально единицы. Среди виднейших специалистов этого дела выдающееся место занимает П.Д.Барановский, авторитет которого в вопросах реставрации является общепризнанным. Поэтому Комиссией по учету и охране памятников искусства поставлен вопрос о привлечении П.Д. Барановского на работу в качестве заведующего отделом архитектурной реставрации.

П.Д.Барановский — архитектор-искусствовед и ученый-археолог со стажем реставрационных работ около 25 лет. В течение этих лет он был профессором, действительным членом Академии истории материальной куль-

туры и Государственного Исторического музея, членом Государственного ученого совета НКП, заведующим отделом реставрации НКП, основателем и директором первого в СССР архитектурного музея в Коломенском и т.д.

В 1933 г. П.Д.Барановский был репрессирован и, отбыв 3-летнее наказание, с 1936 г. продолжает активно работать в области исследования, охраны и реставрации архитектурных памятников в Академии архитектуры СССР и учреждениях НКП по РСФСР, АзССР и ГрузССР. В этой области он вновь имеет целый ряд научных открытий и достижений, заслуживающих самой высокой оценки.

Огромный опыт в реставрации и накопленный научный материал, энтузиазм и воля в проведении работ, а также организаторские способности, доказанные, например, восстановлением памятников архитектуры Ярославля или организацией музея в Коломенском, естественно, выдвигают П.Д.Барановского как совершенно незаменимое лицо на должность заведующего архитектурной реставрацией.

Но осуществлению этого ныне препятствует неснятие с него судимости, хотя со времени освобождения прошло 7 лет, и невозможность вследствие этого, привлечь его в необходимой мере к делу реставрации памятников с проживанием в Москве.

Президент Академии архитектуры
СССР В.А.Веснин.

И в феврале 1944 г. Барановский стал начальником отдела реставрации, получил московскую прописку. А в 1947-м занялся Крутицким подворьем — бывшей резиденцией митрополита Сарского и Подонского, наместника патриарха. Это целый комплекс разнообразных памятников архитектуры конца сурового и лаконичного XV в. и живописных палат, храмов, колоколен, крылец, переходов, включая сказочный «Крутицкий терем» — конца XVII в.

Барановский отдал Крутицам много лет. Почти два года были посвящены «вхождению в тему». Архивы. Обмеры. Снова архивы, библиотеки, археологические раскопки. К началу 1950 года был готов, обсужден и утвержден проект реставрации.

Работы в Крутицах начинала Академия архитектуры, затем их продолжили Центральные научно-реставрационные мастерские, куда перешел в 1950 г. Петр Дмитриевич. А летом 1969 г. была создана Научно-реставрационная мастерская МГО ВООПИиК, преобразованная позднее в мастерскую Центрального совета общества. Реставрация Крутицкого дворца стала ее основной задачей.

Вот как об этой работе вспоминают сотрудники Петра Барановского.

Н.И.Иванов, архитектор-реставратор: «Я пришел к Барановскому в сентябре 1950 г. Он сразу начал проверять, могу ли я лазать по лесам и без них, не белоручка ли.

Сейчас и представить себе трудно те условия, в которых приходилось работать реставраторам. Время было тяжелое, послевоенное. Практически любой объект в Москве был заселен жильцами от подвала до чердака. Сколько трудов стоило найти жилье для семей, выезжающих из Крутиц.

Крутицкий дворец был в плачевном состоянии — «Терем» завалился, переходы чудом не падали — крен был страшный. Петр Дмитриевич ставил подкосы. Самым неотложным было выпрямить стены, укрепить фундаменты. Этим мы и занялись. В период работ по фундаменту реставраторы дежурили на объекте круглосуточно. И вот результат — после замены фундаментов даже волосяной трещины нигде не обнаружишь.

Далее важно было восстановить в 1954—1955 гг. северное крыльцо Успенского собора, сохранившегося в сильно искаженном виде. Кроме чисто технических трудностей, пришлось преодолевать и трудности административного порядка: добиться переселения жильцов, закрыть автогрузовой проезд по улице, согласовать с начальством сложные подземные работы...»

Были найдены и восстановлены старинные порталы Успенского собора, наличники окон, испорченные и частично закрытые крышами главы. Особенно сложной оказалась задача восстановления центральной главы, приобретшей в процессе перестроек луковичную форму. По аналогии с сохранившимися боковыми главами, с учетом анализа других сходных памятников она была реставрирована в полном соответствии со стилем оригинальных древнерусских конструкций из кирпича. Впервые удалось восстановить древний геометрический способ построения глав.

«Петр Дмитриевич,— продолжает Н.Иванов,— стоял за точность до миллиметра. При раскопках иногда находили целиком срубленные детали, и Петру Дмитриевичу удавалось «приклеивать» их на место... О Барановском можно сказать, что он — основоположник русской практической школы реставрации. Я у него работал шесть лет. Можно сказать, второй институт закончил. И какой!»

В.Н.Киселев, каменщик-реставратор: «Когда я первый раз увидел Барановского, ему было уже за семьдесят. Я много слышал о нем, встречи ждал с интересом. Увидел небольшого старичка, седого, в круглых очках. Глаза у него были живые и, что называется, отчаянные. Какая-то лихость в них была, и вообще в нем было много мальчишества. Если куда-то нужно было залезть, он в этом удовольствии никогда себе не отказывал. И чем рискованнее, тем лучше. За десять лет, что мы с ним работали, всякие ЧП случались. И землей его засыпало, и со стены срывался. Полдня отлежится — и опять на объекте. Страха не знал. Но смелость была в другом: он не боялся отстаивать свои убеждения, идти один против всех. Бывало, на совещании, где все заранее уже было против него, он спокойно сидел, дожидаясь удобного момента, чтобы вмешаться, убедить, а порою изменить ход дела... Каждый человек хочет видеть результат своего труда. Скажи ему: эту работу ты завершить не успеешь — возьмется ли? А Барановский брался. Он отдал Крутицам больше тридцати лет, а готовым ансамбль так и не увидел».

В.А.Виноградов, архитектор-реставратор: «У нас была мечта — освободить всю территорию Крутицкого подворья от посторонних организаций и возродить его в том виде, в каком оно было в царствование Алексея Михайловича. В пространной записке, найденной в архиве Коллегии иностранных дел, современник пишет, что митрополит Павел, «подобно новому Филадельфу, устроил в своем архиерейском доме вне града Москвы, в месте, именуемом Крутицы, на горах высоких и крутых над рекою Москвою, в месте тихом и безмолвном, храмины примерные для новых переводчиков и мудрецов, и сады из разных видов цветов и деревьев и трав насадил, и источников накопал сладководных для отдыха от трудов и оградою оградил, как некий рай». Мы и мечтали возродить не просто архитектурный ансамбль, а весь этот живописный уголок — сады, источники, рай...

Барановский рассчитывал, что со временем, когда мы отреставрируем большую часть комплекса, здесь будет культурный центр — музей, студии, лекционные залы...»

Крутицкое подворье — этап в жизни Петра Дмитриевича. Здесь отмечали его 75-, 80-, 85-летие.

Н.И.Иванов: «Он страшно был нетерпелив, ждать не любил... Не знал пощады к себе и к другим. Работать с ним было трудно... Со слабостями человеческими не считался, препятствий обходить не умел, шел в лоб, пока не сокрушал или пока не сокрушали. Но — никаких компромиссов. Врагов наживал себе много среди чиновников всех рангов и мастей. Говорил, что думал, без всяких дипломатических уловок и практически всегда был прав».

В.Н.Киселев: «По инициативе Петра Дмитриевича на Крутицах была создана экспериментальная школа-мастерская. Это была давняя его идея, много лет он ее пробивал. Наконец в 1969 г. в московской газете появилось объявление, что вновь организованная мастерская приглашает для обучения профессиям каменщиков, белокаменщиков, резчиков, позолотчиков. По этому случаю на Крутицах появилась группа молодых людей — человек пятнадцать. Они-то и стали костяком мастерской. Я пришел в Крутицы несколько раньше, с двухлетним стажем работ в реставрации... Должен был учить новичков, пришлось туговато».

Идея создания школы-мастерской в Крутицах — с мастерами и подмастерьями, с передачей профессиональных секретов, освоением старинных приемов работы — носила несколько утопический характер. Но в том-то и была сила Барановского, что ему удавались даже утопии.

О.И.Журин, архитектор-реставратор: «Барановский хотел создать эталонную мастерскую, в которой возродились бы традиции подлинной научной реставрации. Предполагалось готовить специалистов высокой квалификации, создавать мобильные летучие отряды по консервации памятников.

Его мастерская жила и действовала. Собрался в ней толковый народ. Достаточно сказать, что те полтора десятка мастеров, что воспитались в

Крутицах, на сегодняшний день являются лучшими в Москве. Крутицы — это школа. Школа Барановского».

В.А.Виноградов: «К концу жизни Барановский стал легендой. Люди приходили, чтобы посмотреть на него, пообщаться с ним, поучиться. А учиться у него было чему, особенно молодым...

Барановский сравнивал реставрацию с лечением. От времени и небрежения памятник разрушается — болеет. Наша задача его лечить. Но памятник — это не просто сооружение, он несет в себе некий духовный смысл, накапливая его веками и излучая...

Без памяти нет сознания. Реставрация памятника — это лечение сознания. Так, во всяком случае, считал Барановский».

К этим свидетельствам соратников Петра Дмитриевича мне хочется добавить и несколько эпизодов, повествующих о моих встречах с этим удивительным человеком.

Однажды вьюжным февральским вечером я засиделся у Барановского допоздна. Старик, как камешки на ладони, перебирал события своей долгой жизни. В одиннадцатом часу добрались до истоков: село Шуйское, где он появился на свет, Дорогобуж — здесь взялся за букварь, Болдино — начало творческой судьбы. Дойдя до Болдина, он с горячностью юноши, у которого впереди вся жизнь, стал разворачивать передо мной перспективу «воскрешения из мертвых» взорванного в 1943 г. фашистами монастыря. «Я трудно переживал известие о гибели (он говорил о нем, как о человеке! — *Ю.Б.*) Болдинского монастыря. Места себе не находил. Меня утешали: Смоленское областное архитектурное управление приняло меры для охраны руин. Долго не мог себя заставить поехать туда. Но как только получил известие, что руины растаскивают и уже не первый год, собрался в одночасье и поехал по бездорожью. На воротах монастыря — доска, извещающая, что каждый кирпич этого памятника священен. Вошел в ворота — сердце так и упало. Среди зелени розовели три пирамиды — обрушенные взрывчаткой собор, колокольня и трапезная. По склону одной из пирамид ползал бульдозер, оттребая в сторону кирпичное богатство. Я понял, что доска со словами о священных камнях — это одно, а реальные запросы разоренной войной Смоленщины — другое. За двенадцать лет здесь сменилось тринадцать председателей сельского совета. С кого спросить? Я побывал в школе, которая находилась на территории монастыря, и уезжал с надеждой, что она станет хранительницей руин».

В ту пору он всерьез занялся историей партизанской войны в Дорогобужском крае.

В болдинских лесах осенью 41-го стоял фронт. Потом наши отступили в непроходимые лесные дебри. Деменков, начальник милиции Дорогобужа, привел сюда костяк партизанского отряда. 15 января 42-го, когда гитлеровцев уже гнали от Москвы, партизаны выбили немцев из Болдинского монас-

тыря и разместили в нем свой штаб, готовясь к штурму Дорогобужа. 15 февраля город был взят. От захватчиков очистили десятки сел и деревень. Восстановили колхозы и совхозы.

— В день 25-летия освобождения Дорогобужа партизанами, — со значением сообщил мне Барановский,— состоится слет ветеранов. Я приглашен. Вот бы и вам туда поехать.— Петр Дмитриевич вскинул на меня просветленный воспоминаниями взгляд.— Какие там люди!

В ночь с 14 на 15 февраля 1967 г. мы выехали в Дорогобуж. Когда автобус остановился и кондуктор выкрикнула: «Граждане, конечная!»,— Петр Дмитриевич тихо, счастливо улыбнулся в щеточку седых усов: «Вот и приехали... Мой родной город».

Я огляделся. Главная улица от Днепра, с Подолья, полого шла вверх, а над городом, в вышине, там, где вставало багровое от мороза солнце, сверкали алмазными снегами холмы. В полдень под залпы ружейного салюта на горе, из-за которой восходит солнце, был открыт обелиск.

Утром следующего дня колонна — до десятка «газиков» и «волг» — тронулась от райкома партии: совершали объезд партизанских баз и штабов. К часу дня по кривой, пересыпанной поземкой колее пробились в Болдино. Несколько бревенчатых домов, сельский магазин, школа, кирпичные стены монастыря. У ворот машины остановились. Барановский, сухощавый, легкий на ногу, заспешил к крайнему дому сельца Болдино, бросив на ходу: «Я сейчас... Ключи от музея у Тита Петровича Новикова — он тут главный хранитель».

К монастырской стене был прибит фанерный щит. Приехавшие сгрудились возле него, читают: «Болдинский монастырь — величайшее произведение древнерусского искусства XVI в. Все три архитектурных сооружения монастыря — собор, трапезная и колокольня — являются памятниками создания Русского государства.

Перед бегством в 1943 г. из Болдина фашистские захватчики взорвали все памятники монастыря. Отныне руины ценнейшего произведения русской старины будут свидетелем позорных действий побежденного врага.

Болдинский монастырь (руины) стоит на особом учете и охране. Строго воспрещается разборка стен, расхищение кирпича и стройматериалов. Разрушение и порча зданий монастыря карается законом. Охрана памятника вверяется сельсовету».

К монастырским воротам спешил Барановский — в легких ботинках, в подбитом ветром демисезонном пальто, вполне довольный собою. За ним, вздымая снег огромными валенками, еле поспевал Тит Петрович, местный учитель, тот самый доброхот, что сообщил в Москву Барановскому о разборке стен, расхищении кирпича.

Началась экскурсия. Показывая на заснеженную пирамиду справа, Петр Дмитриевич сообщал: «Это шестигранная колокольня. Достойнейший

объект истории и штаб партизанской дивизии, освободившей Дорогобуж. На колокольне 15 января 42-го взвился красный флаг — он был виден в окрестных деревнях и селах.

Вторая огромная гора в центре монастырской территории — собор Болдинского монастыря. За ним под кровлей — трапезная. Четырехлетние усилия по ее восстановлению увенчались успехом. Прошедшей осенью поставлена крыша...»

Кто-то из «экскурсантов», человек, явно не знакомый с биографией Барановского, перебивая чересчур спокойную для того холодного дня беседу, спрашивает Петра Дмитриевича: «А вы видели монастырь неразрушенным?»

Барановский на несколько секунд замолкает, снимает очки, протирает запотевшие на морозе стекла и с вызовом отвечает: «Еще увидим!»

Летом 1970 г. с великими трудностями, через грязи великие, образовавшиеся после ливней, мне посчастливилось вновь пробиться в Болдино. Барановский, конечно, на рабочем месте. Слышу его голос: «Давай, Саша, вот отсюда сковырнем по полкирпичика и увидим, как пилястра пойдет!» — обращается он к каменщику интеллигентного обличья. «Точно, Петр Дмитриевич, уже показалась».

Словно рентгеном, Барановский пронизывает острым взглядом фасад трапезной палаты. Я стою в трех шагах и не решаюсь прервать его. А он, вполне довольный тем, что ему удалось нащупать запропастившуюся было пилястру, подвигается вдоль фронта работ. «А что, фасад трапезной Федора Коня позаделистей будет Василия Блаженного! — неожиданно заключает Петр Дмитриевич и, повернувшись ко мне, здоровается так, словно мы с ним расстались вчера вечером: Вы уж извините — тут у нас самая горячка. Три дня дожди отрывали от работы». С этими словами он окончательно оттаял и стал показывать свое хозяйство.

Радостно было видеть строительное оживление на лесах трапезной, и уж вовсе замечательным было зрелище южной стены колокольни, многометровый фрагмент которой уже на три четверти очищен от битого кирпича и пыли. Идея Барановского о склейке фрагментов взорванной колокольни как бы становилась явью.

На колокольне в это время работали А.М.Пономарев — инженер из Москвы, Наташа Петрова — студентка из Вязьмы, каменщиками были тоже московские инженеры Паша Липницкий и Виктор Оводов, а руководил ими мастер Владимир Емельянович Бобылев. В любимом деле добровольцы-реставраторы проводили свой отпуск.

Барановский всегда окружал себя людьми, ему подобными,— бескорыстными, преданными делу. Люди иного сорта не задерживались возле него...

В 1982 г. друзья, соратники, ученики сердечно и торжественно отмечали в Новодевичьем 90-летие Барановского. Собрались сотни его единомышленников, поклонников. Почти совсем слепой, в темных очках появился на крыльце больничных палат юбиляр. Петра Дмитриевича чествовали, вручали подарки, в том числе — его живописный и скульптурный портреты.

В этот день Барановский прилюдно благословил Олега Журина на свершение святого дела — воссоздание Казанского собора по его, Барановского, обмерным чертежам. И стал собираться в дальний путь — путь, из которого не возвращаются.

Призвав на помощь сестру Наталью Дмитриевну, которая после внезапной смерти жены Барановского — Марии Юрьевны, последовавшей в 1977 г., была при нем неотлучно, дочь Ольгу, он принялся за наведение порядка в своем грандиозном архиве. Архив всегда содержался им очень тщательно, систематизировался: Петр Дмитриевич до последнего часа жил верой в то, что единомышленники воссоздадут если не все, то многое из разрушенного. И теперь его заботило, как сделать так, чтобы архив не распылился по разным рукам, а оставался как бы единым сводом плодотворной, хотя и трудно прожитой жизни.

Барановский предложил его Государственному Историческому музею, но там от архива ученого отказались. Тогда он начал переговоры с Музеем архитектуры имени А.В.Щусева, и они увенчались успехом. Барановский написал еще один, последний в своей жизни документ — завещательное письмо...

Свято исполнивший долг перед русским народом и его великим зодческим искусством, Мастер тихо скончался в 1984 году в своем доме. Согласно завещанию, он похоронен на кладбище Донского монастыря под сенью величественного собора.

Мир праху его и вечная память!

И.Э.ГРАБАРЬ,
академик

УЧЕНЫЙ, КАКОГО НЕТ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Президенту Академии архитектуры
СССР В.А.Веснину

Дорогой Виктор Александрович!

В нашей стране живет и действует в расцвете сил такой исключительный знаток и исследователь памятников древней архитектуры, такой архитектор-эрудит и археолог, каким должен был бы гордиться весь Советский Союз и какого нет во всей Западной Европе, а он до сих пор не имеет ни звания, ни степени. Реставрация любого из десятков открытых им памятников и самый метод каждого такого открытия равноценны докторской диссертации, а он до сих пор не член-корреспондент Академии архитектуры и даже не кандидат наук, ибо непрерывная работа по охране и спасению от гибели великих произведений архитектуры не оставляют ему времени для написания и защиты диссертации. Я полагаю, что наш общий долг поднять вопрос о присвоении Барановскому степени доктора архитектуры или искусствоведения без защиты диссертации и избрание его в члены-корреспонденты Академии архитектуры.

29 сентября 1947 г.
Академик Грабарь

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ ЧЛЕНА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР БАРАНОВСКОГО ПЕТРА ДМИТРИЕВИЧА

Деятельность Барановского П.Д. за 40 лет его работы в области культурного наследия СССР, а также в исследовании и реставрации памятников архитектуры весьма широка по своему содержанию и многообразна по своей целеустремленности.

Огромный вклад он внес в разработку самой системы охраны памятников архитектуры в условиях построения социалистического общества. С первых дней Октябрьской революции 1917 года он отдает все силы, опыт и знания надлежащей организации спасения выдающихся архитектурных комплексов древнейших городов, замечательных по архитектурно-художественному значению монастырей, средневековых дворцовых усадеб и исключительных по своему историческому значению отдельных архитектурных сооружений.

В тяжелые годы гражданской войны с августа 1918 года он руководил восстановлением и реставрацией памятников г. Ярославля, пострадавших во время белогвардейского мятежа. А в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Барановский П.Д., не покладая рук, работал по учету и экспертизе состояния памятников архитектуры, пострадавших от злонамеренного разрушения их немецко-фашистской армией.

В послевоенные годы он руководил их восстановлением в качестве начальника отдела реставрации Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР.

Велики заслуги Барановского П.Д. в области советского музейного дела. По его инициативе и под его непосредственным руководством был организован первый в Советском Союзе архитектурный музей в Коломенском на базе сохранившейся подмосковной средневековой царской усадьбы XVI—XVII вв.

В течение 20 лет им были собраны многочисленные вещественные памятники, детали русской деревянной и каменной архитектуры и создана постоянная экспозиция из вышеуказанных материалов, демонстрирующая технику и искусство строительного дела в Московском государстве в историческом разрезе, а также историю русского быта того времени.

Наряду с этим большое значение для советского музейного строительства имела попытка Барановского П.Д. построить при Музее в Коломенском специальный музей деревянной русской архитектуры на открытом воздухе. Ему удалось на соседней с государевой усадьбой территории разместить ряд выдающихся памятников деревянной архитектуры, вывезенных с берегов Белого моря и других мест русского Севера, показав этим огромное значение подобных начинаний для реального сохранения памятников народного художественного искусства, столь ярко и наглядно демонстрирующих художественную одаренность русского народа.

Неоценимое значение имеют результаты научного изучения Барановским П.Д. памятников архитектуры Советского Союза и проведенные им реставрационные работы.

Его энергичное участие в практической деятельности по сохранению национального архитектурного наследия народа не помешало ему на протяжении всей своей творческой жизни осуществить многочисленные поездки в специальные экспедиции, целью которых было глубокое и всестороннее исследование огромного числа памятников Русского Севера, Украины, Белоруссии, Северного Кавказа и Закавказья.

В результате им было введено в обиход истории архитектуры значительное число ранее неизвестных выдающихся произведений древнего зодчества, а также ему удалось коренным образом изменить по ряду памятников архитектуры установившиеся представления об их первоначальном художественном облике и о взаимосвязях национальных культур народов, входящих в состав Советского Союза.

Исключительный научный интерес для советской науки имеют его открытия архитектурных памятников Кавказской Албании, в том числе храмы в Леките, разработанные им проекты реставрации древнейших сооружений в г. Смоленске, проекты реставрации Пятницкой церкви в г. Чернигове, отдельных древних сооружений Боровского монастыря в Калужской области, Болдинского монастыря в Смоленской области, Соловецкого монастыря в Архангельской области, а также проект реставрации Крутицкого подворья в Москве и т.д.

Счастливое сочетание в лице Барановского П.Д. глубокого и вдумчивого исследователя архитектурного наследия и талантливейшего практика-реставратора позволило ему внести в практику советской реставрации весьма ценные новые, более совершенные приемы восстановления утраченных архитектурных форм памятников, укрепления последних и их консервации.

В результате его практической деятельности в основу советской реставрации был положен точный математический расчет, исключающий полностью элементы домысла.

Все вышеизложенное обязывает нас, свидетелей его выдающихся успехов в области изучения архитектурного наследия и заслуг в деле сохранения последнего, выдвинуть Барановского П.Д. в качестве достойнейшего кандидата на получение звания члена-корреспондента Академии строительства и архитектуры СССР.

И.В.РЫЛЬСКИЙ,
действительный член Академии архитектуры

ХАРАКТЕРИСТИКА

Петр Дмитриевич Барановский — ученый, посвятивший свою жизнь изучению и сохранению русской архитектуры. После смерти академика П.П.Покрышкина в СССР нет деятеля, столько сделавшего в этой области, как П.Д.Барановский. В отличие от большинства ученых-искусствоведов, строивших работу на скрупулезном изучении литературы и увражей, Петр Дмитриевич полноценно, включая исторический и летописный материал, в основном работает непосредственно над памятниками. Под крышами, под штукатуркой, в местах пристроек к старым стенам ищет и находит подлинные и значительные формы, иногда подтверждая письменные источники и нередко разрушая легенды, накопившиеся в литературе за памятником.

В результате тридцатилетнего изучения и ревизии в натуре древней архитектуры Центральных областей и Севера России Барановским накоплен обширный и ценный поправочный материал к истории русской архитектуры. Громадна заслуга Петра Дмитриевича перед искусством в деле сохранения памятников. С исключительным энтузиазмом и настойчивостью он с первых дней революции организует охрану и восстановление разрушенных памятников г. Ярославля и в дальнейшем развертывает такую же работу в Александрове, Ростове, Юрьеве-Польском, Болдине, Угличе, Коломенском.

Восстановительные работы переходят в интереснейшие сложные реставрации, давшие таким образом восстановления древних форм, как в соборе Юрьева-Польского, Болдина монастыря, Казанского собора, палат Голицына и Троекурова.

Приглашенный на консультацию в Азербайджан по реставрации памятников к юбилею Низами, он открывает руины неизвестных памятников архитектуры Кавказской Албании. Результаты первоначальных раскопок и первые проекты реконструкции, доложенные Петром Дмитриевичем в Академии архитектуры, выявляют памятники мирового значения.

Исключительно инициативе и энергии П.Д.Барановского обязано открытие первого в России музея под открытым небом подлинных памятников архитектуры в Коломенском. Он его организовал, перевез в него домик Петра I, ворота Корельского монастыря, башню Сумского острога и большое собрание экспонатов по русской народной архитектуре.

Академия архитектуры, в обязанности которой входит изучение и охрана наследия прошлого, в лице П.Д. Барановского для работы в этой области будет иметь исключительного знатока и научного деятеля.

Считаю его несомненным кандидатом в члены-корреспонденты Академии.

1947 г.

Г.И.ГУНЬКИН,

архитектор-реставратор

В ЭКСПЕДИЦИЯХ

В Институте истории искусств, где П.Д.Барановский работал по совместительству, за ним была записана тема: «Архитектурно-художественные связи Древней Руси с Кавказом». На одном из заседаний сектора истории архитектуры Петр Дмитриевич предложил мне участвовать в его экспедициях по подготовке материалов. Я отказывался, ссылаясь на то, что никогда не занимался архитектурой Кавказа и имею о ней самые скромные познания. Но с помощью И.Э.Грабаря он уговорил меня принять это предложение.

Первую поездку на Кавказ мы осуществили на специально оборудованной для экспедиций автомашине.

Москва, Тула, Ясная Поляна, Орел, Курск, Харьков... Мелькали города и села, словно кадры в кино. Проезжаем места, связанные с походом князя Игоря, гибелью его дружины. Петр Дмитриевич увлекался «Словом о полку Игореве» и даже имел свою версию авторства этого гениального произведения. Рассказывал о сыне Андрея Боголюбского, его женитьбе на Тамаре — царице грузинской.

Проехали Ростов, едем по кубанским полям, ночуем в степи и наконец — Зеленчукское ущелье, Нижний Архыз, некогда столица Кавказской Албании.

От древних строений города остались только руины, поросшие травой, да три христианских храма, сохраняющих свою объемно-пространственную композицию. В конце XIX в. здесь был мужской Ново-Афонский монастырь. В его братских кельях разместился детский дом, а в двух храмах — склады. Третий — сплошные руины, заросшие бурьяном. Идет визуальное знакомство, фотофиксация, расчистка завалов, обмеры и снова фотофиксация.

Самый маленький четырехстолпный храм расположен в центре монастырской территории. План его построен необычно. Четырехстолбие подкупольного пространства вытянуто по продольной оси «восток-запад», вследствие чего барабан и купол имеют элипсовидную форму. Это, видимо, был первый монументальный храм, выстроенный после принятия христианства местными мастерами, прошедшими все же школу возведения зданий в новой

технике — на известковом растворе, с устройством главы, с окнами, освещающими внутренние помещения.

Второй храм больших размеров тоже в хорошем техническом состоянии. Он выстроен профессиональными мастерами, был восстановлен, но кровля его получила безобразную форму в виде вздутого пузыря, что никак не гармонирует с массами самого храма.

Третий храм разрушен и, видимо, не восстанавливался монахами. Он производит впечатление наиболее совершенного из всех пропорциональной слаженностью масс. Внутри был расписан фресками. Сейчас в нем много мусора от разрушенных стен, сводов. При расчистке мы нашли несколько кусков белого мрамора, видимо, от каких-то украшений. В центральной апсиде открыли от завалов многоступенный снатрон, указывающий на существование в Архызе епископской кафедры. С южной стороны, немного выше, нами был открыт от завалов небольшой храмик, сложенный местными мастерами, видимо, еще до принятия христианства. На территории городища мы их открыли несколько. Все они построены в той же технике, что и жилища горожан: из местного камня на глине.

Следов перекрытий нет. Но они были, надо полагать, из наката слежек с одерновкой, покрытого тонкими шиферными плитами.

Соборный храм разрушился не потому, что был плохо сооружен, а потому, что поставлен рядом с устьем протоки, так называемой «бешеной балки». Устье ее выходит в долину реки Зеленчук близко к апсиде храма. Бурные потоки воды образовали здесь глубокий овраг, что и повлекло за собой сдвиг грунта с северной стороны, а это, в свою очередь, отразилось на состоянии храма: образовалась большая трещина в стенах и подпружных арках, ряд кирпичей из них выпал.

По тонкости объемной композиции, вписанной в окружающую долину, храм этот рисуется очень красиво. Он — двойник храму в грузинском селении Лыхны. Стены его сложены из местного камня. Подпружные арки четырех столбов — из большемерной плинфы, малые арки — из маломерной, а венчающий карниз главы выложен из кирпичей, имеющих радиальную форму с учетом укладки их по кругу барабана.

Из Зеленчука наш путь лежал в соседнее ущелье — Хумары. Там сохранились храмы того же времени (X в.). Они расположены, в отличие от зеленчукских, не в долине, а на вершинах склонов. Отсюда нам — к Дарьяльскому ущелью, к замку Тамары. Делаем привал внизу, напротив замка, ночуем прямо в машине под шум неистового Терека. Утром поднимаемся на вершину, к замку. Фотофиксация, обмеры, исследуем систему водоснабжения — прокладку гончарных труб. Теперь — в Тбилиси. Останавливаемся во дворе дома, где живет академик Г.Н.Чубанашвили. Петра Дмитриевича приглашают на консультацию вновь открытых древних строений из сырцового кирпича...

Из Тбилиси мы отправляемся в Лекитское ущелье (Азербайджан), где Петром Дмитриевичем давно уже, вскоре после СибЛАГа, был открыт храм — некоторое подобие храма в Звартноце (Армения). Барановского занимал вопрос, как сохранить Лекитский храм для будущего, и все усилия он на-

правлял именно на это. Согласитесь, что это куда сложнее, чем написать книгу о том же храме и издать ее!

Поселились у местных жителей на айване, втором этаже. Селение и храм — в сплошных зарослях, словно джунгли. От дома до храма — рукой подать, но подниматься в гору все же тяжело. Делаем расчистку завалов внутри храма и докладку стен из упавших на землю тесаных камней: это не просто — блоки крупные, тяжелые, а у нас всей «техники» только автомобильный домкрат. И Петр Дмитриевич едет в город Талы — договариваться с руководством автоколонны, чтобы приехал кран и поднял камни с земли. Обещают прибыть через три дня. Проходит три дня — автокрана нет. Снова поездка в Талы. И снова обещают — теперь уже через пять дней. И опять обман...

Петр Дмитриевич нервничает, но чувствуется, что у него созрел какой-то план. Спиливаем несколько деревьев, разрезаем их на двухметровые бревна. Привозим к храму. Петр Дмитриевич делится наконец своей идеей. С помощью домкрата блок подвигается к тому участку стены, откуда он упал. Подваживаем блок, подводим под него домкрат, поднимаем, подкладываем бревно, делаем то же самое с другой стороны, затем с третьей... День прошел — и блок занял свое место на стене.

Петр Дмитриевич был всегда находчив, изобретателен. Следует вспомнить и об его упорстве в достижении цели. Помню, как был найден пещерный храм — в отвесной скале, на большой высоте. Никаких средств, чтобы подняться туда, у нас нет. Видимо, раньше для этого пользовались веревочной лестницей, находившейся в шахте-колодце. Шахта узкая, и Петр Дмитриевич решает проблему подъема просто: он упирается ногой в одну стену, потом спиной и руками в противоположную и делает шаг другой ногой. И так постепенно движется вверх. Проходит немного времени, и Петр Дмитриевич уже в камере, обмерив которую, тем же способом спускается вниз. Я же не смог преодолеть и половины высоты.

Вспоминается и другой случай бесстрашия Барановского. Ему нужно было сфотографировать фрагмент первоначальной кладки в Пятницкой церкви. Но как? Лесов нет. И вот он берет доску, выпускает один ее конец далеко от стены, а второй закрепляет. Становится на доску лицом к стене и, пятясь понемногу, доходит до места, откуда нужный ему фрагмент входит в кадр. Фотографирует и возвращается обратно.

Этому научился потом и я, обмерив без лесов, с одной только лестницей, колокольню и храм в Знаменке и еще большей высоты храм в Баловнево. Мне даже и теперь становится страшно, когда я вспоминаю эту акробатику.

В начале 60-х гг. Барановский полностью переключился на памятники Смоленска. Ему отвели для проживания целый ярус крепостной башни. Приезжая в Смоленск, я жил вместе с ним. Его кровать у одной стены, моя — у противоположной. Разговоры до полуночи — и как всегда, о судьбах архитектурного наследия. Здесь он занят реставрацией церкви Петра и Павла, построенной в XII в.

Приведу, кстати, характерный пример взаимоотношений его с рабочими. В бригаду реставраторов был принят каменщик высокого разряда. Перешел он в реставрацию, как говорится, «по любви», ради творческого участия в восстановлении утраченного. В это время как раз восстанавливали барабан и купол храма. Мы с Петром Дмитриевичем уходили по делам в облисполком, а вернувшись, поднялись на леса, чтобы посмотреть работу нового мастера. Петр Дмитриевич долго рассматривал выложенный им участок стены и полуколонки: «Плохо! Никуда не годится твоя работа». Мастер смущен, он в недоумении, он не понимает, в чем дело. Он уверен, что работу выполнил хорошо, ждал похвалы — и вдруг: «Плохо!» Петр Дмитриевич показывает на сохранившийся участок старых стен: «Смотри: полуколонки — прямые, но в то же время будто и не прямые, кладка простенок и полуколонок — словно живая, в ней пульсирует кровь». Мастер молчит, внимательно слушает и видно: все, что говорит Петр Дмитриевич, понимает. Ведь он просто решил «улучшить» работу старых мастеров. Видел, где у них кирпич положен хорошо, а где и с наклоном. И сделал кладку более ровной, «проутюженной»... После этого недоразумений у них с Петром Дмитриевичем уже не возникало.

У Барановского давно был разработан проект реставрации и восстановления утраченных частей главы церкви Петра и Павла в первоначальном виде. Дело в том, что в XVII в. она была почти наполовину разобрана и затем надстроена на значительно большую высоту. И вот в скором времени должны приступить к ее восстановлению. Петр Дмитриевич попросил меня провести консультацию в Москве у К.Н. Афанасьева — крупного специалиста в области архитектурных форм древнерусских мастеров. Афанасьев с охотой взялся проверить высоту воссоздаваемой главы. В Смоленске мы сопоставили расчеты К.Н. Афанасьева с проектом Петра Дмитриевича. Расхождения были несущественные.

Возникли трудности и при восстановлении утраченных капителей полуколонн по наружным фасадам. Каких-либо следов их нет, изображений тоже нет, нет и аналогов-современников. Вообще-то современники есть. Это владимирско-суздальские храмы. Но там — белый камень, а здесь — кирпич. Оставить полуколонны без капителей? Будет непонятно, почему полуколонны незавершены, недостроены. А это был бы, пожалуй, единственный случай в его практике. Приходилось воссоздавать только образное, визуальное сходство самого памятника и этой детали.

Целый день был потрачен на отыскание образного соответствия капители и храма. Мы выкладывали насухо из кирпича ее рисунок, спускались, смотрели, задавая друг другу вопрос: «Ну как?» и отвечая: «Нет. Не то». Снова поднимались и вновь выкладывали капитель в новом рисунке, еще спускались, смотрели и опять взбирались на леса. Только к концу дня нашлось то, что удовлетворило нас обоих. Для Барановского подлинник был святым делом и только он имел право на восстановление.

Выходных дней Петр Дмитриевич не признавал: он всегда что-то доделывал, что-то обдумывал, оставаясь на объекте. Как-то я упросил его по-

ехать со мной в усадьбу Алексино. Он охотно согласился, зная, что я увлекаюсь русским классицизмом, а там как раз сохранился интересный храм-мавзолей Барышниковых. Из управления культуры позвонили в Алексино и уведомили о нашем приезде. Нас сердечно встретили, отвели комнату во втором этаже усадебного дома. Мы проговорили с ним до глубокой ночи.

У Петра Дмитриевича память была феноменальная. Он много рассказывал о князьях смоленских, о первых своих работах в Болдинском монастыре, начатых еще в дореволюционное время. Рассказывал о том, как он, не имея опыта реставрации, все же с честью решил там сложные вопросы сохранения древних построек (ведь археологическая комиссия приговорила Введенскую церковь Болдинского монастыря к сносу), как его проект был высоко оценен княгиней Уваровой. И дело было вовсе не в том, что о его работе говорили лестно, а в том, что открылась возможность спасти памятник.

Утром мы отправились к храму-усыпальнице. Кровли на нем не было давно, своды поросли березняком, да так густо, что пройти и сфотографировать было невозможно. Барановский без минуты промедления пошел, принес топор и вырубил березняк, после чего можно было приступить к фотофиксации. Некоторое время спустя Петр Дмитриевич предоставил в мое распоряжение геодезическую съемку усадьбы Барышниковых, выполненную еще в дореволюционное время.

Петр Дмитриевич был неутомимым тружеником. Он показывал мне собранные им выписки из разных источников о древнерусских зодчих. Материал этот был весьма обширен. Я предложил его опубликовать с приложением чертежей и фотографий, а в качестве помощника в этом рекомендовал Л.И.Антропова — его давнего друга. Петр Дмитриевич соглашался, но повседневная занятость каждого из нас все отодвигала это предприятие на будущее. Так материал и оставался на полке в кабинете Петра Дмитриевича. А ведь в нем — ценнейшие факты истории русской архитектуры, выявлены сотни имен, сотни построек. Вот бы в память о П.Д.Барановском опубликовать эту многолетнюю его работу! Хорошая была бы память о наших предках-строителях и их добром преемнике Петре Дмитриевиче Барановском.

А.С.ТРОФИМОВ,
историк искусств, профессор

ПОДВИЖНИК

Мое знакомство с Петром Дмитриевичем состоялось в 1957 году в доме московских старожилов — семьи Лаврентьевых: в те годы напротив Новодевичьего монастыря по Лужнецкому проезду еще стоял ряд домов соборного причта. Им насчитывалось более ста лет. Своей незатейливой архитектурой и замечательной деревянной резьбой они гармонировали со стенами, башнями и храмами монастыря.

И в самом доме было уютно. Все здесь — и кафельные печи, и рельефные плафоны на потолках обширной квартиры — напоминало обстановку давно ушедшей московской жизни, описанной драматургом А.Н.Островским.

Хозяин квартиры Владимир Сергеевич, близкий знакомый семьи Барановских, решил отметить 65-летие Петра Дмитриевича, о котором я много слышал от Евгения Анатольевича Расторгуева, бывшего в то время председателем комиссии по охране исторических и архитектурных памятников Московской организации Союза художников.

С нескрываемым волнением переступил я порог гостеприимного дома. В глубине комнаты увидел сидящих за столом незнакомых мне людей. Один из них и оказался Барановским. Его сосредоточенный взгляд, неторопливая манера речи, монотонный, чуть глуховатый, голос как-то очень сочетались с покойной тишиной сумрачной, слабо освещенной комнаты.

Прерванный моим приходом монолог продолжался. Барановский говорил о катастрофическом положении с памятниками не только в Москве, но и на периферии: «Наступило время, напоминающее 30-е годы. Необходимо сплотить все культурные силы и отстоять во что бы то ни стало Москву, а по Москве будут равняться остальные города России».

В продолжение вечера он как бы сосредоточился на этой идее. Отдельные попытки присутствовавших перевести монолог в диалог, потому что каждому хотелось дополнить Петра Дмитриевича, не приводили к желаемому результату. Петр Дмитриевич на мгновение останавливался, пристально смотрел на вступающего в разговор, а затем продолжал развивать начатую тему.

При всей внешней невыразительности его речи и незапоминающейся на первый взгляд внешности чувствовалась большая нравственная сила этого неординарного человека.

Прощаясь, он крепко пожал мне руку со словами, что пора приступать к конкретной работе. Возвращаясь от Лаврентьевых, я думал о Барановском, о судьбе, которая уготовила ему на всем жизненном пути одни препятствия, часто непреодолимые в силу создавшихся исторических условий.

Повернуть воспитанное на нигилистическом отношении к культуре сознание масс ему и его единомышленникам было не под силу. Но все-таки его убежденность в правоте своего дела — сохранения исторического наследия нашего народа — принесла свои положительные результаты.

Петр Дмитриевич Барановский был в первых рядах борьбы за сохранение исторического центра Москвы — борьбы, связанной с разработкой второго генерального плана реконструкции столицы и начатой Петром Дмитриевичем еще до основания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в конце 60-х гг., а потом продолженной его сподвижниками и учениками — архитекторами-реставраторами В.А.Виноградовым, О.И.Журиным, М.П.Кудрявцевым, Т.Н.Кудрявцевой, Г.Я.Мокеевым.

Отличительной чертой характера Барановского была целеустремленность. Поставив перед собой задачу, добивался он ее решения бескомпромиссно — до фанатизма, до полного самоотречения. С этой позиции он рассматривал и тех, кто приходил к нему работать, стараясь воспитать в них качества, которыми обладал сам.

Наделенный от природы крепким здоровьем, Петр Дмитриевич как должное выносил лишения во время поездок в глухие места, где не было элементарных житейских условий. Его суровое отношение к себе иногда распространялось на подчиненных и вызывало ропот и неудовольствие. Тем не менее, он твердо шел к своей цели, будучи убежденным, что наступит день, когда люди поймут значение культуры в жизни общества. А пока приходилось ходить по правительственным инстанциям и доказывать правомерность существования того или иного памятника. Таких «походов» сохранилось в моей памяти несколько.

Одним из первых был визит к председателю Совета Министров РСФСР Д.С.Полянскому осенью 1959 г. Доктор исторических наук Николай Николаевич Воронин и Петр Дмитриевич Барановский просили не взрывать древнюю усадьбу, находившуюся на пересечении Малого и Среднего Кисловских переулков.

В XVI в. здесь располагалась Государева слобода. На тогдашней окраине города стояло подворье опричников, которое искал известный русский историк И.Е.Забелин, работая над книгой «История города Москвы». С большим интересом к исследованию усадьбы отнесся И.Э.Грабарь, подтвердивший выводы П.Д.Барановского и Н.Н.Воронина о времени постройки центральной ее части как второй половины XVI в. Исследования показали, что в следующем столетии палаты не перестраивались, за исключением декора наличников окон, которые были отнесены П.Д.Барановским ко 2-й половине XVII в. Позднее, в XVIII столетии, когда усадьба перешла от князей Мещерских к графам Головиным, а затем к купеческой фамилии Зотовых, декор вновь изменился. Фасады получили классическое оформление, исчез-

ли кокошники в наличниках окон, и появился классический портик с шестью плоскими колоннами.

В спасении этой усадьбы принимали участие выдающийся авиаконструктор А.Н.Туполев, директор Московской консерватории А.В.Свешников, члены Комиссии по охране исторических и архитектурных памятников МОСХ С.А.Баулин, В.С.Константинов, А.А.Коробов, М.А.Кузнецов-Волжский, Е.А.Расторгуев, С.С.Чураков, Н.С.Фомичев.

Александр Васильевич Свешников добивался передачи этого здания Московской консерватории с последующей его реставрацией и возвращением исторического облика. Ему отказали.

Последняя попытка предотвратить взрыв: Андрей Николаевич Туполев ранним утром 2 ноября 1959 г. в полной генеральской форме появился во дворе усадьбы. Но и это не произвело должного впечатления. Лейтенант, командовавший взводом саперов, попросил генерала Туполева покинуть двор, поскольку через несколько минут взрывные устройства должны быть приведены в действие. «Я выполню приказ своего начальника», — сказал лейтенант, и никакие обращения Андрея Николаевича к его гражданской совести не смогли повлиять на молодого офицера.

Через два года Петру Дмитриевичу и его единомышленникам суждено было пережить еще одно потрясение. В Витебске, в центре города, в пределах древней цитадели был взорван древнейший памятник русской архитектуры — Благовещенская церковь, современница похода Новгород-Северского князя Игоря Святославича на землю Половецкую в 1188 г.

Нашей комиссии по охране памятников стало известно о подготовке церкви Благовещения к взрыву. Мы не поверили. Ведь казалось, что время преднамеренного уничтожения исторических памятников прошло. Какие веские доводы могло выдвинуть правительство Белоруссии в защиту своих позиций? В сущности, никаких. Церковь стояла в городском саду и не мешала ни людям, ни транспорту. А причины сноса в обоих случаях — как с подворьем опричников в Москве, так и с церковью в Витебске, с нашей точки зрения, были попросту смехотворны.

В первом случае якобы понадобилась площадка в центре города для постройки средней школы, в которой должны были учиться дети лиц, проживавших на улице Грановского (в это же самое время по Москве закрывались школы из-за отсутствия необходимого количества учеников). Во втором — понадобилась танцевальная площадка для молодежи города Витебска!

Мы сделали запрос в Управление изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР и получили ответ, что нам не следует вмешиваться в культурную политику Белорусской ССР. Тогда мы предприняли последнюю отчаянную попытку предотвратить катастрофу и вылетели в Витебск. Петр Дмитриевич не предполагал, что мы встретим не только равнодушное, но и враждебное отношение руководителей горисполкома к нам и нашим просьбам, хотя эти просьбы были отнюдь не личного, а общественного характера. Никакие доводы не помогли, и нам посоветовали покинуть город. Вдогонку было сказано: «Не мешайте строить новую жизнь!»

Телеграмма, посланная нами на имя первого секретаря ЦК КП Белоруссии К.Т.Мазурова, возможно, только ускорила разрушение храма. Он был взорван через три дня после нашего отъезда из Витебска.

На исходе 1964 г. полным ходом шла «чистка» Москвы и Подмосковья в преддверии разработки и утверждения нового генерального плана реконструкции столицы. Это заставило нас искать встречи с тогдашним министром культуры СССР Е.А.Фурцевой.

Петр Дмитриевич готовился к встрече тщательно, со свойственной его характеру пунктуальностью, чтобы не упустить самого главного — рассказать о бессмысленном разрушении памятников Москвы и других исторических городов. Поступали тревожные известия о разборке храмов в Суздале, Владимире, Пскове, Калуге, Туле, Вязьме. Мособлсовет пытался снять с охраны ансамбль памятников Троице-Сергиевой лавры. В Загорске (ныне Сергиев Посад) разобрали деревянную церковь XVII в. на Ильинской горе и блинные лавки XVIII—XIX вв. у стен монастыря. Были взорваны торговые ряды XVIII в. в городе Романове на Волге (ныне г. Тутаев). Псковское областное руководство хлопотало о закрытии Псково-Печерского монастыря и использовании его исторических построек под машинно-тракторную станцию. В Ленинграде подготавливали к сносу всемирно известное Никольское кладбище Александро-Невской лавры, были взорваны Путевой дворец на Средней Рогатке архитектора Бартоломео Растрелли и собор Спаса на Сенной площади, построенный в 1765 г. Андреем Квасовым.

В приемной министра предупредили, что в нашем распоряжении будет не более 10 минут. Петр Дмитриевич попытался что-то объяснить помощнику министра, но тот привычным движением руки открыл дверь, и мы очутились в просторном кабинете. Екатерина Алексеевна предложила сесть и сразу же спросила, что заставило нас прийти к ней. Петр Дмитриевич начал говорить о том, как неблагополучно у нас обстоят дела с памятниками архитектуры и что он рассчитывает на ее помощь и поддержку в деле их охраны и реставрации.

Екатерина Алексеевна сделала гримасу, обозначавшую полное неудовольствие, и, прервав Барановского, сказала, что, по ее мнению, памятников у нас в стране слишком много и всеми ими заниматься невозможно, да и ни к чему. У государства есть вопросы поважней сохранения памятников. Тут она повторила весьма расхожее в то время выражение: «Мы подходим к коммунизму, а людям жить негде!» К ужасу Барановского, да и всех присутствовавших, она стала говорить о намерении снести все, что нам мешает строить коммунистические города. Кто-то из комиссии, кажется, архитектор Петр Петрович Ревякин, спросил Фурцеву, какими же должны быть, по ее мнению, коммунистические города? Она ответила, что архитекторы должны это лучше знать, но уж, конечно, без церквей. Потом, немного помолчав, сказала как бы себе самой, смотря куда-то в сторону, что, будь ее воля, она отдала бы все церкви Московской Патриархии: и денег не нужно было бы тратить, и хлопот меньше.

Мы возвращались домой с чувством безысходности. Петр Дмитриевич съежился, еле волочил ноги и упорно молчал. Я понимал, что он глубоко переживает услышанное и ищет выход из создавшейся ситуации.

На следующее утро он позвонил мне и глухим, твердым голосом сказал, что всю ночь не спал и пришел к убеждению: нужно создавать общественное мнение путем пропаганды. Его мысли совпали с намерениями комиссии МОСХа по охране памятников. К этому времени мы уже подготовили большую выставку произведений живописи, графики и скульптуры, которая была экспонирована спустя два года в выставочном зале на Кузнецком мосту. Выставка пробудила патриотические настроения общественности, способствовала появлению других выставок, связанных с этой тематикой, публикациям о них в периодической печати. На волне общественного движения и возникло Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. В его образовании приняли активное участие комиссии МОСХа Комитета защиты мира и Союза писателей РСФСР.

Петр Дмитриевич никогда не успокаивался на достигнутом. После образования Общества он сразу же приступил к организации реставрационной мастерской при Московском отделении, где бы он мог, обладая богатым опытом, создать школу реставраторов. И такая школа была создана, и без официальной вывески молодые люди получали в ней высокую профессиональную подготовку, обучаясь у выдающегося мастера.

Трудно было переоценить значение этой школы-мастерской в Крутицком подворье, на базе которой были восстановлены многие замечательные памятники Москвы, включая и сам архитектурный ансамбль подворья.

Жизнь Петра Дмитриевича приближалась к концу. Он реже бывал на заседаниях Общества, стал поговаривать о передаче своего архива Государственному Историческому музею.

Запомнилось мне совместное посещение мемориального памятника — дома великого русского актера М.С.Щепкина. Это произошло в конце зимы 1975 г.

В обследовании дома Щепкина по улице Ермоловой, 16 (Большой Каретный переулок) кроме нас с Петром Дмитриевичем приняли участие члены комиссии охраны памятников МОСХа А.А.Коробов, С.А. Баулин и М.М.Успенский.

М.М.Успенского, как большого специалиста по организации мемориальных музеев, интересовали интерьеры этого дома. В то время он работал над восстановлением квартиры композитора Н.А.Римского-Корсакова в Ленинграде.

Будучи знакомым с Екатериной Алексеевной Фурцевой, Успенский в организации Музея-квартиры М.С.Щепкина надеялся на ее помощь, а также на поддержку Малого театра.

По глубокому снегу мы прошли через сад, уже не имеющий ограды, и поднялись по кривой лестнице на второй этаж. Дом казался необитаемым, и лишь на антресолях теплилась жизнь. Нас встретил глубокий старец и провел в комнаты с низкими потолками и старинными печами, еще давав-

шими тепло. С трепетом душевным мы ступали по половицам, которые были свидетелями частых посещений друзей Михаила Семеновича — А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, В.Г.Белинского, А.И. Герцена, И.С.Тургенева, Т.Н.Грановского, С.Т.Аксакова...

Не только обстановка квартиры казалась нам сохранившейся с тех далеких времен, но и любезно встретивший нас ее хозяин. Он обратил наше внимание на старинное бюро, стоявшее в углу комнаты, около окна, и объяснил, что эта вещь, по преданию, принадлежала М.С. Щепкину. После его смерти квартира и бюро вместе с ней перешли к детям, далее — к внукам. Наследники, по всей вероятности, еще долгое время сохраняли за собой этот дом. Сам же Михаил Семенович провел последние годы жизни на 3-й Мещанской. Мы слушали, затаив дыхание. Нам казалось, что вот-вот из соседней комнаты через арку, закрытую тяжелыми портьерами, выйдет сам Щепкин.

Петр Дмитриевич, предчувствуя скорую гибель этого дома, впал в угнетенное состояние. Прощаясь с нами, он сказал, что если мы не добьемся спасения дома, тогда надо распустить Общество.

Как оказалось впоследствии, никакие доводы в пользу открытия музея великого русского актера не возымели действия. Через пять лет дом был снесен.

В конце 70-х гг. наступил резкий перелом в физическом состоянии Петра Дмитриевича. Он жаловался на боли в суставах и потерю зрения. В таком состоянии я застал его в одно из последних посещений тесной кельи Новодевичьего монастыря. Барановский сидел на кровати, набросив на плечи пальто, ежился от холода и повторял: «Какая скверная вещь старость». И все же он еще надеялся многое осуществить.

Главным предметом его забот был Болдинский Троицкий монастырь, который он начал исследовать и проводить в нем реставрационные работы еще до войны. Барановский мечтал завершить начатое в финале своей жизни. Отвлекли неприятности, возникшие в возглавляемой им мастерской на Крутицком подворье и приведшие к ее закрытию. Это, естественно, не могло не сказаться на его здоровье. До сих пор остаются неясными причины, побудившие высокую администрацию к столь необдуманному шагу, нанесшему огромный вред делу реставрации памятников архитектуры столицы. А ведь Петр Дмитриевич стремился завершить восстановительные работы на Крутицком подворье к началу 80-х гг. Этими последними трудами он как бы подводил итог своей героической жизни, полной лишений, борьбы, глубоких переживаний за судьбу русской культуры.

Ансамбль памятников Крутицкого подворья стал лебединой песней замечательного реставратора. Сюда он вложил весь свой талант и последние силы, раскрыв перед современниками образ древней архитектуры.

Русская история дала миру немало подвижников, приобщавших народ к вершинам духовности, самоотречению и подвигам во имя Отечества. К их числу принадлежит и Петр Дмитриевич Барановский.

А.А.КАРНАБЕД,
архитектор-реставратор

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ «ПЯТНИЦЫ»

Из акта Чрезвычайной государственной комиссии от 15—21 декабря 1943 г.: «Пятницкая церковь конца XII — начала XIII в.— один из самых редких и замечательных памятников древнерусского искусства великокняжеской эпохи, сожжен немецкими зажигательными снарядами в части кровель и внутри здания при бомбардировке 23 августа 1941 г., а затем разрушен фугасными бомбами 25 сентября 1943 г.: обрушилась глава, большая часть сводов, два западных пилона и большая часть западной и южной стен».

В акте указывались также разрушения, причиненные и другим уникальным сооружениям Чернигова, — в том числе Спасскому (нач. XI в.), Борисоглебскому и Успенскому (XII в.) соборам.

Акт подписали эксперт Чрезвычайной комиссии П.Д.Барановский, украинский архитектор Ю.С.Асеев и старший научный сотрудник Черниговского исторического музея А.А.Попко.

Однако в заключение комиссии не вошло то, что и некоторые более-менее уцелевшие памятники продолжали разрушаться, и виной тому были уже не оккупанты. Докладывая 10 декабря 1944 г. на заседании ученого экспертного совета по вопросам охраны и реставрации памятников в Киеве, Петр Дмитриевич с болью говорил: «В Спасском соборе, менее всего поврежденном, и действующем, храме, я застал девять печей-времянок, фасад собора окружен трубами и закопчен, а внутри собор — это просто хата, топящаяся по-черному. Я принял меры через старосту и духовенство, через епископа, и нам удалось это ликвидировать. А вот собор Елецкого монастыря занят воинской частью, в южном приделе, где имеются фрески, свалена соль... замечательный домик Феодосия Углицкого... занят жильцами... и не исключены пожары в этом доме, здание архиерейского дома перестраивается под городской театр, что, конечно, нежелательно, так как может помешать музейной эксплуатации этого памятника... и самое ужасное в этом монастыре то, что мы застали снос трапезной палаты (ему удалось остановить разборку.— *А.К.*), замечательное здание Черниговской академии, интересное не только в культурном отношении... очень сильно искажено, оно приспособлено под военные задачи, а в соборе Троицкого монастыря забелена живопись, это уже церковниками».

Подводя итог увиденному в Чернигове, Петр Дмитриевич вынужден был констатировать, что «за все предыдущие годы не было нанесено столько вреда памятникам Чернигова, как в последние годы».

Петр Дмитриевич вместе с начальником Управления по делам архитектуры при СНК УССР Малоземовым побывал на приеме у тогдашнего его председателя Н.С.Хрущева. Потом он не раз с благодарностью вспоминал об этой встрече и о той помощи, которую Никита Сергеевич оказал ему, точнее — памятникам Чернигова, и, в первую очередь, Пятницкой церкви. Было дано распоряжение Госплану Украины «немедленно отпустить необходимые цемент, известь, толь и гвозди», а тресту передвижки и разборки зданий «взять на себя производство специальных работ по памятнику».

И уже в декабре 1945 г. в специальном акте было отмечено, что «работы по консервации архитектурного памятника XII в. Пятницкой церкви... выполнены... в соответствии с указаниями начальника отдела реставрации памятников проф. Барановского в тяжелых метеорологических условиях при температуре воздуха —15 градусов Цельсия... и приняты с оценкой «хорошо».

«В соответствии с указаниями»... Надо было видеть Петра Дмитриевича в момент исследования «Пятницы»: готовые вот-вот рухнуть остатки стен — и взбирающегося на них человека! Помню, мне показалось, что кладка под ним начала колебаться, и я чуть не испугал его едва сдержанным воплем: «Петр Дмитриевич, осторожно, она качается!»

Признаюсь честно, мне, тогдашнему учащемуся архитектурного отделения техникума, это казалось в какой-то мере лихачеством. А для Барановского было необходимостью все «потрогать своими руками». Так врач бережными движениями пальцев ощупывает тело больного, определяя пораженные участки, а для Петра Дмитриевича «Пятница» с 1943 г. стала больным, тяжело раненным ребенком, которого во что бы то ни стало надо было вы́ходить.

Понял я его гораздо позднее, когда, уже окончив институт, вернулся в родной город, и наши встречи стали более частыми, практически ежедневными.

Каждый шаг в восстановлении, и прежде всего в консервации сохранившегося, был подвигом как со стороны руководившего работами Барановского, так и со стороны рабочих: малейшая неосторожность могла обернуться катастрофой.

Бережно и кропотливо исследовал Петр Дмитриевич каждый метр сохранившейся стены, каждую деталь, найденную в развалинах. Ему удалось выявить трехступенчатые кладки, закомары-кокошники, открыть первоначальный архитектурный декор церкви, свидетельствующий (сошлюсь на составителя паспорта на Пятницкую церковь З.Петрову и корректировавшую этот документ Л.Граужис) «о взаимном культурном влиянии черниговской и московско-суздальской архитектуры XII—XIII вв».

П.Д.Барановским был научно воссоздан первоначальный вид Пятницкой церкви. Сохранился акварельный рисунок архитекторов В.Волкова и

А.Пшеничного, выполненный ими в январе 1945 г. в Киеве для доклада Барановского в отдел охраны памятников, где Пятницкая церковь с трехступенчатыми закомарами-кокошниками изображена рядом с колокольней А.Карташевского, правее виден курган-памятник защитникам Чернигова от татарского нашествия 1239 г. На втором плане — восстановленная в первоначальном виде Воздвиженская церковь, а вдали, левее Пятницкой, — силуэты Спасского, Борисоглебского соборов и Коллегиума на Детинце-валу. «Пятница» и колокольня изображены в окружении невысокой каменной ограды.

То, что замышлял Барановский, было новым, технологически неизвестным. Сборка разрушенных памятников по принципу склейки разбитых горшков! «Я думаю, что ... сейчас имеются все основания и предпосылки и нашей обязанностью является поставить это дело на должную высоту и воссоздать наши памятники в натуральную величину не как модели, а как подлинные и драгоценные памятники», — мысль ученого, реставратора-аналитика идет от частного явления (Пятницкой церкви) к целому — задаче воссоздания всех пострадавших от фашистского нашествия памятников.

Творческое кредо мастера, высказанное им еще в 1944 г., было поддержано в 55-м на заседании архитектурного совета Управления по делам архитектуры при Совмине УССР: «Все основные положения проекта восстановления ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБРАЗА ЗДАНИЯ возражений не вызывают и могут быть полностью приняты».

Утвержденный на основании этого заключения проект реставрации Пятницкой церкви начал реализовываться в том же 1955 г.

Однако не надо думать, что шли эти работы, так сказать, в обстановке наибольшего благоприятствования. В Чернигове, да и не только, было немало сил, всячески противодействовавших устремлениям тех, кто пытался спасти памятники отечественной градостроительной культуры. Вот характерный документ: письмо бывшего главного архитектора Чернигова П.Ф.Букловского главному редактору газеты «Радянське мистецтво». Автор не скрывает своих устремлений: «... Пятницкую церковь не восстанавливать... разобрать остатки Екатерининской церкви ... разобрать своды Борисоглебского собора... снести остатки стен бывшей трапезной Елецкого монастыря», так как «обломки не дают возможности благоустроить место».

Вспоминая крайне негативное отношение автора генплана города П.Ф.Панчука, многих других черниговских и киевских проектировщиков и руководителей к проектным предложениям П.Д.Барановского по восстановлению Пятницкой церкви и особенно по формированию ее пространственного ансамбля-заповедника, включающего комплексы памятников архитектуры и истории — древнего Детинца-кремля (вала), Елецкого монастыря, Воздвиженской церкви, ясно вижу, сколько физических и моральных сил нужно было приложить Петру Дмитриевичу для того, чтобы реализовать хотя бы то, что ему удалось.

В сохранившейся у меня записке Барановского «Пятницкий храм XII в. и его колокольня начала XIX в. в Чернигове» дана оценка обоих этих па-

мятников, образ которых «является ярким отражением двух высочайших взлетов народной культуры и искусства нашей Родины. Пятницкий храм — последнее и одно из самых замечательных достижений высокой культуры домонгольской Руси, гениальная «лебединая песня» искусства, равно как и его черниговский же современник — непревзойденное «Слово о полку Игореве». Колокольня при храме — это художественный образ возрождения культуры украинского народа в начале XIX века — первое из произведений, отразивших в архитектурном искусстве прогрессивные национальные устремления в эпоху, породившую великого Тараса Шевченко».

С такой оценкой можно соглашаться или не соглашаться, но то, что колокольня, возведенная Антоном Карташевским, стала неотъемлемым элементом Пятницкой церкви, ее архитектурно-пространственного ансамбля, мне представляется вполне обоснованным.

Но не так судили тогдашние руководители горисполкома, облисполкома и их архитектурных служб. В то время, как не только Барановский, но и такие известные ученые, как М.К.Каргер, Г.Н.Логвин, Г.М.Штендер, Ю.А.Нельговский доказывали необходимость «сохранить колокольню как сооружение, которое дает представление о характере архитектуры комплекса до его реконструкции и содействует лучшим условиям эксплуатации и экспозиции основного памятника», местные геростраты — начальник облотдела по делам архитектуры Гребницкий и главный архитектор города Сергиевский сделали свое дело: историческая среда была уничтожена. Нет колокольни, нет церковной ограды, нет кургана-памятника.

В этих условиях само восстановление Пятницкой церкви в ее первоначальном виде было чудом. И Барановскому было дано это чудо сотворить.

С 1959 г. П.Д.Барановский полностью взял на себя авторский надзор за воссозданием памятника, многократно изучая, выискивая в сохранившихся конструкциях, на стенах, закомарах малейшие следы, позволяющие достоверно восстановить начертание арок, формы и размеры оконных проемов, северного, наиболее загадочного, портала, размеры и формы подбарабанного кольца, начертания парусов и других элементов памятника.

В «Отчете» о научно-техническом руководстве реставрационными работами по Пятницкой церкви за 1959 г. Барановский писал, что «специфика реставрации данного памятника, при его уникальности в русской и мировой архитектуре, при недостаточной изученности близких явлений в архитектуре как у нас, так и за рубежом, при фрагментарности сохранившихся подлинных элементов и при ОСТРОЙ ИХ АВАРИЙНОСТИ создавали условия, совершенно отличные от обычных, и диктовали необходимость НЕПРЕРЫВНОГО АВТОРСКОГО РУКОВОДСТВА НА САМОМ ОБЪЕКТЕ».

Обосновывая это «самое важное условие» восстановления полуразрушенного памятника по эскизному проекту, по схеме, дающей только основное направление для научно-исследовательской мысли, П.Д.Барановский настойчиво повторял, что без соблюдения этого условия все дело реставрации такого памятника «было чревато отрицательными последствиями и ут-

Коломенское. У фасада церкви Иоанна Предтечи
(справа-налево: П. Д. Барановский, В. К. Клейн,
Н. Д. Барановская с Олей Барановской, Е. Н. Барановская,
З. И. Клейн, Юля Клейн)

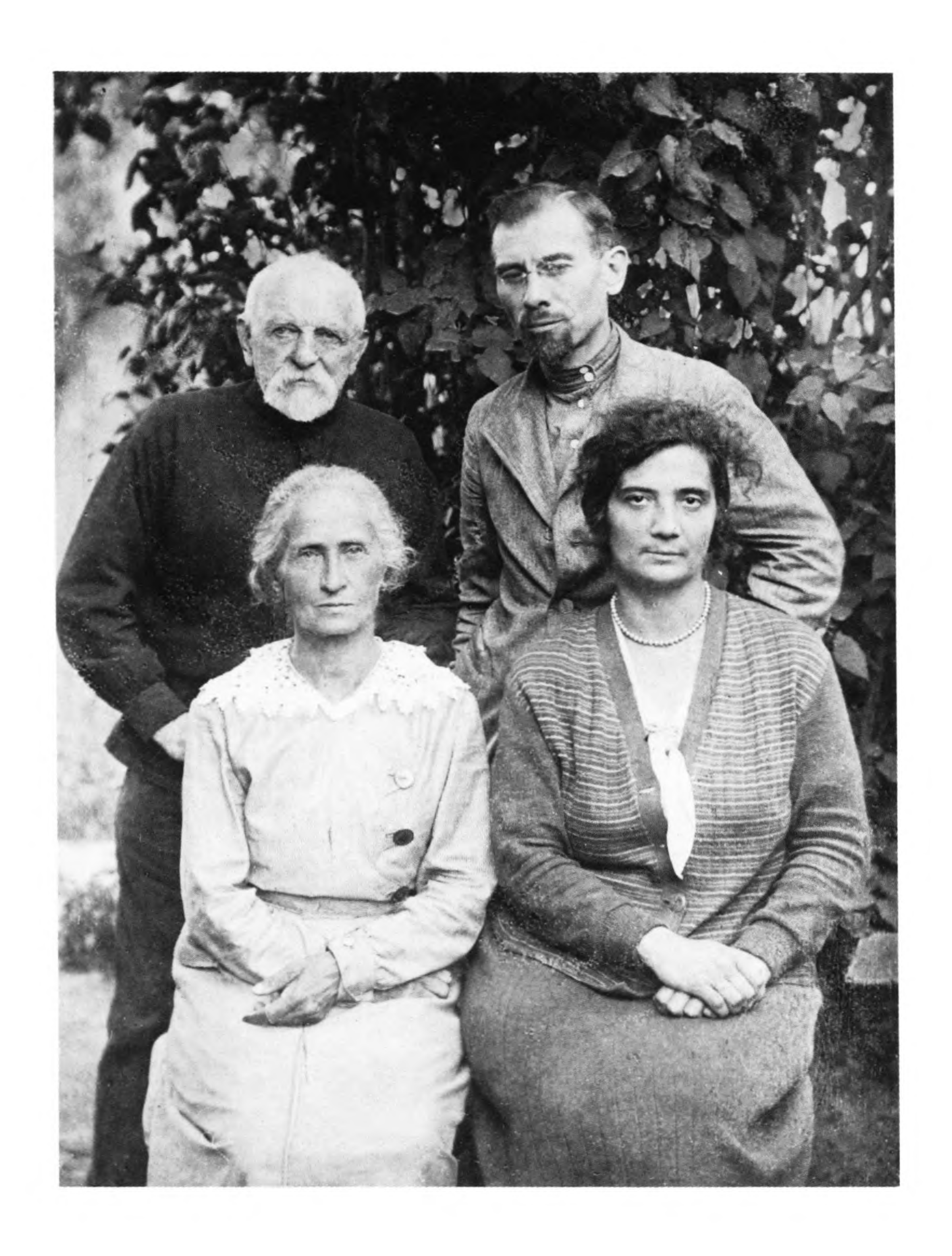
Трон великого князя Василия III *(проект реставрации П. Д. Барановского)*. Коломенское. Церковь Вознесения

Коломенское. Башня Николо-Корельского монастыря

П. Д. Барановский *(30-е гг.)*

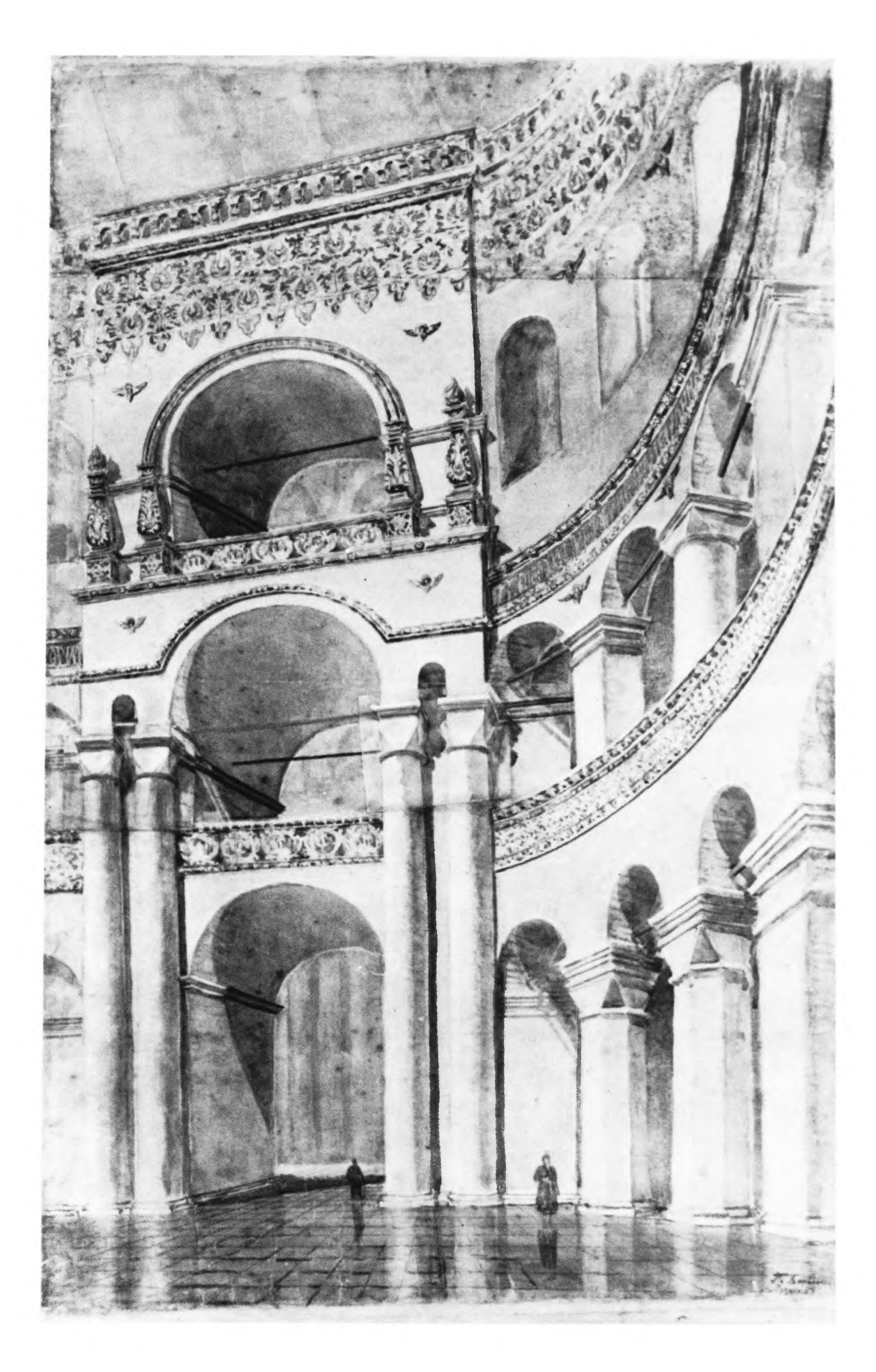
И. Ф. Борщевский, Е. И. Борщевская,
П. Д. Барановский, М. Ю. Барановская *(30-е гг.)*

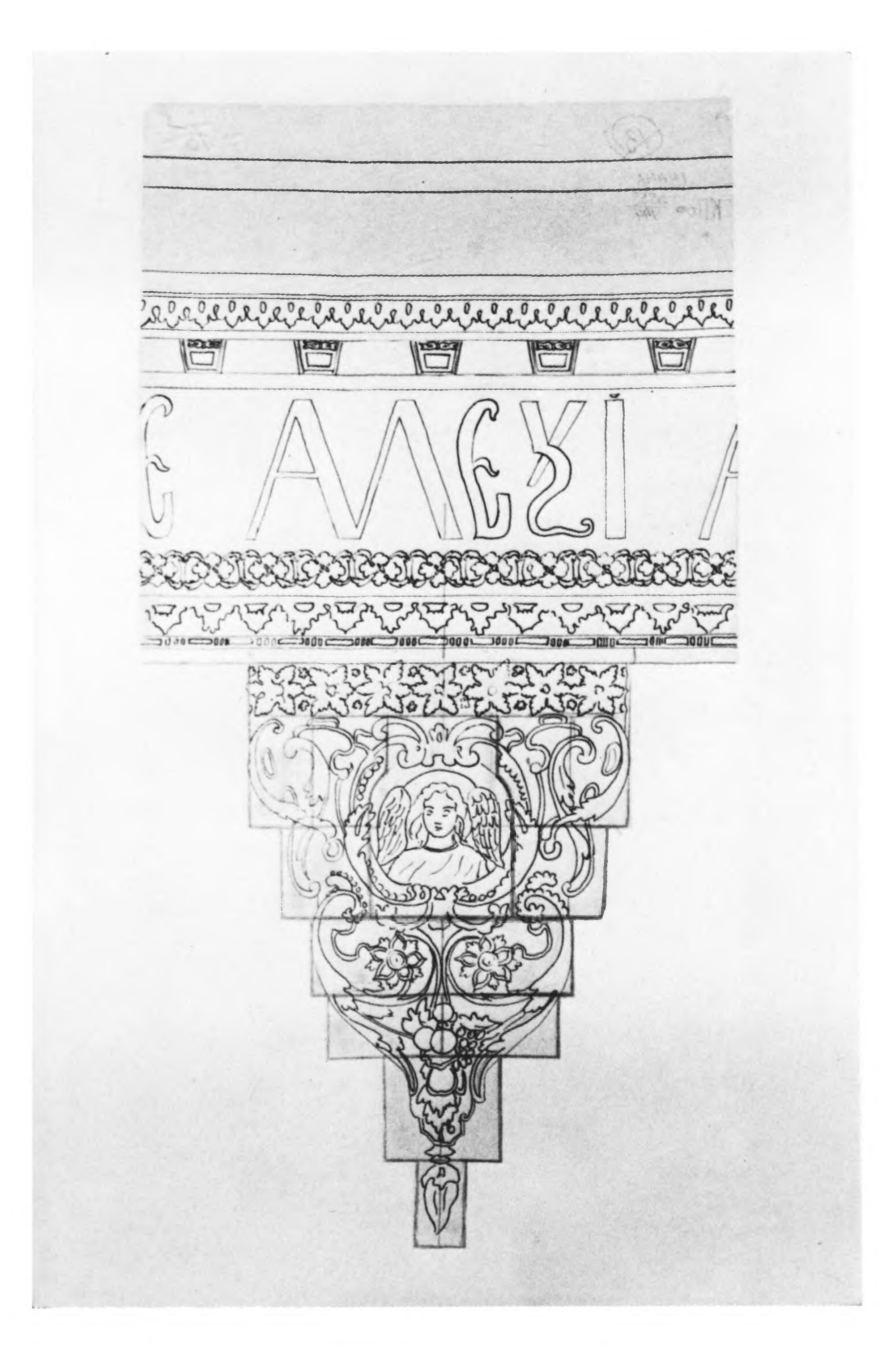
По дороге в Новый Иерусалим. П. Д. Барановский
и И. Г. Эренбург с женой

Ново-Иерусалимский Воскресенский монастырь

Проект-реконструкция первоначального вида интерьера Воскресенского собора в Ново-Иерусалимском монастыре

Фрагмент изразцового фриза барабана
Воскресенского собора в Новом Иерусалиме

Новый Иерусалим. П. Д. Барановский.

П. Д. Барановский с коллегами

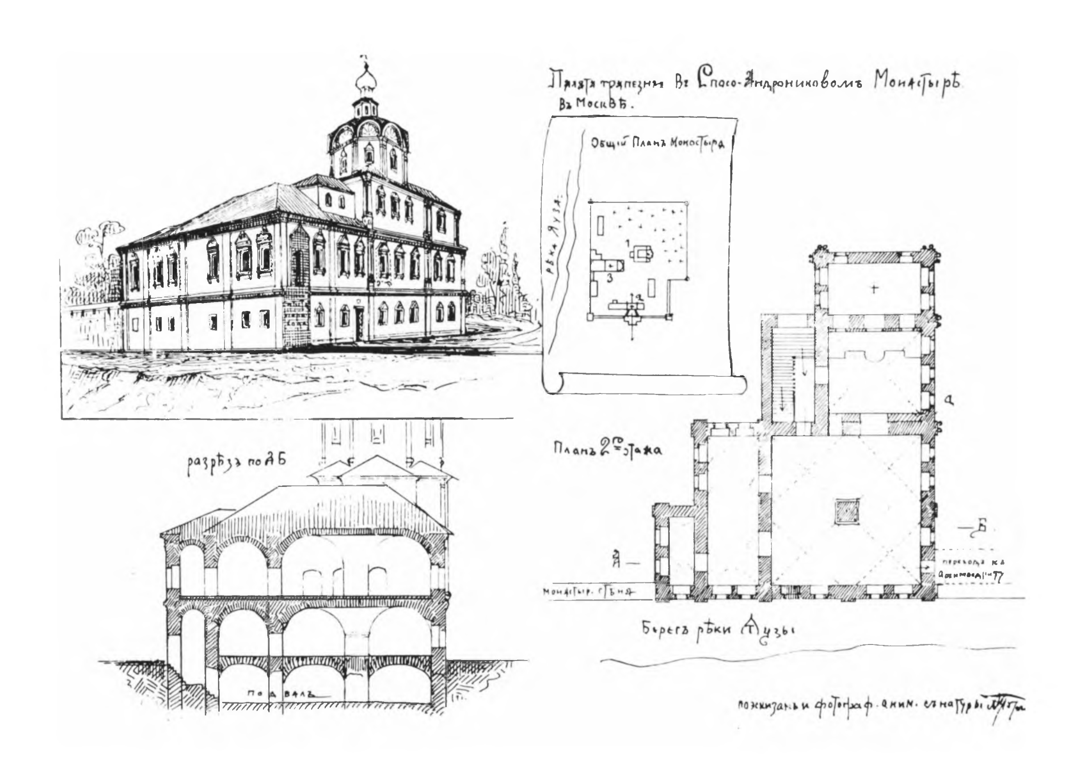
И. В. Петрянов-Соколов, П. Д. Барановский *(60-е гг.)*

Андроников монастырь. Вид со стороны Москвы-реки
(после реставрации стен, башен, Архангельской церкви)

Андроников монастырь. Архангельская церковь *(XVIII в.)*
в процессе реставрации *(40-е гг.)*

Обмерные чертежи, поэтажные планы трапезной палаты и Архангельской церкви Андроникова монастыря

ЛѢТ ҂ЅЦЛИ

ЧЕН КА ИГНАТ

БОГОНОСЦА С СУББОТ

НОЩИ НЫ АНДРЕЙ

ПИСАША ИКОНЫ СВЯТ И

ПРОЗВ РУБЛЕВ СХИМЕ

ЗѢЛО УКРАШЕН БЫТИЯ В СЕМ

ЛѢТ ҂ЅЦЛИ ГЕНВАРЯ В КѲ ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ
ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МУЧЕНИКА ИГНАТИЯ
БОГОНОСЦА ПЕРЕНЕСЕНИЯ МОЩЕЙ С СУББОТЫ НА ВОСКРЕСЕНЬЕ В...
ЧАСУ НОЩИ ПРЕСТАВИСЯ ИНОК СПАСО АНДРОНИКОВА МОНАСТЫРЯ АНДРЕЙ
ПРЕИЗРЯДНО ПИСАША ИКОНЫ СВЯТЫХ ПРИСНОПАМЯТНЫЙ
МУЖ ПРОЗВАННЫЙ РУБЛЕВ СКОНЧАЛСЯ В СХИМЕ
ДОБРОДЕТЕЛМИ ЗѢЛО УКРАШЕН ЕГО БЫТИЯ В СЕМ МИРѢ
... ЛЕТ И ПОГРЕБЕН БЫСТЬ НА СЕМ МѢСТѢ

Реконструированный П. Д. Барановским
текст надгробной плиты Андрея Рублева

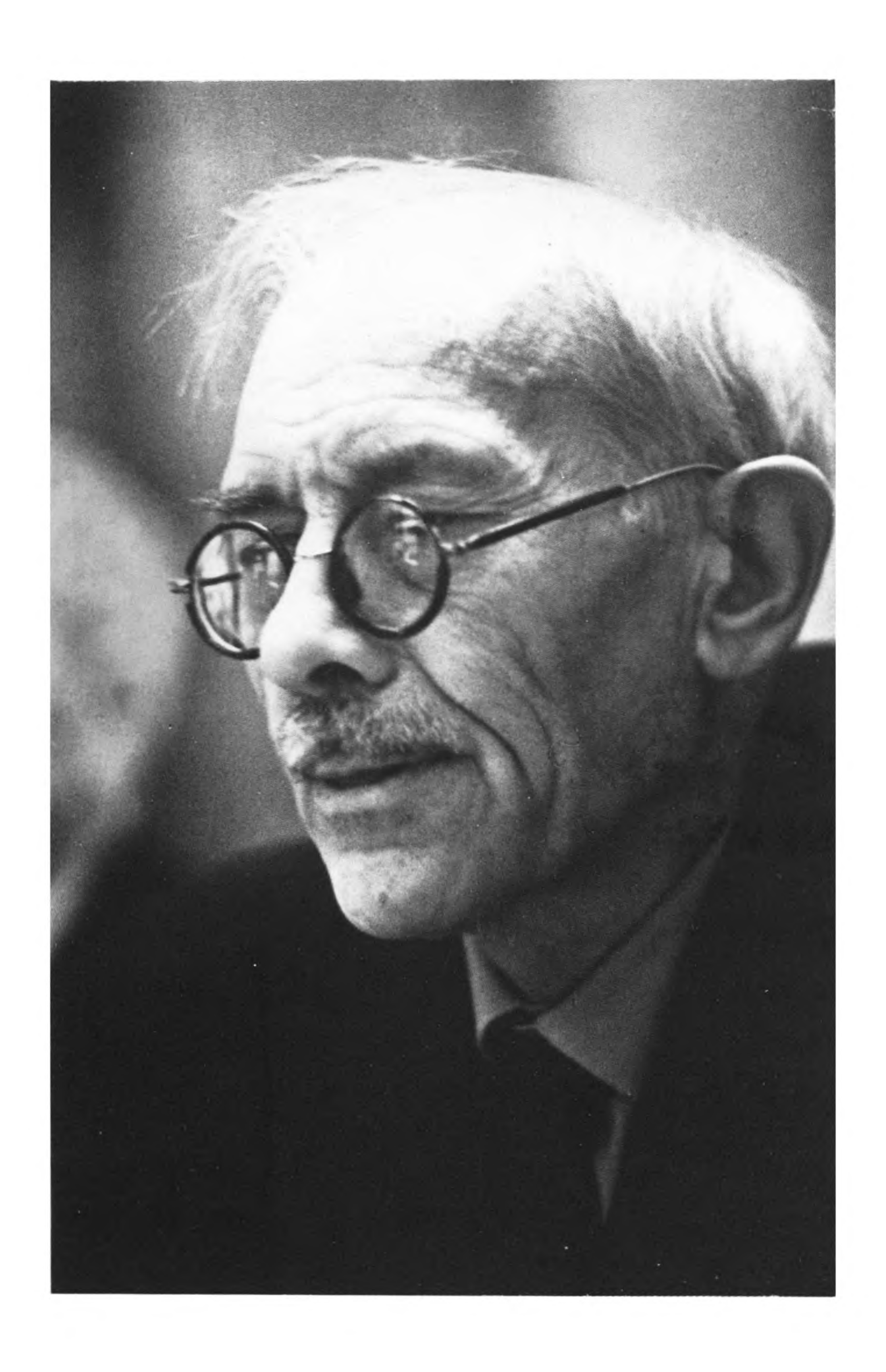
Смоленск. Церковь Петра и Павла *(XII в.)*
начало реставрационных работ

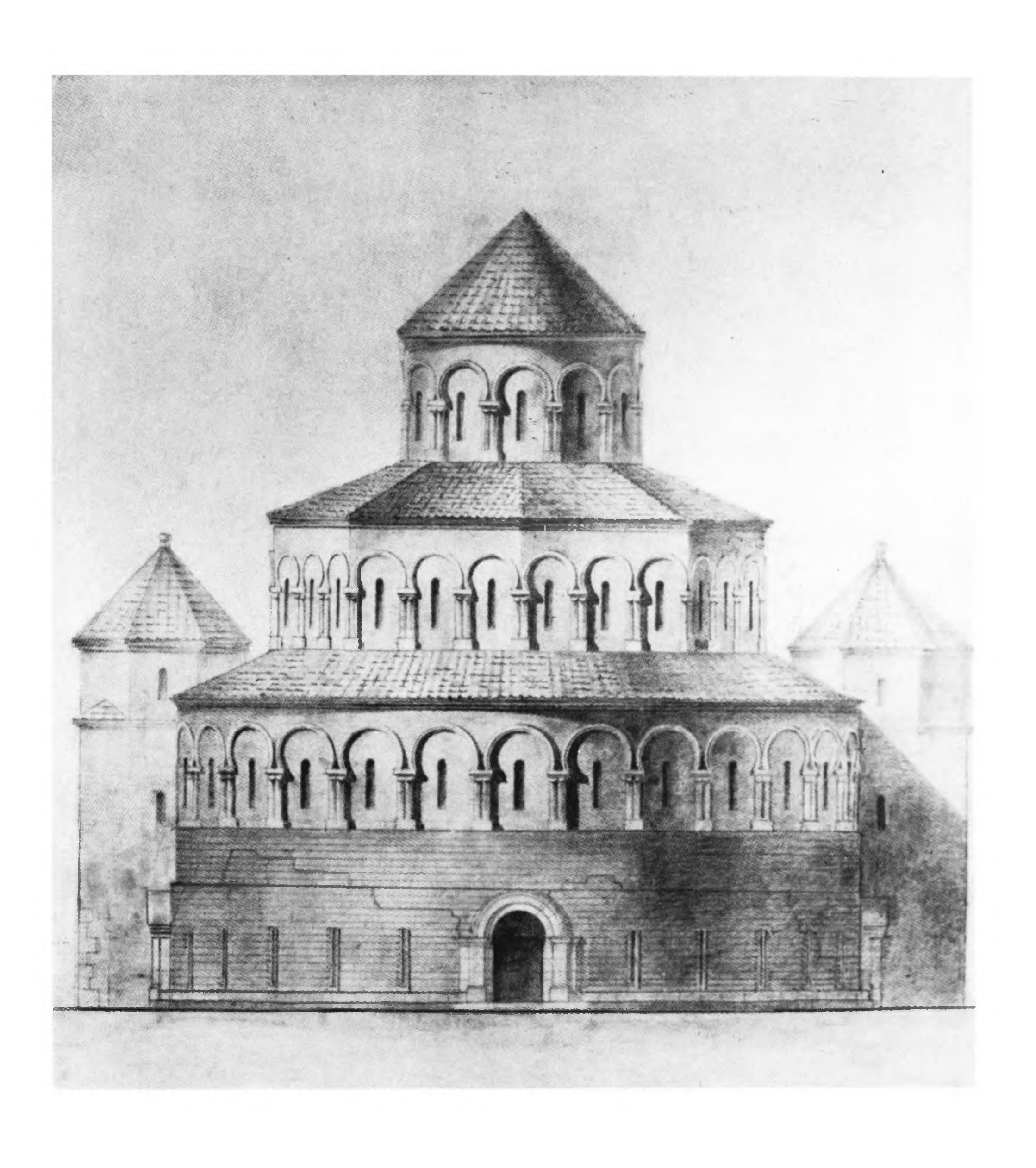
Смоленск. Церковь Петра и Павла.
(Проект реставрации П. Д. Барановского; вариант)

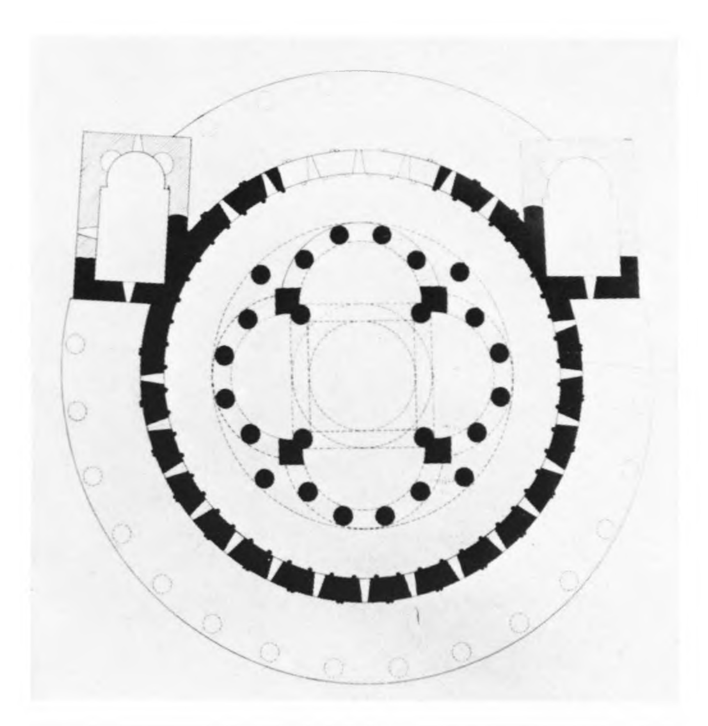
Смоленск. Церковь Петра и Павла после реставрации
(нач. 60-х гг.)

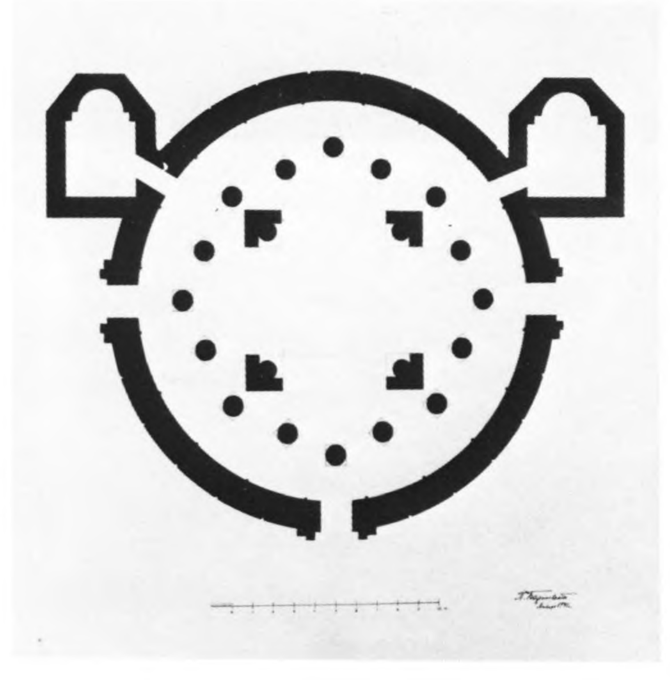

П. Д. Барановский *(70-е гг.)*

Азербайджан. Лекитский храм, VI в. *(проект реконструкции)*

Азербайджан. Лекитский храм
(план 1-го и 2-го этажей)

Армения. Звартноц. П. Д. Барановский *(слева)*,
академик Г. Н. Чубинашвили *(в центре)*

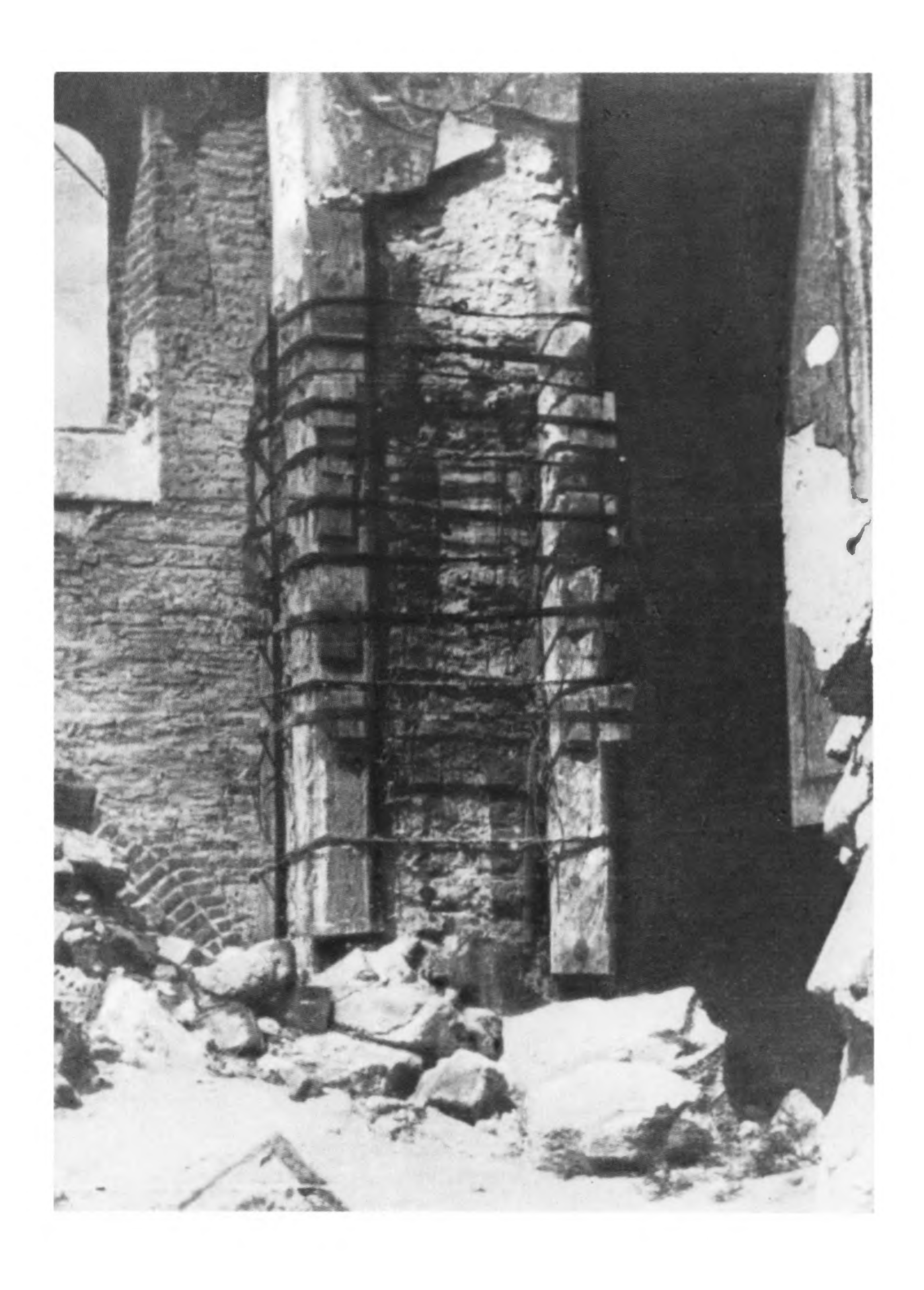
Реставрация Нуханского дворца в Азербайджане
(П. Д. Барановский — в центре)

Чернигов. Церковь Параскевы Пятницы
перед Великой Отечественной войной

Чернигов. Церковь Параскевы Пятницы.
Видоизменение за восемь веков *(рис. А. А. Карнабеда)*

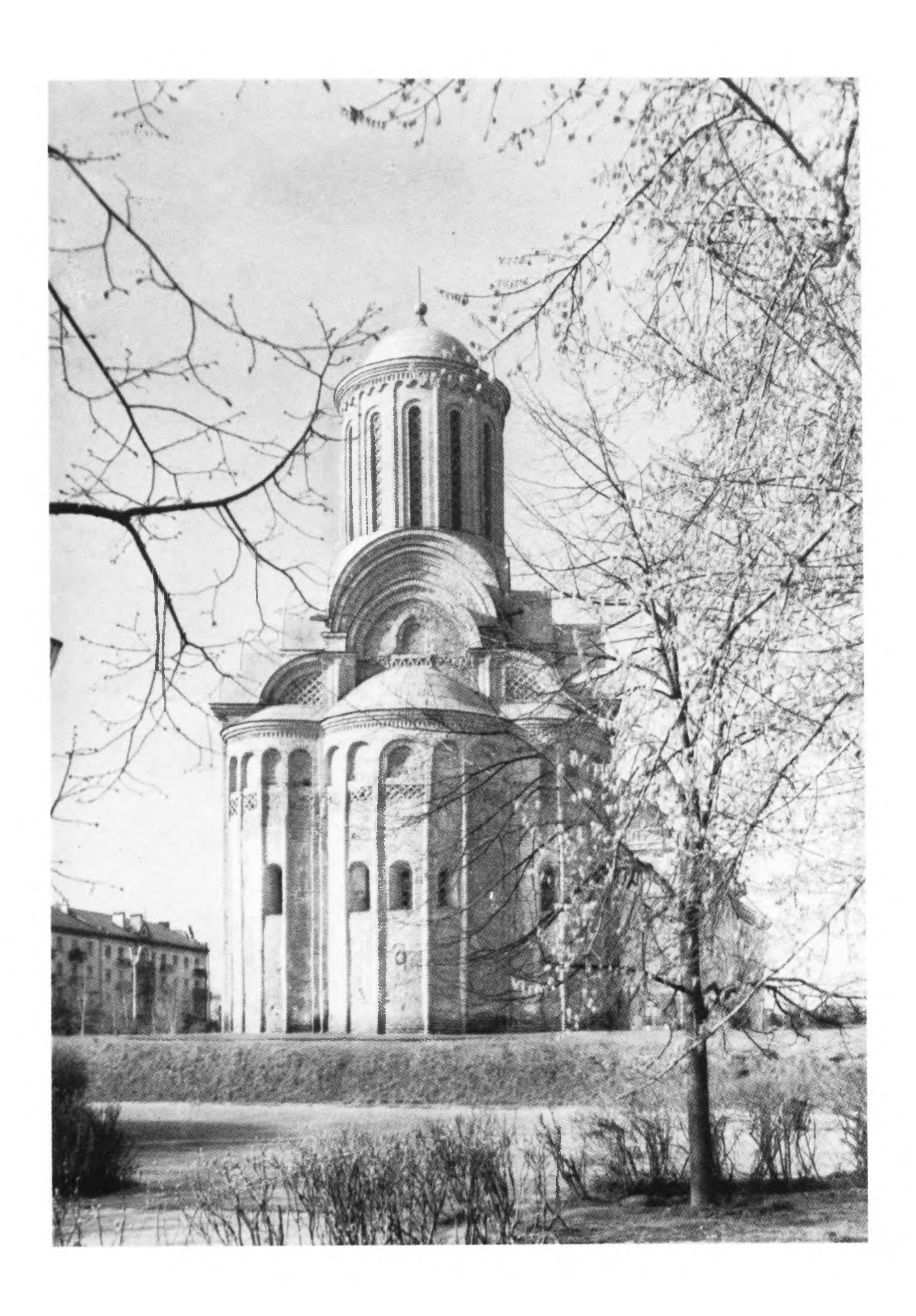
Чернигов. Церковь Параскевы Пятницы
в процессе реставрации. Укрепление пилона *(60-е гг.)*

П. Д. Барановский со студентами архитектурного факультета КГХИ на реставрации Пятницкой церкви в Чернигове

Реставрационные работы на церкви Параскевы Пятницы

Церковь Параскевы Пятницы в процессе реставрации

Чернигов. Церковь Параскевы Пятницы
после восстановления *(1961 г.)*

Москва. Крутицкое подворье до реставрации

Москва. Крутицкое подворье
после реставрации и выпрямления переходов

Крутицкое подворье. Теремок и митрополичьи палаты

Крутицкое подворье. Выпрямление и восстановление переходной галереи *(П. Д. Барановский — справа)*

П. Д. Барановский *(кон. 60-х гг.)*

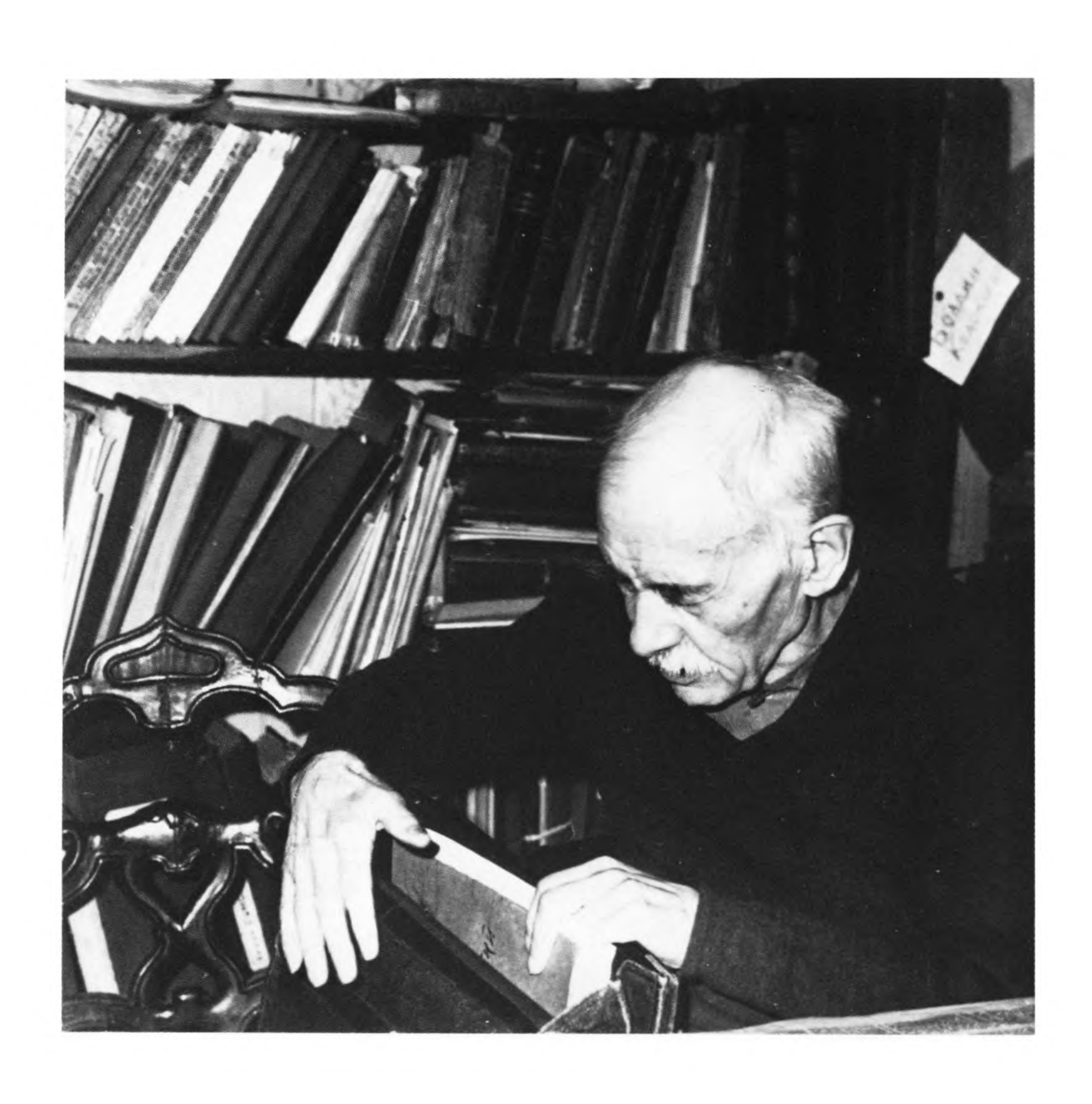
Крутицы. Теремок *(70-е гг.)*

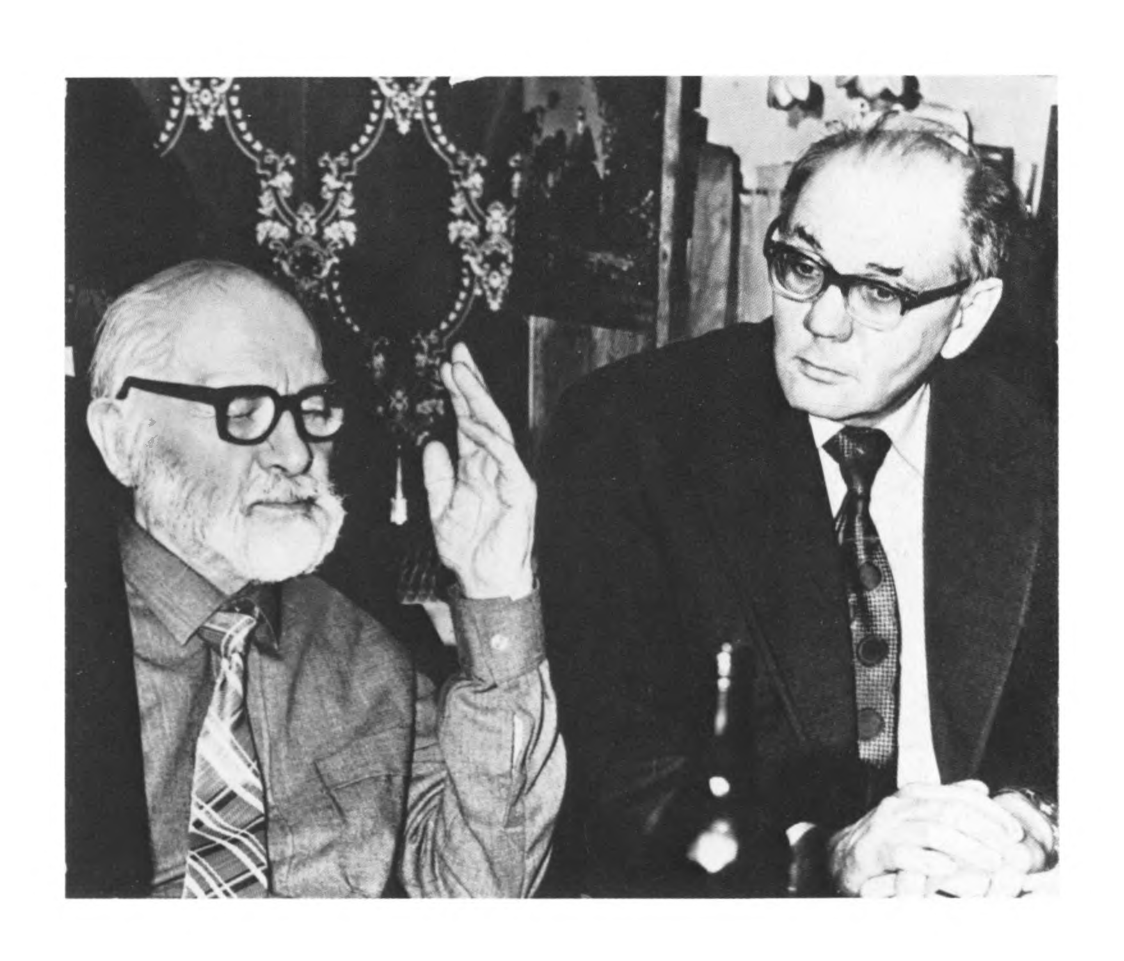
Интерьер квартиры П. Д. и М. Ю. Барановских в Больничных палатах Новодевичьего монастыря *(фото В. Рудченко)*

Интерьер квартиры П. Д. и М. Ю. Барановских в Больничных палатах Новодевичьего монастыря *(фото В. Рудченко)*

П. Д. Барановский у себя дома. Ново-Девичий монастырь, Больничные палаты *(фото В. Рудченко)*

Писатель В. А. Чивилихин в гостях у П. Д. Барановского *(1982 г.)*

Здание Больничных палат Новодевичьего монастыря,
где жили П.Д. и М. Ю. Барановские

Мемориальная доска П. Д. Барановскому,
установленная на здании Больничных палат
Новодевичьего монастыря
(автор О. П. Барановская)

Торжественное заседание в Октябрьском зале Дома Союзов
в связи со 100-летием П. Д. Барановского
*(слева-направо: С. В. Ямщиков, Б. А. Рыбаков,
Ф. Д. Поленов, И. В. Петрянов-Соколов,
О.Н.Барановская, И. Б. Пуришев, Н. А. Пластов)*

рачивало даже разумный смысл, так как могло дать ЛОЖНЫЙ, НЕНУЖНЫЙ ДЛЯ НАУКИ И ИСКУССТВА, ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПАМЯТНИКА». С 1959 г. Барановский был при «Пятнице» почти неотлучно.

В 1960 г. основные конструкции Пятницкой церкви, включая все три яруса ступенчатых закомар до уровня подбарабанного кольца, были восстановлены, и начата расшивка наружной поверхности стен специально изготовленным цемяночным раствором по аналогии расшивки швов древнерусскими мастерами. Кстати отмечу, что с июля следующего года в реставрационных работах посчастливилось участвовать и мне — как научному сотруднику реставрационных мастерских, теперь я помогал П.Д.Барановскому уже не от случая к случаю, а постоянно до полного восстановления главы и покрытия купола, на котором вместо запроектированного кованого четырехконечного орнаментированного креста по требованию Черниговского обкома был установлен штырь молниеотвода. Изготовленный по рисунку П.Д.Барановского крест долгие годы сохранялся в реставрационных мастерских, а с 1967 г. — в Спасском соборе заповедника, и был установлен 14 октября 1988 г. По моим обмерам, высота креста 164 см.

Под цифрой «1» в перечне работ июля-декабря 1961 г. стоит: «Закладка голосников и восстановление юго-восточного, юго-западного и северо-западного парусов».

Из четырех парусов сохранился лишь северо-восточный, но значительно стесанный.

Паруса в Пятницкой церкви вместе с верхним ярусом ступенчатых сводов составляют единую «конструкцию и оформление постамента главы внутри здания». Перед началом их восстановления по поручению П.Д.Барановского мною был выполнен детальный обмер северо-восточного паруса и определен его профиль с внутренней стороны по разработанному Барановским методу наращивания кирпичей.

Затем были изготовлены дощатые шаблоны, по которым и восстанавливались паруса с предварительной укладкой в их пяты голосника горлышками вовнутрь кладки (аналогично выявленному следу голосника, сохранившемуся в северо-восточном парусе), то есть голосники были обращены отверстиями стесанных донышек внутрь храма под определенным уклоном, видимо, обусловленным требованиями акустики.

Последовательность восстановления парусов была такова: вначале были определены форма и габариты подбарабанного кольца, оказавшегося близким к овалу с длинной осью восток-запад, затем было изготовлено из досок кружало подбарабанного кольца с прибитыми к нему шаблонами-кружалами для парусов. Мы уложили новые голосники в пяты трех остальных парусов, прикрыв горлышки фрагментами плинф. Затем последовательными рядами воссоздали паруса до уровня первого ряда подбарабанного кольца.

Одновременно с кладкой подбарабанного кольца восстанавливались восточная и северная закомары третьего яруса (южная и западная были выполнены ранее), а также велась закладка парусов снаружи.

С этим, как и с последующими работами по возведению 12-оконного барабана главы купола и по восстановлению карнизной части апсид, отлич-

но справились не только мастера Черниговской реставрационной мастерской, ученики Петра Дмитриевича: Кукса, Самойлова, Якуб, Ещенко, Лапа, Свиридовский, Надточий, Свижевский, Микитенко, но и литовские каменщики из Вильнюсских научно-реставрационных мастерских.

16 декабря 1961 г. купол Пятницкой церкви был закончен, а после завершения расшивки швов фасадов и покрытия закомар и купола оцинкованным железом, почти через год, Пятницкая церковь была принята на баланс (с 1 января 1963 г.) как восстановленная «В соответствии с проектом реставрации (наружные работы)».

Так «на балансе» и простояла возрожденная Пятницкая церковь закрытой до начала 1967 г., когда она вместе с другими десятью памятниками архитектуры Чернигова XI—XIX вв. постановлением Совета Министров Украины была передана в Черниговский государственный архитектурно-исторический заповедник, бывший до 1979 г. филиалом заповедника «Софийский музей» в Киеве.

Заповедник начал работать с 1 августа 1967 г., а уже со следующего года велась подготовка эскизов, а затем рабочего проекта музейной экспозиции «Пятницкая церковь — памятник архитектуры конца XII — начала XIII в.»

В заключении по тематическому плану экспозиции П.Д.Барановский писал 16 августа 1970 г.: «...Я считаю, что он вполне отвечает задачам экспозиции, необходимой для показа такого исключительного памятника. Особенно ценным является предусмотренное планом полное сохранение и показ подлинных фрагментов в центре памятника. Они не только показывают его технические строительные особенности, но также убедительно характеризуют трагический момент разрушения, после которого даже возникал вопрос о невозможности восстановления памятника. Памятник, документально восстановленный нами по сохранившимся в натуре частям, образно характеризуется сравнением его с фрагментами и показывает всю сложность и трудность проведенных реставрационных работ...»

Проект музейной экспозиции в Пятницкой церкви, для которой П.Д.Барановским в 1968 г. было передано значительное количество находок 1943—1961 гг. (образцы плинф со знаками — метками и клеймами, фрагменты фресковых штукатурок, архитектурно-строительной и гончарной керамики, изделия из цветного и черного металла, фрагменты стекол древних оконниц и др.), был разработан с учетом формирования музея в три этапа. Первый этап — экспозиция архитектурно-археологических подлинных материалов и деталей конструкций с показом восстановленных связей, пилонов, арок и сводов, парусов, главы. Вторым этапом должна была стать экспозиция на хорах, где в витринах и планшетах предполагалось разместить текстовые и проектные материалы по возрождению, истории строительства и перестроек памятника, а также публикации, среди которых изображения памятника художниками, архитекторами, статья Барановского «Собор Пятницкого монастыря в Чернигове», опубликованная в 1948 г. в изданной под редакцией И.Э.Грабаря книге «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками».

Третьим этапом было задумано в восстановленной по имеющимся графическим материалам и фотодокументам колокольне А.Карташевского разместить небольшое помещение для научных работников-экскурсоводов и дополнительные материалы, относящиеся к исследованиям и истории памятника.

Одновременно с научно-тематическим планом музейной экспозиции в Пятницкой церкви научным сотрудником заповедника В.В.Шуляк была подготовлена методическая разработка экскурсии по музею «Пятницкая церковь — памятник древнерусской архитектуры конца XII — начала XIII в.», получившая высокую оценку Петра Дмитриевича. В своей рецензии он писал: «Методическая разработка «Пятницкая церковь — уникальный памятник архитектуры XII в.», составленная В.В.Шуляк, отвечает вполне задачам экскурсий по Пятницкой церкви, характеризует ее с исторической и архитектурно-художественной стороны совершенно правильно».

7 марта 1972 г., после завершения формирования экспозиции в основном объеме Пятницкой церкви, памятник архитектуры был открыт для осмотра как уникальный музей заповедника.

С этого дня началась новая жизнь ровесницы «Слова о полку Игореве», в возрождение которой вложил свою жизнь и душу великий МАСТЕР — АРХИТЕКТОР-ИСТОРИК, АРХИТЕКТОР-РЕСТАВРАТОР, АРХИТЕКТОР-СОЗИДАТЕЛЬ, девизом и жизненным кредо которого было: «Лучше один спасенный памятник, чем десятки диссертаций».

Е.П.ЩУКИНА,
кандидат архитектуры

КАК РОЖДАЛОСЬ «РУССКОЕ ЧУДО»

Окончилась Великая Отечественная война. Сотни городов, тысячи сел лежали в руинах. Фашистские вандалы жгли и громили все, до чего смогли дотянуть руки, но с особым остервенением они уничтожали памятники истории, архитектуры, культуры на территориях России, Украины, Белоруссии.

Западные ученые считали, что Советскому Союзу на восстановление промышленности, сельского хозяйства, жилого фонда понадобится не менее 75—80 лет. О возможности реставрации разрушенных храмов, дворцов, усадеб, других произведений высокого архитектурного и художественного мастерства практически не велось и речи: господствовало убеждение, что это попросту невозможно.

И основывалось оно не только на огромных размерах понесенных страной потерь, но и на доводах чисто идеологического порядка. Ведь известно, что в 20—30-е гг. у нас отрицались не только религиозные ценности, но и архитектурная, художественно-эстетическая значимость произведений культового назначения как «очагов мракобесия»; дворцов, усадебно-парковых ансамблей — как «резиденций эксплуататоров»; лозунг «Война дворцам!» понимался буквально.

Но, может быть, именно те безмерные испытания, тяжкая боль утрат, что выпали на долю народа во время войны, и заставили его очнуться, по-иному взглянуть на историю Отечества, почувствовать себя наследником и защитником собственного прошлого. И.Э.Грабарь в те годы писал: «Сейчас у нас такой подъем национального самосознания, что каждая русская тема хватает за душу».

Произошло то, что западные теоретики определили потом как «Русское чудо»: страна залечивала раны с непостижимой быстротой.

К числу таких «чудотворцев» по праву принадлежит и Петр Дмитриевич Барановский. Ему уже после гражданской войны приходилось «лечить» творения русских зодчих, и теперь этот опыт и знания оказались чрезвычайно ценными.

С первых дней Великой Отечественной И.Э.Грабарь привлекал Барановского ко всем начинаниям, связанным с учетом, охраной и реставрацией памятников. Уже в августе 1941-го Игорь Эммануилович обратил внимание на то, что «война несет разрушения, которые придется восстанавливать ме-

тодами реставрационными». В мае 42-го ему было ясно: «Когда погоним немцев из-под Ленинграда, из дворцовых мест, да из Пскова, Новгорода, Смоленска, особенно из Киева и Чернигова, вот тут начнется гигантская работа. Но сейчас надо бы сколачивать уже рабочий коллектив, строить бригады, возглавить их надежными людьми». Среди этих «надежных людей» был, естественно, П.Д. Барановский: Грабарь считал необходимым его участие в предлагаемых им комиссиях, а первая комиссия Академии архитектуры СССР вела обследование памятников в городах и селах, освобожденных Красной Армией в ходе Московской битвы, уже с октября 1942 г.

Чтобы руководить, координировать, направлять всю деятельность по спасению и восстановлению памятников, необходим был государственный орган, наделенный достаточно широкими правами и полномочиями. Грабарь и Барановский несколько лет трудились над проектом его создания, и вот наконец свершилось. 14 октября 1948 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры». Подпись «И.Сталин» придавала ему силу закона.

Роль этого постановления была очень значительной: коренным образом изменялось отношение к историко-культурному наследию. Постановлением предусматривалось образование научно-методического совета по охране памятников культуры, в котором были представлены Академия наук СССР, Комитет по делам архитектуры и Комитет по делам искусств при союзном Совмине и комитеты по делам культпросветучреждений при Совминах союзных республик. Кроме того, в его состав предлагалось ввести «отдельных специалистов в области изучения и реставрации памятников культуры». На совет возлагалось «осуществление научно-методического руководства делом охраны и изучения памятников». Президиуму АН СССР было поручено разработать «Положение о научно-методическом совете» и утвердить персональный состав. Всю практическую работу по подготовке необходимых материалов выполнили И.Э.Грабарь и П.Д.Барановский.

И уже на следующий год увидели свет новые нормативные документы, в которых само понятие «памятник архитектуры» претерпело принципиальное изменение: к словам «отдельно стоящие здания и сооружения» добавились «города, населенные пункты или части их». Начала учитываться органическая взаимосвязь архитектурных памятников с исторически сложившейся окружающей средой, появились требования о создании охранных зон. Следует отметить, что подобное решение ЮНЕСКО и ИКОМОС (Международный Совет по вопросам памятников и достопримечательных мест. — *Ред.*) приняли только в 1964 г. Наш отечественный опыт сыграл в этом значительную, а может быть, и решающую роль.

Петр Дмитриевич Барановский с первых дней после принятия постановления Совмина — в эпицентре деятельности по спасению памятников, которым угрожала уже не война, а узковедомственный подход к пониманию выдвинутого правительством тезиса о «решении в кратчайшие сроки социальных задач». Являясь сотрудником Государственного управления охраны

памятников архитектуры и активным членом научно-методического совета Академии наук СССР, он добился рассмотрения и корректировки ряда положений действующего генерального плана Москвы.

Одной из ярких побед Барановского стала защита Спасо-Андроникова монастыря, который по новому генплану подлежал сносу в связи с расширением и реконструкцией завода имени Владимира Ильича и созданием квартала новых жилых домов. Петр Дмитриевич воспользовался приближающимся юбилеем Андрея Рублева, принявшего монашеский чин в этом монастыре, расписавшего там белокаменный собор и подле него похороненного. К этой знаменательной дате удалось привлечь внимание ЮНЕСКО, и 1960 г. был объявлен «годом Рублева». К этому времени в зданиях монастыря был открыт Музей древнерусской живописи имени Андрея Рублева, под руководством П.Д.Барановского проведены исследовательские, реставрационные и проектно-планировочные работы с учетом возможностей современного использования зданий и территории монастыря. И ансамбль-памятник, что называется, выстоял.

Трудней обстояло дело с решением вопросов о сохранении Китай-города. По генплану он подлежал серьезной реконструкции, при которой, однако, не учитывались историко-архитектурные особенности.

Тут приходилось уже преодолевать и некомпетентность высоких административных чинов в вопросах историко-архитектурной ценности древнего центра Москвы, и личную заинтересованность проектировщиков в осуществлении своих «глобальных» замыслов. Полного успеха достичь, конечно, не удалось, но, тем не менее, были спасены участки крепостной стены Китай-города, все церкви и палаты по Варваринской улице, церковь Святой Анны, что в Углу, с археологическими остатками крепостной стены, фрагмент башни Варваринских (Всехсвятских) ворот.

С организацией научно-методического совета появилась возможность привлекать к решению вопросов сохранения памятников при реконструкции городов ведущих специалистов, представителей республиканских и общесоюзных научно-исследовательских институтов, реставрационных мастерских, органов охраны памятников. На заседаниях совета и на его пленуме в декабре 1949 г. рассматривался вопрос о состоянии охраны памятников Москвы, в том числе дальнейшая судьба Китай-города и Зарядья.

С глубоко обоснованными предложениями и требованиями об ограничении нового строительства в Китай-городе, прекращении сноса памятников культуры выступил начальник Московской инспекции по охране памятников архитектуры Георгий Тихонович Крутиков. Еще в 40-е годы он стал соратником Петра Дмитриевича в борьбе за сохранение историко-культурного наследия столицы. Но самое интересное: поначалу они были яростными противниками, и первое их знакомство ознаменовалось серьезными столкновениями. Крутиков видел в Барановском защитника «старого быта, церквушек и развалюх», а тот упрекал Крутикова в незнании истории Москвы, в непонимании подлинного величия и достоинств русской архитектуры и заставил-таки видеть и замечать то, на что Георгий Тихонович раньше не

обращал никакого внимания, а как положено, «шарахал в небо железобетон, жизни новой задавая тон».

Георгий Тихонович был благодарен Барановскому за то, что тот вывел его из круга «разрушителей» и открыл возможность искупить вину, сохраняя московские памятники для потомков.

Г.Т.Крутиков, талантливый архитектор, очень много сделал для спасения историко-архитектурного и градостроительного наследия нашей столицы.

У Петра Дмитриевича Барановского вообще был дар привлекать к себе людей и превращать даже противников, если они талантливы и умны, но увлечены только новым строительством, в своих друзей и последователей.

На заседаниях научно-методического совета, которые тогда проходили при участии Петра Дмитриевича, проекты реставрации всегда рассматривались с учетом исторических этапов формирования памятника, особенностей окружающей среды и перспектив градостроительного развития, гармонически соединяя вчерашний и завтрашний день. Все это и привело к тому, что в вопросах охраны памятников наша страна в первые послевоенные годы значительно опередила зарубежную теорию и практику в этой области.

Когда были объявлены выборы в члены Академии архитектуры СССР, сотрудники ЦНРМ единогласно выдвинули Петра Дмитриевича Барановского. Но получить от него согласия не удавалось — он был равнодушен к высоким званиям и сопутствующим им благам, ему, озабоченному тогда состоянием Ново-Иерусалимского монастыря в городе Истре, в котором задерживалось проведение реставрационных работ, видите ли, было «некогда заниматься этим...»!

Те, кто сотворил «Русское чудо», были настоящими патриотами, скромными в личных делах и в общении, они были гордыми, когда дело касалось достоинства страны, и умели охранять его. К сожалению, в наши дни у многих это чувство оказалось утраченным и памятники — замечательные творения рук наших предков — часто передаются для реставрации и использования в чужие руки.

Н.М.Карамзин в статье «О любви к Отечеству и народной гордости» писал, что нам прежде всего надо уважать свое собственное — Российское и что «деятели искусства» должны быть «органами патриотизма»!

И.В.ПЕТРЯНОВ,
академик

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

... Кремль! Второй Кремль Москвы. Иначе Петр Дмитриевич Барановский не называл при мне Крутицы. Много раз вместе с ним я бывал на Крутицком подворье, и в его рассказах оживала величественная картина забытого, почти исчезнувшего «второго московского Кремля» — бывшего соперника первого, царского. Как по размерам, так и по красоте и величественности Крутицы когда-то ему не уступали.

Крутицкое подворье было основано еще в монгольские времена и принадлежало епископам, а позднее митрополитам Крутицким и Сарским. Им на Руси отводилась особая роль: быть предстателями пред Господом за всех православных, страждущих в чужих краях. Крутицкое подворье осуществляло связи Русской Церкви с внешним миром, исполняя миссию своеобразного духовного дипломатического ведомства. Крутицы были подлинным окном, через которое на нашу землю проникали культуры других стран мира: так, например, в Крутицком кремле был сделан первый на Руси перевод сочинений Коперника.

Петр Дмитриевич показывал мне место в Крутицах, где, по его мнению, была первая русская обсерватория.

Он же, Барановский, разглядел здесь под тусклым обличьем казенного здания великолепную красоту древнего митрополичьего храма. Вслед за Петром Дмитриевичем я облазил его от подвалов, где этот неутомимый искатель открыл древние погребения, до самого верха.

Я видел покосившуюся, почти рухнувшую стену Крутицкого кремля. Петр Дмитриевич совершил чудо, подняв огромный пролет этой древней стены и поставив его на место. Он вернул древнюю прелесть одному из самых удивительных архитектурных сокровищ Москвы — знаменитому крутицкому «терему».

Он воскресил, другого слова нельзя здесь применить, Воскресенский собор.

Начал восстановление трапезной, где со времен Екатерины II до наших дней была размещена гарнизонная тюрьма.

Но все это было лишь небольшой частью «второго московского Кремля» в эпоху его расцвета, эпоху, которая зримо и красочно оживала в рассказах Петра Дмитриевича: сады с диковинными цветами, живописные фонтаны, огромный архитектурный ансамбль, сливающийся почти в единое целое с

громадой Ново-Спасского монастыря. Все это было уничтожено еще при Екатерине. Восстановить русскую жемчужину, возродить славу Крутиц уже не только как памятника материальной, но и духовной культуры было святой мечтой Барановского.

Вокруг его имени слагались легенды. Но, очевидно, в основе даже самого невероятного предания всегда лежит доля правды. Однажды я набрался храбрости и решился пересказать самому Петру Дмитриевичу ходившую в кругах столичной интеллигенции историю о том, как он спас от взрыва собор Покрова, что на Рву.

Вот эта легенда. Услышав, что якобы состоялось решение освободить проход для демонстрантов с Красной площади на мост через Москву-реку и на набережные и для этого «убрать с дороги» храм Василия Блаженного, Петр Дмитриевич проник с ночи в храм, заперся в нем, заложил засовы, навесил замки на кованые двери и, когда утром пришли саперы, заявил: «Взрывайте вместе со мной». На это подрывники уполномочены не были. Открыть двери собора они не сумели, а может быть, и не очень старались. Командир начал согласовывать ситуацию со своим начальником, тот — с комендантом Москвы, который, в свою очередь, стал звонить по инстанциям, вплоть до Кремля, а время шло. Под вечер наконец доложили Сталину, который якобы ответил: «Уже поздно, я потом с этим разберусь...»

Изложив эту версию Петру Дмитриевичу, я спросил его: «Это что: правда или только легенда?» Но тут мой собеседник, только что добродушно и весело рассказывавший мне удивительную историю создания собора Василия Блаженного, вдруг помрачнел, обругал меня и ушел. Так я до сих пор и не знаю, сколь далеко все это от правды. Сам я хочу в нее верить, как в быль. Ведь мы все знали, как жестоко не раз страдал Петр Дмитриевич за свою стойкую и беззаветную защиту великих памятников нашей Родины.

Гнев Петра Дмитриевича длился недолго. Историю создания храма он мне потом досказал подробно, историю удивительную, пожалуй, даже сказочную, воплотившую и летопись победы, и мудрость грозного царя, и творческую смелость неведомого нам зодчего. Каждая из церквей, образующих художественное единство храма, соответствует одному из дней осады Казани Иваном Грозным. Дни эти определил сам государь.

Наибольшее впечатление на меня произвел рассказ Петра Дмитриевича о том, как возник и вырос под стенами осажденной Казани чуть ли не за одну ночь осадный городок Свияжск. По повелению государя, за тысячи верст от Казани заранее, задолго до начала похода, государевы воеводы в разных концах Русской земли получили указ каждому срубить и построить столько-то сажен крепостной стены, столько-то укрепленных домов и построек и их точный план. Все разобрать, переметить и обозом, в сопровождении обученных и вооруженных воинов, к определенному дню и даже часу отправить под Казань, где и была собрана чуть ли не за одну ночь мощная крепость. Ничего подобного мировая военная история не знает.

Это рассказ лишь об одном из куполов собора, а всего их девять, и жаль, что я не могу привести здесь все, что услышал об этом храме. Горько, что мы плохо знаем прошлое своей Родины, и я горжусь и радуюсь, что у меня

в жизни был друг, о котором я могу сказать, что не было бы Барановского — и не знали бы москвичи более молодых поколений не только этих историй, но и самого собора.

Каждый из нас, кто был знаком с Петром Дмитриевичем, кто работал с ним или даже только встречался, может благодарить судьбу за счастье, которое она подарила.

...Задолго до того, как услышать о Барановском, я, тогда еще студент университета, часто проходил мимо унылых серых корпусов в Охотном ряду. На них не стоило смотреть вообще, они даже своей безликостью запомниться не могли. И вдруг на месте этой серости словно вспыхнули сказочной красоты палаты князей Голицыных и бояр Троекуровых. Потом, много лет спустя, я узнал, кто воскресил их: опять все те же зоркие глаза Барановского увидели погребенный под слоем штукатурки орнамент наличников окон и фронтона, а умелые руки каменщиков выявили их, вновь засветились они, радуя людей. К несчастью, Петру Дмитриевичу было суждено вскоре пережить гибель воскрешенных им палат. Они были снесены, и на их месте вырос гигантский корпус Госплана, во дворе которого оказалась спрятанной часть Троекуровского дворца.

Трагедия следовала за трагедией: Казанский собор. Барановский начал его реставрацию, но и этот храм был уничтожен — опять-таки потому, что, как и Василий Блаженный, мешал демонстрантам. К счастью, он не ушел в небытие благодаря героизму и самоотверженности Петра Дмитриевича. Барановский проделал гигантскую работу по точным обмерам храма. Он был неутомимый труженик. Даже я, далекий по своей специальности от интересов Петра Дмитриевича, не один раз бывал разбужен среди глубокой ночи его звонком, и он либо советовался, либо рассказывал мне подолгу и о новых свершениях по охране наследия прошлого, и о новых преступлениях высокопоставленных невежд. У нас было о чем поговорить. В течение ряда лет я возглавлял секцию пропаганды Всероссийского общества охраны памятников, принимал, пусть и косвенное, небольшое, участие в реставрации памятника Минину и Пожарскому, даже побывал внутри самого бронзового князя.

Казанский собор в наших беседах занимал немалое место. И вот я оказался во главе общественного совета по его восстановлению. И хотя, честно говоря, я не знал, что делать и чем могу помочь, но оказанное мне доверие принял как свой долг по отношению к памяти друга и учителя, давно уже покинувшего нас.

Я был глубоко потрясен, когда вдруг в соборе святого Власия любимым учеником Барановского мне была торжественно вручена картина, на которой Казанский собор изображен таким, каким он был построен много веков тому назад. Запечатленный на полотне облик храма был воскрешен благодаря материалам, собранным Петром Дмитриевичем.

Еще больше я был взволнован, когда узнал, что эта картина была мне им завещана. А потом этот подарок в определенной степени помог нашему общему делу. Поскольку это было в моих силах, я решил поставить вопрос

о восстановлении собора на самом высоком уровне, возможном тогда в нашей стране. Я напросился по какому-то удобному поводу на прием в Политбюро ЦК КПСС и взял с собой полотно с изображением Казанского собора. Завернул в газеты, обвязал веревкой... Часовой в подъезде подозрительно спросил, что несу. «Материал к докладу», — ответил я. В кабинете члена Политбюро В.А. Медведева развернул свою ношу, поставил на стул. Быстро проведя обсуждение вопроса, ради которого я пришел, мой начальственный собеседник спросил: «А это что?» Я стал рассказывать и убедился, что как член Политбюро, так и незнакомые мне начальники, присутствовавшие при беседе, ровным счетом ничего не знали ни о соборе, ни о том, где он был, каким он был, кем, когда и почему построен и зачем снесен. Но Медведева явно тронула красота храма-памятника.

Он согласился с моими доводами о большом социальном и нравственном значении восстановления собора. Одно его смущало — сколько это будет стоить? Я храбро заявил: «Не дороже одного большого московского дома». «Проверим», — сказал мне Медведев на прощанье.

Через две недели мне позвонили из аппарата ЦК КПСС. Сказали, что я прав в оценке стоимости восстановления Казанского собора. Московским организациям были даны соответствующие указания. Так и началось воскрешение собора. И хочу еще раз подчеркнуть: без Барановского не получилось бы ничего; он восстановил подлинный вид храма, благодаря ему был создан красочный образ собора на полотне, что и помогло первым шагам реставрации.

Дальнейшее известно: был объявлен сбор народных пожертвований, началось проектирование. И ныне храм вновь украшает Красную площадь столицы. Площадь, которая и была народом названа Красной — красивой — именно тогда, когда на ней появился Казанский собор.

... Одно из самых незабываемых событий в моей дружбе с Петром Дмитриевичем связано с защитой «Дома Даля».

Вокруг Петра Дмитриевича объединились многие ученые, писатели, деятели культуры, которые пытались уберечь от сноса реликвию русской истории — скромный одноэтажный домик, переживший пожар Москвы 1812 года. И то, что не смог уничтожить Наполеон, решил стереть с лица земли... министр геологии.

«Дом Даля» со временем оказался во дворе этого министерства. Столетия не пощадили его — он потемнел, осел, частично разрушился, выглядел неказисто, а министру, как мы узнали, была нужна площадка под стоянку автомобилей.

«Дом Даля» был построен в начале XVIII столетия. В нем жили создатель толкового словаря русского языка, друг Пушкина Владимир Иванович Даль, известный писатель Мельников-Печерский, великий химик, основатель современной органической химии академик Бутлеров и многие другие славные деятели русской культуры. В этом доме бывали Аксаковы, Одоевский, Погодин, Лесков, Веселовский...

И вот в 1971 г. перед ним появились бульдозеры.

В защите «Дома Даля» вместе с Петром Дмитриевичем принимали участие многие, немалую инициативу тогда проявило Общество охраны памятников. А мне было поручено подготовить и отправить письмо на имя XXIV съезда КПСС.

Я отправился к президенту Академии наук СССР. К моей радости, суровый академик Келдыш меня сразу принял. Я ему все рассказал и попросил помочь. Он тут же договорился с начальником стройуправления Академии, чтобы тот выделил мне двух опытных инженеров-строителей. С ними мы отправились к «Дому Даля», где уже стояли рычащие бульдозеры. На следующее утро у меня были две готовые сметы: первая — сколько будет стоить снос древнего здания, вывоз мусора и бревен, благоустройство площадки и вторая смета — во сколько обойдется восстановление Дома, сохранность которого — 90% и целы фундаменты. Оказалось, что, сохранив Дом, Москва получит несколько сот квадратных метров жилой площади, стоимость которой будет впятеро дешевле, чем в новых домах.

Я написал письмо на имя съезда, приложил историческую справку по «Дому Даля», сметы, очень красивый цветной эскиз (как будет выглядеть «Дом Даля» после реставрации), снимки его нынешнего вида. Переплел все это в красную обложку и получившийся довольно солидный фолиант принес в Кутафью башню, где принимали почту съезда. Дежурный офицер, подержав мое солидное «письмо», отдал было его обратно, заявив, что «таких писем не бывает». Мне удалось все же его уломать.

Не знаю, по какой причине, но бульдозеры от «Дома Даля» уехали. Хлопоты по другим линиям продолжались. Дом пока был цел, но мы все находились в тревоге и неизвестности.

Наконец, наверное, месяца через два мне позвонили и предложили явиться в ЦК, в отдел строительства для ознакомления с резолюцией руководства. Я спросил: «А какая она, эта резолюция?» На что получил сердитый ответ: «Все решения руководства совершенно секретны».

Приехал. На пятом этаже здания ЦК какой-то сердитый товарищ протянул мое «письмо». На заглавной странице я прочел размашистую надпись наискось: «Разобраться и доложить. Суслов». Я от удивления рот разинул: «Ну и что это значит? Вы разобрались и доложили? А что будет с «Домом Даля»? Что же во всем этом секретного? Зачем я к вам ездил?» Нелюбезный товарищ еще более сердито повторил: «Все, что связано с руководством, совершенно секретно, а ваш чертов Дом будут восстанавливать!» Когда я уже был в дверях, он меня задержал: «Имейте в виду, что мы так не считаем!» (Это его «напутствие» относилось к сметам в моем письме.) На что я ему ответил: «Значит, вы не так считаете!»

Выбежав из здания ЦК, я прежде всего позвонил Петру Дмитриевичу. Хотелось его порадовать. Какое из многочисленных мероприятий по спасению «Дома Даля» было решающим — трудно сказать. Но Дом цел.

...Говорить о Петре Дмитриевиче и не сказать о Коломенском невозможно. Я не раз бывал там вместе с ним. В храме Вознесения — воплощении «застывшей музыки» — слушал его рассказы о спасении домика Петра Ве-

ликого, о строительстве и судьбе собора в селе Дьяково. Но почему-то отчетливее и яснее всего память сохранила день, когда Петр Дмитриевич водил меня к остаткам фундамента дворца царя Алексея Михайловича, рассказывал о том, как и когда он был снесен — опять-таки по приказу Екатерины II, показывал в музее модель дворца и с глубокой горечью говорил, что многие избы в селе Коломенское, выстроенные мужиками из бревен разрушенного и проданного на слом дворца, стоят и сейчас, как новенькие.

И дворец бы стоял до сих пор! Современники называли его восьмым чудом света. Кто видел деревянную модель дворца, с этим согласится. Для меня Коломенский дворец, благодаря рассказам Петра Дмитриевича, стал совершенным образцом красоты в русском зодчестве. Он меня настолько захватил, что много лет тому назад, года за два до всемирной Олимпиады в Москве, я по линии Общества охраны памятников подал в Совет Министров РСФСР докладную записку о восстановлении Коломенского дворца к Олимпиаде. В записке доказывалось, что это вполне возможно и не так уж трудно. Дворец был деревянным, состоял из полутора-двух десятков обыкновенных срубов. Чертежи есть, модель тоже, фундаменты целы (их нашел Петр Дмитриевич). Каждый сруб — это, по сути, большая изба: вся красота дворца — в его композиции. Способ постройки был тоже подсказан мне Барановским в его повествовании о городе Свияжске: все срубы по отдельности изготовить там, где много леса, по единому общему плану, свезти все в Коломенское и собрать на древнем фундаменте. Наверное, это предложение было наивным, я даже не помню, чтобы у меня хватило тогда храбрости рассказать о нем Барановскому, — все-таки речь шла о «новоделе».

Но реакция высокого начальства была неожиданной — предложение одобрили, хотя мне же тогда за него и попало: надо было, дескать, предложить эту идею года на два раньше, тогда, может быть, успели дворец построить.

Вряд ли... Но мне эта мечта по душе и сейчас. Коломенский дворец в селе Коломенском! Не только как память о нашем прошлом, но и как памятник ученому, который мог бы его восстановить. Мне жаль, что это не осуществилось, и я верю, что придет время и сказочный дворец в селе Коломенском воскреснет.

...Уже миновало сто лет со дня рождения Петра Барановского. Он скончался на 93-м году жизни. До последних дней он был полон надежд, планов, новых задач. Отечественная культура обязана ему открытием и спасением многих памятников истории нашей Родины. Он был последним героем, ничего не жалевшим ради воскрешения ушедшей, а часто и погибшей красоты прошлого. Он был выдающимся ученым, создавшим новую науку — науку реставрации архитектуры. Ему принадлежат оригинальные и универсальные методики восстановления утраченных элементов древних зданий, воссоздания полностью разрушенного.

Нельзя даже просто перечислить все, что он сделал, кстати, правильнее было бы говорить: все, что он воскресил...

И.Б.ПУРИШЕВ,
архитектор-реставратор

СПАСЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ЯРОСЛАВЛЯ

Ярославль — один из самых красивых городов России. Хороши его набережные, улицы, площади в старой части города, прекрасны памятники древнего зодчества. Но сейчас уже далеко не все знают, что многие ярославские храмы, колокольни, старинные палаты были сильно разрушены во время гражданской войны и восстанавливал их Петр Дмитриевич Барановский.

В начале июля 1918 г. в Ярославле произошло одно из первых вооруженных выступлений против новой советской власти. Оно было подготовлено находящимся в подполье «Союзом защиты родины и свободы», куда входила группа офицеров бывшей российской армии во главе с полковником А.П.Перхуровым. Бои были жестокими. Погибли сотни людей, почти полностью сгорела западная часть города, многие здания получили серьезные повреждения...

В переломные исторические эпохи, когда бушуют политические страсти, гремят орудия, ломаются привычные устои жизни, неизбежно нависает угроза и над памятниками культуры. Судьба их нередко зависит от людей, способных пренебречь собственным благополучием и посвятить себя делу спасения общечеловеческих ценностей. В России, стране со сложной, временами трагической историей, значение подвижников особенно велико — благодаря им в тяжкие для государства времена спасено немало художественных сокровищ. Одним из таких подвижников и был Петр Дмитриевич Барановский.

Узнав о событиях в Ярославле, молодой ученый тут же предложил Комиссариату имуществ республики, а затем Наркомату просвещения свою помощь в «организации исследования и сохранения памятников архитектуры города Ярославля». Вскоре он получает мандат от отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса и выезжает в разрушенный город. Уже в первых числах августа он направляет в Наркомат подробное описание повреждений наиболее известных памятников архитектуры и предлагает меры, необходимые для предохранения их от дальнейшего разрушения.

Вот о чем говорилось в этом документе:

«...В церкви Богоявления в южной стене сквозные пробоины, изразцы сбиты во многих местах, южный придел выгорел полностью, большинство стекол побиты ... сильно пострадали от обстрела Святые ворота и звонница Спасского монастыря ... в церкви Михаила Архангела пробиты два барабана и кровля, сбит верх колокольни, и главка свалилась внутрь шатра ... в церкви Николы Рубленого в колокольне выбито три столба, крыльцо совершенно разрушено, в самом храме сквозные отверстия и огромные выбоины в стенах ... в церкви Николы Мокрого сбита главка на паперти, выбит столб и часть шатра на колокольне, главы и крыша церкви пробиты во многих местах, церковное имущество расхищено и валяется на полу ... Демидовский лицей выгорел совершенно вместе с богатейшей библиотекой...»

К счастью, кирпичная кладка XVI—XVII вв. оказалась прочной, устояли многие главы храмов и шатры колоколен. Но и добротная кладка начинает разрушаться, если у здания повреждена кровля. От протечек гибнут стенописи, а ярославские храмы славились своими росписями.

В такой ситуации даже опытный архитектор мог бы отступить: работа предстояла не только трудная, но и опасная. Однако у Барановского уже в молодые годы складывался сильный характер, он и не думал отступать.

Петр Дмитриевич отправляется в Москву, добивается нужных ассигнований, необходимых строительных материалов, просит командировать опытных специалистов. Настойчивость его вознаграждается: создана специальная Ярославская реставрационная комиссия. 23 августа 1918 г. она начинает работу, сам Барановский назначается производителем работ, а немного позже — научным руководителем этой одной из первых в нашей стране реставрационных организаций. С 1922 г. она преобразуется в Ярославское отделение Центральных государственных реставрационных мастерских, но чаще ее будут называть просто Ярославской реставрационной мастерской.

Уже в сентябре 1918-го на восстановлении памятников зодчества в Ярославле трудилось 90 рабочих и 9 научно-технических специалистов, в том числе — историк Н.А.Первухин и хранитель музея И.А.Тихомиров.

Не следует забывать, что в это время в стране шла гражданская война, повсюду закрывались заводы и фабрики, не хватало строительных материалов, кровельного железа, но работы не останавливались: поврежденные кровли покрывались тесом, а иногда и брезентом, если возникала необходимость, делалась временная каменная кладка «насухо» — лишь бы до наступления морозов вывести из аварийного состояния наиболее ценные памятники.

Специально назначенная комиссия своим актом засвидетельствовала, что к 20 декабря 1918 г. были выполнены следующие работы:

«— Святые ворота Спасского монастыря. Перекрыта вновь вся крыша... Выложен выбитый столб восточной стены башни... Зашиты тесом пробоины...

— Церковь Николы Мокрого. Очищен щебень со всех крыш и из помещения храма... Поставлены подпоры в опасных местах... Один из колоколов поставлен на деревянные клети.

— Церковь Михаила Архангела... Сделаны подпоры в колокольне к сбитой и провалившейся внутрь шатра главке... Остеклены рамы... Зашиты тесом оконные отверстия и пробоины.

— Церковь Николы в Рубленом городке... Ремонтированы кирпичом 3 окна храма и несколько выбоин в простенках... Зашиты тесом пробоины и окна...»

Сейчас можно с уверенностью сказать, что если бы не быстрое вмешательство реставраторов, то нам уже не пришлось бы любоваться замечательными стенописями, не увидели бы мы многих памятников древнего зодчества. Нельзя не удивляться тому, как быстро, без бюрократической волокиты были организованы эти работы, — не в пример, кстати сказать, нашему времени...

Вместе с противоаварийными и ремонтными работами шли исследования древних зданий: изучали кирпичную кладку, искали следы срубленных наличников, поясков, карнизов. Особенно много открытий было сделано при исследовании сильно перестроенных митрополичьих палат на Волжской набережной: восстановлены первоначальные формы окон и дверей, нарядные наличники; здание неузнаваемо преобразилось, приняло свой прежний облик. В те же 20-е гг. был реставрирован еще один памятник гражданской архитектуры XVII в. — жилой дом у церкви Николы Мокрого, стены и башни Спасского монастыря, ряд других памятников.

Несмотря на большую загруженность работами в Ярославле, П.Д. Барановский выезжал в соседние города и села. Под его руководством были исследованы и частично реставрированы знаменитая Дивная церковь в Угличе, собор Борисоглебского монастыря, проведен архитектурный обмер деревянной ярусной церкви в Мологе. Находил он время и для передачи своих знаний молодому поколению — читал лекции и вел семинары по истории русской архитектуры на Ярославском отделении Московского археологического института. Удавалось Петру Дмитриевичу принимать участие и в далеких экспедициях по обследованию памятников деревянной архитектуры Севера.

П.Д.Барановский был не только выдающимся реставратором, но и великим защитником памятников Отечества. В конце 20-х и в 30-е гг., когда по всей стране началась неистовая борьба с религией, когда разбирали на кирпичи и взрывали храмы, монастыри, он вел трудную и небезопасную борьбу за спасение памятников.

Волна варварства не обошла и Ярославль. Древний город лишился нескольких первоклассных памятников зодчества, таких, как стоявшая на берегу Волги церковь Петра и Павла, реставрированная Барановским, Успенский собор на стрелке, Пятницкая, Власиевская и другие приходские церкви, южная половина гостиного двора. И все же многое уцелело. И любуясь прекрасными творениями русских мастеров, мы с благодарностью произносим имя Петра Дмитриевича Барановского. Память о выдающемся реставраторе живет в его работах и мужественных деяниях, которым всегда будут признательны люди, не безразличные к судьбе отечественной культуры.

М.Н.ИЛЬИНА,
кандидат искусствоведения

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР

Всюду, где ни приходилось бывать Петру Дмитриевичу — неутомимому исследователю русского зодчества, виделась ему печальная картина разрушения творений старых мастеров. Не чая спасти все это великое достояние, он мечтал о том, чтобы сохранить хотя бы единичные, наиболее ценные деревянные памятники. Так и созрел план «переселения» их в Коломенское, тогда подмосковное село.

Почему избрано именно Коломенское? Да потому, что оно само по себе — памятник и еще во 2-й половине XVII в. было местом притяжения всех истинных ценителей красоты. Здесь, на высоком берегу Москвы-реки, в окружении парка, садов и лесов был сооружен деревянный летний дворец Алексея Михайловича, считавшийся в народе «восьмым чудом света». Повелением Екатерины II деревянные постройки дворца были разобраны, но сохранились каменные здания, парк, частично сады. Деревянные постройки — современницы дворца не просто бы вписались в ансамбль, но и обогатили бы его, в какой-то степени возместив утраченное.

И 1 августа 1920 г. Барановский выступил на заседании ученого совета Всероссийских государственных реставрационных мастерских с докладом «О научных задачах организации Музея русского деревянного зодчества на открытом воздухе в Коломенском».

С тех пор судьба Петра Дмитриевича оказалась тесно переплетенной с судьбой Коломенского. В 1923 г. усадьба, переданная по предложению Петра Дмитриевича в ведение Главнауки, стала государственным музеем на правах филиала музея «Покровский собор». Первый список сотрудников музея «Коломенское» составлялся рукою Петра Дмитриевича, и под цифрой 1 записан он сам: «Барановский Петр Дмитриевич, заведующий музеем». Кроме Петра Дмитриевича в штате было два человека — завхоз и сторож.

В 20—30-е гг. Петр Дмитриевич проводит научные исследования, выявляя первоначальный облик памятников Коломенского. Он составляет перспективный экспозиционный план музея, открывает первые экспозиции и выставки. Всюду, где только возможно, Барановский ищет предметы древнерусского искусства, они-то и стали основой богатейшей музейной коллекции, определили на все последующие годы тематику музейного собрания предметов старины. Таким образом, именно Петр Дмитриевич наметил направление развития Коломенского не как краеведческого музея, а как музея

18-725

русской материальной и духовной культуры. А мы имеем право добавить к этому, что весь Музей «Коломенское» в совокупности его памятников архитектуры, археологии, природы, с его замечательными коллекциями стал памятником самому Барановскому на многие десятилетия, а теперь можно надеяться — и на века.

«Наследство» досталось Петру Дмитриевичу, прямо скажем, нелегкое. «Памятники в виде 4 храмов XVI—XVII вв., — писал Барановский, — страшно искажены перестройками и приспособлениями их для нужд общины, а также ветшали и были запущены отсутствием ремонта в течение многих лет. Древние 5 зданий гражданского характера находятся не в лучшем состоянии: в них не только искажены их интересные особенности, но окончательно проржавели крыши, отсутствуют в большей части водосточные трубы, полы, потолки, оконные рамы. Разрушились и продолжают разрушаться самые стены и фундаменты от недопустимого отношения к ним пользователей (например, в 1922 г. устроена конюшня в здании приказных палат XVIII в.)». Петр Дмитриевич намечает основные направления работы в Коломенском: сбор материалов о деревянном дворце XVII в., производство раскопок на месте дворца с целью выявления фундаментов и каких-либо предметов украшения и обихода; восстановление векового парка, в значительной части истребленного в 1918—1920 гг. на дрова; принятие мер от размыва Москвы-реки, вследствие чего существует угроза не только парку и саду, но и памятникам архитектуры; реставрация памятников; раскопки Дьякова городища; работы по организации музея с постоянным пополнением его экспонатами и ведением научных изысканий.

В 20-е гг. одна за другой закрывались находящиеся в Коломенском церкви. Церковь Вознесения (1532 г.) и храм Усекновения главы Иоанна Предтечи (XVI в.) в селе Дьяково были закрыты в 1923-м, а Георгиевская церковь (30-е гг. XVI в.) — в 1929-м. Тогда же пытались закрыть и Казанскую церковь, но община верующих ее отстояла.

Акт о передаче церкви Вознесения в подчинение и на содержание отдела музеев Главнауки был составлен 14 февраля 1923 г., а уже в мае Барановским были начаты работы по ее реставрации.

Видимо, еще до принятия музеем на охрану церкви Вознесения, находящийся в ней иконостас 1878 г., выполненный в мастерской Н.А.Ахапкина (вместе с иконостасом XIX в. церкви села Дьяково), по печально известному декрету об изъятии церковных ценностей был сдан на смывку золота. И вдруг под ним обнаружились следы тябл иконостаса XVI в. и подлинное нижнее тябло. Возникла идея восстановить в основных частях старый иконостас «для придания большего интереса памятнику», используя специально подобранные древние иконы. После долгих споров Главнаука разрешила передать Музею «Коломенское» 25 икон XVII в. из Кремлевского фонда и 53 иконы XVII в. из фонда бывшего Никольского единоверческого монастыря. Реставрация была закончена в 1925 г. Четырехъярусный иконостас Вознесенской церкви, воссозданный Барановским, смотрелся как своеоб-

разная выставка древнерусских икон. Он был разобран в конце 60-х гг., и это буквально опустошило знаменитый храм-музей.

Надо сказать, что к моменту передачи церквей Коломенскому музею, их состояние внушало серьезное беспокойство. 28 марта 1924 г. архитекторы Рыльский и Сухов вместе с Барановским составили акт, в котором, в частности, констатировалось, что «внутрь здания церкви Вознесения попадает... много атмосферных осадков из-за выбитых окон в шатре, ржавых, протекающих крыш всех галерей, а разрушение водосточных труб влечет за собой «обваливание» кирпичной кладки и белокаменных деталей». Из-за нехватки средств крыша из года в год ремонтировалась лишь частично, и капитальный ее ремонт удалось произвести только к концу 1930 г.

Но самую большую тревогу вызывало у Барановского состояние церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Дьяково, рассеченной опасными трещинами, идущими до самого верха северо-восточной башни. Был нарушен настил пола, сбиты древние фрески, и стены расписаны новой живописью, забелен знаменитый «паук» в своде центрального столпа. 20 февраля 1923 г. Петр Дмитриевич изложил свои предложения по реставрации Дьяковской церкви. «Все мои предложения приняты», — записывает он в деловом календаре. А затем появляются такие записи: «20 май — ... лазил на верх Дьяковской церкви. Окраска позднейшая; 31 мая — ... нашел черепицу у церкви; 1 июля — в Дьяково лазил на верха, открыл окно верхнего барабана, он обработан внутри нишами; 4 августа — обмер глав Дьяковской церкви». С 1923 г. по Дьяковской церкви были проведены большие ремонтные и реставрационные работы, здание освобождалось от поздних, искажающих первоначальный облик наслоений.

В том же 1923 г. Барановский приступил и к ремонту Водовзводной башни XVII в., где предполагалось разместить фонды музея. Были исправлены поврежденные части кладки стен и карнизов, настланы полы, подшиты потолки, остеклено 16 оконных рам, сделаны 2 окна по старой форме, покрыты новым железом крыши...

А в 1925 г. велись работы по укреплению фундаментов гражданских сооружений XVII в., восстанавливали окна палат с выкладкой профилей наличников и кокошников. Окна воссоздавались с математической точностью: открытая Барановским система кирпичной древнерусской кладки позволяла вести реставрацию на совершенно новом, научном уровне, возвращая утраченный облик не по аналогии, а в точности так, как это было. В 1928 г. Петр Дмитриевич сносит надстроенные в XVIII в. вторые этажи приказных и полковничьих палат (крыши при этом опускались целиком, без разборки). Над палатами Сытного двора надстройка была сохранена — требовались помещения для фонда, канцелярии, будущих экспозиций. Бывшим конюшням постепенно, из года в год возвращался первоначальный облик царских палат. Петр Дмитриевич воспроизводит потолочные балки, настилает пол старыми плитками. В 1930 г. из разобранной церкви святого Михаила в бывшей немецкой слободе он привозит в Коломенское прекрасную изразцовую печь XVII в., которую ставит в углу при-

казной палаты. Тогда же завершается реставрация стен, восстановление наличников, ремонт железной крыши. Приказная палата была полностью готова к размещению музейной экспозиции.

Огромная работа была проведена Барановским по реставрации Георгиевской колокольни: постройки 30-х гг. XVI в. В XIX в. она была переделана в действующую церковь. Петр Дмитриевич стал присматриваться к колокольне еще в 1923 г. Вместе с А.А.Карловым он исследовал верхнюю часть колокольни и установил, что некогда она была покрыта зеленой черепицей.

С 1927 по 1929 г. Барановский пытался выявить, как колокольня выглядела первоначально. Были возведены леса на всю ее высоту и на одну треть окружности, в этом секторе сбита штукатурка и проведена реставрация утраченных древних архитектурных частей с выделкой профилей по найденной форме (метод дополнения). В итоге перед реставратором предстал памятник с необычным художественным обликом. Петр Дмитриевич получил от ЦГРМ разрешение на полную реставрацию и начал ее с удаления застройки между колокольней и основным зданием церкви Вознесения. Барановский успел до наступления зимы снять крышу придела и разобрать верхнюю часть южной стены. В следующем году были полностью разобраны стены между колокольней и оставшейся пристройкой XIX в., после чего прослежены древние архитектурные формы на открывшейся западной стене. Восстановили дверь и входной портал. Тогда же покрыли железом крышу здания, устроили бетонный пол и побелили все стены внутри помещения. В целом раскрытие памятника было закончено, оставались кое-какие недоделки. Барановский мог бы гордиться содеянным: он вернул русской культуре еще один памятник начала XVI в. — оригинальный сам по себе и удачно дополняющий ансамбль Коломенского. Но вернувшись в Коломенское уже в конце 30-х гг. в качестве реставратора-консультанта, Барановский пришел к выводу, что, выкладывая карниз над средними кокошниками колокольни, он допустил ошибку. И потребовал все переделать.

Повышенная требовательность Барановского, желание работать чисто, научно, профессионально, без права на ошибку или небрежность заслуживает глубокого уважения. Любая его работа — образец высокого профессионализма, работа мастера.

Заветной мечтой Барановского было устройство заповедника деревянного зодчества под открытым небом, и в Коломенском мечта эта начала сбываться. Петр Дмитриевич обнаружил деревянный сарай конца XVII — начала XVIII в., сложенный из массивных бревен-пластин. Ученый ни минуты не колебался: новому владельцу постройки — директору завода «Радио» был отправлен 7 октября 1927 г. запрос: «Государственный Музей «Коломенское», имеющий своей основной задачей характеристику памятников древней архитектуры, настоящим обращается с просьбой передать ему находящийся в Вашем распоряжении деревянный сарай, сделанный из остатков бывшего Преображенского дворца XVII в., находящийся во владении бывшего Никольского единоверческого монастыря. В настоящем своем виде сарай используется только под дровяник для двух квартир, имеет

совершенно проржавевшую и сильно протекающую крышу, требующую капитального ремонта и частичной смены в срочном порядке. Ввиду этого перевоз в музей и использование указанного сооружения в качестве музейного экспоната, характеризующего технику древнего деревянного строительства, весьма желательны и отвечают интересам его охраны». Вскоре сарай (нареченный в музее «Медоварней») обрел новое место жительства в парке Музея-заповедника «Коломенское» по соседству с яблоневым садом. В последующие годы он прошел сначала ремонт, затем научную реставрацию и консервацию древесины. Постройка идеально гармонирует с окружающим пейзажем, ансамблем архитектурных памятников Коломенского, а мощные бревна сарая вызывают у посетителей неизменное восхищение.

Не такой простой и даже отчасти драматической была история перевозки в Коломенское другого деревянного памятника конца XVII в. — Проездной башни Николо-Корельского монастыря. Первая встреча Петра Дмитриевича с памятником произошла в начале августа 1931 г., когда в составе Беломоро-Онежской экспедиции Барановский посетил основанный в 1410 г. монахом Евфимием Корельским Николаевский монастырь.

«Достали катер для поездки в Николо-Корельский монастырь, — записывает в дневник экспедиции Барановский.— В монастыре в настоящее время помещаются сельскохозяйственная коммуна и лагерь пионеров. В главном Никольском соборе в папертях устроены спальни, в самом храме — клуб пионеров. Иконостас полуразрушен, вся резьба сбита, часть икон уничтожена. В малой церкви помещается театр коммуны, все имущество церковного характера уничтожено». Деревянная ограда, окружавшая монастырь, была разобрана, подобная участь могла постигнуть и башню.

Члены экспедиции повели переговоры о возможности разборки башни и перевозки ее в Москву — сначала с председателем коммуны, затем с начальством в Архангельске. В 1932 г. башня была разобрана, но до конца навигации не нашлось транспортных средств. Только летом 1933 г. удалось договориться о выделении баржи. Предоставленная баржа оказалась непригодной к перевозке лесных материалов, у острова Вишнякова села на мель и была брошена командой буксира на произвол судьбы.

Обстоятельства складывались критически: баржа едва не погибла вместе с находившейся на ней башней и сопровождавшим памятник работником музея. Ситуацию спасла лишь помощь местных жителей. Впоследствии баржа долго не разгружалась в Архангельском порту из-за отсутствия рабочих, вагонов, средств. Папка из архива Петра Дмитриевича с пометкой «Николо-Корельский монастырь» забита множеством полных отчаяния телеграмм из Архангельска в Москву и обратно. К осени 1933 г. памятник наконец перевезли, но когда приступили к его сборке, Барановский был арестован.

В 1934 г. начатое Барановским продолжил Стулов, башню собрали, хотя вернувшийся из заключения Барановский был недоволен недопустимым, с его точки зрения, включением нового материала при сборке венцов.

В архиве Музея «Коломенское» хранятся несколько пожелтевших листиков, исписанных рукою Барановского. Они вызывают щемящее чувство.

Вероятнее всего, писались они спустя несколько месяцев после ареста — в 1934 г. Насильно оторванный от любимого дела, Барановский переживает не столько за себя, сколько за участь оставленных на произвол судьбы памятников архитектуры, тревожится за будущность музея.

Практическая деятельность по реставрации памятников занимала фактически все время Петра Дмитриевича, она нередко опережала составление различного рода документации. Многие предметы старины из разрушенных или закрытых церквей и монастырей, свезенные в спешке в Музей «Коломенское», не успели пройти инвентаризацию. Сам Барановский прекрасно помнил, из какого храма он взял икону, алтарную дверь, фрагмент белокаменной резьбы и прочее, но другие этого просто не знали, и он предвидел трудности, с какими придется столкнуться сотрудникам музея при инвентаризации и систематизации коллекций.

Петр Дмитриевич пишет подробное обстоятельное «Завещание» — практическое руководство сотрудникам музея по тому, что и как делать в ближайшие годы. И не случайно первым пунктом в «Завещании» значится Николо-Корельская башня — последнее, чем занимался Барановский перед арестом: «...Обрезанные углы надделывать не нужно. Трещины и щели не нужно замазывать до изобретения вполне хорошего состава по цвету и качеству (прошлогодний был совсем неудовлетворительный), — советует Петр Дмитриевич. — Центральную мачту должны были поставить из старого дерева (скрепив его железом), если же поставили новую мачту, то все части старой необходимо сохранить. Неровно заканчивающиеся концы крепостных стен пока не следует оформлять, так как предполагалось их продолжение. Стены с городнями нужно накрыть тесовыми крышами. Концы тесин также имели фигурный вырез. Имели большой свес над стеною... Все остатки материалов... нужно сохранить, даже малые кусочки, которые все должны пойти на починки изъянов в стенах...»

Барановским была привезена в музей и деревянная башня Сумского острога XVII в. Однако в том же «Завещании» Петр Дмитриевич советует не торопиться со сборкою этого памятника. Здание башни еще на месте дважды подвергалось переборке, и первоначальное положение венцов, расположение бойниц Барановскому удалось установить только в результате длительной работы. К тому же при сборке этого сооружения потребовались бы значительные дополнения из нового материала, который надо заготавливать предварительно. К слову сказать, башня до сих пор хранится в Музее «Коломенское» в разобранном виде.

Домик Петра I 1702 г. тоже ставили в Коломенском без Барановского. Сам он сомневался в том, что домик соберут удачно, поскольку за время долгого пребывания в разобранном виде во дворе Архангельского городского театра и перевозки некоторые части памятника исчезли. И все-таки, вопреки опасениям Петра Дмитриевича, домик Петра I поставили и воссоздали в нем довольно удачные (на мой взгляд) интерьеры.

А в середине 50-х гг. в Коломенское был завезен последний памятник деревянного зодчества — башня Братского острога середины XVII в. Сам

Барановский был занят в это время реставрацией Крутицкого подворья, работа поглощала его целиком, а принадлежавшая ему идея заповедников деревянного зодчества развивалась и обогащалась, и не только в Коломенском, но в масштабах всей страны.

Создание в Коломенском музея древнерусской архитектуры — всего лишь одно из направлений деятельности Барановского как директора музея.

Добросовестный реставратор, Петр Дмитриевич стал не менее добросовестным музейным работником. Он собрал и систематизировал многочисленные исторические сведения о Коломенском и его дворцовых постройках. В одной из палат XVII в. Барановский предполагал разместить материалы, по которым можно было бы проследить историю Коломенского со времени основания Дьякова Городища (середина I тыс. до н.э.) и до конца XVII в. Для этой экспозиции он заказал копии духовных грамот князей, собрал сведения о неоднократном разорении Коломенского во времена монголо-татарских нашествий, разыскал писцовую книгу стольника Афросимова с описями царских сел 1701 г., нашел карты земельных владений XVI—XVII вв., составил диаграммы, характеризующие дворцовый штат, сделал выписки из документов XVII в., собрал сведения по дворцовому строительству в Коломенском, подобрал портреты владельцев усадьбы.

Во втором ярусе Передних ворот Барановский запланировал экспозицию, посвященную быту царской семьи. Для этой экспозиции им собираются рисунки со сценами соколиной охоты, одежда сокольничьих, грамоты сокольникам, «Уложение Сокольничьего пути», карты лесов, заповедных рощ; накапливаются сведения общего характера о соколиной охоте в древности на Востоке и в России. Еще одна экспозиция посвящалась событиям, связанным с социальным движением на Московской Руси XVII в.: здесь должны были прозвучать темы самозванцев, первой крестьянской войны под руководством Ивана Болотникова, Медного бунта 1662 г., стрелецких смут.

В приказной палате XVII в. Петр Дмитриевич намеревался восстановить интерьер, обстановку приказов. «Это будет иметь большой просветительский интерес для масс», — считал он.

Церковь Вознесения и Дьяковскую церковь Петр Дмитриевич также предлагал превратить в храмы-музеи.

По мере завершения ремонтно-реставрационных работ в Сытном дворе им проектируется экспозиция по архитектурным памятникам Коломенского, истории их сооружения и жизни; отдельная экспозиция посвящалась деревянному коломенскому дворцу XVII в. Петр Дмитриевич предполагал и создание постоянных выставок декоративно-прикладного искусства XVI—XVII вв. «Выставки декоративно-прикладного искусства позволят по возможности полно представить художественное и бытовое содержание коломенского дворца и дворцовых церквей, — пишет Петр Дмитриевич. — Надо представить в экспозиции преимущественно произведения московского искусства, той местности, которая исторически и территориально была связана с Коломенским и жила общими художественными интересами».

В плане 1928 г. Барановский намечал музеефикацию исторического парка — древнейшего в России, имеющего большое научное значение. В будущем ему представлялось возможным превратить в музей Дьяковское кладбище с надгробиями XVI—XIX вв. и Дьяково Городище.

Петру Дмитриевичу удалось создать чрезвычайно интересную выставку «Техника и искусство строительного дела в Московском государстве XVI—XVII вв.» На ней, в частности, было представлено большое количество подлинных фрагментов разбиравшихся в Москве и других местах зданий. Выставка получила всеобщее признание и была предметом гордости Барановского.

Основные направления экспозиционной работы, намеченные Барановским в 1928 г., были впоследствии реализованы, причем тематика музейных экспозиций в основном сохранилась до наших дней. Рожденный Барановским музей постоянно рос и обогащался. В 1924 г. его экспозиционная площадь составила 10 м^2, а в 1933 г. (ко времени ареста Барановского) расширилась до 715 м^2 (сейчас 1173 м^2). В 1924 г. музей располагал 342 экспонатами, из них в экспозиции было 75; в 1933 г. — 2782 экспонатами, 727 из них экспонировалось (сейчас 43796 экспонатов, из них 2967 в экспозиции). В 1926 г. в библиотеке музея было 12 книг, в 1933-м — 530, сейчас — свыше 10 тыс. книг. Площадь фондовых помещений в 1924 г. — 10 м^2, в 1933-м— 236 м^2, (сейчас фондохранилище имеет площадь 2000 м^2). В 1923—1924гг. музей посетило 1370 человек, в 1928—1929 гг. — 8405, сейчас у музея основная проблема, как ограничить рост посещаемости: в выходные летние дни его территорию посещает в среднем 18 тыс. человек.

Перебирая в памяти все, что сделано Барановским в Коломенском за 10 лет, нельзя не удивляться тому, как много он осуществил при столь малом штате сотрудников. Но мы удивимся еще более, когда полистаем его «деловые календари». К примеру, за 1923 г. можно прочитать следующие записи: «1 января — ходил с Н.И.Савиным обмерять дом князя Голицына в Охотном ряду; 2 января — делал на реставрационном заседании доклад о Пятницкой церкви в Охотном ряду; 3 января — ходил в банк; 4 января — обмерял дом князя Голицына в Охотном ряду; 5 января — банк; 6 января — отдел Музеев; 8 января — работа над чертежами Лявлинской церкви; 13 января — осматривал с Д.И.Суховым назначенную к ликвидации церковь Иоанна Богослова».

В феврале 1923 г. Барановский поочередно работает в Пафнутьевском Боровском монастыре, в Коломенском, в Дьякове, в Александрове, в марте — в Болдинском монастыре; в апреле — снова в Александровском музее, в Юрьеве-Польском; в мае — в Коломенском, в Дьякове, в Юрьеве-Польском; июль — Коломенское, Дьяково, Болдинский монастырь, Дорогобуж, Усвятье; август — Коломенское, Дьяково, Кемь, Соловки; сентябрь — Коломенское, Коломна, Городня; октябрь — Углич, Юрьев-Польский, Болдинский монастырь, Дорогобуж; ноябрь — Коломенское.

Поневоле поражаешься, в каком стремительном темпе прошла вся жизнь Петра Дмитриевича, и ведь так он работал до глубокой старости. За одну свою жизнь он сделал столько, сколько другому не удалось бы за несколько.

Причем, для себя Петр Дмитриевич не нажил ничего, кроме самого необходимого: стола, дивана... Самым ценным его имуществом были книги и папки с обмерами, чертежами, проектами реставраций памятников. Но он оставил возрожденные из небытия памятники архитектуры. Он сберег для нас культуру наших предков. Барановскому приходилось всю жизнь плыть против течения, но постоянное осознание общечеловеческой ценности спасаемой им древнерусской культуры, любовь к своему делу давали ему силы и на жизнь, и на борьбу.

А.М.ПОНОМАРЕВ,
архитектор-реставратор

ПОКРОВ НАД РУИНАМИ

В сборнике актов археологической комиссии за 1912 г. есть запись: «Поручить П.Д.Барановскому под руководством архитектора А.М.Гурджиенко провести обмеры памятников архитектуры Свято-Троицкого Болдина монастыря». Так отмечено вступление П.Д.Барановского на интереснейшее поприще исследователя истории архитектуры, исследователя русской культуры, реставратора, которое трансформировалось из-за нагрянувших в 1917 г. социальных потрясений (конечно, не сразу, а постепенно) в мучительную и изматывающую, но благородную, а потому и животворную деятельность по спасению и сохранению памятников материальной культуры.

Об этом подробно и обстоятельно я узнавал из уст Петра Дмитриевича и из накопленных им за всю жизнь материалов, собранных в сотнях папок его домашнего архива. На это мне был отпущен почти 18-летний период — последний период его насыщенной жизни. Но, пожалуй, ярче всего мир этого человека открылся мне во время ночного перехода с Петром Дмитриевичем из Болдина до Дорогобужа. У этого события была следующая предыстория.

Зимой 1966 г. я прослышал о клубе «Родина», под сенью которого собирались москвичи, интересующиеся историей и озабоченные судьбой памятников Отечества. Самое привлекательное для меня было то, что члены клуба ставили своей задачей непосредственное участие в сохранении и восстановлении заброшенных усадеб, церквей и других памятных мест, в большом количестве виденных в популярных в те годы туристических походах. Желание приложить свои силы на реставрационных работах и привело меня летом в студенческие каникулы на высокий берег Москвы-реки в Крутицы, где собирались члены клуба «Родина».

Стефан Васильевич Моровец, обитавший днем и ночью в этом сказочном уголке старой Москвы, узнав о моем желании поехать на реставрационные работы, сказал, что П.Д.Барановский, известный архитектор-реставратор, на днях выезжает для проведения работ в Смоленскую область в Болдин Свято-Троицкий монастырь и собирает «дружину». В тот же июльский вечер Стефан Васильевич повез меня к Барановскому в Новодевичий монастырь. Пройдя длинным коридором бывших больничных палат, превращен-

ных в коммунальную квартиру, мы постучались в дверь. «Войдите», — послышался грудной женский голос. Пройдя в полумраке маленькой прихожей, отгороженной от комнаты огромным шкафом и книжными полками, мы оказались в небольшом, тускло освещенном кабинете, тесно заставленном стеллажами с книгами и папками. Это и было жилище Барановских. Кругом старинные вещи: иконки, изразцы... Женский голос, позволивший нам войти, принадлежал Марии Юрьевне — супруге Петра Дмитриевича. Меня поразило благородство крупного женского лица. И первое впечатление не обмануло. В дальнейшем, нередко бывая у Барановских, я с нескрываемым интересом слушал рассказы Марии Юрьевны. О людях XIX в. она говорила так живо, как будто это были ее родственники, друзья или знакомые. Угощая чаем, а изредка и вишневой наливочкой, она обязательно напоминала: «А рюмочка из дома Грибоедова, а эта чашка из дома Вернадских» и т.д. и т.п. В первый же приход бросились в глаза портреты декабристов, стоявшие на письменном столе, и гипсовая посмертная маска Пушкина на стене.

«Петр Дмитриевич, к тебе пришли», — обратилась Мария Юрьевна в противоположную часть комнаты. Обернувшись, я увидел небольшого, даже щуплого человека. Петр Дмитриевич, что-то сказав хрипловатым глухим голосом, протянул руку. Я неожиданно ощутил энергичное пожатие жилистой крепкой руки мастерового, а не старца, прожившего почти три четверти века. Передо мной заискрились добрые, мудрые и необыкновенно живые карие глаза.

Очень часто видел я, как загорались глаза Петра Дмитриевича. Обычно это было связано с приятной новостью, с интересной мыслью, но чаще всего, когда к делу, которому он служил всю жизнь, подключались новые молодые люди. Иногда в минуты недолгого отчаяния он говорил, что, только видя, как много новых молодых людей интересуется историей, древними сооружениями, ему хочется работать и бороться. Петр Дмитриевич имел много оснований отчаиваться: слишком много мерзости, хамства и холуйства видел он на своем веку...

Оживление Петра Дмитриевича было вызвано пробудившейся надеждой не потерять оставшиеся теплые месяцы для проведения работ в Болдине. Тут же на столе появились старые фотографии замечательного ансамбля, где был и стройный шатровый храм, и монументальное пятиглавие собора. Но вот новый снимок — огромные груды щебня. Это все, что осталось в Болдине после фашистов.

«Завтра я еду в Смоленск, потом в Болдино, — сказал Барановский. — Так что до встречи на Смоленщине!» — и объяснил маршрут, который, чувствовалось, был для него привычным...

Дорогобуж встретил пением петухов в центре города, могучим холмом славянского городища и поражающей опустошенностью — будто он совсем недавно пережил нашествие татар. Конечно, это было мое, приезжего человека, впечатление. Пройдя однажды по центральной улицей города с Барановским, я увидел ее как бы новыми глазами: увидел и магистрат, постро-

енный в XVIII в., но приспособленный под нужды пожарной охраны, а когда-то использовавшийся под картинную галерею. На месте зеленого скверика, в рассказе Петра Дмитриевича, живо вставали арки торговых рядов, пережившие даже немецких захватчиков, но превращенные в щебень ретивыми градоначальниками середины нашего века...

В Болдино ехали мы втроем: я — студент МЭИ, отдыхающий после окончания четвертого курса, и десятиклассник с папашей. Ехали мы, по образному напутствию Леонида Ивановича Антропова — друга и соратника Петра Дмитриевича, «вытягивать танк из болота». Как понял я потом, это выражение имело, кроме переносного, еще и прямой смысл. Занимаясь спасением Болдинского монастыря, Петр Дмитриевич открыл для себя необыкновенно драматичную и в то же время полную мужества историю партизанского движения в Дорогобужском крае в годы Великой Отечественной войны. Болдино в конце 1941 г. оказалось в так называемом Вяземском котле. Остатки четырех наших армий, попавших в окружение, спасались в лесах, организовавшись в партизанские отряды, которые вместе с местными патриотами освободили от фашистов большую территорию и образовали в феврале 1942г. Дорогобужский партизанский край. Петр Дмитриевич наладил связь практически со всеми жившими еще в то время партизанами. Небольшая церковка над пещеркой основателя монастыря преподобного Герасима была приспособлена под Музей партизанской славы. Московский художник Карл Карлович Лопяло написал около сорока портретов бойцов местного отряда «Ураган» — главных действующих лиц партизанского движения Дорогобужского края. Реставрационные работы, которые удалось начать Барановскому на первом ярусе трапезной палаты, велись для создания партизанского музея. Воскресные дни посвящались экспедициям в леса за военными трофеями. В одну из таких экспедиций и удалось с помощью местных жителей отыскать увязший в болоте танк. Петр Дмитриевич загорелся идеей перетащить его в Болдино. А следует сказать, идеи свои он умел воплощать. В данном случае он сделал все, чтобы достать танк. Одновременно он добивался выделения танка Т-34 через Министерство обороны. И танк был выделен, но установлен не на территории монастыря, а в Дорогобуже.

Как говорится, что ни делается, все к лучшему. Конечно, в Болдине танк явно не вязался со всей окружающей средой. Это вовремя понял Петр Дмитриевич, а потому не проявлял своей обычной настойчивости для достижения цели.

Однако вернемся ко дню первого приезда в Болдино. Спрыгнув в облако пыли с подвезшего нас попутного лесовоза, мы оказались около кирпичной стены, кладка которой частично выветрилась, а завершающий карниз на высоте порядка 3 м оплыл и порос травой. Это была монастырская ограда. Через довольно широкий проезд, перекрытый аркой, переходящей в могучий кокошник, мы вошли на территорию. Было солнечное утро, территория поразила изумрудной чистотой зелени в отличие от пыльного серого бурьяна с внешней стороны ограды. Но где здесь величественные древние памят-

ники, к встрече с которыми мы готовились? В центре — огромный зеленый холм, местами поросший кустами бузины. Справа от него — холм поменьше, похожий на огромную булаву, ощетинившуюся угловатыми кирпичными глыбами. Я ожидал после первой встречи с Петром Дмитриевичем увидеть грандиозные руины, а передо мной оказались оплывшие холмы строительного мусора. Конечно, только человек с могучим воображением мог разглядеть здесь образ уникальных архитектурных творений конца XVI в. — пятиглавого Троицкого собора, самого монументального российского сооружения времен царя Федора Иоанновича, и отдельно стоявшую шестигранную колокольню.

Был еще и третий холм, над которым возвышалась шиферная кровля. Размеры и форма ее поражали необычностью, и только потом, в процессе работ, мне стало понятно, что крыша повторяла план древнего сооружения — трапезной с примыкавшими помещениями келарской палаты, церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы и паперти. С восточной стороны к шиферной крыше примыкал четверик первых венцов запроектированного Барановским рубленого шатра для консервационной кровли над подклетом церкви Введения. «Реставрация начинается с крыши», — часто повторял Барановский, а так как процесс «лечения» памятника достаточно длителен даже при хорошей организации работ, облик консервационной кровли должен иметь достойный архитектурный вид. А в Болдине возрождение предстояло явно не скорое. Только для разбора завалов требовалось вынести десятки тысяч кубометров щебня и мелкой кирпичной крошки.

Для завершения консервационной кровли необходимо было срубить шатер. Эту работу и планировал, видимо, закончить в этом году Барановский. Трапезная палата и шатровый храм занимали исключительное место в его жизни. Это был и первый обследованный им памятник, и уникальная по своей дерзости работа по заведению железобетонных связей в разрушительные пустоты, оставшиеся от утраченных дубовых. Мало того, что это было первое предложение по укреплению древнерусского кирпичного сооружения с помощью железобетона. Необходимо учесть и сложность организации таких работ в Смоленской глубинке, в 300 км от Москвы, в середине 20-х гг. нашего смутного века! Металл для связей брали на разбираемых древних сооружениях Москвы и по железной дороге доставляли до станции Издешково, оттуда — на подводах по 30-километровому проселку до Болдина. Перед началом работ восьмерик храма был обжат деревянным корсетом. Только после этого Петр Дмитриевич начинал очищать и промывать каналы. Нанял для этой работы наиболее смышленых и юрких болдинских пацанов. Ведь нужно было с головой влезать в каналы, размеры которых в сечении не более 50х50 см. После заводки металла бетонирование велось днем и ночью без перерыва. Работали самые умелые болдинские мужики. Петр Дмитриевич был один во всех ролях: он и автор проекта, и прораб, и мастер, он же отдел кадров и бухгалтерия. Именно такую организацию работ на сложных памятниках архитектуры он исповедовал всю жизнь. Шатровый храм был спасен.

Вскоре мы вышли к обветшавшему дому, срубленному из брусьев, на которых местами сохранилась дранка с обмазкой. Вывески, прибитые к стене, сообщали, что в нем помещается почтовое отделение и медпункт. Одну из комнат в юго-западном углу дома, в котором в монастырские времена квартировал казначей, и облюбовал Барановский. Вход в нее был через помещение, служившее залом ожидания болдинского медпункта. Местные старушки, ожидавшие приема у бойкой фельдшерицы Марии Ивановны, указали нам комнату Барановского. Петра Дмитриевича в Болдине не было, видимо, задержали дела в Смоленске. Без особого труда открыли мы немудреный замочек и вошли в помещение, которое должно было стать нашим приютом на время работ.

Расположившись в показавшейся нам поначалу не очень уютной хибаре, пошли осмотреться. Конечно, наше внимание в первую очередь привлекало все, что находилось в ограде. Холм под шиферной кровлей был местами раскопан, кое-где проглядывали остатки стен, выложенных из старинного большемерного кирпича с белыми толстыми швами. Уметь читать кирпичную кладку — необходимое условие для желающих стать реставраторами, и научиться этому можно только работая рядом с мастерами своего дела. Много раз я наблюдал, с какой нежностью и трогательной заботой обращался Петр Дмитриевич с каждым древним кирпичом. В то время в Болдине он больше работал не с чертежами и обмерами — его любимым инструментом была тяпка. Работы шли медленно, не хватало сил на раскопки завалов, а ему не терпелось увидеть сохранившиеся подлинные части стен, вот и орудовал он тяпкой, разгребая мусор в местах, где мог встретиться оконный или дверной проем или декоративная деталь памятника.

Вокруг холма лежали груды рассортированного щебня и половняка, кое-где были аккуратно сложены небольшие штабели целого кирпича. Каждую кирпичину Петр Дмитриевич рассматривал внимательно, особый интерес представляли, конечно, кирпичи с пометками и с отпечатками ладоней и звериных лап, которые он тут же относил в дом, приберегая для музея.

Обходя раскопки в районе паперти, мы увидели довольно свежую доску, на которой было написано: «Привет участникам партизанского слета», а у восточной стены ограды наше внимание привлекло небольшое кирпичное сооружение. Как выяснили мы позднее, это «приведенное в гражданский вид» (т.е. четверик церкви без глав и креста) сооружение второй половины XIX в. над самым памятным местом в монастыре — местом, где в 1530 г. поселился инок Герасим под могучим дубом. Сама церковка использовалась до появления П.Д.Барановского в Болдине под небольшой, местного значения, молокозавод, но мы увидели над дверью надпись: «Музей». Следует отметить, что создание музеев в местах производства реставрационных работ являлось характерной чертой подхода Петра Дмитриевича к сохранению и изучению на месте памятников материальной культуры. Так было в Болдине в 20-х гг., так было в Александровской слободе, Коломенском, Крутицах и в других местах.

Барановский появился в Болдине дня через два после нашего приезда. Было это под вечер. Пружинящей решительной походкой проследовал он

от Святых ворот нахоженной тропкой к дому казначея. Одет он был, несмотря на жару, в темно-серый костюм, в немаркого цвета рубашку, при галстуке, а на голове серого цвета кепка. В руках нес довольно увесистый портфель. Выработанный с годами обычай одеваться в столь универсальную одежду позволял ему и лазить по строительным лесам, и, не устраивая маскарадов с переодеваниями, в той же одежде опрятно и достойно выглядеть в партийных и советских кабинетах, где часто велась основная борьба за спасение памятника.

Петр Дмитриевич, видимо, не очень рассчитывал увидеть нас, а увидев, несказанно обрадовался и многократно повторял подходившим к нему местным жителям, что приехала бригада из Москвы для проведения реставрационных работ, хотя из нас троих никто не имел представления о реставрации. Работая с Петром Дмитриевичем, я понял, что он никогда не надеялся получить специалистов высокой квалификации: он их готовил сам.

Первые реставрационные работы в Болдине П.Д.Барановскому удалось организовать в 1921 г. Финансировал их музейный отдел Наркомпроса. Одновременно с противоаварийными работами на шатровом храме при трапезной палате восстанавливались растесанные оконные и дверные проемы, а также декоративные элементы. Своими яркими и масштабными замыслами Петр Дмитриевич втягивал в дело население всей округи. Это он, распределив обязанности по отдельным дворам, силами болдинских мужиков восстановил запруду у мельничной башни монастыря, возродив таким образом на месте болота верхний монастырский пруд. По его настоянию каждый двор села Усвятье участвовал в разборке и перевозе в Болдино в 1923 г. деревянной церкви, предтечи многих нынешних экспонатов российских музеев под открытым небом. Бывая здесь лишь в периоды проведения наиболее ответственных работ, он тем не менее смог сплотить группу единомышленников, взваливших на себя незнакомое музейное дело. В Болдино свозились церковная утварь и книги из закрывавшихся церквей. Михаилом Ивановичем Погодиным была собрана интереснейшая коллекция бытовой и церковной деревянной скульптуры Верхнего Поднепровья.

Недолгая жизнь была суждена музею в Болдине: в 1929 г. он был закрыт. Наиболее ценные экспонаты были перевезены в Дорогобуж, а частично — и в центральные музеи. Все собрание дорогобужского музея бесследно исчезло в годы последней войны.

...Появившись в Болдине, Барановский стал тут же анализировать сложившуюся ситуацию. План созрел молниеносно. Он и не помышлял об отдыхе, хотя позади был путь от Смоленска до Дорогобужа на самолете и 15 верст пыльного большака. «Завтра в восемь утра нужно быть на пороге межколхозной строительной организации в Дорогобуже, — твердо сказал он. — Надежды на транспорт нет, поэтому нужно выходить не затягивая». Неожиданный поворот дела несколько нас озадачил, но Петр Дмитриевич был непоколебим: «Надо идти».

С территории монастыря мы вышли уже в сумерках. Негромкий голос Барановского иногда ворчливо, а порою живо и с усмешкой комментировал

окружавшее нас. Досадно было видеть Барановскому состояние Смоленщины 60-х гг. Он помнил многолюдные деревни и села этих мест, ухоженные поля, а о монастырской корабельной роще, славившейся стройными вековыми соснами, упоминал в каждом разговоре о местных лесах. Нынешние заросшие ольхой и березняком луга и поля, завалы от беспорядочных самовольных порубок, нагромождения корней и сломанных стволов от так называемой мелиорации вызывали у него чувство досады. «Смоленская тайга», — с горечью часто произносил он. Природное окружение монастыря очень беспокоило Петра Дмитриевича. Добившись начала реставрационных работ в Болдине, он сразу стал хлопотать об охранной зоне, добился прекращения самовольных беспорядочных порубок в березняке, выросшем за послевоенный период на поле с восточной стороны монастыря, и теперь окрепшую березовую рощу заслуженно многие именуют рощей Барановского.

Прийти на пепелище было нелегко. Только в начале 60-х, когда блеснул луч надежды, когда была близка к завершению работа по вызволению из плена позднейших наслоений древнейшего домонгольского памятника Смоленска — церкви Петра и Павла, решился он на поездку в Болдино. Толчком послужила газетная статья местного краеведа Тита Петровича Новикова, в которой сообщалось, что разбираются на кирпич бесценные останки древних сооружений Болдина монастыря. Этого, конечно, Петр Дмитриевич допустить не мог. Он организовал выезд в Болдино ответственных деятелей управления культуры Смоленского облисполкома, добился выделения небольшой суммы для начала консервационных работ.

Активно поддержал Петра Дмитриевича директор Смоленской реставрационной мастерской Григорий Матвеевич Аптекин, но слабенькой в то время организации по силам оказалось лишь выпустить чертежи на консервационную кровлю над руинами трапезной палаты и церкви Введения. Где взять материалы, транспорт и рабочих? Прекрасно понимая расклад действовавших в стране сил, Барановский своей убежденностью и настойчивостью втягивает в болдинскую эпопею бывшего партизана, а в ту пору секретаря Смоленского обкома КПСС Николая Ивановича Москвина и первого секретаря Дорогобужского райкома КПСС Александра Владимировича Цыганова: без их поддержки организовать работы было практически невозможно. Что же касается чисто человеческого восприятия, то влияние Барановского сказывалось, и приятно было видеть, как один из очередных секретарей РК КПСС, Алексей Филиппович Воробьев, пожалуй, больше всех содействовавший работам в Болдине, привез однажды к руинам монастыря в 1977 г. новоиспеченного директора местного совхоза и указал ему, что здесь находится самое главное его богатство.

А водрузить консервационную кровлю над руинами было поручено (естественно, сверх основных плановых работ) председателю межколхозной строительной организации Дорогобужа Сергееву Дмитрию Александровичу, тихому, интеллигентному руководителю с дипломом о высшем педагогическом образовании. Инородно выглядел он в своем небольшом кабинете

на Ямщине в окружении мужиковатой артельной команды. Этой команде и предстояло поздней осенью 1965 г., после сдачи основных объектов колхозного строительства, соорудить крышу. Остряки ухмылялись: «С ума сошел дед, строит крышу над мусором в то время, как не хватает жилья, школ и скотных дворов». Только оказалось, что дед-то был прав!

Рассказывая о том, как строили крышу, Петр Дмитриевич дивился мастерству и отчаянности строителей, которые, взбираясь по обледенелым руинам, затаскивали наверх конструкции кровли. Один мужичок оказался потомственным плотником из Бизюкова, местечка западнее Дорогобужа. Бизюковские плотники славились на всю округу, они строили в Болдине в конце XIX в. дом настоятеля, дом казначея и гостиницу. Следует отметить, что Барановский в своих расспросах и следующих за ними повествованиях всегда находил нити, связывающие воедино судьбы отдельных людей с днями минувшими и настоящим временем. Печальна оказалась, однако, судьба потомственного плотника. Возвращаясь однажды на выходные дни в родные места (а рабочие дни и тем более недели заканчивались у тружеников, как правило, обильными возлияниями «Солнцедара»), он свалился, не дойдя до дома, и отморозил руки. Вот такая запьянцовская, отчаянная команда начала работы в Болдине, ютясь вместе с Барановским в небольшой комнатке дома казначея. Барановский прекрасно знал отечественную действительность и не роптал, а втягивал людей в работу своим всепоглащающим служением делу. Не было в нем ни грана начальственного отношения или академической брезгливости, а потому и величали его просто и уважительно: «профессор».

...Пройдя вдоль северной стены ограды монастыря, мы повернули направо — к въезду в Болдино со Старой Смоленской дороги. Слева стеной стояли березы болдинского кладбища. Этот поход с Петром Дмитриевичем был для меня путешествием в историю — древнюю и отстоящую всего на полвека, но далекую, как история чужой страны. Шли мы небыстро по хорошо различимой в темноте выжженной грунтовой дороге. Ничто не отвлекало, и потому все внимание было сосредоточено на неторопливой беседе с Барановским.

Как-то при одной из встреч в Москве он показал мне фотографии надгробий, украшенных резными досками. Оказалось, что это фотографии болдинского кладбища. Приезжая в Болдино, не раз потом мы заходили на кладбище, чтобы поклониться достойным людям, жившим в этих краях. Однажды (было это в 1971 г.) Тит Петрович Новиков, который посильно участвовал в реставрационных работах и присматривал в наше отсутствие за музеем, неожиданно признался, что он участвовал в ликвидации мощей преподобного Герасима в мае 1922 г. Он рассказал, как были вскрыты два захоронения: белокаменный саркофаг преподобного и лежавший рядом деревянный гроб Салтыкова. По словам Новикова, в саркофаге были обнаружены завернутые в парчу останки, по размерам соответствующие детским. Саркофаг был увезен в неизвестном направлении. «А что вы сделали с мощами?» — не терпелось узнать нам. «Захоронили вместе с останками

Салтыкова на болдинском кладбище», — невозмутимо ответил Тит Петрович.

Тут же мы потащили его на кладбище, где он и показал место захоронения, отмеченное большим валуном и посаженной березой. Восстановить могилу преподобного Герасима удалось, к сожалению, только после смерти Петра Дмитриевича: в день памяти преподобного — 14 мая 1990 г. стараниями архиепископа Смоленского Кирилла и сафоновского благочинного игумена Антония.

... Выйдя на большак, мы повернули налево. Надежды на попутный транспорт почти не было, и потянулась с холма на холм невидимая нам лента, бывшая когда-то единственной сухопутной дорогой, связывающей Россию с Европой. По сторонам изредка попадались мрачные громады. «Это сохранившиеся екатерининские березы, которыми была обсажена древняя дорога, — пояснил Петр Дмитриевич. — Они были свидетелями похода на Москву Наполеона, сопровождавший его художник Фабер дю Фор изобразил их на переднем плане своей путевой зарисовки: «Отдых французских солдат у Болдина монастыря». Тема Отечественной войны 1812 г. постоянно присутствовала в рассказах Барановского, а в музейчике на территории монастыря висело несколько репродукций с картин Прянишникова и Верещагина. Однажды Петр Дмитриевич достал из своего портфеля старую фотографию, на которой были запечатлены две колонны, заключенные в прямоугольник изящной кованой ограды. Фотографии были извлечены для опознания фрагментов кованых решеток, найденных при раскопках трапезной палаты. Хозяйственные колхозники всему находили применение: вот и использовали они звенья ограды в качестве решеток на окна, а гранитные колонны были переправлены к берегу пруда, и местные женщины полоскали с них белье. Усилиями Петра Дмитриевича колонны были возвращены на свое место у южной стены Троицкого собора, и стоят они пока безымянные, а ведь под этими колоннами покоятся члены семьи Вистицких, среди которых четыре генерала русской армии, один из них — генерал-квартирмейстер Михаил Стефанович Вистицкий, портрет которого висит в Эрмитаже в славной галерее героев 1812 г.

Раза два пыльную ленту дороги, плавно огибающую пологие холмы, освещали фарами машины, доверху нагруженные духовитым сеном. Мы уже миновали, правда, оставшиеся в стороне от дороги Холмец и Милоселье — это по левую сторону, и Полежакино с Никулиным — по правую. Петр Дмитриевич вспоминал, как вывозил в Болдино остатки большой библиотеки из имения Воронца. Болдино — своего рода ковчег для восточной Смоленщины, но и сюда вскоре нагрянули неутомимые преобразователи, и тогда Петр Дмитриевич предпринимает отчаянные попытки спасти сокровища, разделив их между областным и центральными музеями. Таким образом сохранилась, например, часть круглой изразцовой печи XVII в. из трапезной палаты Болдина монастыря, которая и сегодня находится в экспозиции музея в Коломенском, именуясь печью из г. Дорогобужа.

Изразцы и вообще керамика занимали в жизни Барановского особое место, начиная с первой акварельной зарисовки печи XVIII в. из церкви

Введения Болдина монастыря, сделанной еще в 1912 г., до вершин отечественного изразцового искусства в Ново-Иерусалимском монастыре и в Крутицах. Найдя в 20-х г. в ендовах сводов первого яруса трапезной палаты в Болдине замечательные многоцветные изразцы XVII в., он сделал реконструкцию уникального в своем роде интерьера одностолпной палаты, столп которой был украшен изразцами с рельефным растительным орнаментом по белому фону. Убранство столпа и многоцветье изразцов круглой печи создавали интерьер, равного которому, пожалуй, не было в XVII в. и в столице.

Проходя по небольшому деревянному мостику, под которым журчала небольшая, но быстрая речка Сукромля, Петр Дмитриевич обратил мое внимание на указательный столб, установленный прямо на мосту. До Смоленска 100 км, а до Вязьмы — 70. И на каждый километр этой российской артерии достанет легенд и преданий, песен и стихов. Да, это не Золотое кольцо, а зрячий посох, который помог бы каждому россиянину тверже стоять на родной земле, если бы смог он, заглянем немного вперед, неторопливо преодолеть этот маршрут пешком или, в крайнем случае, в дорожной кибитке, запряженной не очень резвой тройкой. Год спустя выбирались мы как-то с Петром Дмитриевичем из Болдина в Москву через Васино. В те годы ходил еще автобус из Васина до Вязьмы, а до Васина из Болдина (это всего километров восемь) подвез нас на школьной телеге Тит Петрович. Два часа езды до Вязьмы — это и путешествие в XVII в., так как мы проезжали Поляново, где был заключен с поляками мирный договор в 1632 г., и деревню, до сих пор именуемую Зарубежье, как будто где-то рядом и сейчас проходит граница. На этом же участке — связанные с воспоминаниями о войне 1812 г. Семлево и Славково и много-много другого.

От речки Сукромли до Полибина дорога шла по ровной террасе, прилегающей к невысокой гряде, которая обращена в сторону открытого пространства поймы реки Осьмы. Из древних построек в Полибине ничего не сохранилось, но память Барановского хранила образ сказочного по красоте резного деревянного паникадила из деревянной церкви XVIII века села Благовещенского, территория которого вошла в границы Полибина.

Перейдя пересохшее русло старицы Днепра, вышли мы на простор заливных лугов — и словно перенеслись в языческие времена: здесь проходил легендарный путь «из варяг в хазары». С Днепра вверх по реке Осьме поднимались купцы до волока в приток реки Угры и далее по Волге в Хазарское (ныне Каспийское) море. На месте древнего волока сохранились села с названиями Волочек и Подмощье. На этом же волоке было древнее городище Хавращ, которое мы тут же решили отыскать в ближайшее время и выезжали несколько раз, беря в качестве проводников местных старичков, но каждый раз находили хотя и что-то очень похожее на городище, но скрытое густыми зарослями. По местным преданиям, каждый большой холм — городище. Возможно, так оно и было, ведь здесь проходил оживленный торговый путь. А Барановский говорил, что Хавращ — однокоренное слово с названием европейского торгового города Гавра. Множество городищ со-

хранилось на Днепре, Осьме и их притоках в Дорогобужском районе, и потому очень любил Барановский наяву, а чаще, естественно, мысленно пускаться в путешествия в дивную страну Гардарики, как именовали нашу Родину в древних сагах.

Открытое пространство заливных лугов навеяло на Петра Дмитриевича воспоминания об усадьбах, селах и храмах, что видел он еще своими глазами в не столь далеком прошлом на берегах Днепра. Напротив маршрута нашего перехода, на правом берегу Днепра, было когда-то имение Вистицких — Елисеенки. Естественно, с парком и церковью. Выше по течению — село Благовещенское, еще выше по Днепру — знаменитое Николо-Погорелое, где поставил храм-мавзолей по заказу Барышниковых Матвей Казаков. И везде одна и та же картина — бурьян на месте великолепных построек. «Какую Великую Культуру порушили»,— с горечью вырвалось из уст Барановского.

Неожиданно из темноты выплыли очертания небольшого деревянного моста. «Горбатый мост через реку Осьму, — пояснил Петр Дмитриевич. -- Это две трети нашего пути, можно и немножко отдохнуть». Он достал фонарик из портфеля, который сам нес всю дорогу и, несмотря на мои периодические попытки помочь ему в этом, не выпускал из своих крепких рук. Осветил пригорок недалеко от моста на самом берегу Осьмы, который выбрали мы для привала. «Некогда здесь была чайная, — вспомнил Петр Дмитриевич, — и каждый путник мог отдохнуть и подкрепиться». С этими словами он погрузил руку в портфель и извлек оттуда конфеты и остатки подсохшего кекса. Все это было положено заботливыми руками Марии Юрьевны еще в Москве. Много раз доводилось мне в последующем быть очевидцем сборов в дорогу Петра Дмитриевича, и каждый раз Мария Юрьевна покладывала ему в портфель что-нибудь из съестного, зная о том, что он часто забывал о пище и вспоминал лишь тогда, когда негде было и поесть. Провожая Петра Дмитриевича, она не скрывала, что немножко отдохнет и сможет спокойно поработать, отдавая дань своими трудами ярчайшим людям России XIX столетия: декабристам. Напутствуя Петра Дмитриевича, она обычно говорила: «С Богом». И это была не просто расхожая фраза. Я думаю, что вся жизнь Барановского была с Богом. Вряд ли он был церковным человеком, ни разу не видел я его молящимся, да и не помню, чтобы он крестился, входя в действующий храм. Но он всей своей жизнью и служением делу как никто, пожалуй, из наших соотечественников, потрудился во спасение христианской культуры. И когда, начиная с 14 мая 1990 г., вновь начала возрождаться церковная жизнь в Болдине монастыре, зазвучали сохраненные Петром Дмитриевичем тексты молитв пред мощами преподобного Герасима, тропарь и кондак. Переиздано и Житие преподобного Герасима, болдинского чудотворца, также сохраненное Петром Дмитриевичем Барановским.

Надеясь поработать дома именно в отсутствие Петра Дмитриевича, Мария Юрьевна была, конечно, права, так как будучи в Москве, он сразу втягивал в сферу своих интересов всех его окружавших.

С именем Барановского впрямую либо косвенно связано множество славных имен России. Наш короткий привал на берегу реки Осьмы, с трудом различаемой в темноте, с нависшими над водой ветвями кустарника, располагал к явлению картины таинственных былинных сказаний. Казалось, вот-вот появится гонец на челне с картины Николая Константиновича Рериха. Это имя в те времена только начинало возвращаться на Родину. Живописное крыльцо собора Вознесенского монастыря в городе Смоленске, с полотна Николая Константиновича Рериха, Барановский «примерял» в виде аналога для восстановления разобранного в конце XIX в. крыльца перед северной папертью трапезной палаты Болдина монастыря. Имя Н.К.Рериха было близко и дорого Петру Дмитриевичу не только как имя художника, историка и археолога, но и как человека, вознесшего задачу охраны исторического наследия на уровень общечеловеческой проблемы. Поначалу очень непривычно было слышать из уст Петра Дмитриевича рассказы о сотрудничестве с людьми, отстоявшими от нас почти на целую эпоху, о которых мы впервые услышали еще на школьных уроках. Прошлые и нынешние времена сомкнулись для меня сравнительно недавно, когда на выставке, посвященной юбилею Аполлинария Васнецова, я увидел приветственное послание 20-х гг. юбиляру от Барановского с симпатичной карандашной зарисовкой деревянной русской церквушки. Всегда добрыми словами вспоминал Петр Дмитриевич Алексея Викторовича Щусева, который содействовал, по всей вероятности, вызволению Барановского из лагерей ГУЛАГа. Кстати, прочитав несколько позднее очерк В.М.Пескова, в котором автор пересказывает слова, якобы принадлежащие Барановскому, о том, что если снесут собор Василия Блаженного, он покончит с собой, я был озадачен. Написанное Песковым не вязалось в моем представлении с характером и деятельностью Петра Дмитриевича, видеть которого к тому времени довелось мне в различных ситуациях. На мой недоуменный вопрос Петр Дмитриевич ответил: «Чепуха, они были бы только довольны, если бы я покончил с собой». Да, бороться до последнего, несмотря на утраты и потери, — вот что было отличительной чертой Барановского.

Последний выезд Петра Дмитриевича в Болдино состоялся осенью 1976 г., когда он организовал экспедицию от реставрационной мастерской и пригласил с собой В.А.Чивилихина, который посвятил поездке целую главу в историческом эссе «Память». Я не участвовал в ней — это был год нашей размолвки с Петром Дмитриевичем. Одно недоразумение накладывалось на другое, а в результате администрация реставрационной мастерской при ВООПИиК, через которую осуществлялось научное и архитектурное руководство работами в Болдине, не позволило мне выехать туда. Консервация первого яруса трапезной палаты к тому времени была практически закончена, а раскопанные руины колокольни являли жалкий вид, так как памятник был разрушен практически до основания. В центральном совете ВООПИиК, который финансировал с 1969 г. работы в Болдине, стали поговаривать о приостановлении работ «до лучших времен», не видя перспективы «оживления» восстанавливаемых сооружений.

Неурядицы с мастерской, попытки прикрыть работы в Болдине, надвигавшаяся слепота Петра Дмитриевича окончательно подорвали здоровье Марии Юрьевны. Она скончалась в июне 1977 года.

И вот звонок Петра Дмитриевича. «Марии Юрьевны нет». Конечно, в этот период только добрые дела могли как-то поддержать силы Барановского. Бригада каменщиков со Славой Киселевым во главе (конечно, теперь он уже Вячеслав Николаевич) и группа из добровольных помощников реставраторов, оперативно сколоченная В.Д.Ляпковым, выехали в Болдино. Откопанное в предыдущем году основание колокольни уже стало зарастать полынью и лебедой. Хозяйственные крестьяне, обреченные доживать свой век на «неперспективной малой родине», уже присматривали, как приспособить в дело доски и кирпич, оставшиеся от реставраторов. Однако вопреки стратегическим планам «преобразователей», лучших времен в Болдине ждать мы не стали — стали их приближать. Шурфы по периметру колокольни открыли следы развитого цоколя памятника, переходящего через два разновеликих параллельных валика в первый ярус колокольни. Он был скрыт позднейшими наслоениями и, естественно, не мог быть обмерен Барановским в довоенное время. В первый год нам удалось укрепить основание и восстановить четыре грани колокольни до уровня подоконников первого яруса. Конечно, сделано было немного, но самое главное, начались работы по возрождению уникального древнерусского сооружения — шестигранной столпообразной звонницы.

Сохранившиеся к началу 60-х гг. фрагменты колокольни являлись предметом особой любви и интереса Петра Дмитриевича. Многотонные кирпичные глыбы были прочны, и на многих из них выявлялись конструктивные и декоративные элементы. Барановский видел в колокольне, как и в Троицком соборе Болдина монастыря, авторство Федора Коня. Петр Дмитриевич говорил, что почерк Федора Коня невозможно перепутать с работой другого мастера, как невозможно перепутать стихи А.С.Пушкина со стихами его современников. Поэтому восстановление колокольни он рассматривал не только как возможность сохранения замечательного архитектурного сооружения, но и как материализацию легенды о великом русском зодчем в качестве церковного мастера. Градостроительное искусство Федора Коня известно и до сих пор поражает сохранившимися башнями и стенами Смоленского кремля, пусть местами обветшавшими, а местами слишком «забронированными» облицовкой из современного кирпича. Известно оно и по разобранным, но запечатленным на многих рисунках и чертежах стенам и башням Белого города Москвы. Звеном, которое связывало в единую творческую цепочку сооружения Белого города с ансамблем Болдина монастыря, была для Петра Дмитриевича шестигранная башня Белого города, возвышавшаяся поблизости от места, ставшего роковым для Москвы, — места, где сооружения древнего Алексеевского монастыря были разобраны, чтобы освободить площадку для храма Христа Спасителя. В папке с материалами по колокольне Болдина монастыря у Петра Дмитриевича была и репродукция с картины Аполлинария Васнецова «Семиверхая башня Бело-

го города в XVII в.» — та самая шестигранная башня, редкий для русского зодчества план которой был использован и при строительстве колокольни в Болдине, что вполне можно рассматривать как почерк мастера. Шестигранный план, естественно, уменьшает площади внутренних помещений сооружения, что не столь существенно для звонницы и городовой башни, но обеспечивает богатство ракурсов столпообразного творения, свидетельствуя о незаурядности зодчего.

Поднимать вопрос о восстановлении колокольни, именно о восстановлении, а не о строительстве ее заново по сохранившимся обмерам и фотографиям, позволяли Барановскому фрагменты древней кирпичной кладки, покоившиеся на территории монастыря. «Колокольню можно «склеить», как археологи склеивают из черепков амфоры и кувшины», — запальчиво обрушивал он свой созидательный пыл на приезжавших в Болдино поинтересоваться или поучаствовать в реставрационных работах. С трудом верилось в реальность замыслов Барановского, но у Петра Дмитриевича уже зрел план действий. На ноябрьские праздники 1968 г. я помог ему составить ситуационный план расположения фрагментов, находившихся на поверхности руин, и обмерить наиболее интересные фрагменты колокольни. За осень-зиму 1969—1970 гг. выполнил «привязку» всех известных фрагментов и изготовил из пенопласта в масштабе 1:20 макет колокольни, на поверхность которого художник М.Н.Гребенков нанес крупные фрагменты.

Работа была готова ко времени. В мае 1970 г. в помещении Музея архитектуры имени А.В.Щусева проходила сессия московских реставраторов. Первым был доклад Петра Дмитриевича. Его обстоятельное, часа на полтора, выступление об истории становления научных методов реставрации памятников архитектуры на примере Болдинского монастыря завершилось предложением восстановить колокольню путем «склеивания» из сохранившихся фрагментов. Это предложение было поддержано решением методического совета при Министерстве культуры СССР.

Готовя в 1971 г. обоснование для начала финансирования работ по колокольне, мне пришлось, конечно, более основательно аргументировать это предложение, базируясь на положениях Афинской хартии реставраторов, в которой впервые была в 1931 г. сформулирована допустимость восстановления руинированных памятников лишь методом анастилоза, то есть путем возвращения на свои места сохранившихся, но разрозненных фрагментов. Этот метод был отработан архитектором Балоносом на памятниках афинского Акрополя в 20-е гг., однако строительный материал афинских сооружений был значительно прочнее плинфы и кирпича памятников русской архитектуры, которые находились к тому же в более тяжелых климатических условиях. Вот почему закончилась неудачей попытка использовать метод анастилоза А.В.Щусевым при реставрации церкви Василия в Овруче в начале нашего века.

Масштабность болдинской задумки Барановского поражала. Его убежденность в возможности возрождения колокольни и постоянные поиски путей проведения работ на современном уровне превращали фантазии в

реальность. Даже будучи заточенным слепотой в стенах своей обители, он живо интересовался работами. Конечно, самым радостным известием для Петра Дмитриевича был рассказ о том, что в конце сезона 1979 г. на переходе от первого ко второму ярусу нами были вмонтированы на свои места в «тело» колокольни первые пять фрагментов памятника.

Не успокаивался он в своей келье и, негодуя на слепоту, вооружившись самым черным карандашом, «Люмографом», уже выводил крупными буквами обоснование на восстановление Троицкого собора в Болдине, считая работы, проводившиеся по колокольне, важным аргументом в методике сохранения главного сооружения монастыря.

...Впереди замерцали робкие огоньки ламп накаливания. Мы подходили к тихому спящему Дорогобужу. «Эта часть города именуется Гусинец, — сказал Петр Дмитриевич. — Дорогобужане сберегли в своей памяти и такие названия отдельных частей города, как Святоручье, Ямщина, не очень-то пользуясь новоявленными именами улиц и переулков». Пройдя горбатый мостик через Святой ручей, мы подошли к основанию могучего городища. Конечно, я видел только мрачный, темный массив по левой стороне улицы, но весомые эпитеты Петра Дмитриевича внушали уважение к скрытой во тьме древности. Миновав мост, перекинутый над речушкой Ордышкой, мы повернули налево и в глубине переулка подошли к двухэтажному дому. «Вот и гостиница, — сказал Петр Дмитриевич, — а до войны в этом здании помещался Догоробужский музей». Барановский показал мне слева от здания место, где, по словам бывших сотрудников музея, были закопаны перед приходом немцев серебряные изделия из коллекции музея, в том числе и принадлежавшие Болдину монастырю. После войны тайник оказался пуст...

Дежурная гостиницы приветливо отворила нам дверь, узнав Барановского по голосу, и проводила нас на второй этаж в большую комнату, где пустовали несколько коек. Погружение в свежую постель было приятным завершением ночного перехода, но спать нам оставалось всего часа четыре. В восемь нужно было пуститься в обход «парадных подъездов», где решались судьбы малых и больших начинаний. До настоящего пробуждения были еще годы и годы. Немного не дожил Петр Дмитриевич до этого времени. Он оставил нас 12 июня 1984 г. Часто в последние годы сидел он, одиноко погрузившись в собственные мысли, с невидящими, как бы опрокинутыми внутрь, зрачками. Это, видимо, было время раздумий о прожитой жизни. А всю свою жизнь Барановский собирал, изучал, а главное боролся за спасение и сбережение всего, что делает человека — ЧЕЛОВЕКОМ.

Поистине «покровом над руинами» можно назвать его подвижническую деятельность. Дай Бог последующим поколениям возродить по крупицам, сохраненным славными людьми земли Русской, в числе которых и имя Петра Дмитриевича Барановского, течение естественной созидательной жизни в нашем многострадальном ОТЕЧЕСТВЕ.

В.И.ФЕДОРОВ,

архитектор-реставратор

ЗАКОНОДАТЕЛЬ

О деятельности П.Д.Барановского можно рассказывать часами, повествование о нем займет сотни страниц. Но мне представляется чрезвычайно важным, хотя и очень коротко, подчеркнуть его активнейшее участие в разработке научно-методических норм, обеспечивающих максимальную подлинность памятника при восстановлении. Петр Дмитриевич играл, по сути, первую роль в комиссиях, разрабатывавших проекты постановлений правительства и соответствующих инструкций (подзаконных актов), направленных на сохранение исторического и культурного наследия страны. При отработке столь ответственных документов вместе с академиком И.Э.Грабарем, его ближайшими учениками и соратниками Н.Н.Померанцевым, С.П.Григоровым, членом-корреспондентом Академии архитектуры Б.П.Михайловым, доктором архитектуры К.Н.Афанасьевым Петр Дмитриевич стремился четко сформулировать основные положения, которыми могли бы пользоваться архитекторы-реставраторы.

Вот эти принципы, сформулированные Барановским и ставшие нормой, законом для реставраторов в России и далеко за ее пределами:

— судьба памятника определяется его историко-художественным значением;

— практические мероприятия по сохранению и использованию памятника могут осуществляться только по решению научно-коллегиального органа (научно-методического совета);

— реставрация памятника возможна только при полной научной обоснованности;

— памятники сохраняются для ознакомления и изучения их широкими массами населения;

— музейное использование — самая демократическая форма приспособления памятника.

Эти положения бытовали у нас на несколько десятилетий ранее, чем научная международная общественность узаконила их в специальном документе, в так называемой Венецианской хартии, принятой в мае 1964 г. в

Венеции на II Международном конгрессе специалистов по сохранению зданий, сооружений и монументов.

Мы можем считать себя учениками и последователями Барановского, если будем строго следовать его принципам, сохранять преемственность заложенных им традиций российской школы реставрации, отдаваться этому великому делу также горячо, честно и беззаветно, как сам Петр Дмитриевич.

И.А.БЕЛОКОНЬ,
журналист

РАДИ СОЗИДАНИЯ

В апреле 1961 г. журнал «Москва» напечатал мой очерк «Наше, родное», посвященный древнерусской живописи и архитектуре. После выхода номера в свет мне посоветовали зайти к главному редактору Евгению Поповкину.

— Понимаете, — сказал Евгений Ефимович, — это первая публикация такого рода. Для нашего журнала она необычна, но я готов подписаться под каждым словом очерка и в случае необходимости готов отстаивать его перед критиком любого ранга.

При этом главный посмотрел на потолок своего кабинета; невольно и мой взор последовал туда же, а когда Евгений Ефимович, вскинув правую руку, подкрепил свой взгляд указательным пальцем в том же «потолочном» направлении, я понял: дело серьезное...

— Что меня смущает? — сказал главный после небольшой паузы. Он раскрыл журнал: — Вот смотрите, иллюстрации: Софийский собор в Новгороде. Что это? Храм. На храме сияют кресты. Дальше. Шатровая Успенская церковь в Кондопоге. Опять кресты. Погост Кижи — снова храмы, а на них кресты, много крестов, даже не сочтешь... Вот голова Ангела из главного Деисуса, фреска Феофана Грека «Столпник»... Храмы. Святые. Подвижники. Кресты, кресты, — Евгений Ефимович тяжело вздохнул.

— Но ведь это средневековье. Гениальная народная архитектура, живопись мирового уровня. Где вы еще найдете такое богатство?!

— Не агитируйте, знаю. Вы вот поставьте себя на мое место. Завтра вызывают в ЦК. Будет совещание по атеистической пропаганде. Понимаете? Угораздило же меня напечатать ваш материал накануне Пасхи, Христова Воскресения: в этом же весеннем месяце ежегодно «воскресает» наша безбожная пропаганда. Боюсь, что завтра мы оба с вами будем «именинниками»...

Но на этот раз, слава Богу, пронесло!

И страхи сменились радостью: редакцию стали поддерживать такие авторитеты русской культуры, что уже никакая проработка «там», куда показывал указательным перстом Евгений Поповкин, не казалась нам опасной. Увы, рано торжествовали! Через год на «Москву» обрушился гнев, правда, по другому поводу, самого Никиты Хрущева, закамуфлированный огромным письмом в «Правду» большой группы столичных архитекторов, отяг-

ченных высокими званиями, должностями и наградами, людей, сумевших-таки навязать импульсивному вождю свою антиисторическую, антимосковскую идею реконструкции центра города и во многом осуществивших ее на практике. Походя, между делом, на заседании МГК КПСС (первый секретарь Егорычев) так «проработали» ни в чем неповинного талантливого поэта, заместителя главного редактора журнала «Москва» Василия Кулемина, что он вскоре попал в больницу, а оттуда на кладбище...

«Москве» закрыли рот на долгие годы, однако справиться с общественностью, с ее протестами против архитектурного вандализма, не смогли даже искушенные в интригах архитектурные начальники и помогавшие им партийные функционеры. А как старались!

Впрочем, грозно звучавшие тогда политические ярлыки отпугивали многих от самой идеи заступничества за памятники культуры. Никому не хотелось ходить в «звании» ретрограда, мракобеса, а то и антисоветчика.

Но были люди, которых ничто не могло оттолкнуть от изучения, пропаганды и защиты прошлого Родины, попираемого невеждами, услужливыми дураками (как же они опасны!) и теми, кто, понимая духовную мощь, заложенную в христианской культуре, продолжал беспощадно ее уничтожать. Да, защитников старины было мало, очень мало, но они были: физики, математики, историки, старые большевики, инженеры, врачи, писатели, краеведы, архитекторы, художники, журналисты, рабочие, домашние хозяйки, студенты, школьники. В Москве было несколько организаций, вокруг которых группировались эти бесстрашные люди. Я не оговорился, именно бесстрашные, потому что защита церкви, иконы, фрески или мозаики на религиозную тему могла для любого из них обернуться тем, чем обернулась для Василия Кулемина.

Кто же приютил в начале 60-х гг. горстку энтузиастов? Советский комитет защиты мира (СКЗМ), Московское отделение Союза художников (МОСХ), Академия художеств СССР. Здесь, особенно в Культурной комиссии СКЗМ (ее возглавлял писатель Василий Захарченко), люди чувствовали себя свободно, раскованно. Как дома! Я старался не пропустить ни одного заседания секции охраны памятников и музеев (председатель Владимир Александрович Павлов). Все без исключения собрания носили сверхоперативный, «пожарный» характер. Телефонный звонок секретаря секции Киры Александровны Рожновой означал одно: надо бросать все дела и немедленно ехать на Кропоткинскую, 10. Первым приходил туда Петр Дмитриевич Барановский. К нему (мы это хорошо знали) стекалась со всего Советского Союза информация об актах вандализма. А сигналы поступали практически каждый день.

Придет время, ученые напишут многотомные труды и вспомнят они не только разрушителей — назовут имена и тех, кто останавливал злодейскую руку. И первым будет стоять имя выдающегося архитектора-реставратора России Петра Дмитриевича Барановского. Может ли быть иначе, если все, что удалось спасти, реставрировать, законсервировать, исследовать, — все это дело рук либо самого Барановского, либо его последователей?

О Петре Дмитриевиче говорить трудно. Времени на беседы у него никогда не было, он всегда работал. Барановский с полным правом мог сказать: история моей жизни — это история моей борьбы с разрушителями. Ничего другого в жизни он не знал. А сколько раз его подло обманывали? В начале 30-х гг. его и Д.П.Сухова вызвали в Моссовет и попросили дать небольшой список наиболее ценных памятников архитектуры Москвы.

— Для чего он вам? — спросил Барановский.

— Начинаем реконструкцию столицы, хотим сохранить все уникальное.

Барановский и Сухов составили такой список на одиннадцать памятников архитектуры. Разумеется, там были Симонов монастырь, Сухарева башня. Через год-два все они были уничтожены, уцелел только храм Василия Блаженного, который чуть было не стоил жизни самому Петру Дмитриевичу.

На мой вопрос, какой московский ансамбль он поставил бы на первое место, не считая, разумеется, Кремля, Барановский, не задумываясь, ответил: «Симонов монастырь. Равных ему в Москве нет...»

Архитектура старой Москвы уничтожалась сознательно, целенаправленно, по указанию свыше. Градостроительные идеи московской Руси отвергались, высмеивались. Писатели, журналисты, художники, архитекторы не жалели слов и красок, чтобы опорочить «ситцевую столицу».

Вот выдержки из одной только статьи:

«Новаторы современности должны создать новую эпоху. Такую, чтобы ни одним ребром не прилегала к старой».

«Резкой гранью, в отличие от прошлого, мы должны признать в нашей эпохе «недолговременность», мгновенье творческого бега, быстрый сдвиг в формах; нет застоя — есть бурное движение».

«А потому в нашей эпохе не существует ценности, и ничего не создается на фундаментах вековой крепости».

«Мы до сих пор не можем победить египетские пирамиды. Багаж древности в каждом торчит, как заноза древней мудрости, и забота о его целости — трата времени и смешна тому, кто в вихре ветров плывет за облаками в синем абажуре неба».

«Нужен ли Рубенс или пирамида Хеопса? Нужна ли блудливая Венера пилоту в выси нашего нового познания?»

«Нужны ли старые слепки глиняных городов, подпертых костылями греческих колонок?»

Далее следует еще несколько аналогичных вопросов, на которые дается такой ответ:

«Ничего не нужно современности, кроме того, что ей принадлежит, а ей принадлежит только то, что вырастает на ее плечах...»

Большие надежды автор возлагал на огонь. Он писал: «Современность изобрела крематории для мертвых, а каждый мертвый живее даже гениально написанного портрета. Сжегши мертвеца, получаем один грамм порошку, следовательно, на одной аптечной полке может поместиться тысяча кладбищ. Мы можем сделать уступку консерваторам, предоставить сжечь

все эпохи как мертвое и устроить одну аптеку. Цель будет одна, даже если будут рассматривать порошок Рубенса, всего его искусства... И наша современность должна иметь лозунг: «Все, что сделано нами, сделано для крематория».

Не обошел автор своим вниманием русскую культуру: «Не могли мы сохранить старую стройку Москвы под стеклянный колпак (так в тексте. — *И.Б.*), зарисовали рисуночки, а жизнь не пожелала и строит все новые небоскребы и будет строить до тех пор, пока крыша не соединится с луною».

Дальше читаем: «Скорее можно пожалеть о сорвавшейся гайке, нежели о разрушившемся Василии Блаженном. Стоит ли заботиться о мертвом? Всякое собирание старья приносит вред. Я уверен, что если бы был своевременно уничтожен русский стиль, то вместо выстроенной богадельни Казанского вокзала возникла бы действительно современная постройка».

Лет двадцать тому назад, когда взгляд на прошлое, на старую культуру стал, хотя и с трудом, меняться, я хотел включить в свой очерк почти всю статью, опубликованную в газете «Искусство Коммуны» 23 февраля 1919 г. Ее автор — Казимир Малевич, крупнейший мастер отечественного авангарда. Однако воздержался. Друзья посоветовали не делать этого: дескать, делу не поможешь, а Малевичу повредишь, дашь повод невеждам-демагогам, погромщикам культуры, все равно какой, старой или новой, не только попрежнему замалчивать имя знаменитого на весь мир супрематиста, но и поставить под угрозу его художественное наследие, а оно очень велико. Теперь, когда имя Малевича и его творчество заняли прочное место в истории мирового искусства, фрагменты из его статьи «О музее», цитированные выше, надеюсь, не повредят репутации художника, но введут нас в атмосферу борьбы за культуру, вернее, в атмосферу беспощадной борьбы со старой культурой, начавшейся задолго до 1919 г. и продолжающейся по сию пору. Та же газета в том же году не давала решительно никакого повода сомневаться в ее позиции, когда писала: «Разрушать — это значит создавать, ибо, разрушая, мы преодолеваем свое прошлое».

Петр Дмитриевич Барановский был младшим современником Казимира Малевича. Оба добросовестно служили новой власти, но каждый по-своему. Малевич заведовал художественным отделом Моссовета, был членом коллегии ИЗО Наркомпроса, в 20-е гг. возглавлял Ленинградский государственный институт художественной культуры. Художник-модернист мечтал о домах-архитектонах в соцгородах, спутниках Москвы. Архитектор Барановский спасал старину. И это ему удавалось.

Малевич — революционер в искусстве, Барановский — эволюционист. Малевич горяч, зажигателен в слове, как все революционеры, может ошарашить оппонента, эпатировать. Барановский постоянен в своих суждениях, решителен, пророчески дальновиден. Новые веяния в искусстве, в архитектуре не раздражали Петра Дмитриевича; напротив, если он видел, что новое органически вписывается в старую застройку, он искренне радовался: Барановский был противником «мумификации» древних городов, но был также и противником псевдоноваторства и легко его различал. Для меня,

украинца, Петр Дмитриевич Барановский воплощал в себе лучшие черты русского национального характера. Он был скромен, прост в обращении, доступен, умен, разносторонне талантлив, отзывчив на чужую беду. Как специалист высшего класса, он никогда не делил памятники на «свои» и «чужие». Если Катон Старший все свои выступления заканчивал словами: «А Карфаген должен быть разрушен», то Барановский, видевший на своем веку множество поверженных «карфагенов», призывал к созиданию. Только к созиданию! Многие его выступления, которые я помню, заканчивались словами: «Успенский собор Киево-Печерской лавры, Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве должны быть восстановлены...»

Только 8 апреля 1991 г., на второй день Пасхи, было благословлено восстановление древнейшего Успенского собора лавры, разрушенного в годы войны. Будем надеяться, что и вторая, не менее знаменитая киевская святыня будет возрождена. Если бы мои земляки были чуть-чуть решительнее, то оба собора мог бы воссоздать еще Барановский. Мог бы... Мы вечно опаздываем. И все же Петр Дмитриевич хорошо поработал на Украине, восстановил там один из лучших памятников архитектуры эпохи Киевской Руси — церковь Пятницы на Торгу в Чернигове.

«Москва слезам не верит, — не раз повторял Петр Дмитриевич. — Неправда! Давно уже верит, с тех пор, как сама вся в слезах. Я люблю Москву больше жизни, для меня она — символ вечности России. Почему у нее такая драматическая судьба? Кто в этом повинен?..» Петр Дмитриевич не был славянофилом, он критически относился и к ним, и к западникам. То, что он фанатично был предан прошлому, Московской Руси, обусловлено его гуманным мышлением, христианской нравственностью, порядочностью русского интеллигента.

Помню, на нашей «пожарной летучке» в СКЗМ речь зашла об Английском подворье на Варварке. Пошумели — и развели руками: трудный орешек, не знаем, с какого боку подступиться. Петр Дмитриевич молчал, а через неделю у него на руках было уже свыше двухсот карточек: в архивах Москвы, в научных библиотеках собрал он полную информацию об интереснейшем памятнике. Легко сказать — собрал! Надо быть Барановским, чтобы знать, где и что искать. К тому же надо обладать баснословной работоспособностью. Мария Юрьевна Барановская как-то пожаловалась: «Не ест, не спит, только работает. Как он выдерживает?» — хотя и сама была великой труженицей на благо русской культуры.

Кого только ни изумлял Петр Дмитриевич своей неуемной деятельностью: москвичей, черниговцев, владимирцев, смолян, северян. Как человек, он очень скупо и неохотно раскрывался даже перед теми, кого хорошо знал, был осторожен, немногословен; но когда речь заходила о памятниках, Барановский становился историком, археологом, философом, проповедником, поэтом, каменщиком, архитектором, землекопом, плотником, художником, прорабом. На реставрации Английского подворья, легендарных Крутиц Барановский не только сотворил чудо восстановления древних исторических зданий, он сделал гораздо больше: зародил в душах молодежи, своих добровольных помощников, надежду на возрождение России.

Нисколько не собираюсь умалять большие заслуги других участников секции охраны памятников и музеев СКЗМ, архитектурной секции президиума ЦС ВООПИиК, таких, как старый большевик В.П.Тыдман, профессор П.П. Ревякин, академик И.Г. Петровский (ректор МГУ), художник А.А.Коробов и многие другие, но все они хорошо понимали: Барановский был нервом патриотического движения, которое только-только зарождалось в крайне неблагоприятных условиях спешного «построения коммунизма» к 1980 г. До памятников ли тут стране? Это хорошо понимал сам Петр Дмитриевич; вот почему он так энергично вовлекал в сферу своих творческих интересов всех, особенно студентов. После того, как возник и заработал в Крутицах молодежный клуб «Родина», когда стали разъезжаться по стране студенческие реставрационные отряды, можно было с уверенностью утверждать: возрождение России возможно.

У Петра Дмитриевича судьба энтузиаста, ему всю жизнь приходилось не только работать, но и постоянно вступать в драку, преодолевать такие препятствия, перед которыми у других опускались руки. Не забыть споров вокруг строительства гостиницы «Россия» в Зарядье. Известно, что Зарядье — это не только драгоценное ожерелье из жемчужин каменного зодчества, но еще и ценнейший археологический памятник, практически не исследованный. Барановский, Ревякин, Тыдман, Коробов беседовали на эту тему с автором проекта гостиницы архитектором Чечулиным, просили его войти в положение, дескать, не все еще погублено, кое-что можно спасти. Но Чечулин никак не мог понять, чего же от него хотят эти назойливые люди, именуемые общественностью...

Столь же бесполезными оказались и встречи Барановского с главным архитектором Москвы М.В.Посохиным, с архитекторами Зиновьевым, Нестеровым и другими «преобразователями» столицы на свой лад. Что он пережил, глядя на судьбоносное для него Коломенское, словно придавленное, зажатое рядами девятиэтажных коробок?..

Сколько хватало сил, спасал Барановский все, что можно было спасти. Беспримерная по своей стойкости и упорству, его работа была как бы иллюстрацией к тому, о чем писал Виктор Гюго: «По уцелевшему дверному молотку можно определить характер целого царствования». Петр Дмитриевич подбирал «молотки» в разных районах, на лошаденке свозил их в Коломенское. Должно быть, такими терпеливыми, как Барановский, были первые христиане: никакой надежды на взаимопонимание с язычниками, только вера в единого Бога; никакой надежды у Барановского на взаимопонимание с архитекторами-разрушителями, только вера в нерушимость национальной культуры. В ГлавАПУ, в Доме архитектора в многочисленных и жарких спорах с оппонентами-проектировщиками Петр Дмитриевич мог своим ровным, невозмутимым голосом убедить даже камни, а московские градостроители были именно из «твердокаменной» породы... И хотя мало кого из них обратил он в свою веру, но к голосу разума они вынуждены были прислушиваться.

Петр Дмитриевич часто повторял: «Терпение и труд все перетрут». А еще он напоминал слова Кутузова: «Победа приходит к тому, кто умеет ждать».

...Теплым весенним вечером шли мы как-то с Петром Дмитриевичем по улице Горького (Тверской). Тогда, в 60-е гг., она еще была пригодна для неспешных прогулок. Барановский сказал:

— Только мы и турки не умеем беречь свое прошлое. Варвары!

Что ж, Россия знала всякие времена, но всегда шла своей дорогой. Порой сбивалась с магистрального пути, так ведь прямых дорог ни в жизни, ни в истории не бывает. Побольше бы только таких людей, как Петр Дмитриевич Барановский, а остальное приложится! При одном условии: если избавимся от беспамятства, если будем не народ просвещать, а просвещаться духом народа.

О.И.ЖУРИН,
архитектор-реставратор

КУЛЬТУРА РЕСТАВРАТОРА

Петр Дмитриевич Барановский был истинным подвижником и хотя не был церковным человеком (то есть не ходил в церковь), однако сделал для веры и культуры гораздо больше многих «верующих по форме», ибо говорится: «Вера без дел мертва».

На Руси любят мертвых праведников, но при этом, не задумываясь, подкладывают свое полено в костер, на котором сжигается жизнь подвижника.

Творчество Барановского еще ожидает своих исследователей, а труд его уже увековечил себя в памяти народной. В этом смысле Петр Дмитриевич также народен в своей деятельности, как А.С.Пушкин в русской словесности.

Чтобы достичь признания, нужно, чтобы твой труд превратился в служение. Здесь мало иметь талант и знания, нужно подлинно уважать свой труд, по-настоящему любить его предмет (в данном случае — памятник культуры), жалеть как живого, как родители свое дитя.

Петр Дмитриевич сравнивал свое служение со служением доктора, именно доктора, а не лечащего (практикующего) врача. Понятие «доктор» включает некий универсализм, дающий совершенно новое качество знаний и умения. Доктор, а не врач, был в народе олицетворением спасителя от недугов. Только он мог сразу выяснить причину болезни, найти неординарные способы и приемы лечения, мгновенно помочь. Он занимался всем — от профилактики заболеваний до реанимации. Доктор бодро выносил огромный груз страданий своих подопечных, спасая их от болезней. Ему доверяли все, как духовному отцу.

Таким доктором для памятников архитектуры был П.Д.Барановский. Именно в том смысле, что врачей много, а докторов единицы. Барановский как реставратор был явлением уникальным.

Об открытиях и исследованиях П.Д.Барановского можно рассказывать очень много и уже много рассказано, однако я хочу отметить некоторые его качества как «доктора-реставратора», отделяющие его от «врачей-реставраторов».

Уважение к своему труду.

«Доктор-реставратор» везде и всюду внедряет чистоту: прежде всего чистота на объекте реставрации и рядом с ним. Или, как выражался П.Д.Барановский, на «операционном столе». Этого он добивался всегда и при любых

обстоятельствах, в каком бы тяжелом состоянии ни был памятник. К этому он понуждал и нас, своих помощников, молодых архитекторов и рабочих — мастеров-реставраторов. Уважение к нему было таково, что люди преодолевали инерцию своего привычного представления о чистоте как о чем-то второстепенном, ненужном. Все дружно брались за работу, увидев, что Петр Дмитриевич (уже старик) сам начинает наводить порядок.

Обстановка чистоты незаметно сплачивала людей, заставляла видеть свою работу в каком-то возвышенном плане. Особенно он был требователен в этом отношении, когда приступали к документальной фотосъемке сделанного раскрытия. Это было настоящее священнодействие. Боже мой, как был в это время благороден и аристократичен Петр Дмитриевич, он, сын простого крестьянина-ремесленника.

Чистота была и в обращении его с людьми вообще и с коллегами в частности. Не было случая, чтобы он когда-либо сказал бранное слово (даже всуе), хотя требователен был в деле и упорен в споре необыкновенно. Любого, самого незаметного молодого рабочего на объекте реставрации он неизменно называл на «вы» и по имени-отчеству.

В каждом он видел личность, вызывающую уважение, был снисходителен к человеческим слабостям, но никогда не поступался принципами.

Как настоящий доктор, он, направляясь к страдающему, был бодр духом, вселяя уверенность в других, но это не было бравадой, это было естественным состоянием, поддерживающим его самого в постоянной творческой активности.

«Доктор-реставратор» постоянно изучает причины «болезни» памятника и условия ее возникновения, постоянно напряженно ищет способы ее преодоления. Свои находки, свой опыт он фиксирует в «истории болезни», то есть «дневнике реставратора». «Дневник» — это постоянная, непрерывная фиксация проделанных работ, новых мыслей, раздумий и поисков аналогий.

Сейчас в практике реставрационных работ таким дневником ошибочно называют «Журнал авторского надзора» на объекте реставрации. Это далеко не так. «Журнал надзора» — лишь способ воздействия на ход реставрационных работ через посредство прораба (подчас не заинтересованного в судьбе памятника), а дневник — это отражение творческого становления ученого-реставратора. П.Д.Барановский вел реставрационные дневники непрерывно с 1911 и по 1976 г., когда из-за почти полной потери зрения после смерти своей верной спутницы-жены Марии Юрьевны был вынужден оставить практическую деятельность по возрождению любимых Крутиц.

К сожалению, молодым архитекторам-реставраторам давно уже не прививают стремления к чистоте и культуре в своей работе, к поддержанию себя в постоянном творческом действии, в состоянии самоуважения.

Любовь к предмету труда.

Меня поражало всегда отношение Петра Дмитриевича к реставрируемому им памятнику как к живому, страдающему существу. Он по-настоящему любил его, и тем больше, чем более этот памятник пострадал.

Первой его заботой было удержать, подпереть слабые части, а далее — принять на себя все удары судьбы (в виде самоуверенного и равнодушного начальства, завистливых и невежественных коллег, злого умысла) с одним стремлением: отстоять от сноса, добиться восстановления или реставрации памятника.

Он гордился своим подопечным, его историей, его созидателями, его долгой и полезной для людей жизнью, его красотой. Петр Дмитриевич помогал памятнику с первых дней их совместного «общения» агитировать за себя, раскрывая первоначальные детали, скрытые или искаженные последующими напластованиями, сейчас же их закрепляя и реставрируя. Со святой наивностью он полагал, что действительно «красота спасет мир», а для этого нужно спасать красоту.

Где только возможно, с самого начала реставрационных работ на памятнике он открывал музей. И постоянно расширял экспозиции за счет все новых находок и открытий. Так Барановский сразу включал памятник в культурную жизнь.

Петр Дмитриевич буквально чувствовал своего подопечного, а памятник в благодарность раскрывал ему все свои скрытые и сбитые чудеса древнерусского декора: кирпичного и белокаменного, керамического и кованого. Его исследование памятника напоминало диалог друзей, говорящих друг с другом на понятном только им языке.

Он был не только «доктором-реставратором», но и преданной сиделкой, не оставляя своего подопечного, когда тому грозила беда. Никто из людей, близко и давно его знавших, не может припомнить, был ли Барановский когда-либо в отпуске за 60 с лишним лет своего добросовестного служения культуре, да и вообще ходил ли он когда-либо на обед?...

Откуда он черпал знания?

Поражает его огромный арсенал приемов и средств «лечения» больного памятника. Главный источник знаний был в нем самом. Он обладал феноменальной памятью и тонкой интуицией, включая свои развитые постоянным творческим трудом способности в понятие «наука реставрации».

Однако именно эти способности позволяли ему увидеть в маленьком конкретном изучаемом явлении или предмете отражение грандиозных свершений разных национальных культур, сложенных в общую сокровищницу человеческой культуры. Понимать это — значит пользоваться средствами и достижениями, которые выработало человечество за свою долгую историю спасения дорогих и памятных сооружений.

Барановский это понимал!

Выучиться качествам, которыми обладал Петр Дмитриевич Барановский, можно только честно и преданно подражая ему в работе и жизни, то есть становясь самому подвижником на пути служения. Служения Отечеству и его культуре.

В.А.ДЕСЯТНИКОВ,
заслуженный деятель искусств России

НЕ БЫВАЕТ ПРОРОК БЕЗ ЧЕСТИ...

Есть книги, которые читаешь всю жизнь. Читаешь и видишь себя, каким ты был пять лет тому назад, десять, четверть века... Текст книги остается прежним, а понимание прочитанного растет, изменяется. Впрочем, с годами глубже вникаешь не только в книги, но, главное, в людей.

Когда мы проходили в школе «Слово о полку Игореве», учительница задала выучить наизусть «Плач Ярославны». Почему именно плач, а не какой-либо другой отрывок, понять нетрудно. Шла Отечественная война, и в то время мало кого обходила беда. Не обошла она нашу учительницу и многих ее учеников. «Плач Ярославны» я выучил слово в слово и помню до сих пор. Он напоминает мне плач и причитания моей матери, когда с фронта пришла «похоронка» на отца. Позже я узнал, что выученный мною отрывок не подлинный текст «Слова о полку Игореве», а перевод с древнерусского. Прошло много лет, прежде чем я предпочел читать это произведение не в переводе, а в подлиннике.

Помогли мне в этом литературные «среды» у П.Д.Барановского. Хозяин любил и читал по памяти большие отрывки из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучения» Владимира Мономаха, «Слова» Кирилла Туровского, «Моления Даниила Заточника». Книгой книг для Петра Дмитриевича было «Слово о полку Игореве», которое он знал наизусть. Для меня чтение Петром Дмитриевичем «Слова» каждый раз было откровением.

— «Великыи княже Всеволоде!.. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти... Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы». — Петр Дмитриевич прервал чтение «Слова» и спросил меня, что такое «шереширы». Я ответил, что академик Д.С.Лихачев в примечаниях к «Слову» точного определения «шерешир» не дает. Он предполагает, что «шереширы» происходят от греческого слова, означающего «копье».

— Шереширы... Вот держите, — и Петр Дмитриевич протянул мне маленький, размером в детский кулак, глиняный горшочек с узким и коротким горлышком. По словам Барановского, в горшочек заливали специальную горючую смесь и затыкали паклей. Затем, вставив стрелу в горлышко, зажигали паклю и стреляли из лука в стан врага.

— Так это же знаменитый «греческий огонь», которым греки сжигали корабли противников!

— «Греческий огонь», но примененный «посуху», как сказано в «Слове», — и Петр Дмитриевич положил горшочек на книжную полку, где было еще несколько «шерешир» другой формы.

— Откуда у вас это? — спросил я.

— Из раскопок. Горшочек, который я вам показывал, найден мною при обследовании фундаментов церкви Михаила Архангела в Смоленске. Эта церковь, кстати, выстроена по повелению князя Давыда Ростиславича Смоленского, того самого, который упоминается в «Слове». Строил ее гениальный зодчий Древней Руси Петр Милонег. В скобках замечу, Петр Милонег — мой любимый зодчий, имя которого достойно стоять в одном ряду с его великим современником — автором «Слова».

— А что вы скажете о поэтичности, образной сути «Слова»? — спросил я как-то.

— Много говорить не буду, — ответил Барановский. — У писателя Н.И.Новикова в его журнале «Живописец» за 1775 год есть рассказ о невинном человеке, который во время телесного наказания чуть было не умер, ибо чувствовал уже «свою душу, приближающуюся к гортани и скоро из уст выйти хотящую». Гортань, уста... Сравните с рассказом в «Слове» о смерти князя Изяслава: «... изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие». Это ли не пример поэтичности! А чего стоят такие, ставшие крылатыми, фразы: «Не буря соколов занесла через поля широкие»... Или: «О Русская земля! Уже ты за холмом!»

Вся «келья» Барановского была уставлена стеллажами с папками, на корешках которых были надписи: «Шатровое зодчество», «Кавказская Албания», «Словарь древнерусских зодчих», «Троице-Сергиева лавра», «Музеи под открытым небом», «СОПИ», то есть «Слово о полку Игореве». Материалы о «Слове» были уникальные.

Петр Дмитриевич собирал не все издания «Слова» подряд, а только специальную литературу, где говорилось о памятниках материальной культуры, современных «Слову», будь то иконы, фрески, мозаики, книжная миниатюра, нумизматика, прикладное искусство, оружие и, конечно, русская архитектура XII—XIII вв. Для него не составляло труда, например, описать сбрую «борзых коней»— участников похода князя Игоря, или орнамент на нарядах, в которые были одеты «красныя дѣвки Половецкыя». Нетрудно представить себе, как он относился к иллюстраторам, бравшимся за оформление «Слова» и не знавшим таких простых вещей, что у церквей в Древней Руси было шлемовидное покрытие, а не луковичные главы. Помню, как он испещрил суровыми замечаниями книгу Олжаса Сулейменова «Аз и я», присланную автором в 1975 г. с надписью «Петру Дмитриевичу Барановскому с уважением личности и трудов». Не знаю, встречался ли Сулейменов с Барановским, но, во всяком случае, казахскому писателю надо отдать должное, что он хоть знал о трудах Петра Дмитриевича, а то ведь мне приходилось встречать именитых российских пиитов, которые и слыхом не слыхали, кто такой П.Д.Барановский.

Материалами Барановского по «Слову» я имел возможность не только пользоваться у него в кабинсте, но и брать их с собой. Условие было одно: когда у меня созреет собственная мысль о «Слове», я должен был доложить ее на одной из литературных «сред». Никто меня, конечно, не торопил. Постепенно я так втянулся в работу, что она мне стала доставлять радость. На это, собственно, и рассчитывал Барановский.

...Киев. С этим городом у него было связано многое. Он предлагал сразу же после войны восстановить Успенский собор Киево-Печерской лавры. Тогда к нему не прислушались, нашли причины отказаться от его проекта реставрации. Кончилось тем, что бульдозерами расчистили руины Успенского собора, смели в отвал смальту от мозаик и остатки древних фресок. Однако поторопились, теперь в этом убедились все. Супруги-реставраторы Грековы восстановили разрушенную фашистами церковь Спаса на Ковалеве в Новгороде и спасли фрески, пролежавшие в сырой земле долгие годы. Мозаики и фрески Успенского собора тоже можно было спасти. Спустя сорок лет киевляне вернулись к идее Барановского, было принято решение о восстановлении собора Киево-Печерской лавры. Жаль, нет Барановского, он сделал бы это лучше всех. Надеюсь, специалисты со мной согласятся и не обидятся.

Когда вы поднимаетесь по крутому Андреевскому спуску в Киеве, то не спешите. У дома, в котором жил автор «Дней Турбиных» М.А. Булгаков, остановитесь передохнуть, помяните писателя. Пройдя еще немного вверх, остановитесь и полюбуйтесь творением В.Растрелли и И.Мичурина — Андреевской церковью. На другой стороне улицы подойдите к месту, где была древнейшая киевская каменная церковь: Десятинная. Церковь не сохранилась. По предложению П.Д.Барановского, на земле по периметру выложены камнем ее очертания.

В ту нашу поездку в Киев запомнилось еще посещение Кирилловской церкви, где в 1194 г. был похоронен один из главных героев «Слова» — великий князь Святослав. Мы вошли под своды храма, помолчали.

— Видите, — указал Петр Дмитриевич на фреску, — это Ангел свивает небо. Все разом — обе половины... Этот образ, думается, имел в виду и автор «Слова», когда писал: «О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел... летая умом под облаками, свивая славу обеих половин этого времени...»

...Три пуда соли. Именно столько смог взять ее с собой молодой профессор Барановский, отправляясь в 1921 г. в экспедицию по реке Пинеге и ее притокам. Деньги в то время на Севере ничего не стоили. На соль можно было выменять хлеб, нанять подводу или лодку, рассчитаться с рабочими.

— Дождался я лета и поехал, — рассказывал Петр Дмитриевич. — Один поехал. Специально подгадал под очередной отпуск и поехал как заядлый охотник. Мне предстояло «настрелять» такой «дичи», какой кабинетные специалисты по архитектуре еще в глаза не видели.

Петр Дмитриевич снял со стеллажа объемистую папку с материалами Выйско-Пинежской экспедиции. Достав карту Архангельской области, он

показал отмеченные красным карандашом пункты остановок: Пинега, Вонга, Поча, Чакола, Пиринема, Кеврола, Чухченема, Сура, Выя.

— В то время меня больше всего интересовали деревянные шатровые храмы, своего рода «предтечи» каменной церкви Вознесения в Коломенском, о которой летописец сказал: «Бе же та церковь вельми чудна высотою, и красотою и светлостью». В прибрежных селах по Пинеге оказалось столько церквей «чудных вельми», что я решил во что бы то ни стало пройти по реке до самых верховьев. Приезжаешь в село, а там две-три шатровые церкви-красавицы, трехэтажные дома-хоромы, мельницы-крепости. И все это первоклассные шедевры зодчества. Строили северяне так, чтобы самим всю жизнь красотой любоваться и чтобы внукам завет оставался.

Мы смотрим пожелтевшие от времени фотографии и листы бумаги, на которых вычерчены в масштабе дома и поражающие своим разнообразием резные крыльца — гордость, «визитная карточка» каждого хозяина.

— А это крыльцо мне особенно понравилось, — говорит Барановский. — Я даже сделал макет один к десяти натуральной величины.

— Крыльцо-то у вас из кедровых палочек, а ведь на Севере кедра нет, — заметил я.

— Был у меня такой период в жизни — «сибирский». Времени хватало, вот я и смастерил это крыльцо, — ответил Петр Дмитриевич и, чтобы переменить тему, достал большой конверт с рисунками резных украшений колодезных журавлей. — Более двух десятков их я тогда зарисовал и еще столько же коньков крыш. Чаще всего на столбах колодцев и коньках крыш встречаются изображения головы коня или петуха — образы красного солнышка, отзвуки языческих верований наших предков.

— А на этом конверте у вас почему стоят три восклицательных знака? — спрашиваю я хозяина.

— Здесь у меня хранятся особо важные документы. Памятника этого уже нет, но точные научные обмеры сохранились. Две недели я трудился над ними. Высокий шатровый храм — неповторимое явление во всем мировом деревянном зодчестве.

П.Д.Барановский обмерил, вычертил и сфотографировал Выйский храм во всех деталях. Теперь, когда этот уникальный памятник по невежеству местных властей уничтожен, остается надежда на его грядущую «реабилитацию» и воссоздание по материалам Выйско-Пинежской экспедиции.

— Тяжело сознавать, что потомки тех, кто своими мозолистыми руками воздвиг это чудо света, сами порушили славу своих пращуров. — Петр Дмитриевич достает письмо очевидца, на глазах которого канатами зацепили за главу храма, и трактор повалил в обрыв исполина, простоявшего на Русской земле три с половиной века. — Под карнизом кровли Выйского храма, — продолжает Барановский, — была вырезана красивыми буквами надпись. Расстояние от земли до нее — около пятнадцати метров. Разобрать буквы я не мог, а прочесть обязательно надо было.

— Неужели пришлось строить леса?

— Какие там леса? У меня времени было в обрез. Вместе с двумя мужиками я залез по специальным выступам внутрь шатра до самой главы. Там

мужики обвязали меня веревкой и через люк, как с горки, спустили по скату шатра. Топором я отбил доски с надписью, и меня с ними спустили на землю. А когда снял с надписи прорись, меня мужики снова подняли, и я водрузил доски на место.

Петр Дмитриевич развернул длинный ряд склеенных листов бумаги. Любуясь резной надписью, которая сама по себе произведение искусства, мы читаем: «Лета 7108 (1600 г.) августа в 6 день поставлен бысть сей храм церковь во имя пророка Ильи при государе царе и великом князе всея Руси Борисе Феодоровиче, сыне его Феодоре и патриархе Иове».

— А потом, — сказал Петр Дмитриевич, — когда я обмерил Выйский храм и снял эту прорись, был трудный путь домой.

Бережно я беру из папки переломленную надвое старую фотографию, на которой мой хозяин, чем-то похожий на героев Джека Лондона, стоит у лодки, загруженной экспедиционными материалами.

Есть основания полагать, считал П.Д.Барановский, что деревянное шатровое зодчество было на Руси еще в дохристианскую пору. После крещения Руси в 988 г. архитектурные сооружения, где помещались языческие жертвенники, очевидно, не всегда уничтожались. Ведь это было неразумно и расточительно, если учесть трудности всякого строительства в ту пору. Достаточно было уничтожить самих идолов, освятить помещение и поставить на нем символ новой веры — крест. Возможно, этим и объясняется врастание в новую христианскую культуру старых типов архитектурных сооружений. Изображение шатровых церквей встречается в глубокой древности: в одной из псковских рукописей XII в. и на ряде икон XIV в. На Севере «шатры» были распространены повсеместно — от Кольского полуострова до Аляски.

В середине XVII в. при патриархе Никоне вышел строгий указ шатровых церквей не строить. Патриарх усматривал в этом отход от буквы древнего православия: дескать, Византия шатровых церквей не знала. Никон предписал строить только пятиглавые церкви, символизирующие Христа и четырех евангелистов. Северных земель, отдаленных от Москвы, этот патриарший указ практически не коснулся. Там народ вплоть до XX в. продолжал строить «по пригожеству, как мера и красота скажет», как строили их отцы и деды.

Срубить храм на Руси было не только делом богоугодным, но и соревнованием мастеров-плотников друг перед другом. Прежде чем положить под первый венец серебряную, а то и золотую монету, служили торжественный молебен при стечении всего окрестного люда. По окончании работы в храме устраивалась торжественная свадьба с хороводами, песнями. Церковь была для северян, не знавших крепостного права, праздничным дворцом. Самый бедный крестьянин во время венчания именовался «князем», а невеста его «княгинюшкой». Этот день старались сделать для молодых запоминающимся. Свадьба в церкви при стечении сотни, а то и более гостей была событием, к которому относились, несмотря на веселие, исключительно серьезно.

Если церквей на погосте две — зимняя и летняя, то их сразу различишь. Зимняя — поскромней, поменьше. В ней служили большую часть года — с

Покрова до Троицы, почти восемь месяцев, и все это время топили. На большую храмину дров не напасешься, потому и трапезную, и сам храм не размахивали, а делали потеснее, даже потолки подшивали пониже. Иное дело летняя церковь — просторная, украшенная, как невеста. В ней служили с Троицы, как набухнут и лопнут почки на березе, и до Покрова, когда первый снежок припорошит землю. Быстро пролетает короткое северное лето. Тихие белые ночи долго потом снятся темной зимой.

Начало осени — самая красивая пора на Севере. Природа не скупится на краски. Золотом отливают скошенные валки хлеба, в багрец одеваются леса, яркими языками пламени полыхают тугие грозди рябины. Вода в озерах чистая, отливающая в солнечную погоду холодной голубизной опрокинутого в нее безбрежного неба. Северяне любят свой край, воспетый ими в сказах и былинах, в росписях и иконах.

В квартире П.Д.Барановского было много картин, акварелей, рисунков, фотографий северных пейзажей. Самой дорогой реликвией была северная икона «Преображение Господне» (XVII в.). В верхней части иконы было изображено шествие праведников в рай. Рай был изображен художником с приметами Севера: река, похожая на Пинегу, на берегах — дома, рубленные «в лапу», нивы с колосящимся хлебом, северные яркие цветы и в небе — жаворонок. Внизу под иконой Петр Дмитриевич прямо на обоях процитировал древний панегирик:

> «О светло светлая и украсно украшенная земля Русская!
> И многими красотами удивлена еси»...

На рабочем столе П.Д.Барановского вместо пресса для бумаг лежал барельеф шестикрылого серафима, найденный им на развалинах Болдинского монастыря. Это была память о музее, который он создал у себя на родине и который погиб в Великую Отечественную войну.

Задумчивые мужики — страдальцы, томящиеся в темницах в ожидании казни — «страждущие спасители», убитые горем крестьянки — Богоматери, грозные воители за добро и справедливость — народные воители Николы, торжественные и величественные Саваофы... Сколько в русской деревянной скульптуре живой непосредственности, запоминающихся образов!

П.Д.Барановский одним из первых в стране оценил художественную значимость деревянных «богов» и начал собирать их в верхнем Поднепровье. В 1929 г. он открыл в Болдинском монастыре музей русской деревянной скульптуры Смоленщины. Помощником Барановского в создании музея был замечательный этнограф М.И.Погодин. Фамилия эта громкая. Друг П.Д.Барановского был внуком историка, профессора Московского университета М.П.Погодина. В квартире Михаила Ивановича (в Марьиной Роще) висели, перешедшие по наследству, прижизненный портрет А.С.Пушкина и портрет Н.В.Гоголя с его автографом. Гоголь был крестным отцом сына профессора М.П.Погодина — Ивана — отца Михаила Ивановича.

Созданный П.Д.Барановским и М.И.Погодиным музей деревянной скульптуры в Болдинском монастыре насчитывал более сотни первокласс-

ных произведений народного творчества. Основу коллекции составляли деревянные «боги», собранные в Дорогобужском, Рославльском, Ельнинском уездах. Среди них были такие шедевры, которые восхищали самых строгих ценителей искусства.

Во время одной из наших встреч с академиком С.Т.Коненковым я рассказал ему, что собираю материал для книги о русской народной деревянной скульптуре. Сергей Тимофеевич живо заинтересовался этим и попросил показать ему фотографии . Я выбрал из своей фототеки несколько десятков наиболее интересных произведений и принес их Коненкову. Он разложил фотографии на рабочем столе и, к моему удивлению, отобрал среди них работы смоленских резчиков, хотя фотографии не были подписаны.

— Как вам это удалось? — спросил я Сергея Тимофеевича.

— Никакого секрета нет, — ответил Коненков. Так же, как фольклорист безошибочно отличит по мелодии и говору песню северных крестьян от казачьей песни, так и для меня не составляет труда смоленскую скульптуру отличить от северной или пермской.

С.Т.Коненков рассказал, что скульптором он стал именно благодаря деревянным «богам», виденным в детстве в часовнях и церквях родного Ельнинского уезда. Спасы, Николы, Параскевы, Никиты-бесогоны — все эти деревянные «боги» произвели на Коненкова-подростка неизгладимое впечатление. Став профессиональным скульптором, он и создал свою сюиту старичков-лесовичков, сказителей, странников как продолжение великой народной традиции резьбы по дереву. И, действительно, если внимательно присмотреться к коненковским «Старенькому старичку», «Егорычу-пасечнику», «Старичку-полевичку», можно найти много общего со скульптурой, которую собрали в 1929 г. на Смоленщине П.Д.Барановский и М.И.Погодин.

Музей в Болдинском монастыре пользовался большой популярностью у жителей окрестных сел. Приезжал подивиться деревянным «богам» и народ из дальних мест. Этому в немалой степени, как оказалось, способствовал хитроумный монашек-скопец, живший в сторожке при закрытом монастыре. С его «помощью» в музее стали происходить «чудеса». Однажды ночью из экспозиции пропала скульптура Николы Чудотворца. Утром ее нашли в лесной часовне, откуда она ранее поступила в музей. Николу при большом стечении народа водворили в музей.Через несколько дней он из-под замка вновь «покинул» музей и опять «обретохся» в часовне. Молва о том, что Никола не хочет быть в музее, быстро облетела весь уезд. За Николой «тронулись» в дорогу и другие скульптуры, но «чудо» было скоро разоблачено.

Погодин объявил, что Барановский уехал в Смоленск. Музей закрыли на самый большой амбарный замок и опечатали. Двое суток просидел Барановский взаперти, пока монашек не решился на совершение очередного «чуда». Ночью он потайным ходом в стене трапезной проник в помещение, где была развернута экспозиция, поменял платки Параскевам, надел новые лапти на «собравшегося» в дорогу Николу, положил свежие цветы у распятия. За этим занятием его и застал Петр Дмитриевич. Пришлось монашку каяться при всем честном народе.

П.Д.Барановский и М.И.Погодин прекрасно понимали, что собранная ими коллекция деревянной скульптуры имеет мировое значение. По художественной значимости скульптура Смоленщины не уступала знаменитым «пермским богам». Устроители Болдинского музея готовили к изданию книгу о смоленской скульптуре. Война помешала осуществить их труд. В огне пожарищ погибли шедевры, могущие составить славу любой национальной школе резьбы по дереву. После смерти М.И.Погодина и П.Д.Барановского каталог и фотографии деревянной скульптуры, погибшей в Болдинском монастыре, поступили в архив Института истории искусств и ждут своего благодарного исследователя.

...Однажды к Барановскому пришла женщина и предложила взять у нее картину с изображением церкви Иоанна Предтечи в Дьякове, что рядом с Коломенским.

— Так это же большая ценность, я не смогу вам сполна за нее заплатить, — сказал Петр Дмитриевич.

— Что вы, никакой платы и не надо. Возьмите, лишь бы не пропала. Внук поступил в архитектурный техникум, а там учат, что церкви никакой цены как памятник архитектуры не имеют. Вот и боюсь, как бы внук не изорвал картину.

Так Петр Дмитриевич стал обладателем редкостного произведения искусства. За картину «Церковь Иоанна Предтечи в Дьякове» ее автор Константин Маковский был отмечен золотой медалью и заграничной поездкой. В 1930-е гг., когда во всеуслышание объявили, что можно, оказывается, жить без памятников, цена на эту картину упала в глазах несведущей молодежи «до нуля». Теперь ей нет цены. Петр Дмитриевич сохранил картину и, спустя годы, передал тому, кому она принадлежит, — народу.

Некоторая часть экспонатов, которые были отобраны Барановским, находится ныне в экспозиции Музея «Коломенское», но далеко не все. В подклете церкви Вознесения экспозиция пока не сделана. Вот там и покоится все то, что Петр Дмитриевич смог вывезти из реконструируемого центра Москвы в село Коломенское на музейном транспорте в одну лошадиную силу.

Ждет своего часа и экспозиция икон, собранных П.Д.Барановским за долгие годы экспедиций по всей России. Он собирал только те иконы, на которых есть изображение памятников архитектуры. Среди редких экспонатов Петр Дмитриевич особо ценил две иконы — одну XV в., а другую — XVII в., обе — с изображением Зосимы и Савватия, держащих в руках Соловецкий монастырь. На одной иконе монастырь еще деревянный, а на другой — каменный, во всей красе и величии, каким он дошел до начала нашего века. Эти иконы Петр Дмитриевич привез в 1923 г., когда участвовал в экспедиции Наркомпроса по передаче зданий Соловецкого монастыря новым хозяевам. Тогда же он выпилил и привез в Москву часть главных ворот монастыря с огромным кованым замком — свидетелем многовековой истории Соловков.

В экспедициях Петр Дмитриевич трудился буквально с утра и до ночи. Человек он был жадный до работы, и не все могли выдержать те нагрузки, которые он задавал. Архитектор Г.И.Гунькин рассказывал, как они рабо-

тали в горах, в селе Кум. Обмерили круглый храм, а диаметр барабана обмерить не удалось. Тогда обвязали веревкой Барановского, и он как верхолаз работал до самой ночи. Кончилась еда. Барановский говорит: «Сделаем дело, спустимся, поедим». Утром в четыре часа проснулись, а Петр Дмитриевич уже работает, делает чертежи обмера.

Работоспособность у П.Д.Барановского была редкостной. Помню, несколько активистов Общества охраны памятников собрались вечером у Петра Дмитриевича. Надо было срочно написать и утром представить начальству письмо о катастрофическом состоянии памятников русского деревянного зодчества и мерах по их спасению. Часам к трем из нас дух вон — не работа, а сплошной митинг. Петр Дмитриевич, видя это, отошел в сторонку, сел и спокойненько, пункт за пунктом все написал — и констатацию, и проект постановления. Нам показалась его работа чересчур сухой, неэмоциальной. Однако бумагу Петра Дмитриевича приняли, распечатали и разослали на места, а нашу «завернули».

П.Д.Барановский был одним из инициаторов создания в Андрониковом монастыре Музея имени Андрея Рублева. В середине 1940-х гг. об этом трудно даже было мечтать, так как все строения монастыря были заняты под коммунальные квартиры. И все же Петр Дмитриевич со своими единомышленниками, первым из которых следует назвать Давида Ильича Арсенишвили, добились своего. В 1947 г. постановлением Совета Министров СССР территория бывшего Спасо-Андроникова монастыря была объявлена музеем-заповедником.

Наверное, у многих нынче есть пластинка со знаменитыми «Ростовскими звонами». Во всяком случае, многие их слышали по радио, в телепередачах или в кино. История записи «Ростовских звонов» такова. В январе 1963 г. учительница-пенсионерка из Ростова Великого написала в Москву письмо своим знакомым, где рассказала о ростовской звоннице в кремле, колокола которой полностью сохранились. Письмо попало ко мне. Родилась идея записать звучание колоколов. Я показал письмо П.Д.Барановскому и спросил, знает ли он о ростовских колоколах.

— Их весь мир знает, — ответил Петр Дмитриевич и достал стопку книг (Ю.Шамурина, А.Титова, А.Израилева, Н.Оловянишникова), как будто заранее готовился к разговору. — Шаляпин и Горький специально приезжали в Ростов слушать звоны. Гектор Берлиоз их слушал и восхищался. Бетховен написал свою «Аппассионату» на основе егорьевского звона ростовских колоколов. Нотную запись звона великому композитору прислал его поклонник — австрийский посол в России. Первоначальной информации вам достаточно, остальное найдете вот здесь, — и Петр Дмитриевич пододвинул ко мне стопку книг.

Книги я взял, но как действовать дальше, чтобы осуществить запись звонов, не знал. Прочитав все, понял, что может получиться целый диск, на котором будут поочередно записаны ионинский, акимовский, егорьевский и будничные звоны. Звучание каждого из них отличается и зависит от числа колоколов, участвующих в звоне. В акимовском, например, участвуют три-

надцать колоколов (которыми управляют пять звонарей), а в будничном только шесть. Заставить их «говорить» может и один человек. Ростовские колокола, вычитал я, уникальные образцы литейного искусства и высокой музыкальной культуры русских мастеров. Самый большой — «Сысой» — весит две тысячи пудов. Звон его слышен за 18 километров и имеет два одновременно звучащих тона — «ми» и «до» контроктавы. Славятся своими мелодичными голосами и «Лебедь», и «Баран», и «Полиелейный». Мастера-звонари передавали по наследству древнее искусство управления колоколами. Каждый такой умелец обладал музыкальным слухом, был талантливым импровизатором. Об этом с восхищением свидетельствовал В.В.Стасов. Но сохранились ли звонари? Я позвонил в Ростовский музей. Мне сказали, что вся «бригада» старых звонарей во главе с А.С.Бутылиным жива и здравствует. Последний раз они звонили в колокола, когда в 1930-х гг. снимался кинофильм «Петр Первый».

Все было вроде бы в порядке. Оставалось дело за малым. Кто возьмет на себя техническую запись звонов? Это сейчас легко об этом говорить. И «Всенощная» Рахманинова записана, и хоровая музыка XVII — XVIII вв. А четверть века назад все было сложнее. Когда я пришел с предложением о записи звонов к директору Всесоюзной студии грамзаписи, то он мне прямо заявил:

— Я не собираюсь по вашей милости класть партийный билет на стол.

Примерно такой же ответ я получил и в других организациях, имевших возможности произвести стереофоническую запись. Помог случай. Киностудии имени М.Горького требовался звуковой материал для исторического фильма. Звукооператор А.Матвиенко получил разрешение и готов был выехать вместе со мной в Ростов. Перед отъездом я на всякий случай позвонил в Ростовский горком партии.

— Разрешение мы даем, — ответили из Ростова, — но у вас ничего не получится.

— Почему?

— Старики давно не звонили, требуется дирижер.

Я тут же обратился к Барановскому.

— Петр Дмитриевич, выручайте. Нужен «главзвонарь». Вы не сможете?

— Да вы что?! Тут нужен специалист.

— Порекомендуйте кого-нибудь.

— Кто-нибудь не годится. Нужен профессионал. У меня есть один человек на примете. Позвоните через полчаса.

Звоню. Машина уже запущена. Ничего отменить нельзя. Пожарная охрана, чтобы не было паники, на запись дает всего два дня.

— Заезжайте ко мне завтра утром, — говорит Барановский. — Главзвонарь у меня дома.

Им оказался старый друг Петра Дмитриевича, известный искусствовед и музыкант Николай Николаевич Померанцев. Рано утром мы выехали, и ровно в полдень в Ростове ударили колокола, которые молчали десятилетия. Запись прошла удачно, если не считать того, что встревоженные воробьи и голуби, жившие на колокольне, подняли гвалт и от этой помехи так до конца и не удалось избавиться.

Звоны были записаны, но кто выпустит пластинку? Секретарь парткома Министерства культуры СССР (где я работал) Б.В.Покаржевский пригласил меня к себе в кабинет и «отечески» наставил:

— Мне сказали, что ты «Ростовские звоны» студии грамзаписи усиленно навязываешь. А ведь музыка-то церковная...

Все застопорилось: «опиум для народа»! Опять же выручил случай. В Москву приехал американский импрессарио № 1 Соломон Юрок. Он собирался организовать гастроли нашего балета, но ставил довольно жесткие условия, которые Большой театр не устраивали. По всем этим делам Юрок пришел в министерство, а Е.А.Фурцева была занята и не торопилась принимать настойчивого импрессарио. Соломон сидел в приемной и скучал. Я попросил помощника министра Н.С.Калинина «развлечь» бывшего россиянина и «прокрутить» для него «Ростовские звоны». Интересно было, как он на это прореагирует. Николай Сергеевич включил «звоны». Проходит минута, вторая ... Дверь открывается, выходит Е.А.Фурцева и с изумлением обращается к Юроку.

— Что с вами?!

Соломон Юрок плакал. Прослушав запись до конца, он попросил Фурцеву продать ему лицензию на пластинку «Ростовские звоны». И все решилось. Пластинку у нас стали печатать с аннотацией на русском и иностранном языках.

П.Д.Барановский был не просто реставратором, а широко образованным историком культуры. Академик И.Э.Грабарь говорил о нем, что такого архитектора-эрудита нет и во всей Западной Европе. Петр Дмитриевич был последователем всемирно известного ученого Н.П. Кондакова. С гордостью за своего учителя он говорил: «А знаете, что один из крупнейших мировых семинаров византинистов называется «Кондаковианум»! К сожалению, сам Петр Дмитриевич хотя и получал персональные приглашения, ни на один из этих семинаров так и не смог выехать. Ездили другие, кому, быть может, и не обязательно было. Научные интересы П.Д.Барановского были обширными, но более всего его влекло время, когда складывалась русская школа архитектуры, освобождалась от византийского влияния. Это как раз совпадает со временем создания «Слова о полку Игореве». Совпадение не случайное. То было время одного из вершинных взлетов творческого гения нашего народа, прерванное нашествием кочевников. «Потому, — говорил Барановский, — каждый из оставшихся «в живых» памятников русской архитектуры домонгольского периода, будь то Покров на Нерли или Дмитровский собор во Владимире, — это поэмы, равные «Слову», но только сложенные в камне».

Спросите у любого знающего искусствоведа, и он вам подтвердит, что восстановление П.Д.Барановским черниговской церкви Параскевы Пятницы является признанным во всем мире эталоном реставрации. В период Великой Отечественной войны фашисты уничтожили многие памятники культуры. Секретным приказом фюрера предписывалось оставить нас без исторического наследия. «Рабы не имеют своей истории», — говорилось в

фашистском приказе. П.Д.Барановский, будучи экспертом Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских злодеяний на временно оккупированной территории, вошел в Чернигов с войсками, освободившими город. На месте церкви Параскевы Пятницы он увидел руины. Реставрация началась, когда еще шла война. Люди в Чернигове жили в землянках. Не хватало кирпича, чтобы сложить печи. И в то же время на виду у всего города из руин поднимался памятник архитектуры. Петр Дмитриевич рассказывал, как однажды разъяренная толпа черниговских женщин привела к нему человека, который наворовал плинфы и сложил себе баньку. Если бы наше самосознание было, как у тех женщин военной поры, тогда не мучил бы нас стыд за ничем не оправданный снос в 30-е гг. Сухаревой башни, Страстного и Чудова монастырей, старинных московских особняков, связанных с памятью Пушкина и Лермонтова.

Имена доморощенных геростратов у нас, к сожалению, не предаются гласности, но общественность их помнит и давно занесла в позорный поминальник. Такую «московскую летопись», начиная с конца 1920-х гг., вел П.Д.Барановский. В его архиве хранился пожелтевший от времени журнал «Огонек» за 1930 г. На обложке новогоднего журнала главный редактор Михаил Кольцов, рьяно боровшийся за снос древних памятников Москвы, поместил фотографию руин взорванного шедевра древнерусской архитектуры — собора Симонова монастыря. Подпись в духе того времени: дескать, на месте храма мракобесия построим дворец науки и культуры . Только почему именно «на месте храма», а не поодаль от него, чтобы старое и новое дополняли друг друга, создавая единый ансамбль? Благо условия для этого были прекрасные: вокруг Симонова монастыря простирались обширные, ничем не застроенные пустыри.

— Гениальные примеры сочетания старого и нового показал в своем творчестве архитектор А.В.Щусев, — говорил Барановский. — Он достоин был памятника при жизни и как архитектор, и как гражданин Отечества. Когда Щусеву предложили строить Дворец культуры автозавода им. Лихачева в Москве и поставили условие, чтобы здание было возведено непременно на месте тогда еще только предназначенного к сносу собора Симонова монастыря, то архитектор заявил решительный протест.

Но нашлись люди, которые согласились строить. Не смутило их и то, что у стен собора располагался старинный некрополь, где покоились многие славные сыны Отечества. Выход был найден без особых трудов. Произвели эксгумацию и перенос некоторых захоронений, а остальной некрополь был уничтожен. Могильные плиты шли под фундамент Дворца культуры. Осталось только назвать авторов. Это были братья Веснины. Справку о них вы можете прочитать в БСЭ. Можно добавить, что братья Веснины в определенном смысле предвосхитили известного французского архитектора Корбюзье, у которого не дрогнула рука, когда он писал, что «в Москве все нужно переделать, предварительно все разрушив». Это впрямую соотносилось с планами Л.М. Кагановича. «Когда ходишь по московским переулкам, — писал этот градоправитель, — то получается впечатление, что эти улочки

прокладывал пьяный строитель... Мы должны знать, где и как строить, проложив ровные улицы в правильном сочетании, выправлять кривоколенные и просто кривые улицы и переулки». И Каганович навыпрямлял... Разве мог Барановский забыть об этих тяжких годах? Поэтому своим ученикам, молодежи он не уставал повторять слова, которые мы часто слышали от него: «За памятники Отечества надо стоять насмерть, ибо без прошлого нет будущего!»

П.Д. Барановский всегда будет высоким примером гражданственности и патриотизма. За свою жизнь он разработал проекты и восстановил более ста памятников национальной архитектуры. Да как восстановил! «Каждая реставрация Барановского, — писал И.Э.Грабарь, — это защита докторской диссертации». Петр Дмитриевич был одним из основоположников советской реставрационной науки. Им разработана вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства. За 70 лет работы в библиотеках и архивах он собрал уникальный материал к «Словарю древнерусских зодчих» — более 1700 имен. Этот труд по плечу целому научно-исследовательскому институту. Но напрасно вы будете искать имя Петра Дмитриевича Барановского в БСЭ или Энциклопедическом словаре. Для него там места не хватило. И как тут не вспомнить евангельскую мудрость: «Не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем». Однако энциклопедии и словари — дело поправимое: время, оно всех и все на свои места расставит! «Ни хытру, ни горазду... суда... не минути», — как сказано в «Слове». Не надо забывать, что для многих нынешних авторов энциклопедий и словарей П.Д.Барановский всю жизнь был «неудобным» оппонентом: говорил правду в глаза. Кому угодно мог сказать. Говорил и в 40-е, и в 60-е, и в 80-е.

В свете всего нынешнего особенно отчетливо видно, что многим из нас не хватает бойцовских качеств «беспартийного большевика», как о себе писал в старых анкетах П.Д.Барановский. Он мог, когда этого требовали интересы охраны памятников, не только остаться в меньшинстве, но и не согласиться вообще со всеми. Это было не упрямство, а высшей пробы принципиальность гражданина Отечества. В развороченном фашистами Чернигове он пришел на бюро горкома партии и стал говорить, что один из цехов кирпичного завода надо приспособить для изготовления плинфы. Можете себе представить, как отреагировали на заявление реставратора члены бюро горкома. Вспоминая тот нелегкий день, Петр Дмитриевич улыбнулся в свои жесткие усы щеточкой:

— Все-таки я заставил их выслушать меня.

— Ну и что решило бюро горкома партии? — спросил я.

— В конечном итоге было принято единственно правильное решение,— ответил Барановский и пояснил: — Я добился приема у секретаря ЦК КП Украины и убедил его, что пролетариат нам никогда не простит, если мы не сохраним столпы нашей культуры.

П.Д.Барановский — личность легендарная. Он стоит у истоков создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Его

перу принадлежит первый проект устава Общества, когда об учредительном съезде общественность только еще мечтала.

Друзья называли его Аввакумом XX века. Таким он оставался до самых последних дней. Помню, мы разбирали архив, который Петр Дмитриевич безвозмездно передавал в Государственный научно-исследовательский музей имени А.В.Щусева. На фотографии я увидел человека, который смотрелся маленькой точкой на куполе церкви Вознесения в Коломенском.

— Кто этот верхолаз, и что он там делает? — спросил я.

— Как что? Чиню крышу, — ответил Барановский.

— Как вы туда залезли?

— Вылез в окошко, что в основании шатра, а потом по цепи до купола.

— И не побоялись?

— А что тут такого? У меня нет страха высоты. Я и сейчас бы туда залез, — сказал Петр Дмитриевич.

И залез бы! Можете не сомневаться. На таких подвижниках у нас испокон веку все держалось.

Полистайте нынче газеты и журналы. Обязательно найдете там тревожные сигналы о неблагополучии с охраной памятников Отечества. Только за последнюю треть века список утраченных памятников вместе с именами должностных лиц, повинных в этом, если все опубликовать, составит книгу толще, чем учебник «Родная речь». Обрывается преемственность поколений. В конечном итоге это наносит непоправимый ущерб воспитанию патриотизма. Прав был Леонид Леонов, когда говорил в своих «Раздумьях у старого камня»: «Жизненно необходимо, чтобы народ понимал свою историческую преемственность в потоке чередующихся времен, — из чувства этого и вызревает главный гормон общественного бытия, вера в свое национальное бессмертие».

И.К.РУСАКОМСКИЙ,
научный сотрудник Института искусствознания

ЖИЗНЬ,
КАК ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Фотография Петра Дмитриевича Барановского всегда стоит за стеклом моего книжного шкафа. На обороте надпись: «... на добрую память» и размашистый росчерк.

С Петром Дмитриевичем я познакомился в 1964 г., когда впервые пришел в клуб «Родина». Не было еще Всероссийского общества охраны памятников (не люблю аббревиатуру ВООПИиК — нечто среднее между восторгом обещания и придушенным писком свершения), но уже было одно из молодежных объединений, родившееся по идее Барановского, чтобы восстановить Крутицкое подворье. Шла «оттепель». Были надежды и ренессансный восторг веры в свои возможности. Крутицы притягивали к себе как таинственный остров среди поднимающихся валов железобетонной Москвы. Здесь, на самой бровке высокого берега Москвы-реки, в одноэтажном домике с барочными наличниками — набережных палатах и собирался наш клуб. Здесь проходили встречи единомышленников. Были общие работы на Крутицах, в Кускове, нетерпимость ко лжи, любовь к памятникам, была молодость и любовь. Я вспоминаю то время и тех людей: Саша Садов, Галя Воронова, Олег Журин, Витя Виноградов, Виталий Рудченко, Юра Копысов, Таня Копысова, Наташа Щетинина, Таня Благочиннова, Коля Емельянов, Таня Дубинчина,Таня Иванова, Галя Курьерова, Витя Бобылев, Володя Керцман, Наташа Михненко, Таня Киселева ...

Клуб продолжал работать и тогда, когда «весна» 60-х стала заменяться «заморозками» 70-х. Мы выехали в Поленово — музей-усадьбу знаменитого художника. Историю клуба «Родина» можно было бы показать на примере этой усадьбы. Здесь своя эпоха, свой мир, уже не похожий на Крутицы, но овеянный воспоминаниями о них и о том, кто создал этот клуб. Можно продолжить и историю Крутиц, когда окрепло Общество охраны памятников и под руководством того же неутомимого Петра Дмитриевича была создана настоящая реставрационная мастерская со своим штатом, своими отношениями и часто сменяемым руководством. К истории расцвета и гибели мастерской Общества охраны памятников я имел мало отношения. Лишь раз Витя Виноградов, уже не как член клуба «Родина», а как главный архитектор реставрационной мастерской помог мне в разработке проекта восстановления обгоревшей башни монастыря в Преображенском. Я еще не

сознавал тогда, что так пересекутся линии детища Барановского и памятника, который станет моей судьбой...

Впервые какое-то особое отношение к себе Петра Дмитриевича я ощутил, когда он стал привлекать меня к «хождению» в приемную Министерства обороны. Шла борьба за «Крутицы», где в одном из корпусов находилась гарнизонная гауптвахта. Ни реставрация подворья, ни восстановление митрополичьего сада не были возможны без разрешения Министерства обороны. Мы уже привыкли к глухому забору с колючей проволокой перед самым крыльцом митрополичьего дворца, к вышке и часовому, с интересом посматривающему на работу ребят из клуба «Родина». Мы приходили на Софийскую набережную, Петр Дмитриевич разворачивал рулон ватмана и убеждал, убеждал, вызывая сочувствие и в то же время нетерпение своих оппонентов. Теперь я понимаю, как трудно бывает объяснить то, во что вложена часть жизни, и как страшно, что тебя могут не понять. Тогда же казалось, что все уже ясно и Петр Дмитриевич излишне повторяется, рискуя вызвать раздражение у могущественных хозяев. Тем более, что сам я работал по окончании института в проектной организации воинской части. Не моя была работа, и Петр Дмитриевич это понял. Думая о своих «Крутицах», он начал хлопотать о моем переходе в Центральный совет Общества охраны памятников.

В то время я довольно часто бывал в келейном корпусе Новодевичьего монастыря. Здесь, среди запущенных, живописно разросшихся кустов было крыльцо под навесом на граненых столбах и дверь. Дверь к Барановским. Не сразу после звонка доносились откуда-то из глубины шаркающие шаги. Это шла открывать Марья Юрьевна, жена Петра Дмитриевича. Больные ноги доставляли ей ужасные мучения, но это был человек той же породы — из числа живущих светом прекрасного наследия.

По темному неширокому коридору мы шли до комнаты, перегороженной шкафом на прихожую и рабочий кабинет, бывший одновременно и спальней. Большой стол с лампой и стопками книг делил кабинет на «зону» Петра Дмитриевича и «зону» Марии Юрьевны, где у окна стоял меньший круглый стол, за которым гостя угощали чаем. Здесь же на стене висели миниатюры и портреты декабристов. На противоположной стороне у входа в комнату стоял большой кожаный диван, такой старый, что все его пружинные ребра были видны без рентгена. Помню ампирное кресло и большую синюю чашку, в которой Мария Юрьевна приносила из кухни чай. Было немного неловко, когда она ворчала в адрес Петра Дмитриевича: «Я просто доместик у него, просто доместик». Петр Дмитриевич усмехался и отмалчивался. Но жизнь в этой комнате была едина, и обстановка, если это можно было назвать обстановкой, отражала это нелегкое единство жизни. Чеканные кувшины и архитектурные детали громоздились на полках под потолком, в углу стояла белокаменная резная колонка — и книги, книги на стеллажах. Несколько икон, хотя Петр Дмитриевич не был верующим.

В поздние часы, когда одолевала усталость или когда казалось, что спасти намеченный к уничтожению памятник уже нельзя, Петр Дмитриевич ло-

жился на свой старый диван, ставил на себя телефон и звонил, звонил. Он отстаивал памятники, ходатайствовал за них, требовал, добивался ...

Так бился Петр Дмитриевич за палаты XVII в. на Пречистенке и смог убедить руководство ГЛАВАПУ, что их нельзя сносить. Так бился он за сохранение дома Павла Воиновича Нащокина, который на два года стал моим домом. И это тоже был целый мир, открытый благодаря Петру Дмитриевичу.

В то время мы с женой, также бывшей одноклубницей из «Родины» (мы были не единственные, кто нашел свою пару в этом объединении), не имели собственного угла и снимали комнаты, где придется и на сколько сдадут. Когда я рассказал о своих проблемах Петру Дмитриевичу, тот сразу же предложил: «Из дома Нащокина отселены жильцы. Пока реставрация не началась, живите в нем на правах общественных сторожей». В дом нас привел Олег Журин. Проходя мимо одной из комнат, он сказал: «А вот здесь у вас будет детская»...

Это была прекрасная жизнь. Второй этаж заселяла такая же неимущая братия, как мы с Наташей, и делился он, как и сам дом, на два крыла. В нашем крыле жили журналист Саша Вербицкий, скульптор Олег Буров и мы. В соседнем, называемом нами грузино-армянским, «царствовал» археолог Игорь Пачикян и его постоянно куда-то исчезавший друг — грузинский художник. Я нарисовал на стене нашей комнаты камин, как в каморке папы Карло, и барочную раму вокруг осколка зеркала — все-таки дом Павла Воиновича! И дом был открытием нового мира — мира незабываемых встреч, свободы и воспоминаний. Теперь это дом Центрального совета Общества охраны памятников. Отреставрированный, а вернее, полностью перестроенный, он уже не тот, не тот «Павел Воинович», как мы его называли. Но во мне всегда останется добрая память о днях, прожитых здесь, и о том, кто дал мне эту возможность.

Потом была глубокая осень. Петр Дмитриевич все хуже и хуже видел. Мы ходили с ним по врачам. И он соглашался идти только к врачу Тане и медсестре Наде, тоже бывшей членом нашего клуба «Родина», доброй и заботливой девушке, которая, конечно, была внимательнее, чем обычные сестры в поликлиниках. Были хождения и по другим врачам. Смерть Марьи Юрьевны, слепота сделали Барановского почти беспомощным. К нему приходили, ему помогали, но он уже переставал понимать этот мир...

Помню, в один из таких дней я говорил с Петром Дмитриевичем о замечательном памятнике — Львиных воротах Преображенского богаделенного дома. Уже не башня, а весь ансамбль с его нелегкими проблемами наваливался на мои плечи к этому времени. И у начала восстановления этого ансамбля, перед его Львиными воротами стоял опять-таки Петр Дмитриевич. В предвоенные годы, когда начали ломать стены и башни богаделенного дома, он понял, что разнесут и это чудо белокаменной резьбы — загадочный по своему происхождению портал с фигурами лежащих львов. И Петр Дмитриевич принял единственно возможное в то время решение: разобрать портал и перевезти в Музей «Коломенское», директором которого

он в то время был. Здесь, изучая историю этого памятника, Петр Дмитриевич понял его происхождение, начал воссоздавать первоначальную композицию, но тюрьма и ссылка остановили эту работу навсегда. Потом он уже не смог к ней вернуться. Другие памятники рушились и от врагов, и от своих, и надо было работать, как пожарная команда.

И вот я вновь говорю уже почти слепому человеку об этом портале. Мы спорим, и я чувствую за словами спора жалость по незавершенной работе, но не равнодушие, нет. Скорее ревность, что она может быть завершена без его участия.

Теперь разобранные и пронумерованные камни портала лежат в Коломенском, в «Медоварне», сарае из огромных бревен, также привезенных из Преображенского. Я смотрю на проект восстановления портала, выполненный в Московском архитектурном институте, на фотографии резных камней, и мне кажется, что мы встречаемся с Петром Дмитриевичем в этой арке резных ворот, которые он открывает передо мной. Что там? Дорога. И над ней звезда, за которую я благодарен этому замечательному человеку.

О.П.БАРАНОВСКАЯ

МОЙ ОТЕЦ

Предложение написать воспоминания об отце поначалу вызвало у меня отрицание. Почему? Наверное, потому, что у меня нет целостного восприятия его жизни рядом с моей. Причем вовсе не из-за того, что мне было всего 10 лет, когда родители разошлись и я осталась вдвоем с мамой. И не из-за ареста и ссылки отца на 3 года с последующим запретом жить в Москве плюс военные годы. Нет, дело не в этих трагических причинах разлук, а в характере отца, в его целеустремленной жизни, посвященной одной идее, одной цели без оглядки на личное. Для него личным было спасение памятников архитектуры, культуры, остальное второстепенно. Поэтому мои воспоминания, скорее, как своеобразный штрих-пунктир.

Отец и мать уроженцы Смоленской области, она — Гжатского уезда, он — Вяземского. Там, в местечке Уваровское, они и познакомились в компании молодежи.

Отец учился в Московском строительно-технологическом училище инженера Приорова, с 1911 г. юношей стал работать помощником у московских архитекторов, у подрядчиков в Туле, Ашхабаде, а для «души» — в Болдинском монастыре, поразившем его воображение еще в детстве. Мама, Евдокия Ивановна, в девичестве Виноградова, учительствовала в местечке Уваровское.

В империалистическую войну отец был мобилизован как инженер-строитель; мама уехала вслед за ним, став сестрой милосердия. Переписывались, так как были на разных участках фронта. У меня сохранились 9 писем тех лет (1913—1917 гг.), на конвертах адреса: ст. Уваровская, местечко Глубокое Волынской губернии, местечко Домбровицы Волынской губернии Луцкого уезда, местечко Рафаловка Волынской губернии Луцкого уезда. В 1913 г. они поженились. Отец совмещал работу с учебой в Московском археологическом институте, окончил его в 1918 г. с золотой медалью и был зачислен в действительные члены Московского археологического общества. Диплом (с золотым орнаментальным шрифтом и сургучной печатью), с точки зрения полиграфии, смотрится как произведение искусства. Из 27 предметов по 26 — «отлично». Поражает количество изучавшихся предметов и всесторонний охват знаний: русская история, всеобщая история искусств, история археологических открытий, история русского искусства, история русской литературы, история русского языка, юридические древности, история учреждений, историческая география, этнография, славяно-русская палеография, греческая палеография, эпиграфика, чтение древних рукописей, история античного искусства, история эстетических учений, археология и топогра-

фия Москвы, история византийского искусства, первобытная археология, бытовые древности, христианская археология, история греческой архитектуры и античной декорации, история русской архитектуры, нумизматика, музееведение, геология, египтология.

Потом была защита диссертации «Памятники древнерусского зодчества в Болдинском монастыре». Болдинский монастырь под Дорогобужем, вблизи которого жила семья, определил всю дальнейшую творческую жизнь отца.

До конца жизни отец сохранил благоговейную любовь к строителю Троицкого монастыря выдающемуся зодчему XVI в. Федору Савельевичу Коню.

В воспоминаниях детства возникает дом, в котором родилась, — ампирный особняк бывшего винозаводчика Ланина на Софийской набережной Москвы-реки. Семья поселилась там по распоряжению Наркомпроса. Слева от дома стояло и стоит поныне здание военного ведомства, за ним, в том же ряду, колокольня — поздняя, XIX в., а в глубине двора — небольшая церковь XVII в. в честь Софии (отсюда и название набережной), куда мы, дети, заходили, гуляя в церковном дворе. Справа от нашего дома было несохранившееся ныне здание пожарной части, боковым фасадом выходившее на улицу Балчуг, где и сейчас можно увидеть Торговые ряды — образец гражданской архитектуры XIX в. Напротив нашего дома, по другую сторону реки, — Беклемишевская башня Кремля и собор Василия Блаженного, сыгравший столь значительную роль в жизни отца.

О доме-красавце под № 37 могу говорить только высоким стилем. С колоннами и коринфскими капителями (в том числе и в интерьерах), с львиными масками над входными дверями, с окнами без переплетов и зеркальными, толстыми стеклами в бронзовых рамах и замках, с мраморной лестницей, в обрамлении зеркал и бронзовой баллюстрады, ведущей на второй этаж, с высокими лепными потолками, с роскошным паркетом (содержать который в идеальном состоянии маме было очень трудно).

Дом не сохранился, его уничтожили при строительстве нового, более широкого Москворецкого моста. Жили мы на втором этаже. У отца был большой кабинет: много-много книг на полках, столах, на полу, чертежи на столах и в рулонах, негативы в коробках. Из мебели — большой чертежный стол с тумбами, диван, обтянутый зеленым плюшем, овальный стол с четырьмя стульями черного дерева, видимо, оставшийся от Ланиных. На столе большие часы, представлявшие собой холм, покрытый мохом, из которого вырастало дерево с ветвями, листьями и «райскими» птицами, которые, если их завести, двигались и пели, — замечательный образец декоративно-прикладного искусства, вероятно, XVIII в. На другом столе — огромный ларец из резных пластин моржовой кости с множеством ящичков. Некоторое время в кабинете стоял макет деревянного дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском. Под потолком висела металлическая люстра, типа церковных, и вторая, сохранившаяся до сих пор и находящаяся в архиве Музея архитектуры в Донском монастыре. (Макет, ларец и механические часы с птицами позже отец перевез в Музей «Коломенское». Там ли они сейчас? Не знаю.) На стенах — множество фотографий памятников древнерусской архитектуры, иконы, прапор, изразцы, старинные замки. Ларцы из

кости и кованого железа, подсвечники и многое другое, представлявшее музейный интерес, — на столах.

Дальше была комната «для приезжих», а их приезжало к отцу много — друзей и помощников по общему делу (поэтому я и упомянула о «паркетных» трудностях мамы). Повседневная жизнь семьи проходила в дальней комнате, где между четырех колонн с капителями стояла моя кроватка. Была отдельная комната с цельномраморной ванной (ланинской). Помню фанерные перегородки, видимо, дань коммунальному переустройству «буржуазных излишеств». А рядом помещались Центральное бюро краеведения НКП РСФСР, где работала мама, и Всероссийское общество охраны природы.

Мама дружила с Сергеем Александровичем Тороповым и его женой — Антониной Ивановной (Сергей Александрович был блестящим фотографом, работал с отцом в реставрационных мастерских), с Натальей Васильевной Островской (внучкой драматурга А.Н.Островского, поэтессой); общалась с женой И.Э.Грабаря — Валентиной Михайловной (интересной женщиной рубенсовского типа), а с ее дочерью, моей тезкой Олей, мы в детстве занимались немецким языком в дошкольной группе; с Михаилом Ивановичем и Марией Андреевной Погодиными (Михаил Иванович, внук историка М.П.Погодина, с моим отцом объездил весь Север). Погодины позже жили на Софийской набережной, в бывшем доме Бахрушина, в подвале, но, войдя в квартиру, мы попадали в обстановку XVIII в. с идеально, со знанием дела подобранной «павловской» мебелью, посудой и библиотекой из старинных книг. После смерти Погодиных все имущество перешло, кажется, в Литературный музей, так как у них не было наследников.

Мама в моей памяти навсегда осталась элегантной женщиной. Достигала она этого благодаря хорошему вкусу и умению шить. У меня сохранились детские кожаные туфельки, сделанные ею по всем правилам профессионального мастерства. Отец же не придавал внешнему виду никакого значения. При чистке одежды из его карманов извлекались гвозди, обломки старинных кирпичей, изразцов и другие находки. Но мама понимала свое предназначение и терпела.

Жилось трудно. На заработки отца покупались книги, перевозились в музеи разные древности и целые фрагменты обреченной архитектуры. Кормить семью и приезжавших помощников отца мама могла только с помощью даров земли своих родителей — Ивана Яковлевича и Анастасии Ильиничны Виноградовых. Они жили в деревне Шибинка под Гжатском со старшей дочерью Татьяной Ивановной Ермаковой и ее мужем, имели дом, участок с садом и ульями. Но их сослали в 30-е гг. в Сибирь, в пригород Новокузнецка, который тогда становился городом, но садом, как его помпезно называли, так и не стал. Там и закончилась их жизнь. Мама ездила к изгнанникам и в очередную поездку, в 1954 г. — выученица отца! — разыскала там руины Кузнецкой крепости начала XVII в. На сделанных ею снимках — разрушенные крепостные стены, входная арка. Снимки она передала отцу, а те, что оставила себе, сохранились у меня.

Недалеко от нашего дома, на Берсеневской набережной в памятнике архитектуры XVII в. (палатах дьяка Аверкия Кириллова) располагались Центральные государственные реставрационные мастерские, где работали отец,

И.Э.Грабарь, Н.Н.Померанцев, С.А.Торопов, Б.Н. Засыпкин, другие ученые.

Летом нашим пристанищем было село Коломенское (отец возглавлял музей с 1923 по 1933 г.). Описывать этот прекрасный ансамбль не буду, он всем хорошо известен. Пожелаем ему выстоять от надвигающейся на него Москвы и различных идей по его эксплуатации. Поездки в Коломенское воспринимались мной как дальнее путешествие, так как прямого сообщения тогда не было. Ехали долго на трамвае до конечной остановки, а дальше шли пешком по проселочной дороге и оврагам; приблизительно в середине пути когда-то стояла дача художника Верещагина. На этом месте мы делали привал.

В Коломенском жили под шатром вторых входных ворот, что непосредственно примыкают к приказным палатам. Белокаменная лестница, ведущая наверх, узкая даже для ребенка, с высокими характерными ступенями, приводила в помещение, где мы располагались. В окна с коваными решетками были вставлены разноцветные кусочки стекла или слюды (не помню), отчего церковь Вознесения воспринималась как в калейдоскопе.

Часто с тетей Наташей, сестрой отца, мы отправлялись в Дьяково. Надо было пройти сады, усыпанные грушами и яблонями, овраг с очень древним «языческим» камнем и подняться на гору. Тетя практически была моим первым воспитателем.

В ту пору Москва-река была чистой, можно было купаться. Песчаный пляж на противоположном берегу, за ним полоса кустарника, а дальше — бескрайние луга (сейчас берег застроен однообразными коробками). Добирались туда по низкому дощатому мосту, вероятно разводному, так как по реке ходили пароходы. Остановка (причал) называлась «Перерва». Отец никогда не принимал участие в прогулках — он всегда был в работе: исследовал, реставрировал, собирал, куда-то уезжал...

На территории заповедника находилась действующая церковь Казанской Божией Матери XVII в. Иногда женщины, прислуживающие в церкви, угощали нас обедом (запах рыбного супа так и остался в памяти), а после обеда мне полагалось отдохнуть на настоящих полатях под потолком, где было темно, просторно и довольно жестко.

Сюда к нам часто приезжали семьи С.А.Торопова и Владимира Карловича Клейна, профессора, ректора Археологического института, моего крестного. Бывал известный архитектор-реставратор и художник Дмитрий Петрович Сухов. Цветная гравюра «Панорама села Коломенского» (изображающая село таким, каким оно было при царе Алексее Михайловиче) и сейчас висит у меня дома. В Коломенском жила чета Борщевских. К Ивану Федоровичу отец относился очень трогательно, по-сыновьи, всячески помогал. Он высоко ценил вклад Ивана Федоровича в дело популяризации, фотофиксации и тем самым сохранения русских древностей.

Помню помощников отца Л.С.Редковскую, Н.П.Стулова, Л.А.Давида, В.Каульбарса.

Деятельность отца по созданию музея в Коломенском и музея под открытым небом уже тогда воспринималась окружающими как подвиг. Все экспонаты и огромные фонды музея были собраны отцом, свезены в Коломенское: не только утварь, иконы, предметы быта XVII в., но и множество фрагментов храмов и других памятников архитектуры, уничтожавшихся по

невежеству, не говоря уже о перевозке с Севера, из затопляемых зон, деревянных памятников архитектуры — башни Николо-Корельского монастыря, угловой башни Братского острога, домика Петра I из Новодвинской крепости (с мебелью и утварью).

Уместно сказать, что всюду, где отец работал достаточно продолжительное время и позволяли условия, он создавал музеи. Так было в Болдино, Александровской слободе, Симоновом монастыре, Крутицах. В Крутицах он мечтал создать музей, посвященный «Слову о полку Игореве». Собирал материал, но не успел... В Москве принимал активное участие в создании музея грузинского быта.

Говоря о музейной деятельности отца, хочу попутно передать следующий, дошедший до меня, рассказ протоиерея Валентина Асмуса. Отец Валентин слышал от А.В.Ведерникова (в прошлом помощника владыки Николая, занимавшегося в Патриархии делами печати) историю о перенесении мощей святителя Алексия Московского при уничтожении Чудова монастыря в Кремле. Мощи святителя были вынесены Барановским, возглавлявшим в то трудное время комиссию Центральных государственных реставрационных мастерских Наркомпроса, «прежде всего, и почти на себе», подчеркнул Ведерников. Сейчас они покоятся в Богоявленском патриаршем соборе. (Рассказанный эпизод скорее относится к вопросу, был ли П.Д.Барановский атеистом, как теперь говорят и пишут некоторые «доброжелатели от истории».)

Третьим детским воспоминанием была Шагирка — царство Марии Федотовны, матери Петра Дмитриевича, моей бабушки. Деда, Дмитрия Павловича, я не знала, он умер в 1906 г., но слышала от отца и тети Наташи, что он был способным к ручному творческому труду человеком. По-моему, Шагирка была приобретена после его смерти. Шагирка — это большой участок земли недалеко от города Дорогобужа (примерно в 5 км) в открытом пространстве с кустарниками и холмами (их называли курганами), с мельницей на берегу реки Скожа, притока Днепра, фруктовым садом и разной живностью. Теперь там заросший бурьяном пустырь.

Дом был большой, одноэтажный. Помню столовую, гостиную, как тогда говорили, посредине стол, накрытый белой скатертью, с самоваром. На стенах — большая фотография Дмитрия Павловича в раме, групповые снимки родственников, какие-то олеографии. В комнатах много цветов — фикусы, герань. В углу белоснежная печь с лежанкой, любимым местом моим и кошек. На лежанке в ожидании чая часто стояло большое блюдо с пирожными безе, бабушка искусно их пекла. Иногда я заглядывала на мельницу, там вращались огромные жернова, лежали мешки с зерном, мукой и всюду мучная пыль. Изредка подъезжали и уезжали с мешками возчики на лошадях. Главным помощником на мельнице был Гуго Эдуардович, жених падчерицы бабушки — Марии Дмитриевны, немец по происхождению. Как он попал в дом, не знаю, а теперь и не у кого узнать. Мария Федотовна, как мне казалось, имела мужской характер — сильный и очень деятельный, за что снискала уважение всей округи. А как она правила лошадьми, запряженными в дрожки! Я ею восхищалась и побаивалась ее.

Накануне коллективизации, примерно в 1928 г., бабушка, не дожидаясь «раскулачивания», сама отдала все свое движимое и недвижимое имущество

советской власти, за что и избежала ссылки — жила в Дорогобуже, снимая комнату в подвале по 1-му Днепровскому переулку.

Летом я, Всеволод и Марк (дети Ивана Дмитриевича, младшего брата отца) по-прежнему приезжали к бабушке. Она сама топила русскую печь, готовила еду, орудуя ухватами. Моей наперсницей, как и прежде, была тетя Наташа. Переулок довольно круто спускался к Днепру, куда мы ежедневно ходили купаться. Пляж песчаный, берег травянистый, и по нему стаями разгуливали гуси.

Состарившись и нуждаясь в помощи, бабушка переехала в Азербайджан, город Гянджу (Кировабад), к своей сестре Агнии Федотовне Гриневой — известному, почитаемому в городе врачу, жившей там с семьей всю жизнь. Агния Федотовна умерла в 1970 г., а ее дочь Нина Георгиевна Манелова, также медик, и сейчас живет там с мужем. Кроме младшей сестры у бабушки было два брата, Афанасий и Степан Гриневы. Степан погиб в империалистическую войну, в 1916 г., Афанасий уехал во время революции за границу, и о его дальнейшей судьбе мы ничего не знали.

Перед самой войной Мария Федотовна перебралась к своей дочери Наталье в село Ивановское под Истрой, где и умерла в 1959 г. Гроб с телом Марии Федотовны мы с отцом перевезли в Коломенское с большими трудностями, так как пришлось плыть вдоль водохранилища на лодке. Похоронили ее на Дьяковском кладбище, с северной стороны церкви Иоанна Предтечи. Увы, это кладбище постигла участь многих памятников: в 1978 г. оно было снесено.

Из родственников со стороны дедушки знаю только двоих: Евфросинью Михайловну Горлачеву, дочь брата дедушки Михаила Павловича, и ее дочь Татьяну Васильевну. Обе живут в Москве. Кроме Михаила, у дедушки были еще два брата: Кузьма и Захар, и сестра Екатерина.

Наталья Дмитриевна, младшая сестра отца и моя любимая тетка, родилась в 1895 г. Окончила гимназию и педагогические курсы. Всю жизнь работала сурдопедагогом в Дорогобуже, Грязевце, Вологде и Истринском районе Московской области. Потом и сама потеряла слух, но не интерес к людям, книгам, жизни. Уже будучи 82-летней, она переехала в Москву, к овдовевшему брату и в течение 7 лет вплоть до самой его кончины стоически помогала ему, а тем самым и мне. Все, знавшие ее, очень ее любили, ценили, преклонялись перед мужеством этой маленькой женщины. Умерла Наталья Дмитриевна 30 июня 1986 г. Мы похоронили тетю Наташу в могиле отца и Марии Юрьевны в Донском монастыре.

Папин младший брат Иван Дмитриевич (1897—1975) был инженером-путейцем, лесоводом, а в личной жизни — страстным музыкантом. В юности, когда в доме собиралась молодежь, он и моя мама пели дуэтом, аккомпанируя себе на мандолинах. Иван Дмитриевич жил с семьей в Харькове, в Москве бывал редко: в последний раз братья виделись в 1971 г.

Большую часть жизни Петр Дмитриевич и Мария Юрьевна прожили в Новодевичьем монастыре, сначала жили в пристройке крепостной стены, рядом с местом заточения царевны Софьи, — с окнами, выходящими на пруд и в тесноте страшной. Соседом их был Вася Шереметев, потомок графской семьи, художник-живописец, скончавшийся в 1989 г.

Потом условия быта несколько улучшились, так как всех «посторонних», не имеющих отношения к музею, переселили, и Барановские смогли получить в здании бывших больничных палат монастыря одну из комнат, а позже им выделили там же отдельную квартиру, в которой они оба и скончались: Мария Юрьевна — в 1977-м, а отец — в 1984 г.

Мария Юрьевна, вторая жена Петра Дмитриевича, родилась в семье музыканта, в Нахичевани-на-Дону, в 1902 г. Вышла замуж вторым браком за Петра Дмитриевича в 1933-м. Историк, кандидат наук. Более 40 лет работала в Государственном Историческом музее старшим научным сотрудником отдела иконографии. Знаток московских некрополей, знаток быта, обстановки, условий жизни людей XIX — начала XX в., истории Отечественной войны 1812 г. Главной же темой ее деятельности были декабристы. Ею написана книга о Николае Бестужеве, ряд статей о других декабристах. Умерла Мария Юрьевна внезапно: у нее было больное сердце.

После смерти отца я более года мучилась над эскизами надгробия и поняла, что в некрополь Донского монастыря не сможет вписаться ни современная форма, ни стилизация под памятники XVIII—XIX вв., находящиеся там. Помог случай. В лесу под городом Киржач Владимирской области отыскался валун, силуэтом напоминающий то ли лежащего лося, то ли медведя. С одной стороны у него имелась созданная самой природой плоскость для надписи (оставалось только отполировать), а сзади — круглая вмятина: как бы для печатки, на которой мне хотелось изобразить вещую птицу Гамаюн (что я и сделала). Птица присутствовала во всех предшествующих эскизах: она сторожит Родину, она из смоленского герба, а ведь и отец из тех же мест.

Второй аргумент в пользу установки валуна на могиле: среди отцовых фотографий есть одна: он, восемнадцатилетний, лежит на очень похожем камне на фоне родной Шагирки. И третье: имя Петр в переводе с греческого — камень. Вот так и возник памятник на его могиле. К слову, считаю нужным поблагодарить здесь скульптора Виктора Юдина, дружески помогшего мне в выполнении дочернего долга.

В творческой биографии отца виден его интерес к древней архитектуре разных районов страны. Всего им выполнено более 100 проектов реставрации архитектурных памятников — из них более 70 им осуществлено.

Мне не много довелось наблюдать его работу, но всегда это было очень интересно. Он брал меня с собой во Владимир, Суздаль, Боголюбов, Юрьев-Польский, рассказывал, почему оказалось так сложно восстановить первоначальный декор Георгиевского собора.

Мы сделали из папье-маше форму и воспроизвели недостающие стороны «четырехглава» — темы, часто встречающейся во владимирской архитектуре. Этот «четырехглав» на колонне сейчас находится в Музее архитектуры. Я приезжала к отцу, когда он работал после ссылки в Александровской слободе; приезжала в Новый Иерусалим, в музее которого висит проект восстановления шатра ротонды собора, выполненный отцом; в Чернигов, когда церковь Параскевы Пятницы была в руинах, а он уже видел ее неповторимую красоту, позже осуществленную им в натуре. Бывала в Загорске. Я сделала для музея по проекту реставрации отца макет Духовской церкви, учась в институте, в порядке практики, помогала вместе с архитектором М.Циперовичем в обмерах собора и трапезной палаты Андроникова монастыря. Часто бывала в Крутицах и в Коломенском, о котором уже писала.

Жизнь моя, к сожалению, сложилась так, что я не стала помощником отца и продолжателем его дела. Но и он ничего для этого не сделал, надеясь, вероятно, что желание само во мне пробудится, чего не случилось.

Как Петр Дмитриевич трудился, знают его ученики и те, кому приходилось с ним работать. МГО ВООПИиК ежегодно устраивает вечера, приурочивая их к дате рождения Петра Дмитриевича — 14 февраля. Отца вспоминают как человека неугомонного, целеустремленного энтузиаста, не знавшего ни отдыха, ни страха, ни, слава Богу, болезней. Рассказывают о его гражданском мужестве при защите Покровского и Казанского соборов на Красной площади перед решавшими их судьбу Енукидзе и Кагановичем. Не было у него страха и физического, когда приходилось взбираться на самый верх церкви Вознесения, держась за цепь, словно альпинист. «У него птичье сердце», — говорили о нем. А во время обследования и обмеров памятников Севера он упал с высоты вместе с лесами, потерял сознание, повредил позвоночник (впоследствии беспокоивший его). В Москву полетела телеграмма: «Приезжайте, Барановский разбился». Но, слава Богу, обошлось. Об этом и многом другом можно прочесть в «Памяти» В.Чивилихина.

За свои убеждения и бесстрашие он поплатился арестом и ссылкой в 1933 г. в Мариинск. Там он работал начальником строительства, строил электростанцию, сельскохозяйственный музей и другие объекты (документы, вырезки из местных газет того времени находятся в архиве отца в Музее архитектуры). По возвращении в 1936 г. он спешно начал обмерять, тайно фотографировать из окон Исторического музея и делать чертежи разрушаемого по приказу правительства Казанского собора на Красной площади. Но чего это стоило отцу — воочию видеть уничтожение ранее исследовавшегося и отреставрированного им уникального памятника XVII в. Тем более, что светового времени для обмеров Казанского собора, разрушаемого у него на глазах, было мало, так как ежедневно приходилось ездить к 17 часам отмечаться в милиции по месту жительства в Александров как неблагонадежному, вернувшемуся из ссылки.

Нынче, благодаря сделанным отцом обмерным чертежам и выполненному по ним архитектором Журиным О.И. проекту, а также общей благоприятной для возрождения культурных ценностей обстановке, Казанский собор восстановлен и освящен Патриархом Алексием II.

Сколько было в его жизни таких трагедий, когда ранее исследованные и даже отреставрированные ценнейшие памятники архитектуры и культуры уничтожались! Только в Москве — такие, как Симонов монастырь, Казанский собор, дворец князя Голицына, церковь Пятницы в Охотном ряду, памятники архитектуры и монастыри в самом Кремле; а — на Севере, а — в Центральной России?

В конце жизни, потрясенный смертью жены, отец стал плохо видеть, две операции у С.Федорова не улучшили зрения. А как следствие — непривычная бездеятельность, которая приводила в отчаяние, постепенно убивала его. Тем не менее во время немногочисленных прогулок по территории Новодевичьего монастыря он рассказывал мне историю о трагической судьбе стрелецкого подполковника Цыклера, жившего во времена Петра I, по предположению отца, принимавшего участие в строительстве некоторых зданий Новодевичьего монастыря, о любимом зодчем Федоре Савельевиче

Коне, о своем открытии времени и места погребения Андрея Рублева в Андрониковом монастыре с реконструкцией надгробной надписи и другие сведения из кладезя его памяти.

Активная подвижническая жизнь Петра Дмитриевича всегда привлекала к нему много хороших, талантливых людей и ученых. Из известных мне могу назвать академиков И.Э.Грабаря, И.В.Рыльского, Г.Н.Чубинашвили, а также Н.Н.Померанцева, Б.Н.Засыпкина, Д.П. Сухова, Г.О.Чирикова, Б.Н.Сычева, А.В.Лядова, С.А.Торопова, М.И. Погодина, И.Ф.Борщевского, В.К.Клейна, П.Д.Корина, а из наших современников, единомышленников и коллег отца: — П.П.Ревякина, Н.И. Иванова, В.А.Виноградова, О.И.Журина, Л.А.Давида, А.М.Харламову, Н.Н.Воронина, А.М.Пономарева, академика И.В.Петрянова, художников К.К.Лопяло и С.Б.Отрощенко, писателей В.А.Чивилихина и Дм.Жукова, архитекторов Л.И.Антропова, Н.Н.Свешникова, Н.А. Быковскую, А.А.Карнабеда, искусствоведов Ю.А.Бычкова, В.А.Десятникова, А.С.Трофимова и многих других. Кроме солидных ученых и подвижников с отцом работала и молодежь, в результате чего на территории памятника архитектуры «Крутицкое подворье» сложился молодежный клуб «Родина». Привлекая молодежь к работе, уделяя внимание ее воспитанию, отец одновременно вербовал сторонников и увлеченных продолжателей дела своей жизни.

Из числа работавших тогда с ним выросли серьезные реставраторы и их помощники, такие, как А.М.Пономарев, М.Н.Гребенков, В.Кулаков, Е.М. Верченко, В.Пироженко, И.К.Русакомский и др.

Эта область творчества стала их потребностью и второй профессией.

Последние годы жизни отец очень беспокоился о своем наследии, переживал за собранные им материалы (только научных исследований 107 тыс. единиц хранения по музейной фиксации), которые он не успел досконально систематизировать и обработать для публикации. Ему, естественно, хотелось сохранить в комнате все в том виде, как при его жизни, чтобы это была мемориальная комната-мастерская, в которой могли бы работать продолжатели его дела. Но Исторический музей еще при жизни Петра Дмитриевича отказал ему в этом, ссылаясь на нехватку площадей хранения, и Петр Дмитриевич завещал все свое творческое наследие и имущество Музею русской архитектуры в Донском монастыре, где давно планируется воспроизвести мемориальную комнату Петра Дмитриевича и Марии Юрьевны Барановских. Но воспроизведение и духовно обжитая, подлинная обстановка — это разные понятия, поэтому необходимо хлопотать о комнате П.Д. и М.Ю. Барановских в Новодевичьем монастыре под практически функционирующую мемориальную комнату-мастерскую.

А пока отрадно хоть то, что МГО ВООПИиК к 100-летию отца, по моей модели, установил на здании больничных палат в Новодевичьем монастыре мемориальную доску. Еще одна памятная доска установлена на передних воротах в Коломенском. Текст на ней гласит: «Здесь жил и работал с 1923 по 1933 г. основатель Музея «Коломенское» архитектор Петр Дмитриевич Барановский».

Н.Д.ГЛУЩЕНКО,
журналист
С.Е.ДМИТРИЕВ,
инженер

ИМ ЗАЖЖЕННЫЙ ОГОНЬ

Весной 1964 г. большая группа студентов Московского химико-технологического института им. Менделеева совершила автобусную поездку в Переславль-Залесский, Ростов Великий и Углич.

Ребята открыли для себя ошеломляюще прекрасный мир древнерусского искусства и еще в дороге решили организовать в своем вузе фотовыставку, рассказывающую об этом путешествии, и провести вечер, посвященный русской старине. Сейчас нашим молодым современникам даже трудно представить, насколько непривычным и даже в чем-то крамольным был такой замысел в годы хрущевского богоборчества. Как раз в ту пору в Витебске, вопреки многочисленным протестам, была взорвана Благовещенская церковь XII в., да и по всей стране закрывались и разорялись тысячи храмов, отданных после войны верующим...

Организаторам выставки и вечера Анатолию Домникову, Александру Садову, Виктору Васильчику и их друзьям удалось «выйти» на тех людей, которые знали подлинную историю Отечества и боролись за ее памятники. На вечер 8 мая пришли Петр Дмитриевич Барановский и бывший латышский стрелок инженер Владислав Петрович Тыдман, художники Илья Сергеевич Глазунов, Алексей Михайлович Лаптев, Александр Алексеевич Коробов, выступления которых взбудоражили зал, вызвали массу вопросов. И главным был, конечно, такой: «Чем мы можем помочь?» В ответ Барановский пригласил всех желающих на Крутицкое подворье, где уже несколько лет он руководил реставрационными работами. Петр Дмитриевич прямо сказал, что работа будет «черная» и безвозмездная. Тут же на вечере было принято решение создать молодежный клуб любителей истории и древнерусского искусства и назвать его «Родина». Днем рождения клуба решили считать первый день работы его участников на Крутицком подворье — 25 мая 1964 г. В части дворца, примыкавшей к знаменитому «Теремку», предстояло сделать немало: сломать перегородки и перекрытия, снять штукатурку, весь хлам вынести, вывезти, благоустроить двор.

Трудились, как говорится, «без перекуров», нередко более сотни человек одновременно. Рабочими днями на реставрации правлением клуба были установлены понедельник и четверг с 18 часов. Но многие приходили и в другие дни. Начали действовать секции клуба — архитектурная, живопис-

ная, историко-литературная и инспекционная. Благодаря хлопотам Барановского, клубу «Родина» выделили уголок в набережных палатах, в которых уже была проведена внутренняя реставрация, налажены отопление и освещение. В среднее помещение — сени — вход вел прямо со двора, направо и налево от сеней располагались довольно обширные сводчатые палаты, левая была разгорожена на маленькие комнатки и чуланчики. В одной из таких каморок с окнами на реку разместилось правление, был установлен телефон, номер которого тут же, кстати, попал в справочную книгу Москвы с пояснением: «Клуб «Родина» (молодежный)»...

Много времени потратили студенты и на то, чтобы очистить белокаменные подвалы набережных палат от вековых залежей мусора. А на дворец и на смежное с ним трехэтажное здание, в котором только Барановский смог угадать древнюю Воскресенскую церковь, приходилось еще долго мечтательно посматривать: были здесь многокомнатные коммуналки и предстояла серьезная борьба за переселение жильцов. Значительную часть ансамбля — приказные палаты и часть набережных палат — занимала гарнизонная гауптвахта.

Петр Дмитриевич, много рассказывавший об истории Крутицкого подворья и Новоспасского монастыря, сумел зажечь своих молодых друзей идеей создания в Крутицах музейного комплекса. Хорошей «зацепкой» послужили хлопоты Литературного музея об открытии на Крутицком подворье мемориальной комнаты Герцена, который некогда пребывал под стражей в жандармских казармах, располагавшихся в здании приказных палат. Барановский же задумал создать здесь два музея — «Слова о полку Игореве» и памятников архитектуры Крутицко-Новоспасского ансамбля. Что касается последнего, то к 1968 г. экспозиция его, составленная в основном из эскизов проектов реставрации, архитектурных фрагментов, изразцов, мелких предметов, найденных при земляных работах в Крутицах и в Новоспасском монастыре, была систематизирована самим Петром Дмитриевичем и открыта для обозрения в двух комнатах второго этажа еще неотреставрированной части дворца, примыкавшей к Воскресенской церкви.

На первые месяцы 1965 г., пожалуй, приходится пик просветительской работы клуба. С большим успехом прошли вечера, посвященные историко-культурному наследию России, в вузах и на предприятиях Москвы. В составе клуба появились сотрудники Центрального института технологии машиностроения, инженеры и рабочие ЗИЛа, учащиеся 551-й и 1000-й школ. Инспекционные группы, все чаще выезжавшие в Подмосковье, привозили богатый материал, укрепляли на осыпавшихся стенах храмов написанные масляной краской по жести самодельные охранные доски, срубали выросшие на кровлях деревья. Бывали и мелкие стычки с «бдительными» представителями местных властей, настырно спрашивавшими, есть ли у ребят «разрешение» на эту работу и не «сектанты» ли они.

Весть о клубе «Родина» пошла по всей стране, благодаря статье В.Пескова «Отечество», опубликованной 4 июля 1964 г. В феврале 1965 г. Московское областное управление культуры и обком комсомола утвердили положение о клубе «Родина». В Ленинграде при Русском музее был организован клуб «Россия», ставивший аналогичные задачи. Но в других городах, особенно в «глубинке», дело обстояло сложнее. В Каргополе, например, при го-

родском доме культуры был создан клуб «Лемех» (по названию деревянных пластин, которыми покрывали главы храмов на Севере). Бдительные городские идеологи начали задавать организатору клуба, художнику Юрию Копосову, вопросы, самым невинным из которых был: «Что вы этим «лемехом» собираетесь пахать?» А затем ему пришлось уехать из родного города. Понимание и поддержку Юрий нашел в Москве, на Крутицах...

Не только Петр Дмитриевич возлагал надежды на клуб «Родина». Клуб поддерживали, помогали, защищали его такие известные люди, как С.Т.Коненков, П.Д.Корин, Л.М.Леонов, В.А.Солоухин, авиаконструктор О.К.Антонов, космонавт А.А.Леонов... Теплые отношения сложились с И.С.Козловским, О.В.Волковым, в те годы ставшим известным, благодаря статьям в защиту Байкала, с дочерью великого певца И.Ф.Шаляпиной-Бакшеевой. Начиная с 1966 г., большие группы членов клуба ездили на восстановление дома, связанного с памятью композитора С.И.Танеева, в живописнейшем Дютькове, что вблизи Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом. Постоянными стали путешествия в Радонеж, где под руководством Ф.Ф.Ляха возрождалось здание Преображенской церкви. Члены клуба проводили большую разъяснительную работу на местах, благодаря чему, например, был спасен от разрушения храм в Подмоклове на Оке, вблизи Серпухова. Немало печаталось статей и посылалось писем в защиту старой Москвы. Так, в конце 1966 г. не без влияния писем, посланных членами клуба «Родина» в различные инстанции, удалось отстоять от сноса уникальнейшее здание Английского посольского двора в Зарядье, открытое в 1956 г. П.Д.Барановским.

В клубе «Родина» сошлись люди разных поколений. Истинные ценности объединяли и сплачивали. Инженеры Юрий Фатюнин, Александр Пономарев, Борис Лобазов, Николай Емельянов, Алексей Гузь, Игорь Русакомский, художник Борис Кирюшин, экономист Анатолий Попов, группа студентов составили ядро клуба, придававшее устойчивость и прочность его «конструкции». С самого основания клуба с ребятами работал Леонид Иванович Антропов, архитектор-реставратор, собравший поистине уникальную коллекцию кирпичей с клеймами заводов и артелей; кстати, именно Антропов доказал, что А.С.Пушкин действительно венчался в церкви Большое Вознесение у Никитских ворот. Вспоминается и замечательный интеллигент Константин Сергеевич Сулимцев, который своим ровным, доброжелательным отношением ко всем, личным примером настраивал ребят на дружбу, на соратничество.

Читать лекции на занятиях клуба приходили и известные ученые, и начинающие искусствоведы, например, рано ушедший из жизни Евгений Николаев (его книги «По Калужской земле» и «Москва классическая» были опубликованы посмертно). О символике русской архитектуры рассказывал признанный ныне авторитет в истории отечественного градостроительного искусства Михаил Кудрявцев. Запомнился докладами о русском зодчестве Владимир Плужников...

В июле 1965 г. было принято решение правительства РСФСР о создании «Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». В организационный комитет общества вошли Петр Дмитриевич Барановский, председатель правления клуба «Родина» Александр Садов и

бывший председателем ранее Валерий Ириков. Таким образом, еще раз получила общественное признание созидательная работа клуба.

Однако огонек свободного духа, зажженный на Крутицах, начал вызывать кое у кого все большее беспокойство. В начале 1967 г. областное управление культуры приняло совершенно неожиданное решение: объявить клубу «Родина» благодарность и ... упразднить его. Мотивировка сводилась примерно к тому, что создано, мол, Общество охраны памятников, значит, клуб, «дублирующий» его работу, не нужен. На деле же облуправление культуры позарилось на помещение, занимаемое клубом в Крутицах, с тем чтобы перевести сюда, почти в центр Москвы, свое производственное бюро из Царицына.

Давление на клуб шло по нарастающей, и союзником органов культуры стал районный архитектор В.Галактионов, он же — председатель Пролетарского районного отделения ВООПИиК. То есть, вполне в духе времени, он «охранял» памятники от самого себя. Результаты этой «охраны» видны в окрестностях станции метро «Пролетарская», где от исторической старины ничего не осталось.

В начале 1968 г. ребята помимо обычной работы занялись еще одним интереснейшим делом — в помещении Крутицкого дворца с их помощью была развернута большая выставка «Памятники истории и культуры в произведениях московских художников».

А вскоре после открытия выставки Галактионов, при негласной поддержке районных и городских властей, которым клуб «Родина», вступаясь за памятники, попортил немало крови, решил действовать силой. Взяв на подмогу несколько дюжих слесарей, он явился на Крутицы среди бела дня, когда никого из клуба там не было, сорвал замок с помещения набережных палат, повесил свой, для пущей убедительности опечатал двери. Это произошло 25 апреля 1968 г.

Члены клуба, ошеломленные этим, собрались было пойти с петицией прямо в райисполком и райком партии, но умудренные опытом люди, и в том числе Барановский, уберегли их от опрометчивого шага. Дело в том, что всю делегацию могли просто арестовать, обвинив в учинении «дебоша». Клуб продолжал собираться в помещениях дворца, которыми распоряжался лично Петр Дмитриевич Барановский. С его участием обсуждались письма в разные «инстанции», начиная, как положено, с Л.И.Брежнева. В августе 1968 г. в Центральном совете Всероссийского общества охраны памятников состоялось совещание актива клуба «Родина» с представителями ВООПИиК, а также с некоторыми членами студенческих реставрационных районных отрядов, уже второй год выезжавших на Соловки и в другие исторические места. Было констатировано, что клуб «Родина» никто не ликвидировал и устав его остается в силе. Сам клуб перешел в структуру Московского отделения ВООПИиК.

Начался новый этап в деятельности молодежного клуба «Родина», можно сказать, вторая (и последняя) «четырехлетка». Впереди было немало интересного и полезного, но были люди, которые так и не дали клубу перерасти в массовое молодежное движение. Тогдашнее руководство Московского молодежного отделения ВООПИиК, и прежде всего его ответственный секретарь Майя Александровна Стриженова, поставили целью любы-

ми средствами отдалить ребят от Крутицкого подворья и, конечно, от Петра Дмитриевича Барановского. В достаточно заманчивой форме перед лидерами клуба рисовали картинки будущего процветания со своими членскими билетами, концертным залом, полностью экипированной реставрационной бригадой... но только не в Крутицах. Для клуба даже арендовали одно время довольно обширное помещение в самом центре Москвы на улице Станкевича.

Конечно, попытка оторвать молодежь от ее учителя и наставника, каковым был Барановский, оказалась тщетной. Уже через год ребята вновь стали работать на Крутицах, снова проводили там лекции, снова слушали Барановского, учились у него. Крутицкое подворье было передано Московскому городскому отделению ВООПИиК с целью организации экспериментальной реставрационной мастерской и школы для подготовки участников студенческих реставрационных отрядов. Возглавил мастерскую замечательный специалист и прекрасный человек, старинный друг Барановского Евгений Михайлович Верченко.

Запомнился выход на Крутицы 13 февраля 1972 г., когда был проведен воскресник клуба в честь 80-летия Петра Дмитриевича Барановского. Юбиляру преподнесли книгу с надписью, выполненной старинной вязью.

Работа клуба на Крутицах, на «Доме Даля» и в других местах, в том числе в Поленове и в Бёхове на Оке, велась вплоть до осени 1972 г. Над клубом к тому времени вновь сгустились тучи. В октябре 1972 г. на президиуме совета МГО ВООПИиК зазвучали расписанные по сценарию речи о том, что клуб «Родина» себя изжил, якобы дублируя молодежную секцию (которая была и оставалась всегда только на бумаге), что от него исходит лишь беспокойство и опасность посылки каких-нибудь несанкционированных писем, способных «подставить» все городское отделение под удар, и прочее в том же роде.

Двое-трое сомневающихся в этой липе погоды не сделали. Не пригласив на сей «демократический форум» ни одного члена правления клуба «Родина», его объявили закрытым с 1 ноября 1972 г. ...

Немало энтузиастов «Родины» продолжали ходить на Крутицкое подворье. Со временем кто-то из них стал профессиональным каменщиком-реставратором, а кто и архитектором-реставратором, посвятил свою жизнь возрождению художественного наследия. И можно с уверенностью утверждать, что огонь, зажженный на Крутицах Барановским, озарил молодость сотен людей.

Доказательством этому может служить такое обстоятельство. 20 мая 1989 г. отметить свое 25-летие со дня основания молодежного клуба «Родина» по первому зову на Крутицы пришло едва ли не сорок человек из числа его членов. И работали как встарь! Могло прийти, очевидно, намного больше, но не стали организаторы юбилейного субботника шуметь о годовщине по радио и телевидению. Не выносил подобного шума Петр Дмитриевич. И решили отмечать такие встречи скромно — делом и, конечно, собираться почаще, не ожидая очередной юбилейной даты.

И.И.КАЗАКЕВИЧ,
архитектор-реставратор

В ЗАРЯДЬЕ

Первая моя встреча с Петром Дмитриевичем состоялась в 1961г. Она была связана с палатами Симона Ушакова. Я вела протокол рабочей комиссии по палатам, которые «мешали» строительству новых «палат» — цековских зданий. Когда заседание подошло к концу, я спросила Петра Дмитриевича, о котором в нашей среде слагались героические легенды: «Как вас подписать?»— «Пишите просто: «Архитектор Барановский», — был ответ.

Поскольку палаты были приспособлены под жилье, состояние их оказалось просто катастрофическим. Ни тебе древности, ни красоты — печальные руины, да и только! На том заседании Петр Дмитриевич предложил: «Чтобы в одночасье не снесли, надо осуществить полное исследование и фрагментарную реставрацию по фасадам. Будут видеть, что это памятник, и когда-нибудь доведут дело до конца».

Он еще в 20-е гг. занимался палатами Симона Ушакова. В тот день Барановский предложил нашему вниманию эскиз, на котором они смотрелись замечательно. Это воодушевляло. И закипела работа. Небольшими, по три метра, кусками, мы реставрировали здание, и ценность его становилась очевидной. Оно по сей день стоит во фрагментарно вычиненном виде. Ведь не снесли — Барановский оказался прав!

Каждый наш разговор Петр Дмитриевич начинал с фразы: «Гибнет русская культура». Зарядье, с которым долгие годы была связана моя деятельность архитектора-реставратора, подтверждало эти слова. Барановский много лет занимался Зарядьем, Китайгородской стеной. Это почему-то забылось, что несправедливо.

Говоря о Зарядье, нельзя не вспомнить о суровой борьбе, которую вел Петр Дмитриевич Барановский за сокращение этажности высотной — центральной части — гостиницы «Россия». Борьба велась «в кулаке» со сподвижниками — академиком И.В.Рыльским, писателем О.В.Волковым, скульптором, работником Министерства культуры, членом Комитета защиты мира В.А.Павловым (влиятельным в то время человеком), архитектором Г.В.Алферовой, старым большевиком, активным защитником культурных ценностей В.П.Тыдманом. Борьба велась, что очень важно, и в процессе строительства. В конце концов проект Д.Чечулина был кардинально пересмотрен, и то, что все же возведено — безусловно «градостроительно спокойнее», выражаясь профессиональным языком, для данного исторического места.

В 40-х гг. в недрах комплекса зданий Библиотеки иностранной литературы на улице Разина Барановский выявил возведенный в XVI в. Английский посольский двор. И с этих пор стал буквально вгрызаться в Зарядье. Во всем, что спасли в Зарядье, — его заслуга.

Первая моя самостоятельная работа — обмер Китайгородской стены. Обмеры обреченных на снос крепостных стен организовал опять-таки он. Благодаря его неукротимой энергии, остался фрагмент стены в Китайгородском проезде. Барановский поднял на его защиту многих и доказал, что фрагмент древней стены украсит, придаст историческую значимость, оправдает название строящейся гостиницы «Россия».

Окрыленный успехом, он попытался спасти и крепостную башню, прикрывавшую собой церковь Анны, что в Углу, но, увы, нас не послушали.

В 1966 г. за подписью Промыслова — председателя Моссовета, пришел приказ о разборке зданий Библиотеки иностранной литературы, которая размещалась в древнем здании посольского двора. Чтобы спасти Английский посольский двор, нужно было в короткий срок доказать, что это ценный памятник древнерусского зодчества и еще к тому же найти решение автомобильного подъезда на уровне первого этажа гостиницы. Петр Дмитриевич предложил не мешкая восстановить фрагмент карниза. Молодые ребята из клуба «Родина» воссоздали большую часть срубленного карниза, а мы, архитекторы мастерской № 7 ГЛАВАПУ, в темпе вели проектирование, в сказочно короткий срок осуществив полный проект реставрации.

Инженер-дорожник (к сожалению, не вспомню сейчас его фамилии) по просьбе Барановского спроектировал пандус, который мастерской Чечулина без поправок был принят к исполнению.

Пристройки, которыми был облеплен Английский посольский двор, намеревались не разбирать, а взрывать. Барановский встревожился, поднял нас всех на ноги. Старый большевик Вячеслав Петрович Тыдман, один из его сподвижников, послал телеграмму Брежневу. Нас Петр Дмитриевич просил неотступно следить за ситуацией. Руководитель взрывных работ Александров успокаивал нас и даже пригласил быть свидетелями филигранной работы взрывников. Все обошлось без потерь.

Забота Барановского коснулась и палат Романовых, подвергшихся реставрации еще в прошлом веке. Автора реставрации архитектора Рихтера кто только не бранил за «псевдорусский, ложнодревний» облик палат. Однако Петр Дмитриевич в 60-х гг. объяснял всем, что сама реставрация Рихтера — это уже памятник истории и культуры.

Одновременно со страдой в Зарядье шла борьба за Боровское подворье (русский караван-сарай). ЦК КПСС строился, и все вокруг ему мешало. Но благодаря настойчивости Петра Дмитриевича, палаты Боровского подворья были передвинуты во двор дома Симона Ушакова и тем спасены от разборки. Так и стоят теперь в ожидании лучших времен.

Вспоминаются дела о намечавшихся сносах домов по Пречистенке (Кропоткинской), Волхонке. Свидетельствую, что все исторически и архитектурно ценные дома на этих старых московских улицах устояли благодаря вмешательству Барановского. Пострадал (был снесен) ампирный угловой дом 1821 г., где в свое время находилась мастерская художника Сурикова. Барановский рассказывал, как он пробился к самому Гришину — первому секре-

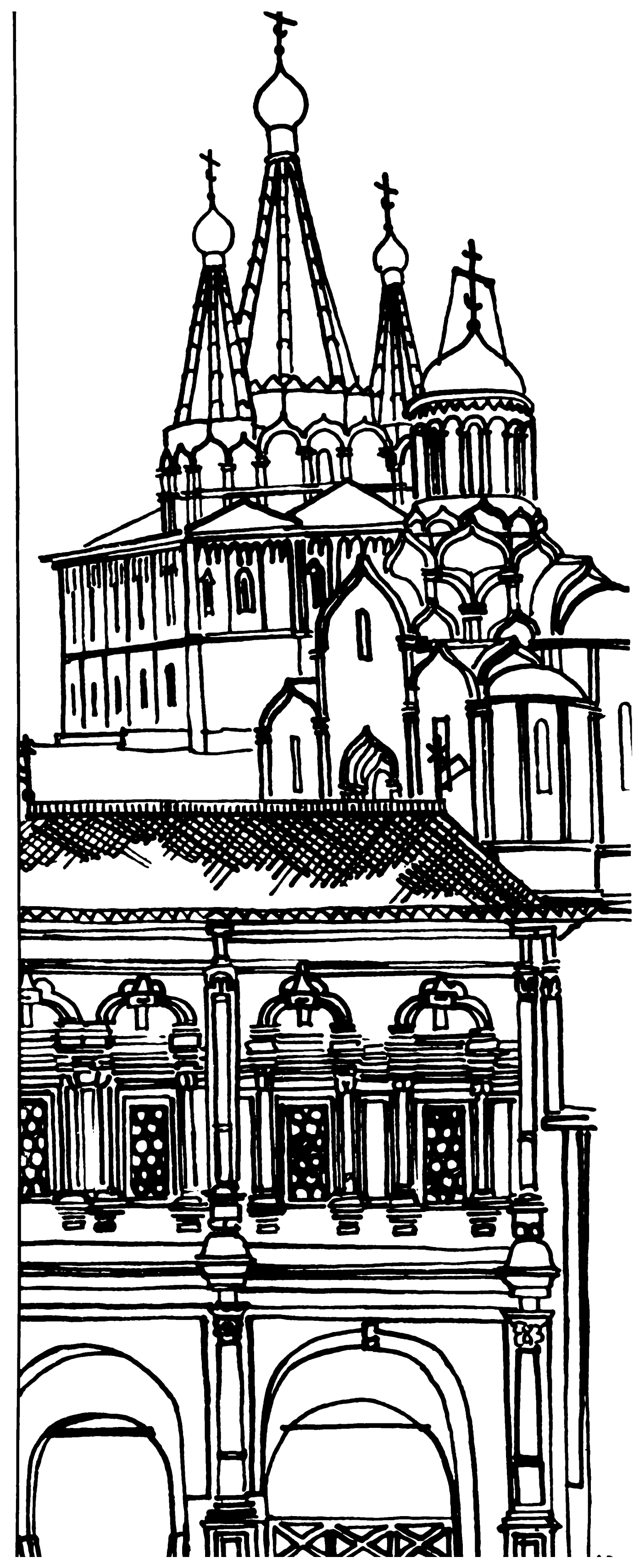
тарю МГК КПСС, но было уже поздно. Зато удалось спасти двухэтажные жилые палаты XVII в. в начале Пречистенки, которые сегодня радуют глаз.

Любуясь красотой старомосковских улиц, помните, что их исторический облик сохранен в большой степени любовью, компетентностью, необыкновенной волевой энергией Петра Дмитриевича Барановского.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕТР БАРАНОВСКИЙ

Труды,
воспоминания
современников.

Лицензия ЛР № 064113
от 17.05.95
Подписано в печать 12.02.96.
Формат 70x100/16
Бумага офс. Печать офс.
Обьем 22,0 п. л.
Тираж 15 000 экз.
Заказ № 725

Издание Фонда
П. Д. Барановского

Московское отделение
ВООПиК
109028, г. Москва,
Покровский бульвар, 18/15.

Управление капитального ремонта и
строительства
Департамента инженерного
обеспечения
Правительства Москвы
113095, г. Москва,
ул. Малая Ордынка, д. 38.

Издательство «Отчий дом»
117049, г. Москва,
Крымский вал, д. 8.

Отпечатано с оригинал-макета
на Можайском
полиграфкомбинате
Комитета Российской Федерации
по печати
143200, г.Можайск, ул. Мира, 93.

г. Ярославль.
Впервые применил массовую консервацию пострадавших от обстрела и пожаров уникальных памятников архитектуры и фресковой живописи

1918

с. Болдино.
Впервые применил укрепление кирпичной кладки стен железобетонными связями вместо деревянных

1922

г. Москва.
Впервые поднял вопрос о широких государственных мероприятиях по спасению памятников деревянного зодчества.
Первым начал осуществлять организацию музея под открытым небом памятников деревянного зодчества в Коломенском.
Там же организовал сбор и хранение архитектурно-художественных элементов уничтожавшихся памятников архитектуры

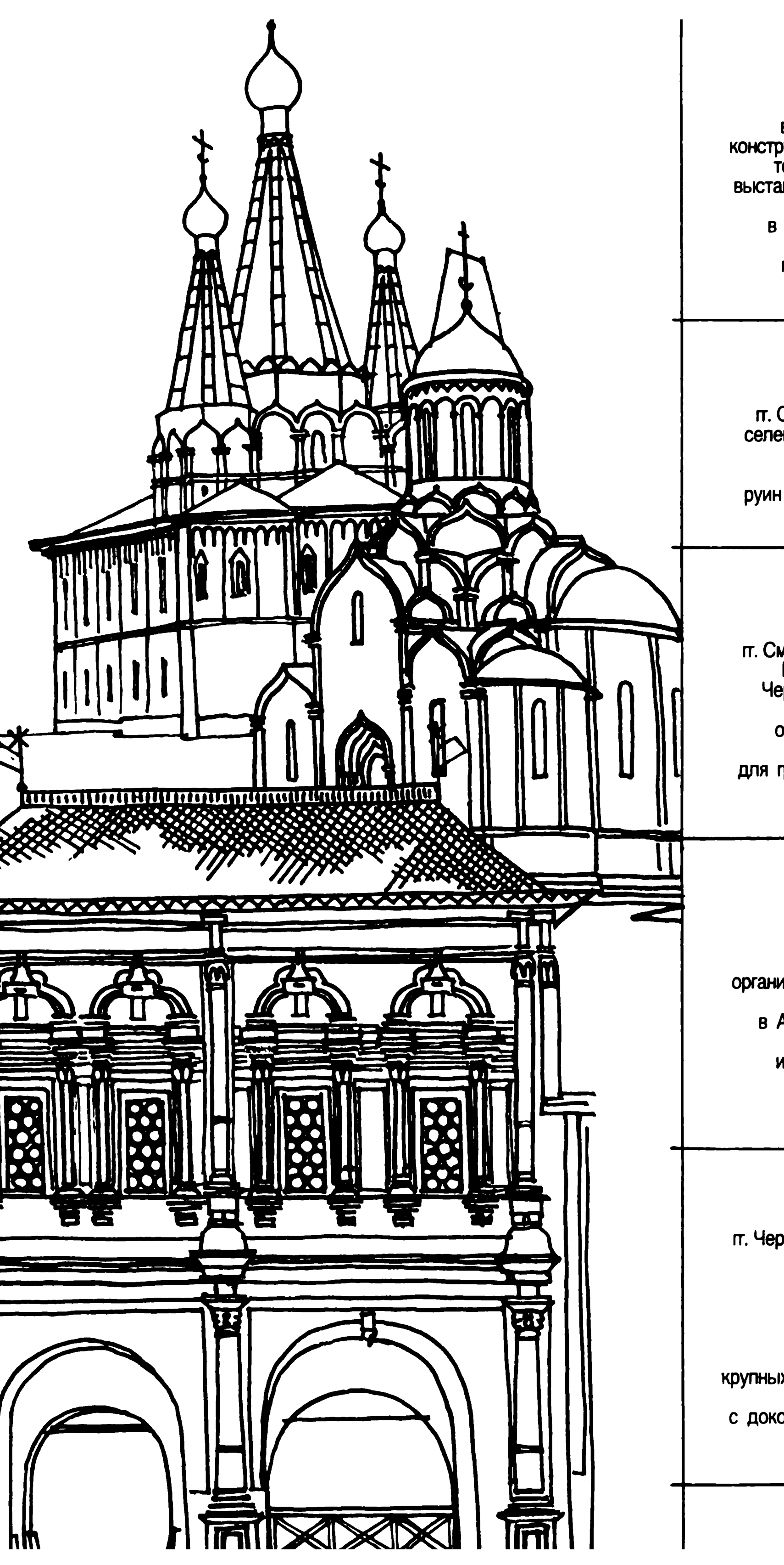
1922-
-1933

с. Болдино, г. Москва.
Первым открыл новый метод документального восстановления утраченных элементов декора на памятниках архитектуры путем наращивания сохранившихся в толще стен хвостовых частей кирпича

1923-
-1926

г. Москва.
Первым применил метод фрагментарной реставрации памятников архитектуры с целью наглядного показа ценности здания

1925-
-1928

с. Коломенское.
Первым организовал
в период доминирования
конструктивизма в архитектуре
тематическую постоянную
выставку "Техника и искусство
строительного дела
в Московском государстве"
с целью пропаганды
методов древних зодчих

1931

гг. Смоленск, Киев, Чернигов,
селение Лекит (Азербайджан).
Первым предложил
методы по консервации
руин памятников архитектуры.

1943-
-1947

гг. Смоленск, Псков, Новгород,
Юрьев-Польский, Вязьма,
Чернигов, Керчь, Феодосия.
Первым предложил
организацию комплексных
охранных зон
для групп памятников истории
и культуры

1945-
-1948

г. Москва.
Первым предложил
и обосновал проект
организации музея-заповедника
Андрея Рублева
в Андрониковом монастыре.
Провел исследования
и определил дату смерти
Андрея Рублева
и место его погребения

1947

гг. Чернигов, Псков, с. Болдино.
Первым предложил
и применил на практике
способ восстановления
взорванных памятников
методом сборки
из сохранившихся
крупных подлинных фрагментов
кирпичной кладки
с докомпоновкой недостающих
частей

1944-
-1956,
1962

Труды,
воспоминания
современников

Фонд П. Д. Барановского

Управление капитального ремонта и строительства
Департамента инженерного обеспечения
Правительства г. Москвы

Издательство « Отчий дом »